

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральный исследовательский центр
Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

В.Н. Лаженцев

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРА РОССИИ**

Сборник авторских статей по северо-арктической тематике

Сыктывкар 2022

Лаженцев В.Н. **Социально-экономические проблемы Севера России:** сборник авторских статей по северо-арктической тематике. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 296 с.

В сборнике представлены научные статьи по актуальным проблемам северных и арктических регионов, обусловленных неоднозначностью научных концепций их дальнейшего развития. Особое внимание автор обращает на модернизацию действующих здесь хозяйственных комплексов и укрепление их позиций в межрегиональной интеграции ради ускоренного развития производительных сил России. Типология экономико-географических систем отражает содержание территориально-отраслевых и районно-комплексных проблем и пути их решения с учетом экстремального и сложного климата. Показана пионерная роль академической науки в освоении и обустройстве северных и арктических территорий, определены некоторые направления использования результатов научно-исследовательских работ по северо-арктической тематике в государственном планировании и хозяйственной практике.

Lazhentsev V.N. **Socio-economic problems of the North of Russia.** Collection of author's articles on the North Arctic theme. Syktывkar: Federal Research Center Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022. – 296 p.).

The collection contains scientific articles on topical issues of the northern and Arctic regions, due to the ambiguity of scientific concepts for their further development. The author pays special attention to the modernization of the economic complexes operating here and the strengthening of their positions in interregional integration for the sake of the accelerated development of the productive forces of Russia. The typology of economic-geographical systems reflects the content of territorial-branch and district-complex problems and ways to solve them, taking into account the extreme and difficult climate. The pioneering role of academic science in the development and development of the northern and Arctic territories is shown, some directions for using the results of scientific research in state planning and economic practice are identified.

Содержание

От автора	5
Исторические подходы к формированию северо-арктической тематики экономических исследований	7
Формирование тематики изучения экономических проблем Севера России (к 300-летию Российской академии наук)	7
Социально-экономические исследования и политические аспекты развития северного региона (к 100-летию Республики Коми)	22
Направления научных исследований в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера	44
Методологические аспекты изучения северо-арктических хозяйственных систем	61
Хозяйство как объект исследований в системе общественных наук	61
Социально-экономическая география и междисциплинарный синтез в изучении Севера и Арктики России	82
Концепции и общественный характер развития Севера	94
Концепции и реальность социально-экономического развития северных территорий России	94
Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России	108
Социально-экономические проблемы Севера России	123
Социально-экономическая география и проблемы Севера	136
Север России: экономико-географические аспекты развития	136
Природно-ресурсная экономика и территориальная организация хозяйства Арктики и Севера России	151
Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России	166

Ориентиры развития экономики Севера: приоритет внутрироссийского рынка и межрегиональная интеграция	183
Северные регионы в системе внутренних и внешних отношений России	183
Арктика и Север в контексте пространственного развития России	194
Север и интеграция социально-экономического пространства (пример Северо-Запада России).....	215
Социально-экономические проблемы и академическая наука в Республике Коми	229
Социально-экономические проблемы Республики Коми на рубеже XX и XXI веков	229
О диверсификации экономической специализации Республики Коми	254
Академическая наука и новая индустриализация	277
Заключение	293

От автора

Поводом для составления данного сборника послужило желание автора объединить в одном издании свои публикации по актуальным проблемам Севера в связи с новыми ориентирами России на ускоренное развитие экономики с мобилизацией собственных интеллектуальных, материально-технических и финансовых ресурсов. Северо-арктическая тематика стала ныне особенно актуальной именно потому, что она встраивается в общую систему научно-исследовательских работ, направленных на создание внутрироссийских «сквозных» технологических и социально-экономических взаимосвязей по всем сферам хозяйственной деятельности. Повышение уровня самодостаточности внутреннего российского рынка для поступательного общественного развития страны – важнейший ориентир экономических исследований. Академическая наука на это обстоятельство постоянно обращала внимание, но его игнорировала государственная власть. Авторские научные статьи также ориентированы на умеренный оптимизм по поводу освоения арктических природных ресурсов ради валютной выручки; главная проблема заключается в выборе направлений и средств модернизации арктических и северных хозяйственных комплексов с их приспособлением к весьма сложным климатическим условиям.

В связи с приближающимся 300-летием Российской академии наук автор попытался скомпоновать свои публикации так, чтобы показать пионерную роль академической науки в определении экономической эффективности освоения природных ресурсов, разработке специфических норм жизнеобеспечения и правил хозяйственной деятельности применительно к различным северным и арктическим территориям. В настоящее время такая миссия науки актуализируется тем обстоятельством, что значительная часть производственных и социальных объектов Севера России физически и морально устарела; необходимо их заменить новыми типами предприятий, поселений и объектов инфраструктуры. В северном исполнении должна быть не только техника, но и территориально-хозяйственные комплексы, сформированные на новой научно-технологической основе.

Отдельно выделены статьи по вопросам социально-экономического развития Республики Коми, которая в 2021 г. отметила 100-летие своей государственности. Северная проблемность здесь наиболее ярко проявляется в сокращении численности населения, почти полной утрате сельскохозяйственных угодий, низком уровне воспроизводства природно-ресурсного потенциала, монопрофильности ряда городов и поселков, слабой диверсификации производства и в отсутствии интереса к

внедрению научно-технологических разработок. Как показано в статьях о диверсификации экономики республики и новой индустриализации, такого рода трудности можно преодолеть.

Автор полагает, что книжное издание (в отличие от отдельных статей в академических журналах) более доступно и удобно для многих читателей, а не только для научных работников.

Выражаю благодарность сотрудникам редакционно-издательского отдела: ведущему редактору О.А. Гросу (за ее кропотливый труд по редактированию данного сборника) и дизайнеру печатной продукции Е.Н. Старцевой.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ СЕВЕРО-АРКТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Формирование тематики изучения экономических проблем Севера России (к 300-летию Российской академии наук)¹

Показан опыт формирования тематики академических исследований по экономическим проблемам Севера России. Выделены те научные направления, которые отражают наиболее значимые тенденции развития северных и арктических регионов. Актуализирована тематика по оценке влияния экстремальных и сложных природных условий на жизнеобеспечение и хозяйственную деятельность. Подчеркнута возрастающая роль изучения мобилизационной экономики. Отмечены некоторые научно-организационные мероприятия в части северо-арктических исследований.

Ключевые слова: северо-арктическая тематика, этапы формирования, сравнительный анализ, возрастающая роль природных условий, мобилизационная экономика, научно-организационные вопросы.

V.N. Lazhentsev. Formation of the Subject of Study of Economic Problems of the North of Russia (to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences)

Abstract. The article shows the experience of forming the topics of academic research on the economic problems of the North of Russia. Those scientific provisions are formulated that reflect the most significant trends in the development of the northern and Arctic regions. Updated the subject of assessing the impact of extreme and difficult natural conditions on life support and economic activity. The growing role of the mobilization economy is emphasized. Some scientific and organizational activities in terms of North Arctic research are noted.

Keywords: north-arctic topics, stages of formation, comparative analysis, the growing role of natural conditions, mobilization economy, scientific and organizational issues.

Научная конференция «Эволюция академической экономической науки в России (Москва, ООИ РАН, 1–2 декабря 2021 г.) рассмотрела в историческом плане роль Российской академии наук в разработке па-

¹ Лаженцев, В.Н. Формирование тематики изучения экономических проблем Севера России (к 300-летию Российской академии наук) // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 4. – с. 159–168.

радиgm общественного развития и соответствующих экономических теорий. Наряду с макроэкономическими процессами обсуждались региональные аспекты формирования академических школ по изучению проблем размещения и преобразования производительных сил Северо-Запада, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В таком же ключе уместно проанализировать северо-арктическую тематику, имея в виду эволюцию ее становления и логику дальнейшего развития. Но при этом важно подчеркнуть, что в данной статье речь идет не о персоналиях и достижениях конкретных институтов, а только об общих тенденциях выбора исследовательских направлений на определенных этапах освоения и развития Севера России ².

Актуализация северо-арктической тематики. 300-летняя история Российской академии наук неразрывно связана с развитием и размещением производительных сил страны, планомерным подключением к национальной экономике природно-ресурсного, социального и духовного потенциалов северных и восточных территорий. Север России, включая ее Арктическую зону, изучался «широким академическим фронтом». Но были и приоритеты: улучшение качества жизни малочисленных народов; Северный морской путь; ресурсы оленеводства, лесного и сельского хозяйства; геология и разведка полезных ископаемых. В настоящее время приоритетной является социально-экономическая оценка природных характеристик Севера с изучением стоимостных параметров воспроизводства национального богатства и общественного продукта в границах конкретных природно-хозяйственных комплексов. Для этого потребуется осмыслить геосистемные теории применительно к социально-экономическим процессам. Именно в данном аспекте Север, в первую очередь Арктика, мог бы стать полигоном природно-хозяйственного направления академической науки. Здесь взаимосвязь природы и хозяйства проявляется наиболее ярко и весьма четко опосредована научно-техническим прогрессом.

Проекция результатов экспедиционного изучения Севера на современную действительность. Предметная сущность современной северо-арктической тематики во многом предопределяется практическими и научными достижениями прошлых лет. Попытаемся это показать, опираясь на исторические труды [6–9].

Научно-аналитические материалы академических экспедиций отражают одну важную закономерность, а именно – естественный ход

² Достижения отдельных экономических институтов РАН, расположенных на Севере России, и их лидеров освещены в специальных, как правило, юбилейных изданиях (см., напр., [1–5]). Об этом в статье не говорится, но предлагается извлеченный из указанных и ряда других печатных изданий порядок формирования направлений научно-исследовательских работ, насколько они обусловлены общим вектором развития экономической науки и конкретными социально-экономическими обстоятельствами разных периодов освоения и обустройства Севера.

социально-экономического развития Севера и образование здесь историко-культурных очагов относительно устойчивой жизнедеятельности, как частей единого государства (страны), более значимы, чем те аспекты внутрисредней колонизации, которые обусловлены лишь потребностями национальной и мировой экономики в сырьевых ресурсах, также стремлением получить сверхприбыль³. Участники экспедиций фиксировали, прежде всего, быт и культуру местного населения, его хозяйственные навыки. Член-корреспондент РАН А.В. Головнев на основе исторических материалов и наблюдений собственной экспедиционной работы выделил четыре сферы культуры северных этносов: производственную, жизнеобеспечения, соционормативную и гуманитарную [10]. Все это неотделимо от природы и составляет первооснову местного хозяйства, развитие которого должно оставаться в поле зрения современных исследователей-экономистов.

Исторический опыт подтверждает, что отдельные хозяйственные акции по освоению природных ресурсов, например, хождение за пушниной и золотом, не формируют общих основ освоения новых территорий и их обустройства. Такие основы создавались транспортным строительством и сельским хозяйством. Этот факт для настоящего времени примечателен тем, что, при наличии в России политических доктрин фронтального освоения Арктики, именно сельское хозяйство предарктических таежных территорий оказалось в разрушенном состоянии, а транспортная тематика «запуталась» во множестве вариантов железнодорожного строительства.

Анализ исторических материалов для экономистов-исследователей интересен также в плане оценки влияния экстремальных ситуаций на социальные практики. По разным причинам северяне нередко были вынуждены возвращаться к полунатуральному или полностью натуральному хозяйству, когда естественные товарно-денежные отношения прерывались и начинала действовать логика самовывживания. О таком опыте пришлось вспомнить в 1990-е гг., экстремальность которых обусловлена

³ В контексте финансовой тематики представляет интерес историческая оценка соотношения государственного и частного капиталов, которую по состоянию конца XVIII – начала XIX вв. применительно к северным проектам дал член-корреспондент РАН В.А. Ламин. Он пишет: «Отечественные коммерсанты и предприниматели, первую генерацию которых Петр I взращивал за счет государственной казны, и спустя сто лет по-прежнему были государственными пестунами. Вследствие неистребимой жадности жить в роскоши, по-царски, тратя на себя непозволительно большую, губительную для дела долю прибыли, они не располагали сколь-нибудь значительным оборотным капиталом, достаточным для реализации крупных торгово-предпринимательских проектов. Всякий раз, когда возникала необходимость в такого рода средствах, они обращались к государственной казне с бесстыдно протянутой рукой за привилегиями, льготами и прямой финансовой поддержкой» [8, с.38]. Такая история продолжается и поныне, что особенно ярко проявляется в формировании инвестиций в арктические проекты.

так называемыми рыночными реформами⁴. Социальная практика тех лет как бы подтвердила правомерность политико-экономических учений в духе «экономической инволюции», когда отдельные общественные группы замыкаются в самих себе и отгораживаются от государства [11]⁵. В настоящее время обращение к экономической оценке экстремальных условий желательно, хотя бы ради страховки, в том числе с применением методов сценарного прогнозирования.

Этапы стационарного изучения социально-экономических проблем Севера России

На основе опыта работы северных экономических институтов РАН выделим три этапа в формировании их тематики, каждый из которых определенным образом соотносится с проводимыми ныне научными исследованиями.

Этап предплановых обоснований крупных народнохозяйственных проектов. Основная часть крупных производственных проектов 1930–1970 гг. была создана и реализована «по лекалам» АН СССР с участием ее северных филиалов. Это относится к формированию Северного морского пути, Кольско-Карельского, Норильского и Северо-Восточного горно-металлургических комплексов, Северной угольно-металлургической базы, Мурманского рыбопромышленного комплекса, Архангельского, Сыктывкарского и Южно-Карельского лесопромышленных комплексов, Тимано-Печорского, Западно-Сибирского, Нижне-Ангарского, Братского и Южно-Якутского ТПК⁶.

Технико-экономические обоснования, выполняемые академическими организациями, касались строительства не только основных пред-

⁴ В ряде сельских районов Республики Коми личное подсобное хозяйство в те годы стало основным и похожим на хозяйство крестьянина-единоличника (лошадь, корова и другие домашние животные, производственный инвентарь, семейный труд): сбор грибов и ягод – не «тихая охота» в удовольствие, а средство продовольственного самообеспечения и получение не большого денежного дохода. Не в шутку, а всерьез сообщалось о «переходе на подножный корм». Значительная часть городского трудоспособного населения стала заниматься челночной торговлей, извозом и мелкотоварным (кустарным) производством.

⁵ Анализ социально-экономических трансформаций 1991–2000 г. выполнен на материалах социологических наблюдений в Республике Коми в рамках российско-американского научно-исследовательского проекта «Экономическая инволюция в России» под руководством Майкла Буравого, профессора Калифорнийского университета (Беркли, США) совместно с сотрудниками Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

⁶ Примером технико-экономического подхода в академических исследованиях является работа творческой бригады под руководством академика И.П. Бардина, которая доказала целесообразность размещения крупного металлургического комплекса в г. Череповце, как центре пересечения кольско-карельских железных руд и воркутинских коксующихся углей. К высокому качеству череповецкой стали было «привязано» производство подшипников в Вологде и электротехнического оборудования в Ленинграде.

приятый, но и вспомогательных и обслуживающих, а также производственной и социальной инфраструктуры, в итоге – промышленных узлов и территориально-хозяйственных комплексов. При этом разрабатывались районные балансы трудовых, земельных, водных, энергетических, строительных и продовольственных ресурсов. Все это нашло отражение в теории формирования производственно-территориальных комплексов (ПТК Колосовского) и районно-производственного проектирования (конценты Пробста).

Должна ли Российская академия наук следовать своему историческому опыту? Это не риторический вопрос; он не имеет однозначного ответа, хотя бы потому что соотносится с изменившимся статусом самой академии, ее региональных отделений и центров. Кроме того, многое зависит от организации и состояния всей системы НИОКР, которая после реформаторской разрухи все еще не восстановлена. Надежды на фирменную науку зачастую не оправдываются, особенно в части освоения тех ресурсов, которые необходимы национальной экономике по балансовым соображениям, но не бизнесу с его ориентацией на быструю прибыль.

Этап трансляции общих экономических теорий для решения проблем Севера. Результативность стационарных исследований в значительной мере предопределялась умением использовать общие теории в решении конкретных задач социально-экономического развития северных регионов. Выше приведен пример «экономической инволюции», который можно дополнить теориями интеграционного общества, философии сотрудничества, режимов общественного воспроизводства, экономической социодинамики, социального кластеризма и другими необходимыми для понимания закономерностей развития регионов. На формирование северо-арктической тематики НИР наиболее явно прослеживается влияние научных концепций и теорий народнохозяйственной эффективности капитальных вложений, порайонной организации производительных сил, программно-целевых ПТК, экономического федерализма, разнообразия форм собственности и смешанной экономики, территориального хозяйствования.

В трансляции общих экономических теорий зачастую отсутствует их критическая оценка с учетом местной конкретики. Классические экономические постулаты, как правило, воспринимаются в качестве неоспоримой истины, но практика хозяйственной деятельности не всегда подтверждает их «руководящую роль». Более того, на региональном уровне не проявляются те причинно-следственные связи, которые характерны только для национальной или мировой экономики, послужившей основой для теоретических обобщений. Не исключено, что совокупность местных обстоятельств может существенно повлиять на содержание экономических теорий не только на региональном уровне.

Этап разработки «собственных» гипотез и теорий для формирования северо-арктической тематики. Заслуга члена-корреспондента РАН Г.П. Лузина состоит в том, что ему удалось дополнить «технико-экономический» и «трансляционный» аспекты исследовательской северной тематики теоретическим и концептуальным содержанием. Во введенных им в научный оборот понятиях «экономика северного измерения» и «экономический порядок» заключена идея совмещения механизма функционирования экономических и социальных систем Севера с экстремальными и сложными природными условиями. Это нашло отражение в ряде публикаций Г.П. Лузина ⁷, а главное – в созданном им научно-информационном журнале «Север и рынок: формирование экономического порядка».

Далее отметим попытку сформировать теоретико-методологический аспект северо-арктической тематики с целью поиска рациональной технологии ее исполнения. Рекомендовано использовать «встречное движение». С одной стороны, расположены характеристики северности (климатический дискомфорт, периферийность, высокий природно-ресурсный потенциал, этничность) и их управленческие вызовы (северное удорожание, разреженное экономическое пространство, сырьевая специализация, экстерриториальное поведение ресурсных корпораций, деформированный механизм изъятия рентных доходов, ослабление этнокультурной идентичности). С другой – методы регионального управления (диагностика, экспертиза, исчисление и распределение природно-ресурсной ренты, ресурсная трансформация, самоуправление коренных народов). На место «стыка» движения этих двух сторон можно ставить различные объекты исследования, например, северные социумы, территориально-отраслевые и межотраслевые комплексы, производственные и социальные кластеры, домашние хозяйства, конкретный бизнес, нормы хозяйственной деятельности и т. п.

Этот методологический подход к формированию северо-арктической тематики предложен почти 15 лет назад [14], опубликован в «Вестнике РАН» [15], но в целом он до сих пор не реализован. По-видимому, из-за отсутствия комплексного научно-исследовательского проекта с единой методикой его исполнения. Данный недостаток относится и ко многим другим «заделам» по проблемам экономики Севера России, где обозначены теоретические и методологические положения в части научного поиска, но они не оформлены в исследовательские проекты.

Структурные сдвиги в тематике экономических исследований

Придерживаясь рубрикации исследовательских направлений, указанных в таблице, отметим главные изменения в трактовке их содержания.

⁷ Их анализ выполнили к.э.н. Е.П. Башмакова [12] и д.геогр.н. А.Н. Пилясов [13].

Структура тематики статей в трех периодических изданиях по социально-экономическим проблемам Севера России, %⁸

№	Тематика статей	Проблемы Севера (1958–1983 гг.)	Арктика: экология и экономика (2011–2021 гг.)	Север и рынок: формирование экономического порядка (2005–2021 гг.)
1	2	3	4	5
1	Принципы, концепции, стратегии	1,7	5,7	12,6
2	Научно-экспериментальная деятельность, технические и технологические инновации	3,8	19,8	9,4
3	Население, труд, адаптация к природным условиям, качество жизни	30,1	23,7	16,4
4	Природно-ресурсная экономика В том числе: -недра и горная промышленность, -биоресурсы суши и северных морей, сельское и лесное хозяйство, оленеводство, рыболовство и промыслы	29,4	24,2	16,7
		8,7	15,7	10,3
		20,7	8,5	6,4
5	Инфраструктура (транспорт, связь, стройиндустрия, объекты защиты от природных бедствий)	23,7	18,7	10,9

⁸ В 1958–1983 гг. Комиссия по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил АН СССР издавала сборники статей (в журнальном формате) «Проблемы Севера». Первым главным редактором был академик Д.И. Щербаков. 23 выпуска были посвящены различным аспектам северо-арктической тематики, главным образом – экономическим. В них нашли отражение позиции советской академической науки относительно теории и практики освоения и обустройства северных территорий. Основоположниками данного академического направления были С.В. Славин и Г.А. Агранат при активном участии В.Ф. Бурханова, Г.И. Граника, В.П. Логинова, В.Ф. Пузановой и ряда других экономистов-исследователей.

Учредителем журнала «Арктика: экология и экономика» является Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем безопасного развития атомной энергетики Российской академии наук (ИБРАЭ РАН). Главный редактор журнала академик А.А. Саркисов.

Учредителем журнала «Север и рынок: формирование экономического порядка» является Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук». Основан в 1998 г. первым директором Института экономических проблем Кольского научного центра РАН чл.-корр. РАН Г.П. Лузиным. Главный редактор журнала д.э.н. С.В. Федосеев.

Окончание табл.

1	2	3	4	5
6	Финансы и инвестиции, хозяйственные отношения, нормы и правила экономического поведения	-	2,0	19,5
7	Зарубежный опыт	1,9	2,6	4,5
8	Комплексное развитие регионов	9,4	3,3	10,0
9	Итого	100,0	100,0	100,0
10	Всего учтенных статей, ед.	425	459	1316

Источник: расчеты автора.

От простых и ясных концепций к сложным, с большой мерой неопределенности. «Принципов, концепций и стратегий» со временем становится все больше, правда, они менее понятны в практическом плане. Наряду с попытками изобразить Арктику в благополучном мировоззренческом аспекте⁹, фиксируется напряжение и озабоченность всей совокупностью угроз, сосредоточенных в АЗРФ, с правомерной критикой существующего беспорядка в ее управлении, вплоть до идеи «другой Арктики» [17].

Многообразие точек зрения на судьбы арктических и других северных территорий, безусловно, надо систематизировать для правильного принятия практических решений, но целесообразней это делать с проекцией на «специфику каждого ареала активной жизнедеятельности» (по Славину [18]) или, как написано в одной из современных публикаций, – на экономику арктических «островов» [19].

От техники в северном исполнении к всеобъемлющему инновационному развитию. В «Проблемах Севера» тематика «научно-экспериментальная деятельность, технические и технологические инновации» ограничивалась, в основном, вопросами техники в северном исполнении. Благодаря целенаправленному экономическому анализу дополнительных затрат и потерь от эксплуатации стандартной техники, не приспособленной к жесткой погоде, были разработаны и внедрены технические новшества, во многом устранившие этот недостаток. Более того, созданы типы машин и механизмов, эффективно работающих в любых природных условиях, от тропических до арктических.

Ныне актуальность научно-технических работ сместилась в сторону самой науки и технологических инноваций, поскольку вся совокупность НИОКР стала играть решающую роль в освоении и обустройстве

⁹ Так, профессор Ю.Ф. Лукин пишет: «Социокультурное пространство Арктики – это ноосфера знаний, истины, добра и красоты, толерантности и солидарности, этнокультурный ландшафт. Это часть глобального геокультурного и психологического поля Земли, откуда могут исходить потоки как позитивной, так и негативной энергии» [16, с.15].

территорий и рассматриваться как один из основных видов экономической деятельности, а применительно к Арктике – в качестве своего рода новой индустрии [20]. Ориентиром для экономистов-исследователей, участвующих в северо-арктических программах, является системный подход к целенаправленному и согласованному использованию результатов естественных и общественных наук [21].

От количества рабочей силы к качеству труда и высокому уровню жизни с адаптацией населения к суровому климату. В структуре публикаций по северо-арктической тематике вопрос жизнедеятельности и организации труда в условиях климатического дискомфорта в советские годы был одним из основных, даже с более высокой долей публикаций, чем в настоящее время. Однако есть нюансы. В силу секретности сведений о труде ссыльных и спецпереселенцев, экономические аспекты обеспечения трудовыми ресурсами северных новостроек и производств в советские годы не нашли должного освещения в научных изданиях. Лишь десятилетия спустя, перемены в данной социально-политической практике стали освещаться как «от принуждения к поощрению» [22].

В настоящее время тематика «население и труд» нацелена на то, чтобы снизить уровень общей перенаселенности регионов Севера, но в то же время увеличить численность квалифицированных трудовых ресурсов. Недостаток рабочих мест, требующих инженерных знаний и высокого уровня организации труда, является одной из основных причин социально-экономического неблагополучия Севера России.

Отрицательная демографическая динамика в северных регионах обусловлена не только климатическим дискомфортом. Но влияние климата на организацию жизнедеятельности желательно изучать в первую очередь, поскольку оно связано с дополнительными издержками на строительство и производство, а главное – со здоровьем людей. Если принять во внимание возрастающее значение экономической климатологии, то можно предположить, что одной из самых перспективных станет тематика «природа и люди».

От единичных природных ресурсов к их территориальным сочетаниям. В данном направлении исследований существенной является связь между способами добычи и переработки полезных ископаемых, с одной стороны, и формами территориальной организации производства – с другой. Если правильно увязать производство и расселение населения, то можно укрепить ареалы длительного и относительно устойчивого хозяйства, включающего освоение месторождений полезных ископаемых разной размерности. В данном случае ориентиром для экономической науки являются проблемы организации комплексных ресурсно-сырьевых компаний, способных на основе универсальных технологий осваивать «разнопрофильные» месторождения и обустраивать территорию по единому плану. Аналогичная ситуация отмечается и в лесном секторе экономики, где рационально комплексное освоение

таежных ресурсов на базе опорных поселений и вахты на удаленных территориях.

Порайонный метод организации природно-ресурсной экономики несколько смягчает проблему ее колебательной (возрастающей и затухающей) динамики, но не устраняет ее. Возможно, академик В.А. Крюков прав в том, что современная экономика знаний, развитая инфраструктура создают условия для перехода ранее считавшихся «бесперспективными» сырьевых территорий на стадию растущей добычи полезных ископаемых [23]. Но при этом надо принять во внимание разрыв во времени между затуханием и новым ростом. Такого рода не устойчивая динамика, как показывает пример Республики Коми и Магаданской области, десятилетиями пагубно влияет на социально-экономическое состояние северных регионов [24, 25]. Это обстоятельство обуславливает необходимость определять приоритеты в региональном развитии с возможным выдвиганием на первый план биоресурсной экономики, более устойчивой по сравнению с минерально-сырьевой.

От множества прожектов к реальным проектам создания объектов инфраструктуры. Позиция инфраструктурной тематики, как видно из таблицы, существенно понизилась¹⁰. Данный факт говорит о концентрации академической науки на решении конкретных проблем функционирования Северного морского пути, наземного транспорта, авиации, оптико-волоконной и космической связи. Вопросы транспорта конкретизируются и в том случае, когда комплексно, в единой программе, рассматривается развитие портово-промышленных узлов арктического побережья, морского флота, речного судоходства, трубопроводных и дорожных подходов к грузовым терминалам.

От единого государственного финансового плана к разветвленным, зачастую не пересекающимся, денежным потокам, связанным с реализацией северных проектов. Обратим внимание на отсутствие статей в «Проблемах Севера» по финансам, инвестициям и хозяйственным отношениям, которые в журнале «Север и рынок...» занимают пятую часть от всех публикаций. В годы плановой экономики академическая наука предполагала, что обоснованные стратегии и проекты государство деньгами обеспечит, а потому этот вопрос можно не изу-

¹⁰ Прожектов стало меньше, но неопределенность по-прежнему присутствует. Примером тому служит «конкуренция» между проектами железных дорог «Белкомур» и «Баренцкомур». Первое направление (Архангельск – Сыктывкар – Соликамск) имеет проектно-сметную документацию и подготовленную трассу прокладки, его реализацию ожидали сотни тысяч жителей Архангельской области, Республики Коми и Пермского края. Но ради газовой и общей арктической конъюнктуры его заменили другим проектом (Сосногорск – Индига), не имеющим пока должного технико-экономического обоснования. Можно допустить, что аналогичная ситуация возникнет и в отношении предполагаемых железных дорог «Северо-Сибирская магистраль» (параллельно Транссибирской магистрали от Ивделя до Тайшета) и «Северный широтный ход» (Салехард – Игарка). Оценка экономической целесообразности транспортного строительства будет более объективной, если академические институты сами займутся научным обоснованием конкретных проектов.

чать. Приоритетной была тематика, как эффективней использовать выделенные финансовые ресурсы. Напротив, в условиях рыночной экономики вопрос: «Кто будет платить?» – стал одним из актуальных. Особо проблемными стали финансовые взаимоотношения в системе «государство – корпорации – регионы».

От освещения зарубежного опыта освоения северных территорий к извлечению положительных примеров в преодолении трудностей и угроз. Взаимный обмен информацией между зарубежными и отечественными исследователями экономики Севера всегда был полезен, особенно в вопросах о его границах, а в последние годы – в связи с активизацией изучения Арктики. Заметим, что существенно возросло внимание зарубежной науки к российским арктическим проблемам [26, 27]. Общей тенденцией в северо-арктической тематике является усиление гуманитарных и экологических исследований, а также более основательная экономическая оценка климатических изменений.

От объемных разрозненных показателей развития экономики северных регионов (чем больше, тем лучше) к сбалансированному развитию и межрегиональной интеграции («лучше меньше, да лучше», или «хорошее качество важнее большого количества»). Формирование проблемного поля экономических исследований конкретных северных регионов постепенно смещается в сторону качества жизни, высокой производительности труда, эффективности межрегионального товарного обмена и межрегиональных инфраструктурных проектов. Такого рода смещения в научном обосновании комплексного развития регионов пока слабо улавливаются практикой стратегического планирования, когда ориентиром на будущее все еще остается сложившаяся структура производства, внутренний региональный продукт, простой рост инвестиций и численности занятых.

О мобилизационной экономике

Здесь не идет речь о мобилизации военно-политического характера, а только лишь о специальных методах решения народнохозяйственных проблем, возникающих под влиянием экстремальных ситуаций. Такая ситуация отмечается, например, в высоком уровне износа основных производственных фондов и жилищно-коммунального хозяйства. Поэтому вполне допустимо принудительное для крупных предприятий формирование инвестиционных счетов на основе амортизации и части валютной выручки, их целевое использование на модернизацию производства и инфраструктуры. Иначе потенциальные инвестиционные ресурсы и дальше будут использоваться не по назначению. Мобилизационный подход допустим также, когда возникает необходимость перемещения или консервации некоторых производств, в деле проектирования и строительства жилых комплексов арктического типа; при восстановлении сельскохозяйственных земель и, возможно, при других

обстоятельствах. Все актуальней становится эвакуационный принцип исполнения программ переселения из районов Крайнего Севера.

Научно-организационные особенности

Ряд особенностей социально-экономического развития Севера России относится и к самой науке. В первом приближении их можно представить следующим образом: возвращение на новой организационной основе к экспедиционному методу изучения арктической экономики с формированием академических научных бригад; создание научно-исследовательских стационаров (вахт) с включением экономической и гуманитарной тематики; регламентация дистанционной работы научных сотрудников северных институтов; разработка институтами совместно с правительствами «своих» регионов открытых тематических планов («темников») по поисковым направлениям исследований, доступных для участия научных работников любых других регионов; оформление научно-исследовательских проектов с тематической интеграцией северных и головных академических институтов.

Эволюция изучения проблем развития экономики в условиях высокоширотных зон России отражает смену содержания самих проблем. Наряду с научным обоснованием «что и как осваивать?» актуальными становятся проблемы неудовлетворительного состояния сформированных здесь хозяйственных комплексов. Их развитие становится все более проблематичным как в системе мировой и национальной экономик, так и с точки зрения неопределенности перспектив конкретных предприятий, городов и районов. Поэтому современная исследовательская проблематика академических институтов, расположенных на Севере, постепенно перемещается с освоения территорий «вширь» на освоение «вглубь», т.е. на модернизацию давно действующих производств и объектов инфраструктуры. Пришло время, когда основное внимание необходимо уделить реконструкции систем расселения населения и транспорта, новым отраслям промышленности, возрождению сельского и промыслового хозяйства с пониманием возрастающего значения природного фактора общественного развития.

Благодарность

За ценную информацию о научно-исследовательской работе северных институтов, использованную при подготовке данной статьи, автор признателен своим коллегам: Н.В. Гальцевой (Магадан), Ф.Д. Ларичкину и Л.А. Рябовой (Апатиты), Т.В. Морозовой (Петрозаводск), И.Г. Бурцевой (Сыктывкар).

Литература

1. Егоров, Е.Г. Развитие экономической науки в Республике Саха (Якутия) в условиях переходного периода / Е.Г. Егоров, Т.О. Едисеева // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2009. – Т. 113, № 3. – С. 128–141.
2. Арктика в исследованиях Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Карельского НЦ РАН: тридцать лет научного поиска. Информационно-справочный обзор деятельности ИЭП Карельского НЦ РАН в области социально-экономических исследований Арктики за 1986–2016 гг. / отв. ред.: к.э.н. Л.А. Рябова, к.э.н. Е.П. Башмакова. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2017. – 251 с.
3. Хохлов, С.К. Академическая наука в Карелии: люди, события, факты / С.К. Хохлов, Ю.А. Новикова; отв. ред.: А.Ф. Титов, О.Н. Бахмет. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. – 122 с.
4. К 30-летию Вологодского научного центра РАН. Спец. вып. / В.Н. Лаженцев. – Вологда: Вол. НЦ РАН, 2020. – 161 с.
5. Лаженцев, В.Н. Направления научных исследований в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера / В.Н. Лаженцев // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2018. – № 4. – С. 102–110.
6. Бровина, А.А. Академия наук СССР и индустриальная модернизация страны: исторический опыт освоения преарктических территорий России (1920–1930-е годы) / А.А. Бровина // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 7. – С. 57–65. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.7.26605.
7. Рощевский, М.П. Печорская бригада академика А.П. Карпинского / М.П. Рощевский, Л.П. Рощевская, А.А. Бровина. – Сыктывкар, 2015. 646 с. – (Коми научный центр Уральского отделения РАН).
8. Траектории проектов в высоких широтах / под ред. Ю.В. Неелова, А.В. Артеева, В.А. Ламина, С.Е. Алексеева, В.Ю. Малова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 440 с.
9. Континент Сибирь / под ред. В.А. Крюкова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – 454 с.
10. Головнев, А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А.В. Головнев. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
11. Буравой, М. Великая инволюция: реакция России на рынок / М. Буравой // На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития. Труды Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2003. – № 168. – 208 с.
12. Башмакова, Е.П. Экономика северного измерения России: история становления нового научного направления / Е.П. Башмакова // Вестник Кольского научного центра РАН. – 2010. – № 1. – С. 114–119.
13. Пилясов, А.Н. Феномен арктической школы региональных исследований. Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН / А.Н. Пилясов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2016. – № 4. – С. 21–32.

14. Дмитриева, Т.Е. Опыт полиструктурного представления и изучения северности / Т.Е. Дмитриева // Системы географических знаний. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2008. – С. 28–32.
15. Лаженцев, В.Н. Коми научный центр УрО РАН: 60 лет социально-экономических и энергетических исследований / В.Н. Лаженцев // Вестник РАН. – 2009. – Т. 79, № 12. – С. 1107–1112.
16. Лукин, Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография. – Архангельск: ИПЦ Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2013. – 281 с.
17. Лексин, В.Н. Другая Арктика: опыт системной диагностики / В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 1. – С. 34–44. DOI: 10.47711/0868-6351-190-34-44.
18. Второй пятилетний план развития народного хозяйства. Т. 2. План развития районов. – Москва, 1934. – С. 252–254.
19. Пилясов, А.Н. Экономика арктических «островов» (на примере Ненецкого и Чукотского автономных округов) / А.Н. Пилясов, Н.В. Гальцева, Е.А. Атаманова // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, Вып. 1. – С. 114–125.
20. Лаверов, Н.П. О вкладе Российской академии наук в современное освоение и развитие Арктики / Н.П. Лаверов // Арктика: экология и экономика. – 2014. – № 1. – С. 4–9.
21. Некипелов, А.Д. Перспективы фундаментальных научных исследований в Арктике / А.Д. Некипелов, А.А. Макоско // Арктика: экология и экономика. – 2011. – № 4. – С. 14–21.
22. Фаузер, В.В. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению. Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. Электронный научный журнал. – 2015. – № 3. – С. 151–168.
23. Крюков, В.А. Сырьевые территории в новой институциональной реальности / В.А. Крюков // Пространственная экономика. – 2014. – № 4. – С. 26–60. DOI: 10.14530/se.2014.4.026-060.
24. Лаженцев, В.Н. О диверсификации экономической специализации Республики Коми / В.Н. Лаженцев // ЭКО. – 2020. – № 12. – С. 8–37. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020 12-8-37.
25. Гальцева, Н.В. Социально-экономическое развитие Магаданской области: ретроспективный анализ (1990–2018 гг.) / Н.В. Гальцева, О.С. Фавстрицкая, О.А. Шарьпова // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. – 2020. – № 1. – С. 94–106. DOI: 10.34078/1814-0998-2020-1-94-106.

26. Pilkington, H. Vorkuta is the capital of the world: people, place, and the everyday production of the local / H. Pilkington // *The Sociological Review*. – 2012. – Vol. 60, No. 2. – Pp. 267–291. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2012.02073.x>.
27. *Sustaining Russia's Arctic Cities. Resource Politics, Migration and Climate Change* / Ed. by Robert W. Orttung. – NY: Berghahn Books, 2016. – 254 p.

Социально-экономические исследования и политические аспекты развития северного региона (к 100-летию Республики Коми)¹¹

Показано становление и развитие социально-экономических исследований на северной периферии. Отражена роль экономической науки и регионального управления в освоении территорий со сложными природными условиями. Во времена капиталистической колонизации, социалистического планового хозяйства, революционного реформирования и формирования рыночных отношений научные рекомендации в части форм организации производства и совершенствования хозяйственного механизма властью, как правило, не воспринимались своевременно и должным образом. Но тем не менее, как отражено в статье, все научные концепции и теории, хотя и с опозданием, так или иначе влияли (и влияют) на жизнедеятельность населения дальних регионов, но наиболее явно – теории первоначального накопления капитала, социалистического накопления, мобилизационной экономики, порайонной организации производительных сил, экономического федерализма, разнообразия форм собственности и смешанной экономики, территориального хозяйствования. Наука формирует теоретический базис для объективно обусловленных социальных преобразований, который служит ориентиром ускоренного развития производительных сил и роста народного благосостояния. Однако политическая деятельность нередко оказывается на совершенно противоположных позициях, предпочитая ломку сложившихся хозяйственных отношений в ущерб общественным интересам. С другой стороны, сама социально-экономическая действительность и различные обстоятельства жизни подсказывают необходимость введения в науку новых теоретических положений, соответствующих цикличности рыночной экономики, разнообразию ее форм и экстремальным политико-экономическим ситуациям. При этом существенное значение приобретает опыт формирования хозяйственных отношений в различных регионах, который рекомендовано учитывать во всей проблематике исследований национальной и мировой экономики.

Ключевые слова: экономическая мысль, революционное реформирование, эволюционные предпочтения, формирование экономических теорий, практика государственного управления, северная периферия, Республика Коми.

¹¹ Лаженцев, В.Н. Социально-экономические исследования и политические аспекты развития северного региона (к 100-летию Республики Коми) / В.Н. Лаженцев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 67–82. DOI:10.15838/<http://esc.vsc.ac.ru/article/28948/full>

V.N. Lazhentsev. Socio-Economic Studies and Political Aspects of Developing the Northern Region (to the Centenary of the Komi Republic)

Abstract. In this work, we show the formation and development of socio-economic studies in the northern periphery. The authors reflect the role of economic science and regional management in the development of territories with difficult natural conditions. During the time of capitalist colonization, socialist planned economy, revolutionary reform and the formation of market relations, scientific recommendations, regarding the forms of organizing production and improving the economic mechanism by the authorities, as a rule, were not received properly and on time. Nevertheless, as shown in the article, all scientific concepts and theories, despite a delay, somehow influenced (and are influencing) vital activity of the population of distant regions, but especially it influences the theory of initial capital accumulation, socialist accumulation, mobilization economy, regional organization of productive forces, economic federalism, a variety of forms of ownership and mixed economy, territorial management. Science forms the theoretical basis for objectively determined social transformations, which serves as a reference point for the accelerated development of productive forces and the growth of people's well-being. However, political activity often ends up in completely opposite positions, preferring to break existing economic relations to the detriment of public interests. On the other hand, the very socio-economic reality and various circumstances of life suggest the need to introduce new theoretical propositions into science, corresponding to the cyclical nature of the market economy, the diversity of its forms, and extreme political and economic situations. At the same time, the experience of the formation of economic relations in various regions is gaining significant importance that is recommended to consider in the entire problematics of research of the national and world economy.

Keywords: economic thought, revolutionary reform, evolutionary preferences, the formation of economic theories, the practice of public administration, the northern periphery, the Komi Republic.

Введение

Статья написана в связи со 100-летием Республики Коми. Автор попытался ответить на вопрос: в какой мере известные экономические теории и политика российских правительств оказывали влияние на жизнь и хозяйство северной периферии в периоды радикальных преобразований и эволюционного развития? Исторический подход к поиску ответа на данный вопрос позволил увидеть в прошлом некоторые аналоги для настоящего времени и тем самым актуализировать проблематику политических и экономических отношений по линии «Центр – Регион».

Цель статьи – показать необходимость специальной аналитической работы по поводу соответствия (или несоответствия) между практикой экономических преобразований и теориями общественного развития.

При написании статьи, кроме литературных источников, автор использовал годичные отчеты Российской академии наук и Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

Научное обоснование развития экономики России: дореволюционный опыт и революционная альтернатива

Дореволюционный опыт. Передовая русская экономическая мысль конца XIX – начала XX вв. была сосредоточена в основном на теории социального реформирования, проблемах преобразования сельского хозяйства и развития промышленности с обоснованием возможности выхода России на передовые рубежи мировой экономики. Реализация идей, сочетающих общественное, аграрное и индустриальное развитие, считалась возможной при различных политико-экономических преобразованиях: 1) без изменения основ реформируемого строя; 2) с постепенным изменением таких основ; 3) с быстрым их преобразованием революционным путем. Многие российские авторы социальных и экономических теорий исходили из учения К. Маркса, а некоторые соглашались с ним в той части, которая касалась объективных закономерностей смены капиталистического общества социалистическим [1]. Известные же в мировом научном сообществе экономисты-исследователи придерживались позиции, которую кратко сформулировал П.Б. Струве: «Чтобы выйти из нашего экономического убожества ... Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной» [2, с. 250]. Из практиков-экономистов, обладающих научным мышлением, примерно такой же позиции придерживались Н.К. Бунге, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин.

Идеи социальных перемен в аграрной области более полно нашли отражение в трудах А.В. Чаянова, который полагал, что крестьянское трудовое хозяйство может стать устойчивым и многократно усиливаться, благодаря кооперации по ряду видов экономической деятельности (приобретение технических средств, сбыт продукции, агрономические и ветеринарные услуги, содержание общинных угодий и средств производства коллективного пользования и др.). Мелиорационные и землеустроительные мероприятия, организация социальных фондов – функция государства. Земля, по его мнению, должна быть национализирована и передана в пользование крестьянским хозяйствам и сельским общинам на условии прогрессивного налогообложения [3].

Промышленное и транспортное развитие – предмет изучения многих исследователей, но в первую очередь следует отметить заслуги Д.И. Менделеева. Он внес существенный вклад в научное обоснование развития и размещения производительных сил, включая такие отрасли народного хозяйства, как нефтяная, каменноугольная, железорудная. Обосновал идею газификации углей, предложил постройку Волго-Донского канала, установил торгово-промышленное значение северо-восточной

границы Азии и Европы, рекомендовал освоение Северного морского пути и Арктики, орошение земель Нижнего Поволжья, развитие речного судоходства и ж.-д. транспорта. Обосновал условия таможенного тарифа и защиты русской промышленности, ставил вопрос о том, чтобы догнать и даже перегнать развитые капиталистические страны [4].

Сельское хозяйство во взаимосвязи с промышленностью по состоянию второй половины XIX в. основательно изучил В.И. Ленин. Он убедительно показал ошибочность взглядов экономистов-народников на ограниченные возможности российского промышленного капитализма и преимущества сельско-общинного строя экономики. В.И. Ленин на основе научного анализа земской статистики, фабрично-заводских переписей и многочисленных литературных источников доказал, что в России происходит общественное разделение труда, рост товарного производства, социальное расслоение крестьянства и формирование рабочего класса, специализация регионов и межрегиональный обмен – процессы, вполне достаточные для развития внутреннего рынка с расширенным общественным воспроизводством. В.И. Ленин, в частности, показал, что экономико-географическое районирование и одновременное углубление статистических методов анализа массовых социально-экономических процессов и явлений есть правильный путь выявления устойчивых тенденций в развитии капиталистических отношений в России [5].

Во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в 1915 г. при Российской академии наук (РАН) основана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) под председательством академика В.И. Вернадского. В обоснование ее создания легли достижения не только в области естественных, но и общественных наук, а также результаты комплексных географо-статистических характеристик России, выполненных под руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского. Комиссия объединяла усилия работников науки многих специальностей с тем, чтобы оценить природно-ресурсный потенциал страны, разработать мероприятия по участию РАН в хозяйственном и культурном строительстве. Была сформулирована концепция размещения научно-исследовательских институтов в регионах России.

Современные аналитики русской экономической мысли отмечают некоторые общие черты ее наиболее ярких представителей: этически-моральные начала научного объяснения хозяйственной деятельности, патриотизм и желание оказать помощь Отечеству, использование западных учений с существенной их трансформацией с учетом российской специфики [6].

Революционная альтернатива. Первая мировая война и ее разорительные последствия усилили позиции радикального крыла социалистов, что нашло отражение в работе В.И. Ленина «Государство и революция» (трактовка государства как диктатуры: либо буржуазной, либо рабочего класса) [7]. Ведущие политические партии (социал-де-

мократы, социалисты-революционеры, конституционные демократы и др.) проигнорировали тезис Г.В. Плеханова о том, что Россия не готова к радикальным политическим преобразованиям, а потому призывы к социалистической революции означают разрыв с марксизмом, переход на позиции анархистов, непонимание реальных условий экономического развития страны [8].

В оценке и использовании достижений русской экономической мысли у советского правительства 1917–1924 гг. обнаруживается удивительное раздвоение: один вектор понимания прогрессивного движения России, действительно, связан с идеями научного социализма и выражен в совершенно приемлемых большей частью населения политических актах (декрет о мире; декрет о земле; декрет об учреждении государственной комиссии по просвещению; декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах; основной закон о социализации земли; декларация прав народов России, декларация трудящегося и эксплуатируемого народа и т.п.), другой – отражает исключительно идеи государственной диктатуры и «военного коммунизма», якобы не противоречащие демократии (декрет о роспуске Учредительного собрания; ряд документов об установлении государственной монополии в сфере политики и социальной деятельности; декрет о революционных трибуналах и т.п.).

Та часть программных документов по строительству социализма, которая касалась производительных сил, в основном соответствовала историческому ходу научно-технического прогресса. Предполагалось использовать преимущества обобществленной крупной промышленности, транспортной и энергетической систем в деле формирования эффективных производственных комплексов. В.И. Ленин в «Наброске плана научно-технических работ» (апрель 1918 г.) рекомендовал «Высшему совету народного хозяйства дать поручение Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России, образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России». В этот план, по мнению В.И. Ленина, должно входить:

- «рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта;

- рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях;

- наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республики (без Украины и без занятых немцами областей) возможности *самостоятельно* снабдить себя *всеми* главнейшими видами сырья и промышленности» [9, с. 228].

Особое внимание обращалось на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию, на использование не первоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего, на применение водных сил и ветряных двигателей в земледелии.

Перечисленные задания в области научно-технических работ были конкретизированы в Государственном плане электрификации России (Плане ГОЭЛРО – 1920 г.). Принятый в нем порайонный принцип организации народного хозяйства в виде производственных комплексов, формирующихся вокруг крупных государственных электрических станций, лег в основу новой (конструктивной) экономической географии России как в ее теоретической части, так и с точки зрения практического размещения промышленности. Комиссия ГОЭЛРО подготовила базу для создания государственного органа по систематическому перспективному планированию. В феврале 1921 г. была организована Государственная плановая комиссия (Госплан).

Положено начало теории прогнозирования общественного развития с научным обоснованием его генеральных ориентиров. Это сделал Н.Д. Кондратьев. Он провел статистическое исследование больших (длительных) циклов и показал взаимосвязь экономических колебаний различной продолжительности, связанных с обновлением долговременных элементов основного капитала (производственных сооружений, транспортной, энергетической и другой инфраструктуры), с крупными изменениями в технической базе, созданием новых источников энергии, новых видов сырья, с разработкой принципиально новых технологий [10]. Были и другие научные достижения, соответствующие идеям плановой организации хозяйственной деятельности (методика экономической и социальной статистики, составление продуктовых и межотраслевых балансов, математическое моделирование состояния и перспектив развития национальной экономики и др.).

Второй вектор управления экономикой советской России можно обозначить как «круто политизированный». Он формировался по принципу «цель оправдывает средства». При этом целеполагание было преимущественно политическим: удержание и укрепление власти большевиков, создание трудовых коммун как производственных и общественных организаций, симуляция обострения классовой борьбы, уничтожение всего, что порождает капиталистические отношения. Может показаться, что это обусловлено исключительно противостоянием белого и красного террора, Гражданской войной, голодом и слабостью демократического государства в решении проблем военной экономики. Но на самом деле, как бы в обход ранее созданным теориям социальных преобразований, целенаправленно начала выстраиваться модель вертикали авторитарной власти, соответствующая «азиатскому способу производства», что некоторые зарубежные и отечественные аналитики обозначили как

восточный деспотизм, которому свойственны: отсутствие частной собственности, отмена рыночной конкуренции, абсолютная власть государственной бюрократии [11, 12].

Нельзя отрицать влияния чрезвычайных обстоятельств на выбор советским правительством явно не демократического управления. Но главное заключалось в том, что именно принципы «военного коммунизма» соответствовали представлениям верховного руководства России о социалистическом обществе (отсутствие частной собственности на средства производства, ликвидация товарно-денежных отношений, уравнительное распределение материальных благ). Кстати, В.И. Ленин народное хозяйство страны стал трактовать в виде единой фабрики, а отдельные районы – как ее цехи. И это еще не крайний случай экономической мысли о социалистическом строительстве. Идеи и принципы «военного коммунизма» определяли суть генеральной линии партии; новая экономическая политика (НЭП) была временным отступлением от этой линии (НЭП существовала в СССР с 1921 по 1929 г. «Всерьез и надолго» не получилось).

Сложились условия, когда политика предопределяла содержание экономической науки. Если кто-то не оправдывал выбранный курс строительства «социализма» и показывал реальную картину общественной жизни, выявлял процессы, не соответствующие политическим директивам, тот подвергал свою жизнь смертельной опасности. Так, А.В. Чамянов в 1937 г. и Н.Д. Кондратьев в 1938 г. были расстреляны. Первый – за уважительное отношение к крестьянству, его свободу, в том числе в выборе форм сельской кооперации; второй – не за теорию больших циклов, как прогрессивную технологическую последовательность, а за их социальную интерпретацию, не совпадающую с «теорией» перехода от социализма к коммунизму.

Совместить два указанных вектора строительства социалистической экономики научным образом невозможно, поэтому политические и социальные аспекты коллективизации, индустриализации, культурной революции, продвижения производительных сил на Восток и Север за рамками официальных трактовок не рассматривались.

Проекция русской экономической мысли и революционных доктрин на северную периферию

В.И. Ленин в работе «О продовольственном налоге...» (апрель 1921 г.) писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка – вернее: десятки верст бездорожья – отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной

связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?» [13, с. 228].

Мы привели данную цитату с тем, чтобы сначала частично с ней не согласиться. Что касается экономической отсталости, то действительность именно такова, как она отражена В.И. Лениным. Но «дикость и полудикость» – характеристика самих людей, живущих на окраинах Российской империи, и данная характеристика не соответствовала действительности. Например, коми и поморы по уровню грамотности превосходили средние по стране показатели; они не уступали и в уровне организованности крестьянских хозяйств и отхожих промыслов¹². Поморы дали стране М.В. Ломоносова, а Коми земля – П.А. Сорокина.

Образованные люди в Коми знали о социально-экономической науке и ее достижениях. Это знание формировалось во время обучения в Москве, Петрограде и других городах центральной России, в ходе общения со ссыльными революционерами. Экономическая наука проникала в Коми также вместе с организаторами экспедиций по сбору статистических и других сведений с целью оценить возможности колонизации новых земель и подключить природные ресурсы к национальной экономике. Так, за период 1901–1914 гг. было организовано 11 государственных экспедиций. В некоторых из них активно участвовали коми общественные деятели В.Ф. Попов и К.Ф. Жаков, которые к тому же научным образом организовали стационарные статистические наблюдения. Они весьма грамотно подошли к оценке политики П.А. Столыпина на переселение (колонизацию) крестьян центральной России в Сибирь и на Север. «К.Ф. Жаков пришел к выводу о невозможности широкой колонизации Коми края, так как это приведет к истреблению лесов, исчезновению рыбы, зверей, дичи, общему упадку края, а свободных для колонизации земель он не видел. К.Ф. Жаков и В.Ф. Попов выступили против выделения угодий для переселенцев, отстаивали целесообразность проведения землеустройства местного старожильческого населения, выделения им бесплатно пахотной земли и других угодий» [14, с. 164].

Местные ячейки социал-демократов, эсеров, кадетов подкрепляли пропаганду своих политических убеждений определенными социальными трудами и политическими установками своих политических лидеров. Но это разнообразие после революции 1917 г. было заменено политической монополией партии большевиков и соответствующими ее идеям формами организации советской власти.

Цитату о захолустных просторах мы привели еще и потому, чтобы напомнить читателю ленинскую оценку экономических укладов России начала XX в. В.И. Ленин в 1921 г. писал: «...каковы же именно элемен-

¹² Отхожий промысел – временная, чаще всего сезонная работа крестьян в Российской империи вне места постоянного жительства, когда нужно «отходить», уходить из села или деревни. Людей, уходивших на заработки, называли «отходниками». Таким промыслом среди коми-женщин было швейное дело.

ты различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налично в России. А в этом весь гвоздь вопроса. Перечислим эти элементы: 1) патриархальное, т.е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм» [13, с. 207].

В отдельных регионах России перечисленные элементы были представлены по-разному. На Севере преобладало натуральное и мелкотоварное крестьянское хозяйство, местами – частнохозяйственный капитализм, а потому социальные преобразования должны были бы опираться прежде всего на теорию А.В. Чаянова и некоторых других экономистов-аграрников, включая и В.И. Ленина (если иметь в виду вышеупомянутые его работы «Развитие капитализма в России» и «О продовольственном налоге»). Идеи сплошной коллективизации здесь не соответствовали реальному положению дел в аграрной сфере¹³. Природа крестьянского трудового хозяйства и семейно-трудовая теория были исключены из поля зрения советского правительства как на возможный, социально справедливый и экономически эффективный источник социалистического накопления.

Хозяйство Коми автономной области в составе Российской Федерации, а затем и СССР, в 1920–1930-х гг. рассматривалось в рамках теоретического представления о первоначальном социалистическом накоплении, сначала за счет доходов от внешнеторговой деятельности, а затем – путем не эквивалентного включения природных ресурсов окраинных территорий в обрабатывающую промышленность страны. Европейский Север стал ее золотовалютным цехом, поставляя через Архангельский порт круглый лес за границу. Правительство России получало за это золото и иностранную валюту. В Плане ГОЭЛРО этот регион рассматривался в качестве резерва, потенциальные возможности которого предстояло основательно изучить. Одним из наиболее ярких примеров научно-организационной работы по комплексному изучению северных территорий является экспедиция в Коми область под руководством академика А. П. Карпинского, президента АН СССР («Печорская бригада», 1933 г.).

В настоящее время имеется полный обзор итогов работы «Печорской бригады», позволяющий понять объем, характер и результаты ее дея-

¹³ Уникальный исторический материал по «раскулачиванию» представлен в приложении к газете «Республика» (Коми) «Дым Отечества» за 26 января 2013 г. Это акт описи имущества Маркова Андрея Евсеевича, составленный 22 февраля 1930 г. (дер. Чернутаево Удорского района Коми области). В описи содержится 191 наименование имущества на общую сумму 2880 руб. 20 коп. Земля не указана. На современные цены (без земли) – это примерно 2 млн руб. А.Е. Марков считался рядовым крестьянином. Автор комментария данной описи – Анна Сивкова – пишет: «Ко многим умозаключениям, выводам подводит этот документ. Пожалуй, один из самых важных из них: крестьянский труд в личных хозяйствах до революции даже на севере обеспечивал достаток. Эта неизбежность сельского бытия и была подорвана разграблением хозяйств таких домохозяев и работяг, как Андрей Евсеевич Марков из удорского села Чернутаево».

тельности. Имеется в виду монография М.П. Рошевского, Л.П. Рошевской и А.А. Бровиной, которая представляет не только историческую ценность для самой науки и Российской академии наук (отмечающей в 2024 г. свое 300-летие), но и является источником для понимания взаимной связи между социально-экономическими теориями и политической практикой [15]. В данном произведении четко прослеживается затронутая нами тема двойного вектора социальных преобразований в России (СССР) в первой половине XX в.: научно обоснованного развития и размещения производительных сил и лишенной какой-либо научной основы (кроме теории азиатского способа производства) формирования социального строя с элементами политического угнетения.

С одной стороны, изучение по всем правилам науки природно-ресурсного потенциала Ухто-Печорского края, стремление найти экономически и социально приемлемый путь его использования на благо народа; с другой – даже сами условия, в которых работала бригада, не говоря уже о практическом опыте освоения минеральных ресурсов, которые она изучала в Чибью, Водном промысле, Яреге, Воркуте и других местах, характеризуются в ее отчетных документах словами – ОГПУ, ГУЛАГ, политзаключенные, спецпереселенцы, бараки, надзор...

Научная ориентация Севера на выборочное освоение ресурсов (строить только те предприятия, которые вызваны народнохозяйственной необходимостью и не могут быть построены в других районах; создание очаговой северной индустрии с высокой механизацией и сокращением затрат живого труда) на практике не использовалась, именно «благодаря» дешевому подневольному труду.

Научное сопровождение административно-плановой экономики

Мобилизационная экономика. Книга председателя Госплана СССР (1938–1949 гг.), академика Н.А. Вознесенского, «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [16] отражает величайший подвиг советских людей в победе над фашизмом, прежде всего, за счет мобилизации высоких человеческих качеств и готовности к жертвам ради спасения Родины, родных и близких. Автору трудно судить, сформировалась ли такого рода человеческая натура вопреки экономическому диктату «военного коммунизма», но, безусловно, благодаря исторической памяти об истоках своего Отечества и о примерах героической его защиты.

В контексте нашего сюжета обратим внимание, что в указанной книге речь идет о военной экономике в период Второй мировой войны. При этом Н.А. Вознесенский полагал, что военная экономика может быть и в мирное время, когда задачи создания оборонного комплекса и других условий национальной безопасности становятся первостепенными. Примечательно и то, что военная экономика, как это показано в книге, выстраивалась по определенным правилам расширенного общественно-го воспроизводства с использованием балансов народного хозяйства. И

еще один момент, особо важный для экономической географии: именно военная экономика реализовала политическую доктрину значительного и в короткие сроки сдвига производительных сил на Восток.

В итоге можно сказать, что военная экономика укрепила свойственное всему советскому периоду мобилизационное мышление с политической и патриотической окраской преодоления трудностей, неизбежности долготерпения, оголения сельской местности центральной России, а главное, в убеждении в том, что такой способ организации экономики и «артельно-барачного» уклада жизни отражает преимущество социализма над капитализмом.

С научной точки зрения мобилизационная экономика может трактоваться как способ решения сложных народнохозяйственных задач. Она стимулирует разработку методов системного анализа и составление программ повышенной сложности. Примером тому служит работа академических комиссий по мобилизации ресурсов на нужды обороны [17]. Особо отметим деятельность Комиссии по Уралу, Западной Сибири и Казахстану. Программы и проекты Комиссии, согласованные между собой по срокам исполнения, материально-техническому и финансовому обеспечению, реализовывались по правилам научно обоснованного программного управления¹⁴. К такому высокому уровню технологии разработки и реализации народнохозяйственных программ в мирное время приблизилась, пожалуй, лишь программа освоения нефти и газа Западной Сибири.

Экономическая наука и социалистическое планирование. Самое общее понимание планирования – выбор цели и методов ее достижения. Из многочисленных научных трудов по экономическому планированию и личного опыта разработки концепций территориального планирования автор уяснил: этот вид деятельности имманентно присущ человеку и социальным системам; он полезен не столько предсказанием будущего-

¹⁴ «За время работы в Свердловске комиссия достигла выдающихся результатов по многим направлениям деятельности: форсированное развитие нефтяной промышленности Урала и Поволжья, открытие и начало промышленного освоения месторождений бокситов на востоке Урала, новые месторождения железной руды в Кузбассе и молибденовых руд в Казахстане. Если разведенные запасы рудного сырья на 1 января 1941 года принять за 100%, то на 1 января 1945 года они составляли: по железным рудам – 140%, марганцу – 200%, хромитам – 140%, кварцитам – 300%. Электростанции Урала к концу войны давали электроэнергию в полтора раза больше, чем до войны. Среди других достижений ученых, работавших в составе комиссии: освоение металлургическими предприятиями Магнитогорска и Кузнецка технологии плавки броневой стали в основных мартовских печах, что дало возможность произвести за 1942–1944 годы дополнительно 350 тыс. тонн броневых сталей; внедрение в производство заменителей кокса, что позволило многократно сократить транспортировку кокса по железным дорогам; новые технологии производства алюминия, кобальта, хрома; новые способы получения качественного моторного топлива из высокосернистых башкирских и уральских нефтей» // Бойцы академического фронта. Как советская наука перешла на военные рельсы. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4566203> (дата обращения 27.03. 2021).

го, сколько выстраиванием цепочки логических умозаключений по поводу прогресса и возникающих на его пути проблем.

Первоначально проблема фиксируется как бы в явном виде, например, как лучше раскроить фанеру, чтобы получить нужные заготовки с наименьшими отходами. Затем она усложняется вопросами рационального использования оборудования, рабочего времени, замены одних ресурсов другими. Так возникла теория оптимального планирования применительно к предприятиям и комбинатам [18].

Содержание же государственного планирования зависит от понимания сути самого государства, его общественных функций. Теоретики социалистического планирования исходили из сложившегося в СССР стереотипа государства как всеобъемлющего органа общественного управления (не управления делами общего предназначения, а управления обществом в целом) [19]. Если, например, в США и западных странах экономическая наука разработку межотраслевых балансов трактовала как метод уяснения производственных и финансовых пропорций, чтобы правильно определить вектор развития экономики, то в СССР, где данное направление научных исследований достигло мирового уровня, межотраслевой баланс с практической точки зрения рассматривался как сам план или во всяком случае – в виде его каркаса.

Политико-экономическая трактовка планирования опять же подчеркивала преимущества социализма, в данном случае – в отсутствии экономических кризисов, расточительной конкуренции, противоречий между общественным характером производства и частным способом присвоения. Но вместе с тем, начиная с 1970-х гг. стали все более заметными признаки отставания СССР от развитых стран по уровню производительности труда и качеству жизни населения. Те экономисты-исследователи, которые были ориентированы не на оправдательную политическую экономию, а на поиск путей обновления хозяйственного механизма, пришли к выводу о возрастающем значении экономической самостоятельности предприятий и регионов, хозяйственного расчета, экономического стимулирования труда [20–24].

Интересен тот факт, что первыми об этом начали писать авторы экономико-математического направления, которые знали о возможностях вычислительной техники рассчитать плановые задания «от самолета до гвоздя», но тем не менее пришли к выводу – социалистическая экономика должна функционировать на основе товарно-денежных отношений. Данная позиция науки в какой-то мере соответствовала настроенности на реформы председателя правительства СССР А.Н. Косыгина.

Позиции многих географов-экономистов стали смещаться от жестко заданных ресурсных и энерготехнологических факторов размещения производства в сторону анализа относительно свободных (вариантных) условий формирования территориальных общественных систем [25–27]. Актуализация социальных, культурных и этнических аспектов жизнедеятельности усилила естественноисторический подход к объяснению

процессов расселения населения в противовес политике его волевого переселения. Данное смещение обусловлено и тем, что экономико-географическое подкрепление «территориального разреза» социалистического планирования не находило должного отклика в управленческих структурах или исполнялось в утрированной форме, как это произошло с организацией совнархозов или разделением территорий на зоны деятельности промышленных и сельскохозяйственных обкомов КПСС.

Надежда на правильное понимание роли социально-экономической географии в планировании и управлении промелькнула с включением в материалы партийных съездов территориально-производственных комплексов. Вот, наконец-то, принципы планирования, заложенные в Плане ГОЭЛРО и в учении о производственно-территориальных комплексах, получили должную политическую оценку. Но радость оказалась преждевременной: 12–15 «выборочных» ТПК не соответствовали указанным принципам и учению; они в большей мере воплощали смысл мобилизационной экономики, когда потребовались новые точки роста для спасения затухающей индустрии. Ситуацию выправила теория программно-целевых ТПК, показавшая способы реализации крупных инвестиционных проектов в увязке с природными и социальными условиями районов сосредоточенного строительства [28].

Научное сопровождение административно-плановой экономики в Республике Коми

С начала 1950-х гг. трансляция научно-экономической мысли в Коми республику стала осуществляться через саму же науку, стационарно организованную в Сыктывкаре в виде Коми филиала АН СССР, имеющего в своем составе и отдел экономики. Затем такого рода трансляция стала дополняться углубленными исследованиями экономической эффективности хозяйственных мероприятий. При этом стала критически рассматриваться практика северной социально-экономической политики.

Экономическое мышление, совмещенное с географическим и экологическим, «подсказывало» ориентировку на ограниченные возможности освоения природных ресурсов вопреки политическим требованиям роста производства любой ценой; на возможность формирования территориально-производственных комплексов на Севере и в Арктике, но только как локальных систем с развитым межрегиональным товарным обменом. Всеобъемлющий же Тимано-Печорский ТПК, создаваемый по логике министерского самообеспечения, стал в итоге лишь дополнительной строкой пятилетних планов, потеряв сущность территориального комплексирования. Экономисты и географы обратили внимание политического руководства страны на то, что продвижение промышленности в северные широты требует специальной научно-технической подготовки и опережающего развития производственной и социальной инфраструктуры, иначе опять возникает жертвенная экономика со значительным использованием подневольного труда [29, 30].

Экономическая оценка северных условий в обосновании пятилетних планов проводилась с большими погрешностями. Так, сметная стоимость строящихся в республике объектов, по сравнению с аналогичными Московской области, нормативно увеличивалась в 1,34 раза. Экспертная же оценка с научно обоснованным подходом к анализу природных и экономико-географических условий показала, что такое удорожание составляет по отдельным территориям республики от 1,43 до 2,25 раза [31]. На практике это несоответствие проявилось в дефиците финансовых ресурсов к концу пятилетки и в больших объемах незавершенного строительства.

Но парадокс заключался в том, что именно несоблюдение сбалансированности в рамках общего планирования национальной экономики в 1960–1980-х гг. привело к небывалому ранее росту экономики Республики Коми. Правда, экономическую оценку истощения природно-ресурсного капитала в то время наука еще не давала, а такие статистические показатели, как совокупный общественный продукт, валовой национальный доход, номинальная величина денежных доходов и др., не отражали реалии регионального развития.

Экономическая наука и революционное реформирование

На подходе к реформам. В конце 1980-х гг. произошли глубокие изменения в экономической науке России, которые оцениваются как революционные [32]. Действительно, в то время экономическая наука заложила теоретические основы новых отношений по поводу собственности, институционализма, системы оптимального функционирования экономики, структурных пропорций общественного воспроизводства, экономической мотивации производительного труда, социальных приоритетов в системе планирования.

Если перефразировать вышеприведенное высказывание П.Б. Струве, то можно образно сформулировать основное кредо российской экономической мысли конца 1980-х гг.: чтобы выйти из нашего экономического убожества ... Россия из бедной социалистической страны должна стать богатой социалистической же страной.

Вместе с тем указанные достижения экономической науки России следовало бы дополнить исследованиями по теории и методологии реформирования, как специфического управленческого процесса. Но такие исследования не были организованы должным образом. Съезд народных депутатов СССР, как высший орган государственной власти (1989–1991 гг.), не получил от общественных наук знание о порядке проведения реформ. Трудно сказать, помогло ли бы такое знание поступательному развитию экономики нашей страны, поскольку последовавшее ее реформирование не нуждалось ни в каких научных знаниях.

Революционное реформирование. Термин «реформы» в экономическую науку ввели В.Н. Лексин и Н.А. Швецов; они же пришли к выводу, что проводимые в РФ преобразования экономики в 1990-х гг.

с научной точки зрения реформами не являются [33]. Если экономические преобразования, предполагавшие хозрасчетное планирование, государственный заказ, экономические нормативы, прямые хозяйственные связи и оптовую торговлю, цены равновесия, хозрасчетно-гарантированную систему распределения фонда оплаты труда, программное и нормативное финансирование, хозрасчетную кредитную систему, договорную структуру управления..., были обозначены Е.Г. Ясиным как «радикальное реформирование» [34], то «шоковую терапию» с одномоментным введением свободных цен, ваучерной и залоговой приватизацией, обесценением банковских вкладов населения, легальной спекуляцией на валютном рынке, бартером, экономическим бандитизмом «под крышей государства», запредельным социальным расслоением населения и т.п. трудно определить каким-либо научным термином; «революционные» – это еще мягко сказано. Призывы академической науки к нравственной экономике власть и бизнес игнорировали. Само государство было воинственно настроено на полное уничтожение всего социалистического, и это даже западными авторами трактуется как крушение идей реформаторов [35].

Республика Коми: реакция сдерживания революционного реформирования. Экономическое поведение региональных правительств в 1992–2000 гг. мы оцениваем как период формирования на местах контрмер, противостоящих Центру в части революционного реформирования политико-экономической системы нашей страны. Многие региональные руководители, в отличие от федеральных, больше склонялись к последовательным и постепенным преобразованиям. В рамках региональной экономики и социально-экономической географии такая позиция была подкреплена научным анализом проблем формирования региональной собственности, системы территориального хозяйствования и географической экспертизы управленческих решений [36]. Экономическая социология на материалах длительного наблюдения за домашними хозяйствами Республики Коми показала реакцию простых людей на проводимые в стране «реформы»: переход к мелкотоварному производству, социальная замкнутость, психология выживания и утрата надежды вырваться из бедности [37].

Принятые в 1990-е гг. законы Республики Коми, защищающие интересы населения и ориентированные на рациональное использование природных ресурсов, не имели механизма своего использования; в этом отношении более результативными оказались программы территориального и межотраслевого развития. Ключевой стала Программа социально-экономического развития Республики Коми со своей Администрацией в качестве особого органа управления данной Программой. Но реализация программ, наряду с положительным эффектом, одновременно обострила проблему пространственного разрыва между созданным и потребленным прибавочным продуктом, поскольку управление программами было в основном экстерриториальным, а нормы и правила

классического экономического федерализма в региональной политике РФ не применялись. Не имели конструктивной формы своей реализации и конституционные нормы о местном самоуправлении в части самостоятельного решения ряда задач жизнеобеспечения населения. Все это подвергалось научной критике, но без позитивного ответа со стороны государственного управления. Региональные и местные структуры власти вынуждены были работать в режиме «ручного управления», как говорится, – «не до науки».

Экономическая наука и эволюционное развитие

Эволюционное мышление. С 2000 г. обозначился переход от революционного реформирования к политике эволюционного развития. Эволюционная ориентация способствовала появлению новой гипотезы интеграционного общества, обозначенной идеями экономической социодинамики, смешанной экономики и социального кластеризма, философии сотрудничества, эволюционной теории в связи с режимами воспроизводства и другими, отражающими мировые тенденции включения в систему государственного и межгосударственного управления факторов устойчивого развития общества.

Эволюционное мышление «рисует» идеальный образ будущего и соответствующие ему методы достижения поставленных целей, но оно постоянно находится в противоречии с текущими нежелательными обстоятельствами. Экономическая наука и практика государственного управления вынуждены «отвлекаться» от традиционного анализа и рационального использования факторов развития (наука, техника, труд, территориальное разделение труда, потребности и интересы и др.) на анализ самих обстоятельств (природно-техногенные аварии и катастрофы, эпидемии, рыночные катаклизмы, геополитическая нестабильность, социальная напряженность и т.п.). При таких обстоятельствах не только региональные правительства, но и федеральное, зачастую переходит на режим «ручного управления».

Складывается ситуация, когда именно «обстоятельства образа действия» становятся одним из главных предметов социально-экономических исследований. Оказалось также, что эволюционная экономика трудно совместима с ранее сформированной и, по сути, неизменной политико-экономической базой, при которой «...ориентация денежных властей на обслуживание интересов валютно-финансовых спекулянтов и оффшорную олигархию ежедневно усиливает противоречия между властвующей элитой и народом, доводя их до состояния антагонистических» [38, с. 24].

Различия между макро-, мезо- и микроэкономикой. Автор полагает, что представление о роли региональной экономики, как науки, в системе государственного и муниципального управления будет более правильным, если ее предметом считать организацию территориально-хозяйствования, т.е. деятельность по поводу формирования и раци-

онального использования муниципальной и субфедеральной собственности, а также межхозяйственной и межрегиональной кооперации [39]. К теме нашей статьи это уточнение имеет отношение, поскольку подчеркивает принадлежность других социально-экономических наук к формированию региональной политики. Более того, региональная экономика не является связующим звеном между предприятиями (фирмами) и национальной экономикой. Изучение регионов и других территориально-хозяйственных систем изначально происходит на междисциплинарной основе. Можно, конечно, придерживаться другого мнения, но перевод макроэкономических показателей на уровень региона остается прерогативой самой макроэкономики. Немаловажно и то, что некоторые процессы, которые изучают макроэкономика и экономика фирм, не улавливаются на региональном уровне. Данное обстоятельство надо иметь в виду, когда от лица региональной экономики даются научные рекомендации государственному и муниципальному управлению.

Наука и ее заинтересованность в крепкой региональной власти.

С надеждой на политическую стабильность и понимание возрастающей роли субъектов РФ в управлении государством в 2000 г. образована Комиссия по изучению естественных производительных сил Республики Коми под председательством академика Н.П. Юшкина. Основными задачами Комиссии являлось определение научно-технических и социально-экономических проблем, генеральных направлений развития и размещения производительных сил на длительную перспективу, комплексного использования минеральных, топливно-энергетических, водных, лесных и других ресурсов с учетом экологического фактора в Республике Коми и смежных регионах. Невольно возникали аналогии с общероссийской КЕПС 1915 г. и заимствования форм ее деятельности. Опубликованные труды и научно-аналитические материалы КЕПС РК существенно повысили значение социально-экономических исследований в принятии конкретных решений правительства республики. Возник некий элемент, укрепляющий его самостоятельность, что и было замечено федеральной властью. В конце 2004 г. данная Комиссия де-юре перестала существовать; она не вписалась в вертикаль власти.

Пример с КЕПС РК – это лишь частный случай общей противоречивой ситуации в отношениях между Центром и регионами. Они (отношения) хорошо известны и критически проанализированы. Обратим лишь внимание на возможность появления нового аспекта в толковании данных противоречий. При сложившихся обстоятельствах в области экономического федерализма все существенные, и даже малосущественные, вопросы региональные правительства решают в Москве. Поэтому и социально-экономические исследования в регионах также стали проводится с московской ориентацией: если научный результат будет воспринят центральными структурами государственного управления, то повышается вероятность его практического применения на местах. Конечно, научное пространство формируется поверх административно-террито-

риальных границ, поэтому процедура внедрения результатов НИР обязательно должна проходить на принципах «челночной дипломатии» между Центром и регионами.

Вместе с тем обязательной является процедура «совместного ведения» в части решения наиболее актуальных проблем трансформации территориально-хозяйственных систем, вызванной с экстремальными и сложными условиями их дальнейшего функционирования.

В Республике Коми примером тому служит сложившаяся ситуация с арктическими городами Воркутой и Интой, где угольная промышленность теряет свою градообразующую миссию. В определении перспектив их неустойчивого развития и может пригодиться логика мобилизационной экономики, когда любые направления по сохранению Воркуты и Инты целесообразно рассматривать с оглядкой на риски арктической жизнедеятельности. Автор полагает, что не исключена ситуация, когда программу переселения из Воркуты и Инты придется выполнять безоговорочно и в режиме эвакуации. Хозяйственные задачи, связанные с национальной безопасностью, освоением крайне необходимых минеральных ресурсов и изучением Арктики, следует решать с применением вахтового метода работы и использованием блок-модулей высокой заводской готовности для возведения уникальных арктических баз.

Перспективы развития территориально-хозяйственных систем таежной части республики связаны с оптимизацией формирования и воспроизводства их человеческого и природно-ресурсного потенциалов, практическим применением принципов «зеленой экономики», реконструкцией сельского расселения на основе укрепления опорных поселений и передислокацией жителей неперспективных деревень, изменением конфигурации землепользования, новой пространственной организацией инфраструктуры и социальных услуг. Решение данных задач предполагает существенную передислокацию финансовых ресурсов в пользу регионов и муниципальных образований.

Приведенные примеры отражают три аспекта социально-экономических исследований, проводимых в Республике Коми: 1) анализ того, что происходит на Севере в части народонаселения, природопользования, формирования хозяйственных систем и механизмов регулирования социально-экономических процессов; 2) определение ценности и значения отдельных показателей (характеристик) северных регионов в развитии региональной, национальной и мировой экономики. Оцениваются демографический, природно-ресурсный и экологический потенциалы, этнокультура и традиционное хозяйство, социально-экономическое пространство (периферийное, разряженное, труднопреодолимое), климатический дискомфорт и другие природные условия жизнедеятельности; 3) разработка рекомендаций в области стратегического планирования и программирования развития хозяйственных систем на основе северных (арктических) производственных и социальных технологий [40].

Заключение

Замысел автора – показать к 100-летию Республики Коми роль социально-экономических исследований в ее развитии – по ходу подборки аналитического материала и составления текста статьи был реализован с некоторыми дополнениями к проблематике «наука и власть». Прежде всего, обратим внимание на последствия, когда теоретические исследования не принимаются во внимание или реализуются в утрированной форме. Так, к 1917 г. российская экономическая наука сформировала своего рода теоретический базис для объективно обусловленных социальных преобразований, который служил ориентиром ускоренного развития производительных сил России и роста народного благосостояния. Такой же базис был сформирован и в дореформенный период к 1992 г., когда ключевой идеей было проведение социально-экономических преобразований без революционной перестройки существующего общественно-политического строя. Однако политическая действительность оказалась совершенно противоположной, антинародной. Из этого негатива в статье извлечены три рекомендации:

1. критика существующего и создание образа будущего должны сопровождаться разработкой соответствующей теории реформирования, как управленческого процесса;
2. планированию подлежит не только материально-техническая часть производительных сил, но и адекватный социально-экономический механизм их действия, совершенствование социальных отношений в рамках общечеловеческих ценностей и понятий;
3. революционное реформирование экономики, связанное с борьбой за политическую власть с помощью «шоковой терапии», лежит за рамками социально-экономических исследований; оно не нуждается в научном обосновании и лишь прикрывается значимостью выборочно взятых экономических теорий, например, регулирующей роли свободного рынка и монетаризма, или проводится с ложной мыслью не придерживаться никакой экономической теории.

Эволюционный путь развития (постепенное и длительное движение к интеграционному обществу социальной справедливости) является более рациональным, но его исполнение сопряжено с разного рода негативными обстоятельствами. Это обуславливает корректировку классической тематики социально-экономических исследований по двум направлениям:

1. включение самих обстоятельств в предметное содержание экономики;
2. уяснение сущности мобилизационной экономики с учетом того факта, что мобилизационное экономическое мышление возникает и развивается не только в военное, но и в мирное время в силу чрезвычайных обстоятельств или когда политическим руководством страны перед обществом ставятся амбициозные задачи, непосильные для решения в рамках объективно сложившихся пропорций общественного воспроизводства и ограниченных инвестиционных ресурсов.

Обращение социально-экономических наук к региональной тематике обусловлено большим значением конкретики в корректировке всей национальной экономики. Из опыта изучения Республики Коми следует:

1. включение российской периферии в общую систему хозяйственных и культурных преобразований может быть плодотворным только при условии, если уклад местной жизни становится важнейшим предметом науки и практики управления;
2. общая экономическая теория и региональная практика хозяйственной деятельности какое-то время могут развиваться параллельно друг другу. Но наступает момент, когда необходимо осуществить экспертизу научных знаний и практического опыта управления на предмет их соответствия фактическому социально-экономическому положению конкретных регионов. Не исключен вариант существенной перестройки экономического мышления именно под влиянием местной практики.

Литература

1. Русские экономисты (XIX – начала XX века). – Москва: ИЭ РАН, 1998. – 275 с.
2. Струве, П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России / П.Б. Струве. – Санкт-Петербург.: Ленанд, 1894. – 304 с.
3. Чайнов, А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / А.В. Чайнов; ред. кол. сер.: Л.И. Абалкин (пред.) и др. – Москва: Экономика, 1989. – 492 с.
4. Менделеев, Д.И. Проблемы экономического развития России / Д.И. Менделеев. – Москва: Соцэкгиз, 1960. – 615 с.
5. Ленин, В.И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 3. – 792 с.
6. Академики-экономисты России. – Москва: ИЭ РАН, 1999. – 281 с.
7. Ленин, В.И. Государство и революция. Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 33 – 486 с.
8. Бейрон, С.Г. Плеханов, утопизм и российская революция // С.Г. Бейрон. – URL: http://russiabgu.narod.ru/pages/themes/txt/beiron_plehanov.pdf (дата обращения 27.03.2021).
9. Ленин, В.И. набросок плана научно-технических работ / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Пятое издание. – Москва: Изд-во политической литературы, 1974. – Т. 36. – С. 228–231.
10. Кондратьев, Н.Д. Проблемы экономической динамики / Н.Д. Кондратьев. – Москва: Экономика, 1989. – 526 с.
11. Wittfogel, K.A. Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power / K.A. Wittfogel. – New Haven: Yale University Press, 1957. – 556 p.
12. Нуреев, Р.М. Азиатский способ производства и социализм / Р.М. Нуреев // Вопросы экономики. – 1990. – № 3. – С. 47–58.
13. Ленин, В.И. О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 205–245.

14. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – Т. 1. – 560 с.; Т. 2. – 704 с.
15. Роцевский, М.П. Печорская бригада академика А.П. Карпинского / М.П. Роцевский, Л.П. Роцевская, А.А. Бровина. – Сыктывкар, 2015. – 646 с. – (Коми научный центр Уральского отделения РАН).
16. Вознесенский, Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. Вознесенский. – Москва: Госполитиздат, 1948. – 192 с.
17. Александрова, Т.Д. Разнообразие работ географов в первые годы Великой отечественной войны / Т.Д. Александрова // Известия РАН. Серия географическая. – 2011. – № 3. – С. 100–109.
18. Канторович, Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов / Л.В. Канторович. – Москва: Изд. АН СССР, 1960. – 348 с.
19. Сорокин, Г.М. Планирование народного хозяйства СССР / Г.М. Сорокин. – Москва: Изд. соц.-эконом. лит., 1961. – 458 с.
20. Немчинов, В.С. Социалистическое хозяйствование и планирование производства / В.С. Немчинов // Коммунист. – 1964. – № 5. – С. 74–87.
21. Федоренко, Н.П. О разработке системы оптимального функционирования экономики / Н.П. Федоренко. – Москва: Наука, 1968. – 243 с.
22. Коссов, В. Многоступенчатая система оптимизационных расчетов перспективных народнохозяйственных планов / В. Коссов, В. Пугачев // Плановое хозяйство. – 1974. – № 10. – С. 12–20.
23. Валовой, Д.В. Экономика: взгляды разных лет (становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма) / Д.В. Валовой. – Москва: Наука, 1989. – 454 с.
24. Мау, В.А. В поисках плановости: из истории развития советской экономической мысли конца 30-х – начала 60-х гг. / В.А. Мау. – Москва: Наука, 1990. – 160 с.
25. Саушкин, Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю.Г. Саушкин. – Москва: Мысль, 1973. – 559 с.
26. Хорев, Б.С. Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР) / Б.С. Хорев. – Москва: Мысль, 1981. – 320 с.
27. Дмитриевский, Ю.Д. Очерки социально-экономической географии. Развитие и проблемы / Ю.Д. Дмитриевский. – Ленинград: Наука, 1990. – 163 с.
28. Бандман, М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований / М.К. Бандман. – Новосибирск: Наука, 1980. – 256 с.
29. Славин, С.В. Освоение Севера Советского Союза / С.В. Славин. – Москва: Наука, 1982. – 207 с.
30. Агранат, Г.А. Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки / Г.А. Агранат // Итоги науки и техники. Сер. Теоретические и общие вопросы географии. – Москва: ВИНТИ, 1992. – № 10. – 188 с.

31. Дмитриева, Т.Е. Вопросы географической экспертизы нормативной базы хозяйственного освоения территории / Т.Е. Дмитриева // Природа и региональная экономика. – Сыктывкар. – 1985. – С. 14–28. – (Тр. Коми фил. АН СССР).
32. Макашева, Н.А. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е годы): революция и рост научного знания / Н.А. Макашева. – URL: [ekonomicheskaya-nauka-v-rossii-v-period-transformatsii-konets-1980-h-1990-e-gody-revolutsiya-i-rost-nauchnogo-znaniya.pdf](#). – С. 12–32. (дата обращения 17.03.2021 г.).
33. Лексин, В.Н. Реформационные процессы в жизни общества: условия успешной организации и причины неудач / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1995–1996 / гл. ред. Д.М. Гвишиани. – Москва: Эдиториал УРСС, 1996. – С. 7–40.
34. Ясин, Е.Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа / Е.Г. Ясин. – Москва: Экономика, 1989. – 319 с.
35. Zwaynert, J. When ideas fall. Economic thought, the failure of transition and the rise of institutional instability in post-soviet Russia / J. Zwaynert. – N.Y.; L.: Routledge, 2018. – 138 p.
36. Лаженцев В.Н. География и практика территориального хозяйствования / В.Н. Лаженцев, Т.Е. Дмитриева. – Екатеринбург: Наука, 1993. – 137 с.
37. На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития. – Сыктывкар, 2003. – 208 с. – (Труды Коми научного центра УрО Российской АН; № 168).
38. Ильин, В.А. Эффективность государственного управления: точка зрения главного редактора / В.А. Ильин. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. – 320 с.
39. Лаженцев, В.Н. Хозяйство как объект исследований в системе общественных наук / В.Н. Лаженцев // Журнал экономической теории. – 2017. – № 3. – С. 11–22.
40. Лаженцев, В.Н. Направления научных исследований в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера / В.Н. Лаженцев // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2018. – № 4. – С. 102–110.

Направления научных исследований в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера¹⁵

Статья написана в связи с 30-летием ИСЭ и ЭПС. В ней тематика социально-экономических исследований института рассмотрена по двум направлениям: 1) отражающая то, что происходит на Севере; 2) определяющая существенные характеристики Севера как специфического объекта междисциплинарных исследований. Первое стало традиционным и обеспеченным научно-организационным планированием; второе находится в зоне интересов отдельных сотрудников и требует для своего становления дополнительных творческих усилий. Детализация данных направлений выполнена на примере Республики Коми, где арктические (тундровые и лесотундровые) и таежные территории могут служить эталоном для формирования правил хозяйствования в экстремальных и сложных климатических условиях. Первое направление представлено в виде резюме теоретического и прикладного изучения народонаселения, природопользования, формирования хозяйственных систем и механизмов регулирования социально-экономических процессов. Второе – фиксирует внимание исследователей на таких характеристиках северных территорий, как климатический дискомфорт, высокий природно-ресурсный и экологический потенциал, специфическое пространство социально-экономической деятельности и высокая роль территориального хозяйствования.

Ключевые слова: Север России, Республика Коми, демография и социальная политика, природно-ресурсная экономика, энергетика, социальная экология, региональная экономика и социально-экономическая география.

V.N. Lazhentsev. Directions of scientific research at the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North

Abstract. The paper is written in connection with the 30th anniversary of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North. The subject of socio-economic research of the Institute is considered in two directions: 1) reflecting what is happening in the North; 2) defining the essential characteristics of the North as a specific object of interdisciplinary research. The first one has become traditional and provided with scientific and organizational planning; the second one is in the area of interests of individual employees and requires additional creative efforts for its formation. Details of these directions are made on the example of the Komi

¹⁵ Лаженцев, В.Н. Направления научных исследований в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера / В.Н. Лаженцев // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2018. – № 4. – С. 102–110.

Republic, where the Arctic (tundra and forest-tundra) and taiga territories can serve as a benchmark for the formation of management rules in extreme and difficult climatic conditions. The first direction is presented in the form of a summary of theoretical and applied study of population, environmental management, formation of economic systems and mechanisms of regulation of socio-economic processes. The second direction captures the attention of researchers on such characteristics of the Northern territories as climate discomfort, high natural-resource and ecological potential, specific space of socioeconomic activities and the high role of territorial management

Keywords: the North of Russia, the Republic of Komi, demography and social policy, natural resource economy, energy, social ecology, regional economy and socioeconomic geography.

Keywords: North of Russia, Komi Republic, demography and social policy, natural resource economy, energy, social ecology, regional economy, and socio-economic geography.

Организация академических исследований в Республике Коми

История становления социально-экономических и энергетических исследований. В организации комплексных научно-исследовательских работ по проблемам развития и размещения производительных сил на Европейском Северо-Востоке большую роль сыграла академическая бригада во главе с академиком А.П. Карпинским, президентом Академии наук СССР. В 1933 г. бригада выехала в Коми, собрала и проанализировала огромный фактический материал, на основе которого в 1935 г. была составлена «Гипотеза развития Печорского края на период 1935–1947–1950 гг.». И в дальнейшем экспедиции Академии наук способствовали научному обоснованию развития этого региона. Стационарные экономические исследования стали проводиться с 1946 г. в составе Научно-исследовательской базы АН СССР в Сыктывкаре. В 1948 г. в Коми филиале АН СССР был создан промышленно-экономический сектор. В 1953 г. здесь организованы два относительно крупных отдела: 1) экономики и 2) энергетики и водного хозяйства. Исследования в отделах проводили, как правило, совместно, а потому «водное хозяйство» перешло в отдел экономики. В 1988 г. Президиум Уральского отделения АН СССР принял решение организовать на базе отдела экономики Институт экономических и социальных проблем Севера. В 1999 г. институт и отдел энергетики были объединены в Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера.

История становления социально-экономических и энергетических исследований в Коми НЦ связана с именами таких ученых и организаторов науки, как А.Ф. Ануфриев, Л.А. Братцев, А.П. Братцев, В.А. Витязева, А.А. Калинина, Г.В. Канев, Д.А. Коновалов, Н.А. Манов, Г.Н. Парашенко, В.П. Подоплелов, С.Х. Сажин, И.М. Семенов, Б.М. Соколов, Д.С. Тон, А.И. Чистобаев, Н.И. Шишкин. Выбранными и назначенными исполняющими обязанности директорами института последовательно побыва-

ли: В.С. Никитин, А.И. Щелоков, Г.В. Канев, Г.А. Князева, В.П. Подоплелов; в период 1995–2010 гг. – В.Н. Лаженцев, с 2011 г. по н.в. – Ю.Я. Чукреев¹⁶. Институт курировали длительное время академики А.Г. Гранберг и А.И. Татаркин, в настоящем – академики Б.Н. Порфирьев и А.А. Макаров, В.А. Крюков.

При разработке конкретных народнохозяйственных планов и проектов (формирование Северной и Урало-Печорской угольно-металлургических баз, создание Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, освоение Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, прогнозирование последствий переброски части стока р. Печоры в бассейн Волги, обоснование транспортного и энергетического строительства) в необходимой мере использовались достижения отечественной и мировой науки. Такого рода трансляция знаний «со стороны» впоследствии стала дополняться собственными методиками расчёта надёжности природно-технических систем, экономической и социальной эффективности производства. Это предопределило содержание рекомендаций о повышении производительности труда в отраслях промышленности и сельского хозяйства, дало возможность доказать эффективность добычи и переработки титановых и бокситовых руд в регионе, оптимизировать топливно-энергетический баланс Европейского Севера и показать пути широкой электрификации его хозяйства, предложить плановым органам страны оптимальные схемы развития и размещения производительных сил Коми республики и рационализации ее межрегиональных транспортно-экономических связей.

Выбор тематики. Далее необходимо отметить качественное совершенствование исследований: от инвентаризации природно-ресурсного, демографического, трудового и технического потенциалов к их комплексной оценке; от систематизации эмпирического и научно-аналитического материала к разработке теории и методологии территориального развития и надёжного функционирования энергетических и других хозяйственных систем с учетом северных климатических условий.

В области теории и методологии комплексного территориального развития ключевым стал вопрос: как образуется проблемное поле северной тематики. Показано, что это происходит на стыке встречного движения, с одной стороны, природных, географических, ресурсных и этнических характеристик северных территорий и соответствующих управленческих вызовов, с другой – методов регионального управления. Одна сторона представлена холодом, периферийностью, сырьевой специализацией, традиционным хозяйством; вторая – диагностикой, планированием, проектированием и экспертизой, регулированием от-

¹⁶ Даты, события и персоналии института подробно изложены в книге В.М. Худяевой [1]; о подготовке кадров и работе диссертационного совета – в работе Л.А. Кузвановой [2]; интерес представляют обобщения прошлых лет энергетических и социально-экономических исследований [3, 4].

ношений между корпорациями, государственной и муниципальной властью, корректировкой налогообложения с учетом большого значения природно-ресурсной ренты и другими механизмами. Предполагалось, что встречное движение двух указанных сторон может определить «красную линию» исследовательской работы всего института¹⁷.

Демография, социология и социальная политика

Демографы и социологи института под научным руководством В.В. Фаузера и Л.А. Поповой выявили два разнонаправленных вектора развития народонаселения: первый – общая перенаселенность (избыточная численность людей) в большинстве регионов Севера, вторая – дефицит квалифицированных трудовых ресурсов. Это противоречие объясняется отсталой технологической структурой производства и непроизводственной сферы, в которых преобладают так называемые удобные рабочие места – низкодоходные, но не требующие высокой квалификации. Недостаток высокодоходных рабочих мест, требующих инженерных знаний и высокого уровня организации труда, является одной из основных причин миграции населения с Севера. Но не только... Многие покидают республику в связи с заботой о будущем своих детей, опасениями потерять здоровье, низким уровнем развития социальной инфраструктуры.

На Севере *демографический кризис* проявляется особенно резко. Это относится к смене репродуктивного поведения молодых семей, в том числе коренной национальности, росту внебрачной рождаемости, отрицательному соотношению рождаемости и смертности. М.А. Зырянова и Е.Н. Зорина эти процессы увязывают с негативными половозрастными сдвигами и медико-социальными проблемами с учетом повышения доли в численности населения людей старшего поколения, М.А. Терентьева – с анализом ситуации на рынке труда и стимулированием предпринимательства, Н.Ю. Журавлев – с общими задачами устойчивого развития регионов. С помощью математических расчетов А.В. Смирнов определил перспективную динамику численности населения Республики Коми: к 2030 г. по сравнению с 2010 г. произойдет сокращение на 20 %, с 901 до 719 тыс. чел. Только Сыктывкар и Сыктывдинский район будут иметь прирост жителей соответственно на 4 и 8 %; в остальных городах и районах будет наблюдаться сокращение от 12 % в Ухте до 54 % в Воркуте. Такое может и не случиться. Чтобы получить более точные демографические ориентиры стратегического развития республики, необходимо «соединить» естественно-исторические закономерности народонаселения с усилиями государства и всех других общественных

¹⁷ Методологические подходы к формированию северной исследовательской тематики по проблемам экономики и энергетики автор изложил в 2009 г. по случаю 20-летия ИСЭ и ЭПС [5]; схема «проблемного поля» показана Т.Е. Дмитриевой [6]; методы и модели исследования надежности электроэнергетических систем – Н.А. Мановым и его коллегами [7].

сил по созданию комфортной среды жизнедеятельности с учетом природных условий Севера.

В изучении **репродуктивных и миграционных установок** населения северных регионов России используются авторские методики проведения *социологических опросов*. Установлен иерархический ряд жизненных ценностей молодежи (хорошее здоровье, материальное благополучие, наличие в семье детей), определены сферы жизнедеятельности, где государство и общественность могут принимать меры воздействия на население с целью повышения рождаемости, а где такое вмешательство нежелательно и не гуманно, предложены меры государственной демографической политики, направленные на регулирование и стимулирование рождаемости. Особое внимание обращается на социально-экономический и организационный механизмы минимизации влияния фактора этнической миграции на формирование населения и человеческих ресурсов.

Концептуальные подходы к политике занятости дифференцированы относительно коренного, старожильского и пришлого населения. Влияние миграции на региональные и локальные рынки труда, занятость трудоспособного населения неоднозначно: положительное – там, где идет замещение уходящих на пенсию молодыми кадрами; отрицательное – в местах социального конфликта в связи с потерей рабочих мест в монопрофильных городах и районах. Так, интервью, организованное Т.С. Лыткиной, с экспертами и жителями г. Инты, позволило установить необходимость реабилитации ценностей, способствующих воспроизводству практик сотрудничества и солидарности на различных уровнях социального взаимодействия власти и населения, работодателя и работника. В 2018 г. подготовлена программа социологического обследования, посвященного выявлению качественных характеристик населения по возрастным группам, полу и месту проживания, которая позволит оценить социальную стратификацию населения Республики Коми.

Сотрудники института в прошлом имели возможность вести **долговременное наблюдение за ключевыми поселениями, предприятиями и домохозяйствами Республики Коми**. Г.В. Загайнова выполнила типологию лесных поселков и тем самым показала связь между их людностью и формами организации производства. Анализируя ход и последствия революционного реформирования экономики применительно к конкретным социальным группам людей, Т.С. Лыткина, С.С. Ярошенко, П.П. Кротов, М. Буравой (американский социолог) выявили устойчивость советской нормативной культуры поведения, неравные стартовые возможности адаптации различных слоев населения к новым рыночным условиям, возникновение замкнутых социальных групп в результате экономического раскола общества. И в настоящее время активная часть населения все еще находится под негативным влиянием несправедливой приватизации и отстранения трудовых коллективов от

управления предприятиями. Такого рода факты становятся особенно заметными в годы финансово-экономических кризисов.

В.В. Тихомирова считает, что в Республике Коми увеличение размера пособий и субсидий и новые формы их начислений в рамках *адресной социальной помощи* не сопровождались снижением бедности и повышением уровня жизни малообеспеченных слоев населения. В республике заметно возрос объем субсидий по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, свидетельствующий об усилении адресной социальной помощи, однако все еще сохраняется доминирующая роль категориальной (льготной) системы помощи. Обоснована необходимость распространения социального контракта в системе адресной социальной помощи, поскольку он увеличивает доходы, снижает уровень бедности, способствует занятости, преодолению социального иждивенчества и активному вовлечению трудоспособных малоимущих граждан в сферу трудовой деятельности.

Научное обоснование *социальной направленности финансовой политики* базируется на статистическом и экономико-математическом анализе, позволяющем установить количественные пропорции и динамику доходов и расходов различных групп населения. В работах, выполненных Ю.А. Гаджиевым, Д.В. Колечковым, А.А. Мустафеевым, В.И. Спирыгиным, М.М. Стыровым, Е.Н. Тимушевым, показана весьма противоречивая ситуация в исчислении реальных среднечеловеческих доходов, прожиточного минимума, соотношения накопления и потребления в использовании внутреннего регионального продукта, формировании региональных и местных бюджетов. При часто повторяющихся критических ситуациях и постоянном росте цен приходится больше использовать на потребление, что подрывает базу будущего развития. Поэтому прогноз инновационного развития рассматривается под углом зрения возможностей и ограничений финансового сектора экономики. Практическое значение имеют рекомендации по нормативному обеспечению финансирования как производственной, так и социальной сферы, прежде всего здравоохранения, образования и жилищно-коммунального хозяйства.

Указанные проблемы адресуются органам государственной власти и местного самоуправления, но в первую очередь самим северянам, к их самосознанию и самоорганизации.

Природно-ресурсная экономика и энергетика

В данном направлении исследований позиция института заключается в том, что потенциал и экстенсивного, и интенсивного природопользования на старых технологиях практически исчерпан, а дальнейшее развитие по пути наращивания только количественных, объёмных показателей связано с риском полного истощения сырьевых баз республики и разрушения ее экосистем.

Прежде всего отметим тематику исследований по проблеме сохранения и развития **аграрного сектора экономики северного региона**. Коллектив сотрудников под руководством В.А. Иванова нацелен на выявление и анализ факторов – положительных для сельского хозяйства и сдерживающих его развитие. Земельные ресурсы и биоклиматический потенциал многих северных регионов при соответствующей агротехнологии могут быть достаточными для производства картофеля и овощей, кормовых культур, организации крупных животноводческих комплексов и фермерских хозяйств. Однако сами земли, как показала И.С. Мальцева, в значительных размерах (в силу бесхозяйственности и ошибочной аграрной политики относительно Севера России) выведены из состава сельскохозяйственных, но не введены в категорию лесохозяйственных, промышленных или селитебных. Но и те, что находятся на балансе сельских предприятий, зачастую пустуют, обременяя хозяйственную деятельность последних. В работах В.В. Терентьева раскрыты причины и следствия крайне неудовлетворительного состояния материально-технической базы сельского хозяйства, низкой его инвестиционной привлекательности, ограниченности собственных финансовых ресурсов хозяйств, недостаточности господдержки и плохо налаженной системы льготного кредитования, отсутствия логистики сбыта продукции, необеспеченности квалифицированными кадрами, в том числе способных оказывать консультативные услуги в сфере аграрного бизнеса. Значение последнего факта отражено в работах Е.В. Ивановой.

В целях повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов А.С. Щербакова рекомендует региональным и муниципальным органам власти, руководству аграрных предприятий активизировать внутренний спрос за счет местного производства продуктов питания с постепенным ростом доли органической (экологически чистой) продукции. Это очень важно для укрепления здоровья северян. Поэтому больше внимания стало уделяться обоснованию модернизации аграрного производства для сельской периферии, включающей создание адаптивно-ландшафтных систем земледелия, использование всеми формами хозяйствования современных биотехнологий.

Рассмотрены аграрные возможности арктических территорий. Установлено, что функционирование сельского хозяйства в Арктике в силу климатической специфики и своей социальной роли не может базироваться только на основе рыночных отношений. Это относится к подсобным хозяйствам животноводства и производству овощей закрытого грунта, но главное – к оленеводству, основной арктической отрасли хозяйства. Состояние оленеводства в Республике Коми является более стабильным по сравнению с рядом других арктических территорий. Однако и здесь все заметнее актуализируется проблема сохранения биологического равновесия тундровых экосистем и оптимизации поголовья оленей.

Модернизация оленеводства и традиционных промыслов тесно увязана с обеспечением надлежащих условий жизнеобеспечения северных коренных народов. А.А. Максимовым рассмотрены вопросы сочетания личного и коллективного оленеводства, повышения уровня товарности оленеводческих хозяйств с одновременным соблюдением норм и правил этнического домохозяйства, сохранения высокой роли охоты и промыслов вдали от индустриальных центров.

В силу низкой доходности северного сельского хозяйства, больших сроков окупаемости инвестиций, незаинтересованности частных инвесторов вкладывать капитал в его развитие необходимо усилить роль государства как организатора, координатора и главного участника технико-технологического совершенствования отрасли и решения социальных проблем села. Госрегулирование аграрного производства приходится осуществлять с учетом членства России в ВТО, что отражено в публикациях М.Ю. Микушевой, как условие неоднозначного влияния на лесское хозяйство северных регионов.

Лесоэкономические исследования для института традиционны. Но в их развитии была заметная «пауза» (1991–2010 гг.), связанная с неготовностью института восполнить ликвидацию отраслевых проектно-исследовательских организаций лесного профиля. В настоящее время группа молодых сотрудников (В.А. Носков, И.В. Харионовская, М.А. Шишелов) под руководством Т.Е. Дмитриевой активизировала лесную тематику, включая академический и отраслевой (технико-экономический) подходы к ее реализации. Объединение теоретических и практических вопросов позволяет понять значение правильного учета, оценки и капитализации лесных ресурсов. Предлагается: изменить порядок расчета оптимальной лесосеки с использованием фрагментарного и крупномасштабного картографирования экономически доступных лесных площадей с учетом их экологических функций; перейти на восстановительную модель сохранения природного капитала лесов в рамках относительно больших территорий, на которых можно комплексно использовать древесину и древесные отходы, развивать домостроение, лесохимию и биоэнергетику, сочетать лесное хозяйство с другими отраслями, например, сельским хозяйством, народными промыслами, легкой и пищевой промышленностью и, что особенно важно, организовывать строительство и эксплуатацию лесовозных дорог; рубки ухода перевести на коммерческую основу, увеличив их долю в общем объеме заготовок древесины; шире использовать договора субподряда между крупным, средним и малым лесным бизнесом.

Лесное хозяйство рекомендуется рассматривать в качестве равнозначного с другими секторами лесопромышленного комплекса, не уступающего в технологическом оснащении и финансово-экономической самостоятельности. Лесопереработка Республики Коми, хотя и имеет определенные результаты повышения ресурсоэффективности, но все же отстает от соответствующих показателей лесных стран Европы почти

в два раза. Ликвидация отставания предполагает такое использование древесного и другого лесного сырья, чтобы каждый сортимент (пиловочник, тонкомерная древесина, отходы лесозаготовок и пр.) использовались комплексно и по назначению: лесопиление и деревянное домостроение, лесохимия, производство целлюлозы, бумаги, картона, плит, биоэнергетика, фармацевтика.

Горнорудный комплекс изучается И.Г. Бурцевой вместе с сотрудниками Института геологии Коми НЦ УрО РАН. Основной стала проблема комплексного использования минерального сырья. Она может быть решена на основе инженерных инновационных систем и при условии создания альтернативных способов переработки сырья, позволяющих снизить затраты, интенсифицировать основные операции, расширить ассортимент выпускаемой продукции. В настоящее время даже крупные корпорации недооценивают перспективы комплексной переработки природных ресурсов и склоняются в сторону монопродуктового производства. Это характерно, например, для СУАЛа, руководители которого до сих пор не рассматривают вопросы дополнительного, «неалюминиевого», использования среднетиманских бокситов, не ставят задачу получения в республике глинозема, белых бокситов и переработки красных шламов, извлечения редких элементов. То же можно сказать и про ЛУКОЙЛ и другие нефтяные компании, по-настоящему не решающие задачу раздельной глубокой переработки сернистой тяжелой и легкой нефти. В ряде случаев планы комплексного использования минерально-сырьевых ресурсов не реализуются из-за невозможности найти инвесторов для тех или иных комплексных месторождений.

С ориентацией на комплексность разработан перечень перспективных рекомендаций, включающий переработку бурых углей, освоение доломитовых месторождений, химически чистых известняков, гипса, цеолитов, кварцевых стекольных песков. Выделены основные социально-экономические и экологические проблемы, препятствующие поступательному развитию горнодобывающей деятельности. В целом тематика технологического развития минерально-сырьевого сектора нацелена не только на его традиционную структуру, но и на производство новых видов материалов, например, разнообразных керамик, каменного литья, базальтового и оптического волокон, искусственных кристаллов, синтетических изделий.

Топливо-энергетический комплекс А.А. Калининой, О.В. Бурым, В.П. Луканичевой изучен достаточно основательно в части экономико-геологических, горнотехнических и производственных характеристик. Ситуация меняется, и данные характеристики обновляются. Например, дана рыночная оценка стоимости добычи и переработки углеводородного сырья из новых и нетрадиционных источников, что заметно увеличивает ресурсный потенциал Тимано-Уральского региона. Более детально анализируется рыночная среда угля, нефти, газа и сланцев. На этой основе обоснованы пути обеспечения внешней и

внутренней конкурентоспособности энергетических ресурсов северных регионов. Разработаны топливно-энергетические балансы районов Европейского Севера России, позволившие оценить проблемы топливоснабжения применительно к современным условиям.

Показано, что использование шахтного метана для производства электро- и теплоэнергии обеспечит годовой экономической эффект около 300 млн руб. для каждой действующей шахты Воркуты. Получение из шламов брикетного топлива способствует повышению качества топлива, пригодного для теплоснабжения районов угледобычи и удаленных от магистральных газовых сетей. С.Л. Садов полагает, что применение метода нечетких весов в целях корректировки вероятности положительного исхода поисково-разведочных работ можно считать эффективным. На примере двух районов юга Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции показан рост вероятности обнаружения новых ловушек примерно в 1,5 раза. Изучаются экономические параметры освоения малых и средних месторождений нефти и газа.

В.И. Зоркальцев изучил совокупное влияние на региональную энергетику сезонных колебаний в потреблении энергоресурсов, изменений в их структуре, возможностей замещения одного вида топлива другим, ценовых диспропорций и других факторов. На этой основе он представил территориальную схему резервирования топливно-энергетических ресурсов и взаимной межрегиональной «страховки». И.Г. Успенская показала способы оптимизации сетей топливоснабжения с учетом экономической удаленности потребителей. Л.В. Чайка определила основные условия модернизации энергетической инфраструктуры: усиление межсистемных электроэнергетических связей, строительство новых системных электростанций, планирование комплексного развития коммунального хозяйства и усиление государственной поддержки энергоснабжения сельских населенных пунктов. Одно из важнейших условий – недопущение значительных межрегиональных различий в ценах электроснабжения, решение проблем тарифных диспропорций и высокой бюджетной нагрузки в распределении средств на субсидии и инвестиции в энергетическую инфраструктуру. По расчетам С.Л. Масунова основная их часть должна быть направлена на обеспечение экологической безопасности работы электростанций.

Экономика ТЭК тесно связана с надежностью функционирования *электроэнергетических систем*. Основой их изучения являются инженерные знания в части моделирования и прогнозирования электрических нагрузок энергосистемы с использованием искусственных нейронных сетей и нечеткой логики. Для автора данной статьи такое направление исследований является, образно говоря, «чужим полем», играть на котором географу-экономисту не совсем корректно. И все же отмечу некоторые общие положения.

Н.А. Манов впервые в нашей стране разработал порядок систематизации задач, решение которых в совокупности обеспечивает надежность

электроэнергетических систем. Ю.Я. Чукреев, М.В. Хохлов, Г.П. Шумилова, Н.Э. Готман, М.Ю. Чукреев разработали модели прогнозирования электрических нагрузок в энергетических сетях. Время упреждения прогноза от нескольких минут до нескольких суток. Специалистами данная разработка рассматривается как инновационный продукт, который может быть использован для прогнозирования электрических нагрузок в региональных, объединенных и единой (общероссийской) энергосистемах. Апробирование модели в Коми ЭЭС показало высокую точность прогнозирования электрической нагрузки.

Из других разработок отметим проект **«советчик диспетчера по послеаварийному поиску схемы восстановления электроснабжения распределительной сети»**, выполненный М.И. Успенским. Проект предназначен для повышения эффективности электроэнергетической системы, в частности, надежности электроснабжения потребителей в послеаварийном режиме. Он позволяет в значительной степени автоматизировать поиск и существенно сократить его время при восстановлении электроснабжения в распределительных сетях. Разработаны методики поиска, опытный образец. «Советчик» опробован на тестовой схеме и схеме одного из энергоузлов распределительной сети Коми энергосистемы.

Научное обоснование развития транспорта

А.Н. Киселенко, П.А. Малащук, Е.Ю. Сундуков, Н.А. Тарабукина, И.В. Фомина, А.А. Шевелева разработали *модели прогнозирования динамики функционирования отдельных видов транспорта и комплексных транспортных систем* Севера применительно к современным экономическим условиям. Это существенно корректирует схемы максимально возможного транспортного строительства, представленные ранее Э.С. Куратовой. Общая методология расчета опорной транспортной сети теперь включает в себя методы ее формирования – балансовый, нормативный, программно-целевой, стратегического планирования, потокового программирования в увязке с основными показателями развития населенных пунктов и экономических центров. Главные особенности функционирования транспортной сети Европейского и Приуральского Севера: большие расстояния до морских портов и экономических центров; неравноценность составляющих (видов транспорта) опорной транспортной сети; неравномерная транспортная доступность территории; существенный износ инфраструктуры и спад объемов перевозок на внутреннем водном транспорте. Определены узлы и дуги транспортной сети Европейской и Приуральской Арктики для каждого вида транспорта, их текущие характеристики. Транспорт увязан с режимами работы предприятий, как источниками зарождения и погашения грузопотоков. Выявлены «узкие места» пропускной и провозной способностей транспортной сети Европейской и Приуральской Арктики.

Развитие транспорта Европейского Севера России тесно связано с разработкой и реализацией федеральных проектов: железных дорог «Белкомур», «Баренцкомур», «Северный широтный ход»; комплексное развитие Мурманского и Архангельского транспортных узлов, *возрождение Северного морского пути. Учтена также высокая вероятность* организации скоростного пассажирского движения (более 100 км/час) Вологда – Санкт-Петербург, Вологда – Киров – Пермь (далее до Екатеринбурга), Вологда – Ярославль (далее до Москвы). Это создаст два северных кольца скоростного движения: Санкт-Петербург – Москва – Ярославль – Вологда – Санкт-Петербург; Москва – Ярославль – Вологда – Киров – Пермь – Екатеринбург – Москва. В перспективе планируется реконструкция участков автомобильной федеральной дороги «Холмогоры» и строительство автодорог: Сыктывкар – Воркута с подъездом к Нарьян-Мару и Салехарду; Сосногорск – Троицко-Печорск – Чердынь – Соликамск – Пермь. Необходимо разработать и реализовать специальную государственную программу возрождения водного внутреннего транспорта.

Будущее северных регионов во многом зависит от развития **«низкозатратного» транспорта и перспективных транспортных средств для труднодоступных территорий**. Более 50 % населенных пунктов Республики Коми не имеют круглогодичной транспортной связи; во многих местах отсутствует сеть воздушных линий. Некоторые населенные пункты обслуживаются вертолетами Ми-8, стоимость пассажирских перевозок на которых в среднем в 2,5 раза выше, чем на судах малой авиации. В этой связи модернизация малой и региональной авиации на долгосрочный период требует создания новых самолетов взамен эксплуатируемых и устаревших Ан-2 и Як-40. Среди перспективных транспортных средств выделяются транспорт на магнитной подвеске, суда на воздушной подушке, суда на подводных крыльях и экранопланы. Добавим к перечисленному монорельсовые и струнные транспортные системы, а также легкие самолеты нового типа, скоростные катера, дирижабли, узкоколейные железные дороги и легкорельсовый транспорт (скоростной трамвай). Из общей эволюционной морфологии транспортных сетей вытекает необходимость опережающего развития транспорта на Европейском Севере России относительно его экономики в целом. Но и при этом условии транспортная доступность многих периферийных населенных пунктов даже через 15–20 лет все еще будет ниже, чем в соседних западных регионах.

Социальная экология

В институте сформировалось мнение, что экология в ее социальной интерпретации является органической частью экономики (в отличие от экологии, как биологической науки). Это выражается в оптимизации производства с учетом нагрузок на природу, выборе предпочтительно-

го использования многоцелевых видов природных ресурсов, функциональном зонировании территории и мн. др.

Т.В. Тихонова и ее коллеги оперируют такими понятиями, как *экологические услуги, экологическое страхование, экологические риски*. Социально-экологические аспекты развития особенно ярко заметны в тематике водного хозяйства, утилизации отходов, организации туризма и рекреаций, охраны окружающей среды. *Проблема водного хозяйства* заключается в неудовлетворительном качестве питьевой воды, слабом внедрении замкнутого (оборотного) промышленного водопользования, значительных потерях воды и плохо налаженной ее очисткой. В.Ф. Фоминой разработана новая технология подготовки питьевой воды, обеспечивающая эколого-экономическую эффективность работы водоочистных станций и улучшающая качество жизни населения. Особенностью технологии является использование метода напорной флотации, как альтернативы гравитационному задержанию взвешенных частиц и методу двухступенчатого фильтрования очищаемой воды. Технология является отечественной инновационной разработкой, не имеющей аналогов в российской практике подготовки питьевой воды. Ее внедрение на водоочистной станции г. Сыктывкара позволило обеспечить население питьевой водой высокого качества.

Весьма важное направление движения к экологическому благополучию – *утилизация отходов*, в том числе за счет промышленной переработки. А.В. Коковкин привел положительные примеры в части использования попутного нефтяного газа, сокращения эмиссии CO и специфических веществ на «Монди СЛПК» и выбросов пыли на Воркутинском цементном заводе, переработки и брикетирования угольных шламов в Воркуте и Инте, развития биоэнергетики с использованием древесных отходов. Вместе с тем он зафиксировал отставание в организации сбора и переработки коммунальных твердых отходов, что приводит среду обитания к критической черте полного неблагополучия.

В функциональном зонировании территории Республики Коми центральную позицию занимает *природно-экологический каркас*. Показано, какие природные объекты и в какой географической конфигурации должны выделяться в качестве защитных от антропогенного воздействия. При этом актуализируется тематика разграничения территорий по режимам природопользования, например на территории самого экологического каркаса, в зеленых зонах городских и сельских поселений, на селитебных и промышленных площадях. Представлен алгоритм и инструменты управления особо охраняемыми природными территориями, определена эффективность внедрения бизнес-планов природоохранной деятельности. На этой основе доказана возможность образования новой особо охраняемой природной территории площадью 20 тыс. га в междуречье рек Черная и Большая Инта для сохранения флористического разнообразия, типичного для крайней северной тайги, где зафиксировано самое южное (в границах республики) островное расположение

мерзлоты. Обозначена доминирующая роль глобальных функций экосистем таежных территорий, особенно в части гидрологии и поглощения углерода.

Данные социальной экологии используются в научном обосновании *развития туризма*. В.А. Щенявский изучает производство, распределение и потребление туристических товаров и услуг, выясняет их роль в укреплении экономической базы развития северных регионов. Для экономической науки важна система показателей – индикаторов, отражающих потенциал туристической деятельности, ее доходность, сезонный регламент, стандарты и свойства управляемости.

Перечисленные тематические направления НИР института и соответствующие им результаты отражают *то, что происходит на Севере*. И в дальнейшем «происходящее» будет предопределять тематику института. Но необходимо усилить анализ условий жизнедеятельности, определить экономические методы решения задач адаптации людей и приспособления хозяйств к дискомфортному климату и сопутствующим ему природным процессам. Оно (приспособление) проводится по таким направлениям, как: территориальная «привязка» типовых проектов с учетом факторов и условий удорожания строительства; разработка и использование техники в северном исполнении; использование основ зонального (высокоширотного) проектирования в градостроительстве; минимизация вспомогательных и обслуживающих производств, широкая технологическая кооперация; применение вахтового, районного и экспедиционного методов освоения полезных ископаемых Арктики и Дальнего Севера на базе опорных пунктов Среднего и Ближнего Севера; организация комплексных ресурсно-сырьевых компаний, способных на основе универсальных технологий осваивать «разнопрофильные» месторождения и обустраивать территорию по единому плану и др.

Вместе с тем существует *общественный и научный интерес к Северу, включая Арктику, как специфическому объекту исследований* на еще более высоком уровне, чем «приспособление». Речь идет об «анатомии Севера», «его функционировании как совокупности хозяйственных и социальных систем», «арктической цивилизации». Это направление исследований является междисциплинарным, но его формирование начинается в рамках географии и региональной экономики.

Социально-экономическая география и региональная экономика

Социально-экономическая география ближе других общественных наук стоит к природе. Она изучает хозяйственные системы Севера с учетом низких температур, вечной мерзлоты, сложной ледовой обстановки, активности геомагнитных полей, низкой ассимиляционной способности биогеоценозов, недостатка ультрафиолета, экологических функций мирового значения, особенностей традиционных видов хозяйства коренных народов, относительно высоких удельных производственных и транспортных затрат. Все перечисленное необходимо постоянно обнов-

лять в соответствии с динамикой природных и общественных процессов и систематизировать так, чтобы именно они (процессы) в первую очередь определяли суть северной и арктической тематики научных исследований. Такого рода систематизация в рамках социально-экономической географии проецируется в основном на проблемы пространственного и территориального развития.

В институте вопросы *формирования пространств социально-экономической деятельности* рассматриваются в общем теоретическом плане и применительно к северным регионам. Т.Е. Дмитриева показала, что пространство любого вида экономики и общественного процесса имеет свои параметры; какая деятельность, такое и пространство. Интегральное экономическое пространство – это пространство деятельности ряда экономических агентов (распорядительных центров) в границах совместного и сопряженного взаимодействия ради достижения синергетического эффекта. Пространство, взятое в проекции потребностей человека и общества, по своей сути социально, что по значению выше, чем его чисто экономические характеристики. В итоге речь идет о таком пространстве, которое соотносится с общественным сознанием, социальной стратификацией и кластеризацией, пространственным поведением людей, духовным развитием и т.п. В общем виде пространство рассматривается как пространство социального действия и система координат, заданных спецификой деятельности субъекта и его ориентацией на благополучную жизнь. Главная функция пространства – выход на новое размещение материальных объектов и обеспечение эффективности их взаимного развития.

Автор данной статьи попытался раскрыть пространственную «анатомию» Севера и Арктики как метрическое соотношение физико-географических и экономико-географических параметров широтных природно-экономических зон и территориально-хозяйственных систем различного иерархического уровня; Т.Е. Дмитриева, развивая выше отмеченные положения, исследует специфику пространства периферии с целью преодоления барьеров полнокровной жизнедеятельности социумов, укорененных на северных территориях.

Теоретические представления о северном пространстве конкретизируются в разработках показателей и методов оценки современного состояния и перспективного развития *систем расселения населения и инфраструктуры*. Все населенные пункты Республики Коми систематизированы с использованием факторного анализа и многоэтапной сортировки. Обозначены основные негативные факторы развития населенных пунктов и возможности смягчения их отрицательного воздействия на социальное благополучие населения. Представлены рекомендации по усилению комфортности территории за счет развития общей (транспортной, энергетической, социальной, информационной) и специализированной инфраструктуры, способствующей оказанию социальных и государственных услуг, развитию производства и охране окружающей

среды. Л.А. Куратова детально изучает инфраструктуру связи с учетом возвышающейся роли для северных территорий оптико-волоконной сети и Интернета. Не потеряла своего методического значения разработанная В.И. Акоповым схема изохрон доступности социальных услуг.

Еще в начале 1990-х гг. Т.Е. Дмитриева и автор данной статьи показали связь экономико-географических теорий и **территориального хозяйствования**. Специфическое начало механизмов территориального хозяйствования заключается в том, что оно организуется на базе региональной собственности и регионального хозрасчета. Когда регионы и муниципалитеты выступают в роли хозяйствующих субъектов, тогда они становятся своеобразными квазикорпорациями, оказывающими услуги населению. Мерой эффективности территориального хозяйствования являются рост и улучшение качества совокупного социально-экономического потенциала конкретной местности. Он поддается измерению через оценки человеческого, природно-ресурсного (в том числе экологического) и научно-технического (в том числе инновационного) потенциалов. В системе расширенного воспроизводства природно-ресурсный потенциал через финансовую систему должен трансформироваться в потенциал социальный, не допуская состояния ущербности какого-либо иерархического уровня территориальной организации общества.

Методология исследований и пространственных, и территориальных аспектов социально-экономического развития основывается на построении различного рода абстрактных (идеальных) образов – многомерных моделей, позволяющих описать свойства и качества изучаемых объектов.

Таким образом, природно-ресурсный профиль экономики северных и арктических регионов в сочетании с их специфическими климатическими, экономико-географическими и этнокультурными характеристиками во многом предопределяет выбор тематики научно-исследовательских работ, нацеленных на решение проблем адаптации человека и технико-технологических систем к суровым условиям внешней среды. Формирование такой тематики происходит в рамках отдельных наук, исходя из логики их собственного развития, но вместе с тем сами науки могут «прирасти» новыми направлениями, когда Север и Арктика специально рассматриваются как особые объекты материального и духовного мира. Здесь природное проникает в социальное наиболее глубоко, а потому проблемы надежности и сбалансированности изначально целесообразно проецировать на природно-хозяйственные системы. Как показано в статье [8], их формирование и воспроизводство на Севере России – важнейшее основание для научно-исследовательской программы, которую Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера мог бы разработать совместно с другими институтами ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН».

Литература

1. Худяева, В.М. Становление и развитие экономической науки в Коми научном центре УрО РАН / В.М. Худяева. – Сыктывкар, 2005. – 218 с. – (Коми научный центр УрО РАН).
2. Кузиванова, Л.А. Подготовка кадров высшей квалификации по экономическим наукам в Республике Коми / Л.А. Кузиванова. – Сыктывкар, 2006. – 120 с. – (Коми научный центр УрО РАН).
3. Региональные энергетические исследования: 1953–1998 годы / под ред. Н.А. Манова. – Сыктывкар: Коми НИЦ УрО РАН, 1999. – 192 с.
4. Социально-экономические, демографические и исторические исследования в Республике Коми: материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения ученого-экономиста, Заслуженного работника народного хозяйства Коми АССР, Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, д.э.н., профессора В.П. Подошлелова (24 декабря 2003 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар, 2004. – 160 с.
5. Лаженцев, В.Н. Коми научный центр УрО РАН: 60 лет социально-экономических и энергетических исследований / В.Н. Лаженцев // Вестник РАН. – 2009. – Т.79, № 12. – С.1107–1112.
6. Дмитриева, Т.Е. Опыт полиструктурного представления и изучения северности / Т.Е. Дмитриева // Системы географических знаний. – Иркутск: Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2008. – С. 28–32.
7. Методы и модели исследования надежности электроэнергетических систем / отв. ред. Н.А. Манов. – Сыктывкар, 2010. – 292 с. – (Коми научный центр УрО РАН).
8. Лаженцев, В.Н. Междисциплинарный синтез и исследовательская программа (с примерами по географии Севера России) / В.Н. Лаженцев // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2017. – № 1 (29). – С.102–108.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРО-АРКТИЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Хозяйство как объект исследований в системе общественных наук¹⁸

Показаны некоторые теоретические итоги изучения хозяйства и территориально-хозяйственных систем. Их природно-социально-экономическая суть отражена с философско-методологических и географических позиций, которые учтены при определении предмета региональной экономики как научной дисциплины. Ее главный предмет – механизм территориального хозяйствования на базе региональной собственности и регионального хозрасчета. Региональная экономика, социально-экономическая география и другие общественные науки, изучающие хозяйство, могут быть введены в единый исследовательский блок (программу) по изучению таких субъектов территориального хозяйствования, как домохозяйство, соседская община (ТОС), муниципальное образование, район областного ранга, а также неформальных объектов – внутриобластных и крупных экономических районов, производственно-территориальных комплексов и кластеров.

Ключевые слова: хозяйство и его научные характеристики, территориально-хозяйственные системы и их формальные и неформальные виды, механизм хозяйства и территориального хозяйствования, междисциплинарность и научно-исследовательская программа.

Введение

Социальная и экономическая деятельность в условиях быстро меняющегося мира требует особого внимания к фундаментальным понятиям общественных наук как отправным точкам выбора стратегического курса развития. Действительно, новизна происходящих ныне природных, производственных, трудовых и финансовых процессов впечатляет. Общественные формы развития и размещения производительных сил вроде те же, что были и в XX в. (концентрация, специализация, комбинирование, кооперирование, интеграция), но их содержание стало совершенно иным. Теперь решающую роль играет концентрация знаний и инноваций; страны и регионы во все большей мере специализируются не потому, что у них разные природные ресурсы, а в силу исторических накоплений; комбинируются интеллектуальные возможности специалистов, происходит их кооперирование в рамках научно-производствен-

¹⁸ Лаженцев, В.Н. Хозяйство как объект исследований в системе общественных наук / В.Н. Лаженцев // Журнал экономической теории. – 2017. – № 3. – С. 11–22.

ных кластеров; межстрановая и межрегиональная интеграция все более осуществляется как управляемая взаимосвязь разнообразных сфер деятельности. Огромную роль стали играть людские, денежные и информационные потоки, а также высокая мобильность организационных структур управления, усиление попутного эффекта от одного вида деятельности для ряда других видов и, соответственно, взаимообусловленности размещения объектов и субъектов хозяйственной деятельности [1]. Ускоряется процесс формирования многослойного рынка, а потому руководители предприятий и районов (уже без Госплана и Госнаба) должны ежедневно сверяться с окружающей рыночной средой.

Сама экономика стала восприниматься как денежное хозяйство, а прибыль – как цель его функционирования. Действительная же экономика постоянно находится под угрозой социального расслоения населения до степени утраты платежеспособности его преобладающей части. Усиливаются диспропорции в размещении производства и, соответственно, рабочих мест. Меняется уклад жизни, которая становится все более сельско-городской. В России к тому же не преодолена дезинтеграция рыночного пространства; капитал и интеллектуальные ресурсы чрезмерно сконцентрированы в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных мегаполисах в ущерб периферии.

Неудовлетворительно оценивается социально-экологическая обстановка: огромные площади уже заселенных и обжитых мест ныне характеризуются как дискомфортные; происходит опустынивание и заболачивание земель, эрозия почв и грунтов, ухудшается гидрологический режим рек и озер. Высокая территориальная концентрация техники, производства и самих людей, чрезмерная дифференциация по уровню жизни населения, изнуряющие поездки на работу и обратно, угрожающая здоровью людей плохая экология мегаполисов и поселений с природной и производственной патологией стали опасной средой для жизни населения. Все это характерно для многих стран и для России тоже. Многие проблемы экологии нашей страны сейчас приходится адресовать маломощным в финансовом отношении субъектам хозяйствования, а это зачастую предопределяет тупиковый характер их рассмотрения. Для населения особенно ощутима финансовая слабость регионов и муниципальных образований. Большая их часть не имеет средств на инженерно-геологические, геофизические и медико-биологические обследования проблемных земельных участков селитебной и промышленной местности. Поэтому многие объекты, жилые и производственные комплексы построены и строятся без должного учета метаболизма фаций, урочищ и других физико-географических единиц. Со временем они как бы заново оживают, активизируя тектонику, гидродинамику, эрозию и другие процессы угрожающего характера. Государственные службы контроля реагируют на соответствующие чрезвычайные ситуации, когда они уже случились; постоянный же мониторинг и предотвращение угроз осуществляются крайне слабо.

Надежды людей на эффективную экономику, социальную справедливость и благоприятную экологию в определенной мере связаны с регионализацией, когда ключевая роль в организации жизнедеятельности переходит к человеку и территориальным социумам. Именно в этом процессе вновь возрастает научное и практическое значение понятий «хозяйство» и «территориально-хозяйственные системы».

Хозяйство

Хозяйство, как понятие, широко употребляется в бытовом лексиконе, нередко в науке и имеет весьма различное толкование. Это объясняется многообразием хозяйственных практик и их аспектов: философских, технологических, экономических, социальных, экологических, информационных, правовых, духовных и др.

Философия хозяйства сформировалась в нашей стране, что во многом отличает российскую научную методологию познания общества от западной. Благодаря трудам С.Н. Булгакова [2], написанным в далекие годы (начало XX в.), и Ю.М. Осипова [3], активно продвигающего свои идеи начиная с 1990 г., и других отечественных авторов хозяйство правомерно рассматривается как материальный и духовный мир человека и человечества; как сложная природно-социально-экономическая самоорганизующаяся система воспроизводства условий жизни людей. По Булгакову, «...хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. ...Хозяйство есть трудовая деятельность. ... Труд есть основа жизни, рассматриваемой с хозяйственной точки зрения. Признак хозяйства – трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ» [2, с. 39–43]. По Осипову, хозяйство – «явление культуры, ее часть, это знание и действие, но, в то же время, осознание, осознание человеком самого себя как человека, хозяйствующего» [3, с. 6]. «Философия хозяйства – не просто знание о хозяйстве, а воззренческое знание. Она связывает хозяйственное знание с общекультурным и общеприродным знанием» [там же, с. 371]. И у Булгакова, и у Осипова хозяйственный аспект жизни возвышается, но не на основе накопления материальных благ, а на основе взаимоувязки всех сторон жизнедеятельности, прежде всего связанных с природой, природопользованием и формированием благоприятной для жизни социальной среды. Единство взглядов заключается и в том, что в основе хозяйства лежит мировоззрение, которое определяет идеалы, цели и средства их достижения. Это относится прежде всего к науке. Какие идеи и принципы берет исследователь, синтезируя знания и выстраивая новые теории и концепции – от этого зависит результат его научного поиска. Практическое значение мировоззрения более всего проявляется в системе «хозяин – дом» и природно-социально-экономическом содержании данной системы.

С.Н. Булгаков далее идет по пути теологии, но с весьма полезными установками на понимание вселенской сути потребления, производства и всего хозяйственного оборота ¹⁹; Ю.М. Осипов – по пути реальной (и релятивистской) философии с упором на организацию природы (материи) и хозяйства на основе равенства их стихийного и организованного, объективного и субъективного начал ²⁰.

Близко к философии хозяйства стоит этнография. Обобщая некоторые этнографические исследования, А.В. Головнёв весьма четко выразил высокий общественный смысл хозяйства в четырех сферах культуры:

1. «Культура первичного производства – производство и воспроизводство материальных благ, орудий и средств производства в тех пределах, в которых производство ограничено от потребления.
2. Культура жизнеобеспечения – совокупность механизмов и средств, направленных на непосредственное поддержание жизнедеятельности ее носителей; сфера потребления (в том числе жилище и поселение, питание, одежда).
3. Соционормативная культура – мораль, право, обычай, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры.
4. Гуманитарная культура – совокупность научных и эмпирических знаний и опыта, а также та область познания, которая осуществляется не рациональным, а эмоциональным, чувственным путем, через искусство в самых различных его формах и проявлениях» [4, с. 18–19]. Перечисленные сферы культуры характеризуют образ жизни конкретных социумов, т.е. типы их хозяйств.

Хозяйство объективно становится народным, когда общественное разделение труда охватывает воспроизводство всех духовных и материальных благ. Важно подчеркнуть, что речь идет не только об имущественной наличности, природных и трудовых ресурсах, производстве и потреблении того или иного народа, но и о разных формах ведения хозяйства, и о соответствующем этим формам хозяйственном механизме. Совершенствование форм хозяйствования происходит в рамках мега-системы природа – общество – человек. В итоге хозяйство становится «общественным воспроизводством».

Организация и экономика хозяйства имеют в своей основе две взаимосвязанные группы общественных отношений: технологические и

¹⁹ В. Катасонов [5] в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова больше находит положительных суждений (о философском взгляде на мир через призму хозяйства, критике экономического, первичности труда, творчества и культуры, о человеке как субъекте хозяйства и мире как его объекте и др.), но отмечает и «заблуждения», обусловленные чрезмерной софиологией и ее потусторонним изображением.

²⁰ Центр общественных наук при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова выпускает журнал «Философия хозяйства», в котором хозяйство рассматривается как особая сфера знания о жизни и хозяйственной деятельности человека и человечества. – URL: <http://www.econ.msu.ru/departments/lfb/fhjournal/> (дата обращения 07.02.2017).

социально-экономические. Технологические отношения отражают способ соединения людей не только в производстве, но и во всех других сферах жизнеобеспечения, взаимосвязь которых определяет общий уровень производительности труда. Синхронность инноваций в отдельных видах деятельности является важнейшим условием высокой технологичности народного хозяйства в целом. Технологическим отношениям различного уровня соответствует определенный тип кооперации. Благодаря территориальной концентрации знаний и опыта все более значимой становится кооперация по местоположению, когда соединение элементов природных и общественных производительных сил формирует территориально-хозяйственные комплексы с высоким сопряжением деятельности отдельных хозяйств.

Технологическая структура должна соответствовать требованиям экономного хозяйствования, охраны жизни и здоровья трудящихся, охраны природы, но и сама экономика, особенно в части ценообразования, процента по кредитам и оплаты труда, не должна нарушать естественный ход научно-технического развития, т.е. делать примитивную технологию более выгодной, чем прогрессивную. Ее соответствием социальному прогрессу также обязательно: если социальная структура общества разнообразна, то и экономика должна стремиться к разнообразию (государственная и частная экономика; крупный, средний и малый бизнес; вторая экономика, параллельная экономика, смешанная экономика; эксполлярная экономика и т.п.) [6].

Хозяйственный механизм – основной предмет экономики и организации хозяйства. Он включает (по принципу концентроров): 1) механизм хозяйства – внешний круг; 2) механизм хозяйствования – средний круг; 3) механизм управления хозяйством – внутренний круг. Первое (как трактует философия) – это источники и движущие силы развития: труд и разделение труда, наука, региональные и местные интересы и потребности; второе (экономическая трактовка) – это хозяйственные отношения: по поводу собственности, производства и потребления, форм общественной организации производительных сил, межхозяйственного, межотраслевого и межрегионального взаимодействия; третье (трактовка управления хозяйством) – это различного рода институты: регламенты, стандарты, информационные системы, организационные структуры, законы, нормы и нормативы, инструкции, процедуры, экономические регуляторы. Институциональная составляющая хозяйства, как показали, например, В.Л. Тамбовцев относительно неформальных отношений [7], В.М. Полтерович – относительно организаций ускорения регионального развития [8] и В.А. Крюков – применительно к недопользованию [9], становится все более значимой во всей системе хозяйствования. Тем не менее прежде чем оперировать ценами, налогами, тарифами и прочими институциональными нормами, необходимо разобраться в сути общественных процессов, «заклоченных» в двух первых «кругах». В этой связи уместно напомнить позицию академика

А. М. Румянцева, сформулированную в 1980 г.: «Исследованию проблем управления присущи три аспекта. Во-первых, технологический, когда управление выступает как категория производительных сил. Во-вторых, экономический, где управление предстает как категория производственных отношений. И в-третьих, юридический; тем самым управление становится категорией надстроечной. Все три аспекта не изолированы друг от друга; они тесно связаны между собой, находятся в постоянном взаимодействии» [10, с. 40].

География хозяйства изучает размещение типов хозяйств, каждый из которых имеет свои характерные черты в части природно-ресурсных потенциалов, технологии и энергетики производства, организации труда, социальных укладов, норм и правил экономического поведения. Выбор основания для географической типологии обусловлен целями научного объяснения различий хозяйственных систем от места к месту. Это могут быть формы и этапы развития исторических цивилизаций [11], уровни технологического развития и технико-экономические уклады [12], соотношение экономики, культуры, богатства и власти, социальная ориентация и комфортность жизни [13], модели социально-экономической политики [14], тип хозяйственного механизма [15] и др. География хозяйства в более крупном картографическом масштабе обычно прибегает к типологии по некоторым частным, но не менее важным, основаниям: бытовой уклад социумов, культура природопользования, характер размещения производства и расселения населения, сезонность занятости, безработица, интенсивность ежедневной жизнедеятельности, состояние домохозяйств, социальное самочувствие и т.п.

Типологические характеристики хозяйств нацелены на выявление актуальных проблем гео- и региональной политики. В развитых странах к таким проблемам относятся: трудноразрешимое противоречие между экономической эффективностью и социальной справедливостью, политически и социально опасная внешняя миграция, преодоление преград равного доступа к социальным благам (независимо от места жительства), устранение чрезмерной безработицы, ориентация хозяйства на экологическую безопасность жизни, соблюдение общественных норм и правил экономического поведения, укрепление единого рыночного пространства, устранение чрезмерной территориальной концентрации производства и населения. Географический аспект политики развивающихся стран зачастую связан с проблематикой административно-территориального устройства с ориентацией либо на унитарное, либо на федеративное государство; здесь особую актуальность приобрели вопросы преодоления угроз экономического сепаратизма, совершенствования межбюджетных отношений и финансовой поддержки национально-культурных автономий. Главная забота правительств слабо развитых стран – устранение или снижение роли территориально-клановых образований в жизни общества, сохранение территориальной целостности

государства, поиск точек ускоренного роста, проникновение цивилизации в захолустные места.

Сказанное, как нам представляется, является вполне привычным для понимания особенностей хозяйственного развития в разных странах и районах, что и зафиксировано в обзоре современного состояния социально-экономической географии в России [16]. Но нельзя игнорировать и новые, необычные подходы к географическим аспектам хозяйственной деятельности. Речь идет о попытках объяснить необходимость перехода от экономической к хозяйственной географии. По Левинтову, хозяйственная география есть наука о формировании безграничных миров идей, коммуникаций и действий по поводу регионализации, которые должны «охватить» человека и социумы ради благопристойного устройства их собственного миропорядка [17]. Свою позицию А.Е. Левинтов мотивирует практическими наблюдениями и особенно философскими трудами С.Н. Булгакова, а также многих других ученых, начиная с Аристотеля. Еще один пример пока непривычного: география (по Ишмуратову) изучает комплексы наивысшей полноты – ноогеоценозы, которые образуют наружный «слой» Земли как планеты [18, с. 30]. «Мир идей регионализации» и «ноогеоценозы» укрепляют позиции теоретической географии и как бы заставляют географов и экономистов, изучающих конкретику, думать о возможности их практического применения.

Геоэкология хозяйства занимается взаимоувязкой природных и общественных территориальных систем примерно одинаковой размерности ради сохранения жизненной среды населения и нацеливает на соблюдение сбалансированности внутри отдельных природно-ресурсных циклов (минерально-сырьевого, лесного, водохозяйственного и др.), на формирование природно-хозяйственных комплексов с параметрами, заданными как самой природой, так и общественными потребностями. Если к призыву «встать на путь зеленой экономики» подойти конструктивно, то окажется, что в классической экономической формуле $C + V + M$ первая составляющая (C) должна расти более быстрыми темпами, чем вторая (V) и третья (M), в значительной мере в силу модернизации основных фондов и роста затрат на охрану природы²¹. Практика хозяйствования, соответственно, должна исходить из того положения, что земля и иные природные ресурсы представляют собой экономические активы с отражением их в специальных формах учета национального богатства и основных фондов конкретного предприятия.

Все более практический характер приобретает положение о том, что стоимость национального и даже мирового товарооборота в конечном счете определяется совокупностью потребностей людей, включая и потребность в приемлемой для жизни окружающей среде. Стоимость даже единичного товара не собирается из частей (отдельных видов затрат), как кажется на первый взгляд исходя из бухгалтерской кальку-

²¹ В России же такой положительной динамики не наблюдается: в 2005 г. доля ВВП ($v + m$) в выпуске продукции составила 58,4 %, в 2015 г. – 62,4 %.

ляции; она изначально образуется на рынке как целое, которое затем раскладывается на части. Затраты на охрану природы и воспроизводство ее ресурсов желательнее рассматривать в качестве «защищенных статей» бюджетов государств, муниципалитетов и предприятий. Учет экологического фактора в общественном воспроизводстве отражает реальную картину нашей жизни. Например, по официальным данным, в 2001–2007 гг. (т.е. до кризиса 2008–2010 гг. и последующих финансовых кризисов) ежегодный рост ВВП в России достигал 6–7 %. Но по данным Всемирного банка, при учете истощения природного капитала и загрязнения окружающей среды, изменения в этот период оцениваются с минусом – 10–13 % [19, с. 17].

Решение проблем рационального природопользования и охраны окружающей среды в значительной мере связано с преодолением экономического детерминизма. При этом надо принимать как должное разнообразие миропорядка, где экономические показатели не всегда играют решающую роль. С другой стороны, надо усилить экономику как дисциплину по оценке общественно необходимых затрат, включая и денежные эквивалент природных рисков [20].

Пространственная экономика изучает пространство определенных видов социальной, экономической, экологической и других видов деятельности и их совокупностей, в границах которого данная деятельность осуществляется наиболее оптимально в соответствии со своими внутренними закономерностями. Свойства и качество пространства конкретизируются относительно определенного вида деятельности целенаправленным измерением расстояний, организацией взаимодействия центра и периферии, оформлением конфигурации хозяйственных систем и др. Экономическая наука оперирует такими понятиями, как «единое экономическое пространство», «приватизированное пространство», «пространственное поведение», «экономическая плотность», «интеграция и дезинтеграция пространства» и т.п. Главный предмет пространственной экономики – социально-экономическая интеграция, т.е. управляемая кооперация административно-политических и хозяйствующих субъектов.

Региональная экономика использует весь арсенал перечисленных аспектов хозяйства и механизмов его развития с учетом специфики местных природных и социально-политических условий. Региональные хозяйственные системы имеют «идеальный» стандарт (дифференцированный по континентам и странам), выраженный в оптимальных размерах территории, численности населения и/или трудовых ресурсов, объемах производства и потребления. Сравнение реальных региональных систем с их стандартом требует научного объяснения причин отклонения от стандарта. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что использование всех атрибутов хозяйства применительно к идеальным (стандартным) и реальным хозяйственным системам не определяет специфику региональной экономики как науки. Автор полагает, что такая специфика

заключается в предметной сущности региональной экономики – в организации территориального хозяйствования, т.е. деятельности по поводу формирования и рационального использования муниципальной и субфедеральной собственности, а также межхозяйственной и межрегиональной кооперации. Проблематика региональной собственности и на ее основе – регионального хозрасчета – отражена применительно к России в книгах В.Н. Лаженцева и Т.Е. Дмитриевой [21] и И.И. Сигова [22]; из зарубежных авторов более близок нашим взглядам на общественный характер региональной собственности и регионального хозрасчета Уолтер Дж. Хигл, который полагает, что консолидация людей на основе общих выгод от природопользования и справедливого их распределения (он приводит пример Аляски) может разрешить многие социальные и геополитические конфликты [23].

К региональной экономике нельзя относить все то, что есть и что происходит в конкретном регионе, даже разработку и реализацию стратегий его развития. Последнее, скорее, относится к методологии и организации проектной деятельности с опорой на ряд научных дисциплин. К сожалению, специфика региональной экономики зачастую не принимается во внимание.

Территориально-хозяйственные системы – хозяйствующие субъекты

Территориально-хозяйственные системы (ТХС) мы определяем как совокупность распорядительных центров и их ресурсов, объединенных общими интересами местоположения и совместной деятельностью по созданию благоприятных условий для реализации данных интересов. ТХС автор представляет следующим образом [24]:

1. место – дом – домохозяйство – домовладение – семья;
2. местность – община – поселение – предприятие – сход (ТОС);
3. физико-географический округ – территориальная общность людей – куст поселений – хозяйственный узел – муниципалитет;
4. физико-географическая провинция – население – район расселения – территориально-хозяйственный комплекс – региональное правительство.

Домохозяйство (по статистическому определению) – совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении или его части, как связанных, так и не связанных родством, совместно обеспечивающих себя всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства; домохозяйство может состоять из одного человека, живущего самостоятельно. Бюджетные обследования домохозяйств в России оставили значительный исторический след в экономической науке и практике. Если, используя опыт предшественников, поставить цель проводить бюджетные исследования домашних хозяйств более детально и более содержательно, чем это делается в настоящее время, то следовало бы воспользоваться прежде всего трудами и методиками А.В. Чайнова. Из зарубежного опыта он воспринял связь домохозяйств с

окружающей природной и социальной средой. Читаем: «...французский горный инженер Фредерик Ле Пле опубликовал обширное обследование "Рабочее население Европы...", в котором дал 36 подробнейших монографий рабочих семей. Прежде всего он стремился установить характеристику того района, в котором живет семья, условия труда, религиозный и бытовой уклад семейной жизни, ее санитарное состояние и, наконец, то социальное положение, которое семья занимает в округе» [25, с. 36]. Эту методологическую установку в дополнение к своим многочисленным показателям А.В. Чаянов ввел в статистику домашних хозяйств и представил их как территориальные образования.

Но есть пример более раннего наставления о том, как фиксировать домашние хозяйства и местную специфику жизни – произведение М.В. Ломоносова [26, с. 305–306], который доказывал, что хозяйство тесно связано с трудовыми навыками народов и одновременно с природными условиями, что совместное действие общественного и природного в разных местах происходит по-разному. Напомню также, что исследованию А.В. Чаянова предшествовал труд В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» [27], в котором, с одной стороны, широко использована земская статистика с применением оригинальных группировок домашних хозяйств, с другой – показана объективная необходимость порайонного анализа процессов общественного разделения труда и формирования внутреннего российского рынка. В.И. Ленин показал, что углубление статистических методов анализа массовых социально-экономических процессов и явлений на местах есть правильный путь выявления устойчивых тенденций в развитии капиталистических отношений в России в целом. Именно порайонный анализ хозяйств позволил доказать достаточность российского хозяйственного оборота для реализации внутри страны получаемой добавленной стоимости с учетом международной торговли, но без преувеличения ее роли.

Текущий момент в развитии домохозяйств России характеризуется тем, что они располагают ресурсами (как в городской, так и в сельской местности) в 2,6 раза меньше объема денежных средств, необходимых для того, «чтобы жить хорошо» (по оценке самих домохозяйств). Устранение столь существенного разрыва между «существующим» и «необходимым» – важнейшая задача социально-экономического развития России. Необходимо также учесть устойчивую тенденцию к приобретению земельных участков в частную собственность, к автономному энергообеспечению домохозяйств на новой технической основе и некоторые другие положительные нововведения.

Территориальная община – группа людей, проживающих в пределах населенного пункта (села, деревни, микрорайона, поселка или города) и связанных общими хозяйственными, политическими, духовными интересами. Важнейшая характеристика общины – наличие у каждого из ее членов сознания своей принадлежности к определенному, отличному от других, территориальному коллективу. Люди объ-

единяются для защиты своих интересов, выработки норм социально-го и экономического поведения в большей мере на основе бытового права, в меньшей – права, установленного властью. Пример общины в современной России – структуры территориального общественного самоуправления (ТОС). Основные виды деятельности ТОС: планировка и благоустройство территории, ландшафтная архитектура, охрана окружающей среды, в том числе утилизация мусора, субботники, культурные и спортивные мероприятия, защита прав членов общины, рассмотрение спорных вопросов, в ряде мест (там, где возможно и целесообразно) – создание своих управляющих и обслуживающих компаний в сфере ЖКХ, договорные отношения с муниципалитетом и предприятиями по поводу выше перечисленного. ТОС – трудно реализуемый институт самоорганизации населения, особенно в городах, из-за отсутствия условий для общественной работы и утраты привычки общения по месту жительства. Чтобы преодолеть указанные трудности, ТОС, во-первых, должны быть юридическими лицами, во-вторых, обладать собственностью, в-третьих, в минимальных размерах осуществлять хозяйственную деятельность, строго соответствующую своему предназначению территориального развития.

Муниципальное образование – самоуправляемая административно-территориальная единица, одна из исторически сложившихся форм территориальной организации жизни людей и местного хозяйства. Обычно рассматривается с двух сторон: как орган местного самоуправления (власть) и как то, что подлежит управлению – поселение, район, округ. Муниципальная экономика нацелена не на прибыль, а на рост ресурсов коллективного пользования и предоставление качественных социальных услуг; она играет также роль амортизатора роста цен и тарифов на социально значимые товары и услуги. Она не может быть полностью погружена в рыночные отношения. Муниципальный сектор хозяйственной деятельности на современном этапе представляет собой полу-экономику и полухозяйство [28]. Муниципалитет (как хозяйствующий субъект) вступает в экономические отношения с другими субъектами: домашними хозяйствами, общинами, предприятиями, органами государственной власти.

Значительные резервы роста муниципальной собственности заключены в рациональном распределении земельного и лесного фондов и в смещении общественных финансовых ресурсов в сторону местной экономики. В составе муниципальных земель сельскохозяйственного назначения и тех, которые можно вернуть в сельскохозяйственное пользование, желательно выделить площади для закрепления за животноводческими комплексами с целью создания собственной кормовой базы и производства картофеля и овощей на органических удобрениях (на условиях «льготной» аренды или долгосрочного пользования с минимальным налогообложением). Забота муниципалитетов – механизация фермерских, личных подсобных и дачных хозяйств, в том числе за счет

размещения «мини»-машиностроительных станций коллективного пользования; создание семенного фонда для выращивания картофеля, овощей, кормовых трав с учетом климатических и почвенных условий территорий; строительство в сельской местности унитарных предприятий, совмещающих в своей технологической структуре хранение и переработку картофеля, овощей, грибов и ягод. Актуальной стала проблема взаимодействия городских и сельских муниципальных образований. Их отношения складываются по принципу: город – это инфраструктура относительно тяготеющих к нему сел и деревень, а последние есть инфраструктура города. Эта объективная картина организации жизнедеятельности территориальных общностей людей предопределяет предметную сущность современного социально-экономического пространства [29].

Областной (краевой, республиканский) район – административно-территориальная единица страны, обладающая конституционным правом распоряжаться ресурсами, достаточными для выполнения своих государственных функций и оказания почти полного набора социальных услуг населению. Областной район (в существующей в России трактовке – регион, субъект Федерации) одним лицом смотрит в сторону национальной и мировой экономики, другим – внутрь самого себя. На практике это означает разделение деятельности региональных правительств на два «фронта»: 1) работа с центральным (федеральным) правительством в рамках межбюджетных отношений и целевых программ, с национальными и транснациональными корпорациями ради размещения на своих территориях крупных объектов промышленности и транспорта, а также ради выравнивания уровней социального обеспечения населения; 2) исполнение своих полномочий относительно регулирования внутрирегионального социально-экономического развития.

Основная миссия областного района – создание условий для развивающегося населения. Именно эта сфера государственного управления имеет весьма существенные недостатки, особенно в части низкого качества пространства жизнедеятельности. Не следует искать причину этих недостатков в «дробности» районов областного ранга. Их сложившиеся границы и транспортная сеть, связывающая областные центры, определяют административно-управленческий и социально-экономический каркас нашей страны на относительно длительное время. Как бы ни «перекраивалась» карта нашей страны, район областного ранга должен быть сохранен в любом статусе, но предпочтительно в статусе субъекта Федерации.

Неформальные хозяйственные районы

От областных районов экономическое районирование получает «разверстку» вниз и вверх как бы поверх административных границ; практически такое необходимо для управления либо региональной, либо национальной экономикой. От того, как организовано пространственное взаимодействие областных районов и муниципальных обра-

зований, зависит и эффективность исполнения функций федеральных, региональных и местных органов власти.

Внутриобластные районы – единицы территориального планирования и районного проектирования, выделение которых обусловлено необходимостью «привязки к месту» стратегических задач социально-экономического развития области, края или республики. Смежные районные (окружные) – муниципальные образования объединяются в территориальные группы, с тем чтобы правильно спрогнозировать развитие линейной инфраструктуры и объектов социального обслуживания населения, исходя из внутренней логики их размещения. Е.Е. Лейзерович выделил в России 423 внутриобластных района и дал им типологическую характеристику [30].

Крупные экономические районы – опорные образования в территориальной структуре народного хозяйства страны, плацдарм реализации государственной политики в области размещения производительных сил и реализации капиталоемких национальных проектов. Это единицы не региональной, а национальной экономики, ныне ошибочно подменные федеральными округами. Для России необходимо новое генеральное экономическое районирование, совмещенное с новыми федеральными округами. Оно необходимо в первую очередь как способ территориальной организации производительных сил с учетом неравномерности пространственного развития нашей страны, угроз появления больших «мертвых зон», глобальности природных процессов, крупномасштабного освоения минерально-сырьевых и биологических ресурсов, районообразующей роли энергетики, транспорта и гидротехнических сооружений, выделения территорий опережающего развития (все это, по сути, составление нового плана ГОЭЛРО с выделением ряда ключевых территориальных научно-производственных комплексов как единиц программно-целевого планирования).

Производственно-территориальные комплексы – «организованный в определенных технических формах общественный человеческий труд с энергетическим и машинным его вооружением, приложенный к определенному сочетанию природных ресурсов...» [31, с. 140]; «районные комплексы следует рассматривать и изучать как единство многообразия, как явления, развивающиеся по всем общественно-историческим законам» [там же, с. 162]. Эти определения Н.Н. Колосовского, классика учения о производственно-территориальных комплексах, редко цитируются, хотя именно они нацеливают на понимание диалектики производственного комплексирования. Заметим, что его общественный характер фиксировался в виде преимущества социализма над капитализмом. При разработке Плана ГОЭЛРО и на последующих этапах экономического районирования производственно-территориальный комплекс представлялся в виде материально-технической базы крупных экономических районов России; затем он был переименован в ТПК – способ реализации крупных инвестиционных проектов с использованием целевых

программ (программно-целевые ТПК [32]). Программно-целевой ТПК сначала представляется в виде схем и проектов. Составление их – сложная работа, а потому сама «работа» стала предметом исследований и потребовала разработки определенной методологии. Именно методология и соответствующее моделирование в конечном итоге и получили общее признание в качестве важнейшего результата экономической географии и региональной экономики под названием «ТПК-подход» (по аналогии с системным подходом). Зачастую анализируются не сами комплексы и системы, а искусственно сформированные абстрактные представления о них, в рамках которых решаются задачи по оптимизации структуры производства конкретного региона [33]. «ТПК-подход» позволяет понять порядок распределения общих природных и трудовых ресурсов в границах конкретных территориально-хозяйственных систем (промышленных узлов, муниципальных образований, областных и крупных районов).

ТПК в современных условиях можно представить в качестве своего рода *квазикорпораций*, действующих на договорных началах с участием делегированных представителей юридически самостоятельных предприятий, региональной и местной власти. Но при определенных формах организации управления производством квазикорпорация может быть преобразована в настоящую корпорацию. Прежде всего, обратим внимание на перспективы организации *производственно-территориальных холдингов*, состоящих из материнской и дочерних компаний, ведущих хозяйственную деятельность на базе территориальных сочетаний природных ресурсов. Далее отметим, что в системе территориального развития важную роль играют отношения, которые в последние годы стали обозначаться понятием «кластер» (перенесено из западной литературы со ссылкой на М. Портера и других авторов). Приведем два определения: «Кластер – это скопление постоянно контактирующих друг с другом независимых фирм, работающих в одной отрасли или подотрасли, и группа компаний, оказывающих основным фирмам сервисные услуги. В состав кластера также часто входят государственные и образовательные и/или исследовательские организации, имеется контролирующий развитие кластера орган» [34, с. 153]. «Кластерный подход позволяет "связать" центр и его окружение за счет более тесного межфирменного взаимодействия; создания общих рынков труда, технологий, знаний и повышения доступа предприятий к использованию общих ресурсов; сокращения общих издержек и формирования синергетического эффекта взаимодействий» [35, с. 29].

Определения сами по себе не вызывают возражений, наоборот, они весьма квалифицированно сформулированы и для теории весьма полезны. Однако трудно понять меру приращения знаний относительно уже давно существующих представлений о территориальных формах организации хозяйства. Следовало бы принять во внимание, что терминология иногда специально меняется ради фиксации мнимой новизны результатов науки. В отечественной научной литературе под влиянием

такого рода новаторства как бы вынужденно кластеры стали отличать от территориально-производственных комплексов по признаку движущих сил их формирования (кластер – продукт рынка; ТПК – продукт плана и административных решений), а также по признаку целевых установок. Многие полагают, что кластер способствует повышению групповой конкурентоспособности на основе использования новых знаний и инноваций, и это более четко проявляется в условиях территориальной компактности взаимодействующих предприятий; ТПК – форма реализации крупных народнохозяйственных программ, как правило, в регионах нового освоения или в староосвоенных, подлежащих коренной реконструкции. Нам представляется такое разграничение неубедительным. Кластеризацию целесообразно рассматривать не как обычное территориальное взаимодействие предприятий и организаций, а как метод организации решения новых задач в области научно-технического и социального прогресса. В таком виде она (кластеризация) может и должна проводиться в разных организационных формах и на разных территориальных площадках или вообще – экстерриториально. Кластеризации подлежат не сами предприятия и организации, а их отдельные функции. Поэтому содержание кластера следует определять сутью предстоящего совместного дела, выполняемого на основе специального плана координации и с высоким уровнем организованности.

Научно-исследовательская программа формирования и развития территориально-хозяйственных систем

Научное объяснение хозяйства и территориально-хозяйственных систем (ТХС) может быть дано как на дисциплинарном, так и на междисциплинарном уровне. Второе становится обязательным, когда ключевые понятия, теории и методы отдельных наук образуют исследовательскую программу.

Научно-исследовательская программа является одной из основных единиц научного знания; она представляет совокупность и последовательность теорий, связанных общностью основополагающих идей и принципов. Одним из первых в качестве объекта изучения не отдельной научной теории, а их последовательность, оформленную в программу, был Имре Лакатос, английский философ венгерского происхождения. Он писал: «Согласно моей методологической концепции, исследовательские программы являются величайшими научными достижениями и их можно оценивать на основе прогрессивного или регрессивного сдвига проблем; при этом научные революции состоят в том, что одна исследовательская программа (прогрессивно) вытесняет другую. Эта методологическая концепция предлагает новый способ рациональной реконструкции науки... В соответствии с моей концепцией фундаментальной единицей оценки должна быть не изолированная теория или совокупность теорий, а исследовательская программа» [36, с. 274–275]. Отсюда правомерным станет заключение, что внутренние структурные

элементы программы (аксиомы, гипотезы, теории), как правило, формируются на междисциплинарной основе хотя бы потому, что возможность опровержения программ (а это важнейшее условие диалектики научного знания) порой затруднена в рамках одной науки, но вполне осуществима со стороны других наук. Примером тому служит монография П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко, в которой труды И. Лакатоса осознанно использовались применительно к пространственной экономике именно как к научно-исследовательской программе [37].

Если следовать И. Лакатосу, но уже с учетом опыта, изложенного в указанной монографии, то можно понять, что то или иное учение, излагающее последовательность теорий изучения конкретных или абстрактных систем под углом зрения решения научных и/или практических проблем, в определенной мере является программой. Действительно, не только П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко, но и многие другие авторы теоретических трудов (может быть неосознанно) излагают свои мысли в программном ключе (что и как надо делать в соответствии со сменой значения определенных теорий). Следует ли самому автору (или авторам) заниматься практической реализацией своих исследовательских программ – это самостоятельный выбор каждого. Но доказать целесообразность замены ранее используемых «старых» программ своей «новой» программой с указанием на потребности (вызовы) практики – необходимо.

«Жизнь» исследовательской программы связана с решением конкретной проблемы, которая (как и сама программа) зарождается, т.е. фиксируется, проходит определенные стадии своего решения и завершается получением новых знаний об идеальных и реальных образах изучаемых систем. Работа в рамках «проблема – программа» для российских географов, экономистов, философов – методологов науки вроде бы привычна, и ее технология более-менее понятна. Поэтому методологическая роль исследовательской программы, как единицы научного знания, по-видимому, будет возрастать.

Социально-экономическая география и региональная экономика играют ключевую роль в формировании и реализации научно-исследовательских программ по формированию и развитию ТХС. К числу преимущественно географических теорий автором отнесены [24]: функция места (конкретная часть географического пространства несет (или может нести) определенную хозяйственную функцию), линейно-узловые структуры (представление об идеальных формах размещения населения и производства), центр – периферия (поиск путей преодоления негативного синдрома периферийности), районообразование (выявление закономерностей объективных процессов локализации производительных сил и их субъективный учет в территориальном планировании); геосистемный подход (сопряженное ранжирование природных и общественных геосистем).

Среди теорий региональной экономики мы выделили те, которые генетически связаны с общественной географией: *смешанная экономика* (доказательство необходимости развития различных типов экономик (рыночных, плановых, эквиполярных) и их «симбиозов», например, местной экономики); *теория региональной собственности* (утверждение, что территориальные хозяйственные сообщества функционируют как распорядительные центры на базе коллективных форм собственности); *региональный хозрасчет* (теория территориального хозяйствования на основе рационального использования и воспроизводства региональной собственности); *теория регионального воспроизводства* (оптимизация использования финансово-экономических ресурсов на обеспечение устойчивого развития природно-хозяйственных систем с учетом их экологических и социально-культурных характеристик).

Указанные теории социально-экономической географии и региональной экономики в совокупности представляют единый и неделимый исследовательский блок, без которого невозможно управлять процессами формирования и развития ТХС.

Заключение

Уроки пройденного в тематике «хозяйство и территориально-хозяйственные системы» заключаются, прежде всего, в том, что само понятие «хозяйство» не сводится ни к производству, ни к средствам труда, ни к экономике или отдельным видам экономической деятельности; кроме перечисленного оно содержит нечто большее: человека-хозяина, его мировоззрение, социальную организацию частного и общественного труда и быта, широкий спектр типов хозяйств, хозяйственных отношений и институтов. Хозяйство насыщается природой не только как потребитель ресурсов, но и как созидатель окружающей человека среды, включая красоту ее естественных и искусственных ландшафтов. Переход от хозяйства к его территориальной структуре должен начинаться именно с организации природы в виде геосистем – от фаций и урочищ до физико-географических областей – включения их в хозяйства, соответственно, семьи, соседской общины, муниципального образования, области (края, республики). Соразмерность природных и общественных геосистем характерна и для неформальных территориальных структур – внутриобластных и крупных экономических районов, производственных и социальных территориальных комплексов. Когда речь идет о хозяйственном обороте в целом как общественном воспроизводстве, то необходимо иметь в виду и воспроизводство природного потенциала геосистем.

Все более понятной становится потребность в организации рационального территориального хозяйствования. Со стороны социально-экономической географии оно рассматривается как процесс формирования и совершенствования территориально-хозяйственных систем, со стороны региональной экономики – как создание хозяйственного механизма

устойчивого функционирования данных систем, со стороны философии и социологии – как мировоззрение и жизнедеятельность территориальных общностей людей. Автор полагает, что в науку и практику территориального хозяйствования целесообразно вернуть понятие «региональный хозрасчет», но не в толковании всеохватывающего регионального счетоводства, а в смысле расчетливого ведения общинного, муниципального, окружного, областного видов хозяйств на базе соответствующей территориально-коллективной (региональной) собственности.

Хозяйство – объект ряда общественных наук, а потому кажется, что его с самого начала необходимо рассматривать с позиции междисциплинарного подхода. Однако нам представляется, что междисциплинарность возникает не сразу, а в ходе осознания необходимости синтеза ключевых понятий и методов различных (как правило, смежных) наук в единой научно-исследовательской программе. Сначала надо иметь развитые научные дисциплины, а затем междисциплинарные программы и проекты. Рассмотрение П.А. Минакиром и А.Н. Демьяненко пространственных аспектов организации общества и его экономики с позиции учения Имре Лакатоса о научно-исследовательской программе в качестве единицы познания может существенно способствовать правильному применению междисциплинарности в исследовательской работе. Программа, по Лакатосу, – не только синтез аксиоматики, гипотез и теорий, но и переход в новое проблемное поле науки, отражение качественных сдвигов не только в познании, но и в познаваемой действительности. Как применить сказанное к территориально-хозяйственным системам в условиях многоукладности самого хозяйства и рыночных отношений – это уже задание на предстоящее...

Литература

1. Пилясов, А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России / А.Н. Пилясов // Региональные исследования. – 2011. – № 1. – С. 4–31.
2. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – Москва: Наука, 1990. – 412 с. (социологическое исследование; впервые издано в 1912 г.).
3. Осипов, Ю.М. Опыт философии хозяйства / Ю.М. Осипов. – Москва: Изд. МГУ, 1990. – 382 с.
4. Головнёв, А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А.В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 607 с.
5. Катасонов, В. «Философия хозяйства». К 100-летию выхода в свет работы о. Сергия Булгакова. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/08/02/filosofiya_hozyaistva/ (дата обращения 20.01.2017).
6. Макаров, В.Л. Социальный кластеризм: Российский вызов / В.Л. Макаров. – Москва: Бизнес Атлас, 2010. – 272 с.
7. Тамбовцев, В.Л. Экономическая теория неформальных институтов / В.Л. Тамбовцев. – Москва: РГ-Прогресс, 2014. – 174 с.

8. Полтерович, В.М. Региональные институты модернизации / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 4 (55). – С. 17–29.
9. Крюков, В.А. Эволюция правил и процедур, определяющих подходы к освоению минерально-сырьевых ресурсов / В.А. Крюков // Журнал экономической теории. – 2016. – № 3. – С. 106–117.
10. Хозяйственный механизм на современном этапе / [П. Г. Бунич, Л. И. Абалкин, Г.Б. Правоторов и др.]; под ред. П.Г. Бунича. – Москва: Экономика, 1980. – 232 с.
11. Яковец, Ю.В. История цивилизаций: учеб. пособие. – Москва: Владар, 1995. – 461 с.
12. Глазьев, С.Ю. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования / С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов, Г.Г. Фетисов. – Москва: Наука, 1992. – 208 с.
13. Роузфилд, С. Сравнительная экономика стран мира: Культура, богатство и власть в XXI веке: пер. с англ. / С. Роузфилд. – Москва: РОС-СПЭН, 2004. – 432 с.
14. Аганбегян, А.Г. Почему мы не идем в ногу с передовыми странами? / А.Г. Аганбегян // Экономическая политика. – 2011. – № 5. – С. 9–20.
15. Безверхая, О.Н. Развитие теории хозяйственного механизма и особенности его реализации в отдельных моделях экономики / О.Н. Безверхая, Е.В. Потапова // Журнал экономической теории. 2016. – № 3. – С. 220–233.
16. Социально-экономическая география в России / под общ. ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова; Русское географическое общество. – Владивосток: Дальнаука, 2016. – 326 с.
17. Левинтов, А.Е. От района к региону; на пути к хозяйственной географии / А.Е. Левинтов // Вопросы методологии. – 1991. – № 3. – С. 45–52.
18. Ишмуратов, Б.М. География – кризис идентичности / Б.М. Ишмуратов // Географические исследования Сибири: в 5 т. – Т. 5. Общественная география / Ин-т географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. Новосибирск: Гео, 2007. – 374 с.
19. Сдасюк, Г.В. «Рио + 20»: концепция устойчивого развития «зеленой экономики» и проблемы ее реализации в России // Россия и ее регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию / Г.В. Сдасюк, А.А. Тишков. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – С. 11–37.
20. Порфирьев, Б.Н. Природные риски в условиях современного экономического роста: теория и практика государственного и негосударственного управления / Б.Н. Порфирьев // Российский экономический журнал. – 2006. – № 1. – С. 37–48.
21. Лаженцев, В.Н. География и практика территориального хозяйствования / В.Н. Лаженцев, Т.Е. Дмитриева. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – 137 с.

22. Сигов, И.И. Региональная собственность / И.И. Сигов. – Санкт-Петербург: ИПРЭ РАН, 2001. – 44 с.
23. Хигл, У. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России: пер. с англ. / У. Хигл. – Москва: Изд. Дом «Прогресс», 2004. – 360 с.
24. Лаженцев, В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития / отв. ред. А.И. Татаркин. – Екатеринбург–Сыктывкар: ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, 2014. – 236 с.
25. Чайнов, А.В. Избранные труды / А.В. Чайнов; редкол. серии: В.Е. Адамов и др. – Москва: Финансы и статистика, 1991. – 432 с. (Статистическое исследование).
26. Ломоносов, М.В. Мнение об употреблении нынешних ревизии в пользу географии российской и сочиняющегося нового атласа / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 9. – Москва–Ленинград, 1955. – С. 305–306.
27. Ленин, В.И. Развитие капитализма в России / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. – 792 с.
28. Анимица, Е.Г. Муниципальное хозяйство и муниципальная экономика: существенно-содержательные характеристики / Е.Г. Анимица // Пространственная организация общества: сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. – С. 15–36.
29. Модернизация инфраструктуры развития сельских территорий / кол. авт. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2016. – 241 с.
30. Лейзерович, Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология) / Е.Е. Лейзерович. – Москва: Трилобит, 2004. – 128 с.
31. Колосовский, Н.Н. Основы экономического районирования / Н.Н. Колосовский. – Москва: Госполитиздат, 1958. – 200 с.
32. Бандман, М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований / М.К. Бандман. – Новосибирск: Наука, 1980. – 256 с.
33. Малов, В.Ю. Локальные территориальные системы / В.Ю. Малов. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1992. – 149 с.
34. Пилипенко, И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы / И.В. Пилипенко. – Смоленск: Ойкумена, 2005. – 496 с.
35. Татаркин, А.И. Программно-проектная модернизация федеративного устройства России / А.И. Татаркин, Ю.Г. Лаврикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 6. – С. 17–33.
36. Лакатос, И. История науки и ее рациональные реконструкции / Методология исследовательских программ / И. Лакатос – Москва: «Аст»; «Ермак», 2003. – С. 274–275. – URL: <http://vikent.ru/enc/1929/> (дата обращения: 09.11. 2016 г.).

37. Минакир, П.А. Очерки по пространственной экономике / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко; отв. ред. В.М. Полтерович. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.

Социально-экономическая география и междисциплинарный синтез в изучении Севера и Арктики России²²

Север и Арктика правомерно относятся к объектам междисциплинарных исследований, методология проведения которых затрагивает содержание предметов самих наук. Их неформальное сближение ради решения комплексных проблем предложено проводить путем сопряжения ключевых понятий каждой научной дисциплины, включенной в исследовательский проект, и целенаправленного использования разнообразных аналитических методов. В междисциплинарности первостепенное значение приобретают не атрибуты внешнего (многоаспектного) описания объекта исследования, а его внутренние характеристики. В изучении Севера и Арктики социально-экономическая география играет наиболее существенную роль, если она включена в междисциплинарный синтез (наряду с физической географией, статистикой, региональной экономикой, социологией и др.) своей «финальной частью» – научной дисциплиной, изучающей территориальные природно-хозяйственные комплексы. Последние представлены как общественные геосистемы, имеющие примерно равную размерность с природными геосистемами. При таком подходе к междисциплинарности Север и Арктика, взятые в целом, не являются социально-экономическими системами, а потому их основная проблематика переходит на локальный и региональный уровни.

Ключевые слова: Север, Арктика, география, междисциплинарный синтез, геосистемность, природно-хозяйственный комплекс.

V.N. Lazhentsev. Socio-economic geography and interdisciplinary synthesis in the study of the North and the Arctic of Russia

Abstract. The North and the Arctic are legitimate objects of interdisciplinary research, the methodology of which involves the content subjects of sciences themselves. To solve complex problems the author proposes informal convergence of sciences by mating the key concepts of each scientific discipline, included in the research project, and targeted using a variety of analytical methods. The most important aspects of interdisciplinarity are internal characteristics of the research object, not its external (multi-dimensional) attributes of description. Socio-economic geography plays the most important role in studying the North and the Arctic, if it is included in an interdisciplinary synthesis (along with physical geography, statistics, regional economy, sociology, etc.) by its «final part» – the scientific discipline that

²² Лаженцев, В.Н. Социально-экономическая география и междисциплинарный синтез в изучении Севера и Арктики России / В.Н. Лаженцев // *Пространственная экономика*. – 2015. – № 4. – С. 117–130. DOI: 10.14530/se.2015.4.117-130

studies territorial natural-economic complexes. The latter are represented as a social geosystem, having approximately equal to the dimension of natural geosystems. With such approach to the interdisciplinarity, the North and the Arctic, taken as a whole, are not socioeconomic systems, and therefore their main issues turn on the local and regional levels.

Keywords: The North, the Arctic, geography, interdisciplinary synthesis, geosystems, natural-economic complex.

География и познание новых земель. Познание и объяснение природы Сибири, Севера и Арктики, жизни коренных народов географическим было изначально, т.е. представлялось государству и обществу как открытие новых земель и морей для пользы и приращения богатства России. С экономической точки зрения «колонизация русского элемента» рассматривалась в качестве необходимого условия первоначального накопления капитала и в этом смысле ничем не отличалась от Великих географических открытий мореплавателей стран Западной Европы. Но социальный аспект внутренней колонизации России в корне отличался от создания мировой колониальной системы с военным покорением аборигенных народов Северной и Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии, что в то время можно было трактовать как создание новой системы рабовладельческого строя экономики.

Российская же государственность включала в свой состав восточные и северные земли и народы фактически без войн, распространяла на них сложившиеся в «метрополии» нормы и правила административно-территориального устройства, институтов собственности и общественных отношений с учетом особенностей управления и хозяйственных укладов местного населения. Как и в Центральной России, на ее новых окраинах возникли в разных формах провинции, губернии, уезды, волости, земства, душевые подати, общинные пай, церковные и государевы земли и т.п., но не было крепостного права. Последнее обстоятельство имело общегосударственное значение и служило мощным фактором развития товарного сельского хозяйства, а затем – транспортного и промышленного строительства.

Землепроходцы-казаки, крестьяне-колонисты и рабочие горных округов зачастую объединялись с местным населением; представители аборигенного слоя также становились участниками открытий земель и природных богатств, вносили существенный вклад в понимание специфики либо степного, либо таежного, либо тундрового хозяйства, а также морского промысла.

Опыт местных жителей способствовал приобретению новых знаний об окружающей человека среде. Более того, сами люди стали «предметом» пристального внимания со стороны государства и «колонистов». И в настоящее время исследователи, отдающие приоритет этнокультуре, полагают, что рассматривать Север и Арктику необходимо, исходя, прежде всего, из интересов и потребностей укорененных здесь народов.

Их культура, язык, хозяйственные традиции самоценны и представляют достояние всего мирового сообщества. Карелы, коми, якуты, малочисленные этносы, а затем и русские на Севере России сформировали относительно устойчивые историко-культурные ядра жизнедеятельности, будущее которых предопределено, главным образом, внутренними источниками развития: самоорганизацией, производительным трудом, воспроизводством человеческого и природно-ресурсного потенциалов, включением в национальные и мировые хозяйственные системы. Но при этом немаловажное значение имели и имеют внешние условия, прежде всего – государственная национальная и региональная политика.

Исторический аспект освоения территорий и их обустройства в сложных природно-климатических условиях и ныне представляет практический интерес. Он заключается в иллюстрации того, что отдельные хозяйственные акции, например хождение за пушниной и золотом, не заложили основ индустриального освоения Севера. Такие основы как предпосылки были созданы транспортным строительством и сельским хозяйством южных территорий европейского Севера, Предуралья и Сибири; частный капитал не консолидировался ради решения крупных хозяйственных задач, что наблюдается и в настоящее рыночное время. Никто из отдельно взятых хозяйствующих субъектов не обладал и не обладает капиталом, соразмерным с масштабами эффективного промышленного природопользования и индустриализации восточных районов страны [1].

Необходимо государственное участие, но не только ради решения общих задач национальной экономики; каждый раз при реализации крупных производственных проектов надо думать и об интересах местного населения. Поэтому соединение хозяйственных и государственных функций во вновь осваиваемых районах допустимо и иногда полезно, если оно не сопровождается ущемлением прав человека. Примеры владений Строгановых, Дальстроя, Главсевморпути, Беломорканалстроя, Мурманской железной дороги показывают как положительные, так и отрицательные стороны такого соединения. И, конечно, освоение новых территорий недопустимо с помощью политической ссылки («Архипелаг ГУЛАГ»), экономической дискриминации окраин страны, насильственного переселения и т. п. Наличие в СССР перечисленного в 1920–1940 гг. можно характеризовать как государственный феодализм – одну из форм жестокой эксплуатации народа, особенно крестьянства.

Знание о новых территориях и способах их освоения и обустройства имеет комплексный характер (от геологии до политики), что и стало самой существенной чертой отечественной социально-экономической географии.

Междисциплинарность внутри географии. Освоение Сибири (включая Дальний Восток), Севера и Арктики побудило царское правительство к детальной ревизии состояния Российской империи. Такого рода географическое описание являлось по сути комплексным странове-

дением и базировалось на совокупности различных сведений о природных объектах, политических и социально-экономических процессах. Это был «вынужденный» междисциплинарный синтез, который требовал от исследователя энциклопедических знаний.

И в настоящее время научный работник, изучающий, скажем, территориальные хозяйственные системы, одновременно выступает в нескольких ролях: статистика, экономиста, социолога, географа; ему необходимы инженерные знания в области природопользования, технологии производства и транспорта, а также физического планирования. Постоянно думать о себе как о «чистом» специалисте в таком процессе не приходится, да и нет в этом необходимости. Каждое исследование по своей сути междисциплинарно. Однако наступает момент, когда требуется вычлениить самые существенные характеристики изучаемого объекта. И если этот объект, в нашем случае – территориальная хозяйственная система, является в целом принадлежностью социально-экономической географии, то возникает задача трансформации определенных элементов перечисленных наук в географическое знание. Исходные данные могут быть разными (геологическими, биологическими, экономическими, социальными, экологическими, техническими), но на выходе необходимо иметь показатель географический.

В других географических науках ситуация примерно такая же: географическим исследование становится тогда, когда отдельные компоненты природы взаимоувязано рассматриваются в границах территориальных сочетаний данных компонентов.

За отправную точку междисциплинарности примем суждение Н.Н. Колосовского: «Во всякой науке, как показывает история научных знаний, самым трудным и сложным делом оказываются исходные положения и понятия. В математике таковым является понятие о числе, в физике – понятие о материи и энергии, в биологии – учение о первичном живом существе – клетке, в географии – учение о районах. Эти простейшие на первый взгляд вопросы оказываются в конечном рассмотрении настолько сложными и трудными, что вызывают необходимость вновь и вновь к ним возвращаться по мере углубления научных знаний» [2, с. 15].

Сопряжение ключевых понятий различных наук ради формирования общего представления об изучаемом объекте является своего рода началом междисциплинарного исследования; использование специфических методов двух-трех смежных наук для разработки алгоритма решения конкретной научной проблемы – его продолжением.

Философско-методологические предпосылки междисциплинарности в географии традиционно объясняются двухсторонним строением материального мира: природа и общество. Н.Н. Колосовский в 1951 г. писал: «Географическая наука изучает, с одной стороны, природную среду (физическая география), а с другой – производительные силы человеческого общества (экономическая география) в их взаимной связи,

территориально – на земном шаре в целом, по странам и районам» [там же, с. 24]; «...должна существовать закономерная территориальная связь между районами экономическими и природными...» [там же, с. 27]. Междисциплинарность в данном случае выглядела вполне естественной и понятной большинству географов, пока не появилось идея «нерасчлененной географии, существующей наряду с физической, экономической географией и географией населения» [3, с. 4]. Дефиниция «географии» изменилась.

Ю.Г. Саушкин, исходя из идеи нерасчлененной (единой) географии, в 1980 г. дал такое ее определение: «Современная география – наука о законах развития пространственно-временных систем, формирующихся на земной поверхности (в масштабе, позволяющем представить их на общегеографических и тематических картах) в процессе взаимодействия природы и общества, о методах регулирования этих систем и управления ими» [4, с. 11]. Однако что представляют собой «пространственно-временные системы» – каждый географ трактует по-своему, а потому вопрос о нерасчлененности (единстве) географии до сих пор остается открытым и воспринимается лишь в качестве ориентира целесообразности компоновки структурных элементов географической оболочки Земли в рамках общей для всех наук парадигмы «пространство–время». Невольно возникает опасность абсолютизации пространства, как будто оно (да еще время) и есть все сущее. Между тем пространство и время лишь формы существования материи, но не сама материя, тем более – не сама жизнь. «Единая» география, если она рассматривает пространство как общеполитическую категорию, может попасть в ложное положение беспредметности.

В связи с такой опасностью рекомендуем обратить внимание на теоретически и методологически весьма значимые позиции Б.М. Ишмуратова. Он пишет: «Не "номенклатура", названия, разрозненные самодовлеющие факты (вещи) сами по себе, но целостные формы организации (взаимодействия) природы, с одной стороны, человеческое общество как высшая форма развития природы, как мощный фактор воздействия на окружающую природу и пользователь ею (т.е. как определенная совокупность производительных сил и идеалов, хозяйство как связь природы и общества) – с другой: вот то поле деятельности географии» [5, с. 30]. География (по Б.М. Ишмуратову) изучает комплексы наивысшей полноты – ноогеоценозы, которые образуют наружный «слой» Земли как планеты [там же, с. 30]. Ноогеоценозы – это уже не абстрактные пространственно-временные системы.

Стремление географов-методологов к выделению «предельного» предмета географии в виде, например, ноогеоценозов приводит к укреплению позиций теоретической географии, но не избавляет других географов и экономистов-регионалистов от их обязанности изучать все разнообразие пространственных природных и общественных систем и комплексов. Поэтому, оставив понятие о ноогеоценозах «на потом»,

будем считать, что «предельным» предметом географии природы являются геосистемы (по В.Б. Сочаве²³), а географии общества – интегральные социально-экономические районы (по Н.Н. Колосовскому), с пониманием того, что ключевое понятие экономики – хозяйство – состоит из природных, технических и социальных элементов. Районирование природной среды общества и районирование хозяйства, включая его природную среду, составляют общую совокупность исследовательских технологий по поводу научного обоснования геосистемной организации общества.

География общества как наука о пространственных системах «природная среда – население – хозяйство» планетарной, региональной и топологической размерности – это и есть нерасчлененная (единая) география.

С позиции данного тезиса вернемся к вопросу о междисциплинарности.

В рубрикаторе географических наук (2015 г.) числится пять крупных блоков (семейств), 15 комплексов наук и 140 отраслей и разделов. Все это синтезировать в рамках географии общества не представляется возможным, да, по-видимому, и не нужно. Необходимы какие-то практические и теоретические ограничения.

Первое – синтез географических знаний предельно достаточен, если с его помощью можно сформировать пространственное мышление человека и его умение позиционировать себя одновременно в природных, социальных, экономических, этнокультурных, политических, духовных и других пространствах. Данную совокупность знаний можно обозначить понятием «геокультура».

Второе – синтез географических знаний предельно достаточен, если с его помощью можно сформировать систему индикаторов, норм и правил рационального природопользования и территориальной организации общества. Эту систему знаний назовем «геопланирование».

Третье – синтез географических знаний о планете Земля должен обеспечить понимание глобальных проблем жизнедеятельности всех народов, ее населяющих. Реализация данного понимания в межгосударственном диалоге и соответствующих нормах и правилах международной деятельности есть «геополитика».

Геокультура, геопланирование и геополитика имеют междисциплинарную основу – учение о природных геосистемах и учение о социально-экономических районах – общественных геосистемах.

Отечественная география, камеральная статистика и региональная экономика. Начиная с XVII, но особенно с середины XVIII в., получила развитие камеральная статистика как отрасль государственного управления с научно обоснованными количественными характеристиками стран и районов. Экономическая география особым образом стала

²³ «...земные пространства всех размерностей, где отдельные компоненты природы находятся в системной связи друг с другом, и как определенная целостность взаимодействуют с космической сферой и человеческим обществом» [6, с. 14].

связана со статистикой; длительное время они развивались в полном единстве. Этап «слитного существования», признаки которого прослеживаются до сих пор, особенно в школьных и вузовских учебниках, свидетельствует об устойчивых традициях статистико-географических описаний. Необходимо было предпринять специальные усилия на разединение их предметов, и это стало почвой для весьма серьезных методологических разногласий, вплоть до возникновения конфликтных ситуаций среди географов-экономистов. Положительным итогом данного конфликта можно считать появление методологического понимания междисциплинарности относительно соотношения статистического и экономико-географического.

Возможно, ученые, занимающиеся географией России, начиная с М.В. Ломоносова, первыми в научном сообществе осознали тот факт, что междисциплинарность служит признаком уровня развитости исследований при условии, если с помощью смежных наук существенные характеристики изучаемых объектов и процессов углубляются, но не подменяются атрибутами внешнего описания. Статистика, если она не отражает взаимосвязь в системе «пространство – время», к социально-экономической географии прямого отношения не имеет. Поэтому постепенно сформировалось понимание необходимости целенаправленного преобразования статистических и других разрозненных сведений о провинциях, губерниях, уездах, волостях... в географические знания.

Автор этот вопрос рассмотрел специально [7] и пришел к выводу, что диалектика взаимосвязи статистики и экономической географии заключается в том, что исчисление специальных показателей географического разделения труда, специализации районов, территориального комбинирования и кооперирования... – всего того, что отражает структуру, функционирование и развитие районов (т.е. суть самой социально-экономической географии), – представляет собой «переработку» статистических данных статистическими же методами. Борьба следовало бы не против статистико-отраслевого направления в географии (что незаслуженно получило нарицательное клеймо «деновщины»), а за научную достоверность статистических (экономико-метрических) показателей пространственных процессов и явлений. Именно последнее способствует формированию географического заказа на углубление содержания региональной статистики. С одной стороны, совершенствование статистической науки в значительной мере предопределяет уровень экономико-географических исследований, с другой – экономическая география расширяет круг статистических показателей пространственного развития, что и иллюстрирует методологический смысл такого рода междисциплинарности.

Не столь исторически удален вопрос о соотношении социально-экономической географии и региональной экономики. Споры были недолги, хотя сам вопрос до сих пор не получил однозначного ответа. Не исключено, что его (ответа) никто особенно и не ждет. Каждому изуча-

яющему проблемы пространственного развития было понятно, что оно многоаспектно и может быть изучено только на междисциплинарном уровне с помощью специальных исследовательских программ. Автор надеется, что ему удалось в какой-то мере показать технологию совмещения теорий социально-экономической географии и региональной экономики в рамках единого и неделимого исследовательского процесса по поводу содержания территориально-хозяйственных систем и экономических механизмов их формирования и совершенствования [8]. Но более убедительно это сделано применительно к пространственной экономике, актуализация теории и методологии которой обусловлена именно возвышением роли междисциплинарного синтеза в рамках конкретных исследовательских проектов [9].

Усеченная и искусственная геосистемность Севера и Арктики. Являются ли Север России в целом или Арктика, в частности, геосистемными образованиями? У Севера в целом есть лишь один признак геосистемности – территория водосбора Северного Ледовитого океана. В таком случае Север должен иметь природную южную границу по линии мирового водораздела. В таких границах он рассматривается гидрологами и иногда – геологами, но это не соотносится с общими представлениями о Севере и проблемах его социально-экономического развития. Арктику до геосистемного уровня «могут дотянуть» климатологи и биологи, изучающие тундру. Но и они сразу же оговаривают условность такого действия, полагая, что существует множество природно-климатических комплексов и, соответственно, геобиоценозов.

Искусственная геосистемность Арктики фиксируется также ее циркулярной проекцией, когда необходимо показать единое геополитическое пространство как проблемное в плане правовой делимитации – выделения национальных секторов в Северном Ледовитом океане, но не более того [10].

Здесь нет и социально-экономической системности. Системно-структурные параметры больших территориально-экономических единиц устанавливаются исходя из определенной меры хозяйственной самодостаточности, что, в свою очередь, требует сопряжения показателей общественного воспроизводства (площади территории, природных ресурсов и условий, численности населения и трудовых ресурсов, материально-технической базы, объемов производства и потребления, историко-культурного потенциала, а главное – их пространственно-временной связности). Только при таком условии производительные силы и производственные отношения приобретают общественный характер. Эту позицию правомерно отстаивал Н.Н. Колосовский, конструируя параметры крупного экономического района путем по возможности наиболее полного согласования природно-ресурсной, производственной, расселенческой (экистической) и инфраструктурной подсистем народного хозяйства. Он показал, что и на других уровнях районирования такое

согласование возможно, но там согласуются отдельные элементы производительных сил, а в крупном экономическом районе – их системы.

Пространственное развитие России в историческом плане смотрится как переход от территориальных приобретений к формированию новых крупных экономических районов – самодостаточных, но не замкнутых. Этот процесс наиболее конструктивно и интенсивно протекал при разработке и реализации Плана ГОЭЛРО в 1920–1930 гг., что может служить примером классического междисциплинарного подхода к территориальной организации народного хозяйства [11]. В настоящее время его (процесс районирования) можно обозначить как вялотекущий. Чтобы сделать переход от освоения территории вширь (сейчас это ярко прослеживается в арктическом энтузиазме) к освоению вглубь, качественно преобразованию пространственных взаимосвязей элементов природы, населения и хозяйства, необходим новый План ГОЭЛРО с выделением крупных экономических районов и ряда ключевых территориально-производственных комплексов как единиц программно-целевого планирования.

Северные и арктические территории, в каком бы сочетании мы их ни рассматривали, всегда будут частью какого-то (не только северного) крупного экономического района. Именно в их границах, а также в границах административно-территориальных единиц необходимо рассматривать конкретные проблемы, адресованные соответствующим распорядительным центрам. К таким проблемам можно отнести, например, неудовлетворительное исполнение столичных функций областными, республиканскими и окружными центрами, неопределенность допустимых пределов стягивания населения периферии в данные центры и крупные города, трудности поддержания их на высоком культурном и научно-техническом уровне и др. Свои пространственные параметры имеют проблемы развития городов и районов нефтегазовой и горнорудной специализации, в том числе и по поводу их взаимосвязи с оленеводством и сельским хозяйством. С «затуханием» горно-обогатительных и нефтепромысловых предприятий в критическую ситуацию попадают оленеводы, а также работники сферы обслуживания, из-за снижения спроса на их продукцию и услуги. Заметим, в городах и районах лесопромышленной и сельскохозяйственной специализации проживает четверть населения Севера. Устойчивое развитие этих территорий становится первостепенной проблемой не столько по производству, сколько по выбору новых форм социального обеспечения жителей лесных поселков, сел и деревень. Районы оленеводства, овцеводства и коневодства, не имеющие городов и существующие относительно автономно, зачастую натуральным хозяйством, по идее постиндустриального развития, должны быть преобразованы на новой технической и социальной основе, но не ущемляющей традиционный уклад жизни. Найти для этого правильное решение весьма трудно. Проблемная ситуация сложилась в рыбной промышленности, от уровня организации которой

зависит жизнь более 300 тыс. северян. Определенные проблемы имеют закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), в том числе по их продовольственному и промтоварному обеспечению и необходимости увеличения в данном обеспечении доли местной экономики, что поможет адаптации персонала ЗАТО к сложным природным условиям Севера и Арктики.

Северная природно-экономическая зона (включая Арктику) не является ни системой, ни субъектом хозяйствования. Забота о Севере в целом есть миссия всего общества и государства, их институтов, в том числе и науки. Проблемно-программный аспект развития северных территорий смещается на региональный и локальный уровни управления.

Территориальный природно-хозяйственный комплекс. На субрегиональном и локальном уровнях общественная геосистема проявляет себя в качестве территориального природно-хозяйственного комплекса. Приведем два примера.

Пример геосистемности *Карело-Кольского природно-хозяйственного комплекса*: Балтийский щит, сжатое пространство мирового водораздела, денудационные (обнаженные, слегка прикрытые рыхлыми четвертичными отложениями) равнины, сложный горный рельеф, активная рудная и нерудная минерализация; обилие озер и «гидроэнергетических» малых рек, незамерзающее побережье Баренцева моря; пограничное (скандинаво-финское) положение. В его границах Мурманская область и Республика Карелия совместно решают (или должны решать) задачи общероссийского уровня: модернизации минерально-сырьевого и лесопромышленных комплексов, обустройства прибрежной полосы Белого моря, совершенствования межрегиональных транспортных и электроэнергетических коммуникаций, создания взаимодополняющих комплексов науки и высшего образования, развития туризма и создания природоохранных систем с учетом мирового значения меридиональной озерной полосы, формирования ареалов северного экологически чистого земледелия, координации взаимоотношений с Финляндией, Швецией и Норвегией.

Пример геосистемности *Двино-Печорского природно-хозяйственного комплекса*: северо-восток Восточно-Европейской равнины (в геологическом плане – Русской платформы) с весьма активной тектоникой и минералообразованием (геологический потенциал северо-востока Русской платформы вместе с Северным и Полярным Уралом в пять-шесть раз выше, чем ее остальных частей, что выразилось в накоплении углеводородов и концентрации твердых полезных ископаемых); полноводные реки, которые могли бы использоваться как транспортные артерии и источники рыболовства, обширные заливы Белого моря, ландшафтное разнообразие тайги и тундры, протяженный по всей южной границе региона мировой водораздел; этнокультурная специфика.

Для Двино-Печорского комплекса (Вологодской, Архангельской областей, Республики Коми и Ненецкого автономного округа) наиболее ак-

туальными и общими являются проблемы комплексного использования ресурсов Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции и Тимано-Североуральского минерально-сырьевого сочетания. В лесном хозяйстве первостепенными здесь становятся задачи лесоэкономического районирования и снятия угроз, связанных с нежелательной сменой лесообразующих пород и усыханием еловых лесов. Потенциал сельского хозяйства в зонах средней и южной тайги и зоне смешанных лесов определяется мерами по восстановлению и повышению плодородия почв, а в зонах лесотундры и тундры – сохранением мхов и лишайников как кормовой базы оленеводства.

В формировании свойств и качеств геосистемности Карело-Кольского комплекса большую роль играют озера, Двино-Печорского – реки. Печора, Северная Двина, Мезень, Онега с притоками (реками второго и третьего порядков) имеют как бы единый бассейн. Они в равной мере предопределяют конфигурацию расселения населения, роль судоходства и водоснабжения, северо-арктический вектор хозяйственного освоения территории, экологические параметры охраны окружающей среды. Однако ситуация последних 20 лет относительно содержания рек в гидрографическом порядке удручающая. Реки вышли из-под контроля человека. Отсутствие речных мелиораций, дноуглубительных работ, обустройства берегов привело к значительному ухудшению режима водотоков: более разрушительными стали половодья, увеличилось число меандров и затонов, «затянуло» фарватер, возникли непроходимые судами с 50–80-сантиметровым погружением барьеры в устьях притоков.

Оба природно-хозяйственных комплекса европейского Севера России имеют пространственные характеристики, свойственные уже освоенным территориям, т.е. со сложившимся каркасом размещения производства и расселения населения. Для них характерно разнообразие форм территориальной организации хозяйства и расселения населения. Главное направление развития – сохранение и модернизация этих форм на основе научно-технических достижений, укрепление внутренних и межрегиональных связей. «Освоение вширь» здесь практически закончилось, но остается задача «освоения вглубь», связанная с новыми подходами к сохранению и рациональному использованию природно-ресурсного потенциала, развитию и размещению профильных отраслей хозяйства. В определенной мере это относится и к азиатскому Северу.

Заключение

Социально-экономическая география и проводимый в ее рамках междисциплинарный синтез не охватывают всех проблем пространственного развития Арктики и Севера. Вместе с тем необходимость междисциплинарного подхода к решению определенной совокупности взаимосвязанных проблем объективно обусловлена все возрастающим проникновением природных факторов и условий в проблематику социальных процессов. На этой основе усиливается значение той дисциплины,

плины социально-экономической географии, которая изучает пространственную организацию социумов как взаимосвязанную совокупность их природных, экономических и духовных элементов – общественных геосистем, в том числе – территориальных природно-хозяйственных комплексов.

Практическая интерпретация «пространственных» теорий (географических, экономических, социальных и др.) применительно к Северу и Арктике заключается в перемещении проблематики «освоения вширь» на второй план; первостепенным становится «освоение вглубь» с усилением межрегиональной интеграции по линии «Север – Юг». Такая позиция не соответствует чрезмерной политизации арктической тематики, характерной для текущего момента, но именно она предопределяет авторскую позицию по поводу жизни на Севере.

Литература

1. Траектория проектов в высоких широтах / под ред. Ю.В. Неёлова [и др.]. – Новосибирск: Наука, 2011. – 440 с.
2. Колосовский, Н.Н. Теория экономического районирования / Н.Н. Колосовский. – Москва: Мысль, 1969. – 345 с.
3. Арманд, Д.Л. Наука о ландшафте (Основы теории и логико-математические методы) / Д.Л. Арманд. – Москва: Мысль, 1975. – 287 с.
4. Саушкин, Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем / Ю.Г. Саушкин. – Москва: Просвещение, 1980. – 269 с.
5. Ишмуратов, Б.М. География – кризис идентичности / Б.М. Ишмуратов // Географические исследования Сибири. В 5 т. Т. 5. Общественная география / Ин-т географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. – Новосибирск: Гео, 2007. – 374 с.
6. Сочава, В.Б. Введение в учение о геосистемах / В.Б. Сочава. – Новосибирск: Наука, 1978. – 319 с.
7. Лаженцев, В.Н. Статистика и экономическая география (исторические и методологические предпосылки взаимного развития) / В.Н. Лаженцев // Известия РГО. – 2006. – Вып. 2. – С. 48–55.
8. Лаженцев, В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития / В.Н. Лаженцев; отв. ред. А.И. Таттаркин; Ин-т соц.-экон. и энергет. проблем Севера УрО РАН. – Сыктывкар, 2014. – 236 с.
9. Минакир, П.А. Очерки по пространственной экономике / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.
10. Краснопольский, Б.Х. Национальная и глобальная инфраструктура Арктической зоны АТР: новые вызовы / Б.Х. Краснопольский // Пространственная экономика. – 2015. – № 2. – С. 165–179. DOI: 10.14530/se.2015.2.165-179.
11. План электрификации РСФСР (ГОЭЛРО). – Москва: Госполитиздат, 1955. – 667 с.

КОНЦЕПЦИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ СЕВЕРА

Концепции и реальность социально-экономического развития северных территорий России ²⁴

Разнообразие научных подходов к развитию производительных сил российского Севера отражено в пяти концепциях, каждая из которых может учитываться в анализе настоящего и прогнозировании будущего. В них фиксируются главные моменты северной тематики: Север – коренная земля россиян, источник человеческих ресурсов и знаний; выборочный и усеченный характер размещения производства и расселения населения; возвышение роли этнических и экологических аспектов развития; переход к новой индустрии и переосвоению территорий; установление экономического порядка с помощью механизмов хозяйственной деятельности, соответствующих экстремальным и сложным климатическим условиям. Действительность такова, что исследователю социально-экономических проблем легче представить идеальный образ будущего отдельных северов, чем понять и дать научное объяснение их современного состояния. Эта посылка служит методологическим основанием для приоритета исследований проблем модернизации уже созданных на Севере территориально-хозяйственных систем и перевода на второй план амбициозных мегапроектов нового освоения Арктики.

Ключевые слова: Север, Арктика, исследователи, концепция развития, приоритеты, территориально-хозяйственные системы, модернизация.

В связи с развертыванием «широким фронтом» экономической тематики по вопросам освоения Арктической зоны России (АЗРФ) автор счел полезным еще раз рассмотреть концептуальные положения социально-экономического развития всего Севера России с проекцией их на его арктическую часть. Представим ряд северных концепций, не однозначно освещающих ключевые моменты хозяйственного строительства в экстремальных и сложных климатических условиях. Будем иметь в виду, что с первых шагов освоения Севера, Сибири и Дальнего Востока у российских политиков и экономистов был значительный разброс мнений по данному процессу. Это разнообразие присуще и нашему времени, при этом точка зрения многих научных работников, управленческих

²⁴ Лаженцев, В.Н. Концепции и реальность социально-экономического развития северных территорий России / В.Н. Лаженцев // Север и рынок: формирование экономического порядка. Научно-информационный журнал. – 2018. – № 5. – С. 4–14.

и хозяйственных организаций в большей мере, чем при царизме и социализме, соподчинена с позицией верховной власти.

Попытаемся сравнить идеи и рекомендации по освоению и обустройству северных территорий с реальным их состоянием. Обозначим наиболее приемлемый сценарий предстоящего развития территориально-хозяйственных систем Арктики, Дальнего и Ближнего Севера.

Концепции развития Севера: традиции и новизна

Концепция естественно-исторического развития. На Севере России сформировались историко-культурные ареалы постоянного проживания населения²⁵. В их основе лежат такие естественные процессы заселения, как *проникновение, переселение и перемещение*. Наши расчеты показали, что естественные демографические процессы и свободная миграция начиная с XIV в. обеспечили рост численности населения районов Севера России примерно до 4 млн чел. Это вполне естественный (спонтанный) демографический процесс. Остальные 8,5 млн чел. (от максимально зафиксированной численности населения в переписи 1989 г. – 12,5 млн) – результат административных действий, насильственного переселения и производственной необходимости, что можно обозначить понятием колонизации (экономической интервенции). При условии рациональной организации освоения территорий и ресурсов, более тесной межрегиональной интеграции, а также при производительности труда, соответствующей мировому уровню, колонизация могла бы дать прирост населения в этих районах, примерно, 5 млн чел., в настоящем на Севере могло бы жить 9 млн чел.; в 2015 г. фактически проживало 9,9, в том числе в АЗРФ – 2,4, на Дальнем Севере (Крайний Север без Арктики) – 1,8, Ближнем Севере (местности, приравненные к Крайнему Северу) – 5,7 млн чел.

«Резерв» для оттока населения с северов еще не исчерпан. Но это не значит, что его надо подталкивать искусственно²⁶. Далекая и не давняя история Севера наводит на мысль, что не суровые климатические условия, а государство может сделать здесь жизнь невыносимой. Но оно же в состоянии предотвратить возможные угрозы или устранить их

²⁵ На Европейском Севере России к относительно устойчивым историко-культурным «ядрам» расселения населения относятся: Поморье, Вологодско-Белозерская земля, Великий Устюг, Карелия, Вычегодский, Сясьский, Мезенский и Печорский ареалы с высоким уровнем локализации коми народа, Большеземельская тундра – родина ненцев, ареал расселения саамов на Кольском полуострове и русских – на территории, прилегающей к Кольскому заливу и побережью Баренцева моря. Все это места постоянного места жительства многих поколений людей.

²⁶ Закономерности спонтанного и постепенного заселения и обустройства территорий необходимо «примерять» к оценке массового выезда людей с северов. Это может быть оценено двояко: как исправление исторических ошибок в колонизации Севера, в том числе гугаговскими методами, и как реакция на революционное реформирование России с огромными социальными издержками. И то, и другое – отклонение от естественно-исторического пути развития Севера.

последствия. Нельзя допустить разрушения северных территориальных общностей людей, формирование которых связано с более чем тысячелетней историей российского государства [1].

Что касается колонизации, то нужно принять во внимание определенные исторические моменты. Они достаточно полно отражены в книге сибирских историков и экономистов [2]. Из ее содержания можно сделать следующие выводы:

- перспективы экономического развития территорий Севера, включая Арктику, необходимо рассматривать в границах крупных меридиональных хозяйственных систем. В настоящее время эта посылка особенно актуальна для Арктики. Общегосударственные задачи по ее освоению необходимо адресовать не только центральному правительству и крупным корпорациям, но и региональным правительствам и муниципалитетам так, чтобы они видели в их решении собственную выгоду, как новый стимул роста производительных сил и социального развития;

- частный капитал никогда не консолидировался ради решения хозяйственных задач общенационального значения. Никто не обладал капиталом, соразмерным с масштабами северных (арктических) природно-ресурсных комплексов и их эффективным освоением. Нет таких финансовых средств и у современных корпораций. Привлечение государственных ресурсов необходимо, но оно всегда сопровождалось и сопровождается иждивенческими настроениями отдельных фирм и «погоней» их за данными ресурсами в ущерб уже созданному хозяйству;

- соединение хозяйственных и государственных функций во вновь осваиваемых районах допустимо и иногда полезно, если оно не сопровождается коррупцией и ущемлением прав человека. Примеры таких организационных структур, как «Владения Строгановых», «Дальстрой», «Главсевморпуть», «Мурманская железная дорога» показывают как положительные, так и отрицательные стороны такого соединения, когда государство доверяло перечисленным организациям исполнять часть своих функций на территориях их деятельности. В настоящее время такого рода проблематика также затрагивает отношения между корпорациями и властью, но их «единство» обеспечивается по-другому, когда корпорации приватизируют не только ресурсы, но и сами региональные правительства и муниципалитеты. Этот факт не в пользу населения, поскольку все аспекты жизнеобеспечения становятся жестко взаимосвязанными с корпоративной политикой, но не с государственной. Даже в малозаселенных регионах необходимо соблюдать определенное соотношение государственного управления, местного самоуправления и социальной деятельности градообразующих предприятий.

Вывод: естественный ход социально-экономического развития Севера с образованием здесь историко-культурных очагов относительно устойчивой жизнедеятельности как частей единого государства (страны) более значим, чем те аспекты внутрироссийской колонизации, которые обусловлены лишь накоплением капитала. Решение отдельных

задач хозяйственного строительства на территориях и акваториях Арктики необходимо осуществлять в контексте социально-экономического развития Европейского Севера, Сибири, Дальнего Востока и их административно-территориальных регионов.

Концепция социалистической индустриализации. В 1932 г. состоялась Первая Всесоюзная конференция по размещению производительных сил СССР [3]. В докладе С.В. Славина по вопросам индустриализации Севера были сформулированы следующие положения:

- освоение Севера должно целиком подчиняться решению важнейших задач развития народного хозяйства СССР;
- оно должно пока иметь ограничительный характер в связи с трудностями продвижения в северные районы и удорожанием здесь работ;
- на Севере необходимо строить только те предприятия, которые вызваны народнохозяйственной необходимостью и не могут быть построены в других районах;
- базой освоения Севера также должны служить старые промышленные районы, давая не только машины и технику, но и делясь опытными кадрами, рабочей силой, которых на Севере острый дефицит;
- должен присутствовать дифференцированный подход к освоению каждого района Севера. Нельзя рассматривать Север как однородное целое, несмотря на ряд общих объединяющих моментов. Проблемы Севера могут быть конкретно разрешены только по отдельным его экономическим комплексам;
- необходимо учитывать этнокультурную и географическую специфику каждого ареала активной жизнедеятельности.

В 1947 г. Н.Н. Колосовский использовал метод типологии производственно-территориальных комплексов с выделением «северной индустрии» [4]. Для нее характерно:

- природно-климатические условия тундры и тайги и повышенные нормы энергообеспечения;
- разработка особо ценных минеральных ресурсов, лесов, рыбных и морских промысловых богатств;
- выборочный метод освоения земель отдельными оазисами, ареалами;
- опора не только на постоянно живущие кадры местного населения, но и на периодический завоз (на определенные сроки) рабочей силы из других, более южных районов страны;
- высокая механизация и сокращение затрат живого труда.

Примерно таких же позиций придерживался и виднейший специалист по проблемам освоения Севера и Арктики Г.А. Агранат с акцентами на резервирование территорий на будущее, более развернутую структуру производства, включая переработку сырья, защиту арктических рубежей нашей страны [5,6].

Все перечисленные концептуальные положения С.В. Славина, Н.Н. Колосовского, Г.А. Аграната (как и многих других авторов) относительно

периода индустриализации по сути остаются верными и для настоящего времени в том смысле, что они правильно ориентируют на «*что не надо делать*», «*что и как надо делать*». На практике они были использованы лишь частично с большими перегибами в сторону гулаговских форм организации труда и количественного роста в ущерб качеству. Организация хозяйства на принципах «министерской автономии» привела к размещению на северных и арктических территориях почти полного круга вспомогательных и обслуживающих производств, которые при правильном народнохозяйственном подходе могли бы быть замещены привозной продукцией. Площадь территорий Крайнего Севера и местностей к нему приравненных под влиянием научно-технического прогресса, транспортного строительства и социального обустройства по идее должна бы сокращаться, а на практике она постоянно расширялась. Этот факт показывает, что Север не только географический, но и политический объект государственного управления.

В рамках концепции социалистической индустриализации были сформированы и технологические параметры хозяйствования на Севере:

- территориальная «привязка» типовых проектов с учетом условий удорожания строительства и производства;

- зональное проектирование в градостроительстве;

- разработка и использование техники в северном (арктическом) исполнении;

- применение вахтового, районного и экспедиционного методов освоения полезных ископаемых Арктики и Дальнего Севера на базе опорных пунктов Среднего и Ближнего Севера, а также предсеверных районов;

- организация комплексных ресурсно-сырьевых компаний, способных на основе универсальных технологий осваивать «разнопрофильные» месторождения и совместно с муниципалитетами и региональными правительствами обустраивать территорию по единому плану.

Указанные правила на практике исполнены с чрезмерными социальными, экологическими и экономическими издержками, однако они в основном верно отражают научный подход к освоению Севера, чем и ценны в настоящее время. Из положительного опыта индустриального освоения Севера в современный период переведем следующие позиции:

- локализация людских, интеллектуальных, производственных и других ресурсов для Севера (тем более для Арктики) – объективная необходимость. Но сжатие социально-экономического пространства – не самоцель, а условие территориальной организации северных социумов, причем исключаящей изоляцию от внешнего мира. Локализация такого рода предполагает наличие высокоскоростного транспорта и современных средств связи, в том числе подключенных к образовательным и научным центрам;

- организацию производства на Севере и в Арктике с учетом степени освоенности целесообразно рассматривать не только в виде очагов,

но и в рамках сочетания других форм размещения: узловых, линейной, дисперсной;

- производственную и социальную сферы предпочтительно проектировать и формировать как единую территориально-хозяйственную систему;

- зарубежный Север во многих отношениях и, прежде всего, в социальном, организован лучше, чем отечественный. Однако это не значит, что северные регионы следует развивать «под копирку». В организационно-экономическом плане Российский Север есть и будет таким, какова и сама Россия.

Вывод: «выборочность» и «усеченность» северной индустрии не исключают принципа комплексности, когда набор производственных и инфраструктурных элементов отдельных хозяйств соответствует их функциям и месту в географическом разделении труда, не имея ничего лишнего, обременительного, не эффективного. Организация такого рода комплексов требует единого плана территориального развития в рамках локальных и региональных хозяйственных систем. Север же в целом не является социально-экономической системой, но к нему может быть применен единый зональный подход проектирования и регулирования производственной и социальной деятельности.

Концепция деиндустриализации. Под влиянием ошибок прошлого, разрухи 1990-х гг. по причине революционного реформирования экономики, усиления конкуренции на мировых топливно-энергетических и сырьевых рынках стали пропагандироваться идеи *обратного хода от социалистической индустриализации*. Такой подход к будущему Сибири и Севера отражен в монографии американских авторов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди [7]. Климатическая политология в их трактовке показывает:

- покорить Сибирь и Север могло только тоталитарное государство с принуждением, заложенным в его сути, с высокой степенью централизации производства и распределения ресурсов и абсолютным отсутствием стоимостных критериев;

- Сибирь и Север, где зимой очень холодно, пространство разобщено и велики удельные транспортные расходы, чрезмерно отягощают экономику России и жизнь ее населения;

- Россия будет развиваться тем успешнее, чем большее число ее граждан будет жить в европейских регионах с благоприятным климатом.

Указанная книга написана с позиций как бы заботы о людях, но так, что сами люди воспринимаются как механическое тело, которое можно передвигать в пространстве в соответствии с политико-экономическим толкованием климатического фактора общественного развития. Вместе с тем книга не лишена здравого смысла в той части, где идет конкретный анализ влияния климатических условий на стоимость жизнеобеспечения и производства. Действительно, по климату, измеряемому в «человеко/градусах», Россия является самой холодной страной в мире и

с этим нельзя не считаться при выборе производственных и социальных технологий. Указание на пример Канады, где более 90 % населения живет в южной полосе, также можно считать разумным, но только не для всей России, а для Сибири и Дальнего Востока. «Упреки» же в адрес России по поводу тоталитаризма, в том числе ГУЛАГа, мы уже давно сделали сами.

А.Е. Левинтов рассматривает Север с позиции гуманизма относительно людей и природы [8]. Север здесь рассмотрен как особая глобальная экологическая данность. Исходя из необходимости удержания главных экологических и этнокультурных ценностей Севера при любых обстоятельствах, стратегия его развития определяется так:

- освобождение людей от Севера как ареала дискомфорта и экстремального проживания;
- освобождение Севера от антигуманных видов деятельности: военных, отраслей промышленности по извлечению природных ресурсов и т. д.;
- Север должен иметь статус международного, глобального природного резервата с минимальными вторжениями и нарушениями весьма хрупкого экологического баланса;
- Арктика предназначена, прежде всего, населяющим ее автохтонным народам, которым должна быть представлена свобода перемещений, свобода заниматься традиционными промыслами и видами деятельности, свобода и простота общения с внешним миром;
- допускаются научные исследования, духовная деятельность, транзитное мореплавание и каботаж, туризм.

Перечисленные позиции многое не учитывают и в первую очередь потребности народного хозяйства России, и тот факт, что уровень жизни всех россиян зависит от рационального использования природных ресурсов Севера, включая Арктику. Но нельзя не признать, что сама практика обеспечения таких потребностей осуществляется без должного понимания этнокультуры и экологической миссии северных и арктических территорий. Поэтому некоторое утрирование по поводу будущего северов допустимо ради того, чтобы еще раз обратить внимание на неэкономические стороны нашей жизни. Правда, надо знать меру утрирования. Попутно заметим, что, не согласуясь с положениями российских географов и экономистов, в трудах которых экология ставится на первое место, зарубежные борцы за охрану природы нередко специально обозначают на картах Российской Арктики в качестве заповедных территории, перспективные для добычи полезных ископаемых или морского промысла.

Вывод: демонтаж ранее созданного в Арктике и на Севере возможен лишь по недоразумению или в виде целенаправленной разрухи; мнимая забота о проживающих в сложных климатических условиях может сформировать еще более проблемную ситуацию их жизнеобеспечения.

Концепция освоения и постиндустриального развития. Большинство исследователей северных и арктических регионов критически

относятся к тезисам о «ресурсном проклятии», «нефтяной игле», «сырьевой зависимости» и т.п. Главная посылка заключается в том, что «ресурсное богатство и хорошие институты представляют собой два фундаментальных фактора, которые обеспечивают устойчивый экономический рост в долгосрочном историческом тренде. В сущности, это – политико-экономическая аксиома, не нуждающаяся в особых доказательствах» [9, с.88]. Проблемы же *возникают* при выборе способов оценки ресурсных потенциалов, их правильного использования, включения сырья и материалов в систему общественного воспроизводства, формирования сквозных технологических циклов «сырье – полуфабрикаты – готовые изделия», исчисления и распределения рентных и других доходов, исполнения конституционной нормы в части совместного (Федерации и субъектов Федерации) государственного регулирования процессов и финансовых результатов природопользования. Деньги, заработанные на природных ресурсах, в большей мере целесообразно использовать на инновационное развитие экономики России и в меньшей – на пополнение финансово-валютных резервов и в биржевых спекуляциях с вывозом их в офшоры. Именно в данном аспекте актуализируется тематика экономической науки с ориентацией на формирование новой системы капитализации труда и природных богатств общества. В этом смысле экономика ресурсных регионов имеет хорошие перспективы.

Активизация исследовательской тематики по освоению Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) отразилась в научной трактовке этого процесса как крупного мегапроекта, в котором ключевым стало понятие «пересоюзие», или «новая индустриализация». В понимании В.В. Ивантера, В.Н. Лексина, Б.Н. Порфирьева данная концепция предполагает переход к функционированию Арктической зоны в режиме устойчивого социально-экономического развития, необходимыми условиями которого являются:

- сбалансированность национальных и корпоративных интересов;
- применение наиболее жестких природоохранных и экологических норм и использование наиболее эффективных ресурсосберегающих технологий;
- рациональное сочетание мест постоянного проживания и временного нахождения людей с безусловным обеспечением современных условий их жизни и удовлетворением основных социально-бытовых и культурных потребностей;
- органическое включение восстанавливаемого военного присутствия в общую концепцию комплексного развития Арктической зоны;
- повсеместное и бесперебойное транспортное сообщение внутри этой зоны и за ее пределами;
- реальное обеспечение прав малочисленных коренных народов Севера;
- особое государственное регулирование трудовых, бюджетно-налоговых, национальных и иных отношений [10,11].

Перечисленное по сути является сводом правил хозяйственной, включая военную, деятельности в АЗРФ. Но слово «мегапроект» воспринимается все же как документ программно-целевого планирования или проектного управления. Остается выяснить, можно ли правила и технологию такого планирования и управления применить к АЗРФ, взятой в целом? По нашему мнению, нужна конкретизация с учетом идей «выборочного» и «усеченного» освоения ресурсов и территорий. Более понятным может стать слово «переосвоение», если иметь в виду модернизацию ранее созданных и строительство новых производственных и территориально-хозяйственных комплексов с использованием инновационных технологий.

За горизонтом модернизации (переосвоения) просматриваются элементы экономики, свойственные постиндустриальному обществу. На это обратил внимание А.Н. Пилясов 10 лет назад [12]. Он имеет в виду следующее:

- Север все более приближается к приоритетам внутреннего освоения, источником которого являются знания, информация, инновации, творческая солидарность и духовность;

- новая стратегия развития Севера обозначается аббревиатурой ЛИ-ДЕР – Люди, Институты, Доступность, Единство, Ресурсы. Выращивание своих и привлечение новых талантов; разработка местных норм и правил экономического поведения; использование преимуществ сетевых структур социального сервиса, в том числе образования и здравоохранения, управления и общественных связей; реализация принципа кооперативности в больших и малых делах, особенно в инновациях; внедрение новых технологий в использовании природных ресурсов, доступных малым сообществам людей;

- формирование новой цивилизации вокруг Северного океана.

Вывод: оптимизм относительно арктических и других северных территорий должен быть умеренным и базироваться как на положительном историческом опыте, так и на недопустимости деятельности под лозунгом «все покорим и освоим» без соизмерения желаний и возможностей. Н.П. Лавров считал, что осваивать Арктику сложнее, чем космос [13]. Научно-техническая подготовка освоения ее ресурсов требует времени и соответствующей организации [14]. Добавим, сложность заключается и в том, что к Арктике навряд ли удастся применить опыт разработки и реализации космических программ или атомных проектов. Северные сообщества и институты в большей мере, чем структуры внешнего управления, способны преобразовать свою жизнедеятельность с использованием новейших достижений науки и техники и при наличии соответствующих ресурсов. В систему же общегосударственного программно-целевого планирования целесообразно ввести отдельные крупные направления – Северный морской путь, наземный транзитный транспорт, восстановление гидрологического режима рек, приемлемо-

го для судоходства, освоение природных ресурсов шельфа арктических морей.

Концепция экономического порядка. Термин «экономический порядок» применительно к Северу использовал Г.П. Лузин, имея в виду необходимость обобщающего (интегрального) подхода к проблематике жизнедеятельности в экстремальных и сложных климатических условиях. Термин был закреплен названием научного журнала «Север и рынок: формирование экономического порядка», основанном в 1998 г. Концепция экономического порядка предполагает «*доставление принципов и форм освоения Севера России механизмами функционирования и развития северных хозяйственных систем и хозяйствующих субъектов.*» Примером «механистического» подхода к оценке северных условий может служить статья В.В. Васильева и В.С. Селина с анализом удорожания производства и жизнедеятельности на Севере в разрезе конкретных видов затрат на заработную плату, транспорт, строительство, топливо и электроэнергию, содержание социальной инфраструктуры [15]. В рамках концепции экономического порядка финансово-экономические отношения становятся одним из элементов жизнедеятельности северных социумов и соответствуют (должны соответствовать) общему вектору научно-технического развития. В данной концепции высокие технологии и экологическое благополучие – не внешние атрибуты экономики, а ее внутренняя характеристика.

Сбалансированность потребностей и интересов – главный признак экономического порядка. Эффективное освоение ресурсов Арктики России и их использование в мировом и национальном хозяйстве в настоящее время затруднено недостатками правовой базы²⁷: не нормированы природно-экономические особенности, отсутствует дифференцированный подход к решению задач освоения месторождений полезных ископаемых в зависимости от их местоположения и сложности разработки, зачастую не выполняются условия лицензирования и исполнения проектных документов, плохо организован контроль за полнотой извлечения ресурсов и их комплексным использованием, не согласованы различные направления государственной политики в части недропользования и др. Это имеет место во всех регионах, но на Севере, и особенно в Арктике, проявляется наиболее заметно. Здесь ярко видна необходимость системного подхода к воспроизводству ресурсного потенциала, процессу согласования общественных и частных интересов, созданию законодательной базы концессионных отношений между государством и недропользователем, возвышению роли рентных платежей в решении социальных проблем.

²⁷ Об этом свидетельствуют материалы научно-информационного бюллетеня «Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации», выпускаемого с 2005 г. Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов.

Концепция экономического порядка становится особо актуальной в периоды кризисов. Дело в том, что стандартное антикризисное мероприятие – создание дополнительных рабочих мест за счет строительства новых предприятий и расширения существующих производств – в условиях Севера малоэффективно. После кризиса такие предприятия и производства вновь становятся неконкурентоспособными. Генеральным направлением является оптимизация количества и качества рабочих мест с учетом научно-технического прогресса в природно-ресурсных отраслях хозяйства и сфере услуг.

Далее обратим внимание на весьма существенный факт хозяйственной деятельности на Севере, когда кризисная ситуация побуждает производственные корпорации ускорить вывод со своих балансов непрофильных активов. Это, как правило, подсобные и обслуживающие производства, звенья социальной инфраструктуры с низким уровнем организации, передача которых на баланс муниципалитетов, как правило, усугубляет их экономическое неблагополучие. По этой и многим другим причинам отношения между корпорациями и территориями их размещения требуют более основательного нормативного регулирования.

Одна из проблем, которая решается в рамках данной концепции – *совмещение трех начал общественного развития: экономической эффективности, социальной справедливости и экологического благополучия*. Она конструктивно может быть выявлена и решена на уровне территорий, имеющих специфические характеристики общественных форм организации производства, расселения населения, природных комплексов и климата. Эти характеристики должны быть как-то между собой согласованы, чтобы ни одна из них не оказалась в ущербном положении. Пытаться выполнить такого рода согласование в различных вариантах и различными методами можно, начиная (как нам представляется) с уровня такого социально-экономического района, центр (или центры) которого (более развитая часть) и периферия (менее развитая) пространственно находятся во взаимной зависимости и связаны единой коммуникационной сетью. В основе такого района лежит территориально-хозяйственный комплекс, в стороне от которого находятся отдельные промышленные центры и периферия сельского типа [16].

«...»

Реальную ситуацию на Севере России отражают проблемы модернизации экономики его регионов: развитие оленеводства и сельского хозяйства в соответствии с ландшафтной адаптацией и требованиями производства экологически чистых продуктов питания; восстановление хвойных древостоев и сохранение ели как лесообразующей породы, имеющей исключительно важное значение в развитии хозяйства северных таежных территорий, а также уникальных сосновых боров как мест рекреации, заготовки грибов и ягод ²⁸; разработка и внедрение таких

²⁸ На космическом изображении таежных территорий европейской части Севера России видны «прогадины» рубок, на которых лес не восстановлен. Их огромное количество

технологий, которые позволяют эффективно и длительное время работать на уже освоенных месторождениях и участках с труднообогатимыми, «упорными» рудами; подготовка крупных научно-технологических и производственных программ и проектов «под Север и Арктику».

Вывод: механизм функционирования северных предприятий и территориально-хозяйственных систем, включая правовое регулирование, экономические отношения, нормы, нормативы и различного рода поправочные коэффициенты, является одним из главных предметов региональной политики и стратегического планирования. Его социальное содержание связано с компенсацией дополнительных издержек на обеспечение условий жизнедеятельности; производственно-экономическое – с учетом и оптимизацией затрат на строительство и функционирование основных фондов и обслуживание оборота капитала. Научно обоснованное нормирование затрат и социально справедливое распределение природно-ресурсной ренты должно стать неперенным условием хозяйствования в условиях сложного и экстремального климата.

Заключение

Взаимное согласование пяти кратко изложенных концепций позволяет сформулировать общую позицию относительно развития Севера и Арктики: социальное и экологическое обустройство освоенных территорий; продление срока эксплуатации действующих промыслов, шахт и горнорудных комбинатов с использованием новейших технологий разведки, добычи, обогащения и переработки полезных ископаемых, выявление их новых свойств; комплексное использование биоресурсов; научно-техническое оснащение Северного морского пути и арктических баз обороны и гидрометеорологических служб; поэтапное, ограниченное и научно подготовленное продвижение на новые территории и акватории; создание эффективной и социально значимой природно-ресурсной экономики; межрегиональная интеграция, формирование механизма стабильного функционирования территориально-хозяйственных систем с учетом природного фактора.

Итак, модернизация действующих и создание в границах существующих территориально-хозяйственных комплексов новых производств, инфраструктурное обустройство освоенных территорий, повышение уровня и качества жизни укорененного населения с учетом особенностей традиционных видов хозяйства малочисленных народов является приоритетом в развитии производительных сил Севера.

и визуально можно прикинуть, что они занимают не менее трети площади, отнесенной к лесопокрытой. Например, в сосновых борах, расположенных в радиусе 50–60 км и более от Сыктывкара, ведется массовая рубка. Между тем, в учете лесного фонда объем запасов древесины не меняется на протяжении многих десятилетий.

Литература

1. Лукин, Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире / Ю.Ф. Лукин. – Архангельск, 2012. – URL: <http://arctic-and-north.com>; <http://narfu.ru/aan/> (дата обращения 25.12.2012).
2. Траектория проектов в высоких широтах / под ред. Ю.В. Неёлова и др. – Новосибирск: Наука, 2011. – 440 с.
3. Второй пятилетний план развития народного хозяйства. Т. 2. План развития районов. – Москва, 1934. – С. 252–254.
4. Колосовский, Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии / Н.Н. Колосовский // Вопросы географии. Сб.6. – Москва: Географгиз, 1947. – С. 133–168.
5. Агранат, Г.А. Использование ресурсов и освоение территории Зарубежного Севера / Г.А. Агранат. – Москва: Наука, 1984. – 263 с.
6. Агранат, Г.А. Север: проблемы постсоветских лет (литературный обзор) / Г.А. Агранат // Север: проблемы периферийных территорий/ отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2007. – С.7–20. – (Научный совет по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).
7. Хилл, Ф. Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России / Ф. Хилл, К. Гэдди; пер. с англ. – Москва: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 328 с.
8. Левинтов, А.Е. Гуманизация Севера как стратегия / А.Е. Левинтов // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2012: материалы Третьего Всероссийского семинара (28–30 июня 2012 г., Сыктывкар): в 2 ч. – Сыктывкар, 2012. – Ч.1. – С. 28–30.
9. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. акад. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 308 с.
10. Ивантер, В.В. Переосмысление Арктики как мегапроект. Постановка проблемы / В.В. Ивантер, В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Теория. Практика. Методология. – 2014. – Т. 7, № 6 (38). – URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/2760/>
11. Лексин, В.Н. Социально-экономические параметры устойчивого развития Арктического макрорегиона России / В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Экономика региона. – 2017. – Т.13, вып.4. – С.985–1004.
12. Пиясов, А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. – Москва: Кн. Дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.
13. Лаверов, Н.П. Осваивать Арктику сложнее, чем космос / Н.П. Лаверов // Редкие земли. – 2014. – № 3. – С.40–48.
14. Научно-технические проблемы освоения Арктики. – Москва: Российская академия наук, 2014.
15. Васильев, В.В. Специфика удорожания производства и жизнедеятельности человека на Севере России / В.В. Васильев, И.В. Селин

- // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2016. – № 2. – С.30–38.
16. Лаженцев, В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития / В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2015. – 176 с. – (ИСЭ и ЭПС / Коми научный центр УрО РАН).

Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России ²⁹

В условиях несбалансированного по факторам и финансовым источникам развития экономики России для ее северных и арктических регионов возрастает угроза истощения природных ресурсов без какой-либо видимой пользы для самой России, а тем более для северян. Для правильного формирования северной политики необходимо учитывать не только специфику сырьевой специализации северных и арктических территорий, их структурно-функциональное устройство, но и решающее значение общественного характера такой специализации и такого устройства. Именно с точки зрения общественных интересов и национальной безопасности нашей страны жителей «северов» надо рассматривать не как инструмент обеспечения мировой экономики сырьевыми и топливными ресурсами, а как самоценную данность, претендующую на свое «место под солнцем» и способную это место обустроить, исходя из собственных способностей, потребностей и представлений о благополучии. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать общественный характер взаимообусловленности внутренних и внешних факторов развития Севера и Арктики: национального и мирового рынка минерального сырья и топлива, трансконтинентальных, региональных и локальных экологических функций тундры и тайги, общих тенденций совершенствования экономического федерализма и особого подхода к стимулированию регионов с экстремальными и сложными природными условиями жизни и производства, приоритетности социального благополучия укорененного на Севере и в Арктике населения на фоне стремления к общероссийской социально-территориальной справедливости.

Ключевые слова: общественные перемены, северная специфика, концепции, освоение и обустройство, экономическое стимулирование, экологический фактор, системная модернизация.

V.N. Lazhentsev. Public Nature of the Concepts for Economic Development in the Northern and Arctic Regions of Russia.

Abstract. In a situation when Russia's economic development is unbalanced by factors and financial sources, there emerges a threat of depletion of its natural resources in the Northern and Arctic regions, which does not bring any apparent benefit to Russia itself, and especially to its northern dwellers. In order to work out a proper policy with relation to the North, it is necessary

²⁹ Лажнецов, В.Н. Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России / В.Н. Лажнецов // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С.43–56. DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.2

to consider not only the specifics of the raw material specialization of the Northern and Arctic territories and their structural-functional organization, but also the crucial public nature of this specialization and this organization. It is from the point of view of public interest and national security of our country that residents of the North should be viewed not as a tool to provide the world economy with raw materials and fuel, but as an inherently valued reality, competing for their “place under the sun” and capable of equipping this place based on their own abilities, needs and perceptions of well-being. The purpose of the present paper is to show the social character of the interdependence between internal and external factors in the development of the North and the Arctic: the national and world market of mineral raw materials and fuel, the transcontinental, regional and local environmental functions of the tundra and taiga, the general trends of improving economic federalism and a special approach to stimulating regions that have extreme and difficult conditions of life and production, the priority of social welfare of the population rooted in the North and in the Arctic along with the desire for national socio-territorial equity.

Keywords: social change, northern specifics, concepts, development and improvement, economic incentives, environmental factor, systemwide upgrade.

К полнокровному развитию северной экономики со сбалансированным сочетанием добывающих и обрабатывающих производств

Неустойчивое развитие – результат отклонения от общественных интересов. Исходя из тезиса, что *регион есть развивающееся население*, О.С. Пчелинцев писал: «Ведущая роль регионов в экономической системе устойчивого развития реализуется через функции организации воспроизводства качественных ресурсов методами обустройства территории и развития инфраструктуры» [1, с. 9]. Это правильно, поскольку качество жизни каждого человека и общества в целом определяет смысл наших намерений оценить настоящее и определить будущее того или иного региона.

Социально-экономическая география и региональная экономика (в России и других развитых странах) в своих теоретических концепциях в настоящее время первостепенную роль отводят историческим приобретениям (включая разнообразие природных и культурных ландшафтов) и интеллектуальным ресурсам. Общественные формы организации хозяйства (концентрация, специализация, комбинирование, кооперирование, интеграция) наполняются новым содержанием. Решающую роль играет территориальная концентрация знаний и инноваций; пространственно комбинируются интеллектуальные возможности специалистов, происходит их кооперирование в рамках территориальных кластеров, нацеленных на решение конкретных проблем инновационного развития; межстрановая и межрегиональная интеграция все более осуществляется как управляемая взаимосвязь разнообразных сфер деятельности.

Огромную роль в жизни общества стали играть людские, денежные и информационные потоки, а также высокая мобильность организационных структур управления, усиление попутного эффекта от одного вида деятельности для ряда других видов [2, 3].

Все эти инновации относятся и к Северу. Именно опираясь на идеи повышения качества жизни, северная политика должна быть направлена на решение конкретных проблем относительно столичных функций областных, республиканских и окружных центров, допустимых пределов стягивания населения периферии в данные центры и крупные города, поддержания их на высоком культурном и научно-техническом уровне и др. Свои «проблемы качества» имеют города и районы нефтегазовой и горнорудной специализации, в том числе и по поводу их взаимосвязи с оленеводством и сельским хозяйством. С «затуханием» горно-обогачительных и нефтепромысловых предприятий в критическую ситуацию попадают и оленеводы, а также работники сферы обслуживания из-за снижения спроса на их продукцию и услуги. Заметим, в городах и районах лесопромышленной и сельскохозяйственной специализации процветает четверть населения Севера. Устойчивое развитие этих территорий становится первостепенной проблемой не столько по производству, сколько по выбору новых форм социального обеспечения жителей лесных поселков, сел и деревень. Районы оленеводства, овцеводства и коневодства, не имеющие городов и живущие относительно автономно, зачастую натуральным хозяйством, по идее постиндустриального развития должны быть преобразованы на новой технической и социальной основе, но не ущемляющей традиционный уклад жизни [4].

На Севере России производится примерно 15 % ее внутреннего валового продукта, в том числе в Арктической зоне – 10 %. Эти доли постепенно снижаются по двум причинам: положительной – хотя и медленной, но все же рост экономики центральных и южных регионов страны; отрицательной – «топтание» (с точки зрения макроэкономики) на месте всех северных регионов, за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа, без сколько-нибудь заметного продвижения вперед.

Прогнозы, стратегии и программы развития северных и арктических регионов отражают трудности роста экономики в условиях снижающихся мировых цен на углеводороды и минеральное сырье, а также недостатка мощностей по их переработке внутри России; динамика ВРП и производительности труда предстоящих 5–10 лет фиксируется на уровне 2–3 % в год [5]. При этом рост малыми темпами относится к выпуску основных видов продукции промышленности и сельского хозяйства, но не к сфере энергетики, транспорта, строительства, ЖКХ и других социальных услуг, банковско-финансовой деятельности, государственного и муниципального управления. Здесь уровень организации технологий и труда еще более низок, но высоки цены и тарифы. Такого рода баланс низкого и высокого позволяет сводить «концы с концами» отдельно взятым организациям, но тянет вниз общую экономику регионов и страны

в целом. Показателен в этом отношении пример Республики Коми. Из табл. 1 видно: численность населения и занятых трудом снижается; производство ВРП колеблется вокруг базовых 100 %; производительность труда растет крайне медленно.

Таблица 1

Социально-экономическая динамика Республики Коми в 2010–2018 гг.,% *

Показатели Годы	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Численность населения	100,0	99,8	98,7	97,7	96,9	95,9	95,1	93,9	93,1
Число занятых в экономике	100,0	98,6	97,6	95,2	92,7	91,0	89,8	88,6	87,8
ВРП в постоянных ценах 2010 г.	100,0	105,7	107,6	104,0	102,4	98,5	99,9	101,6	103,1
ВРП на одного занятого	100,0	107,2	110,2	109,2	110,4	108,2	111,2	114,7	117,4

Примечание.* Регионы России [6]; 2016–2018 гг. – оценка автора.

При созданной в прогнозах структуре производства места для науки и научно-технического прогресса не находится. Проблемы перехода от низкого к более высокому технико-экономическому укладу экономики не отражаются так же, как и проблемы совершенствования общественных отношений. Как-то удастся обойти вопросы оптимального землепользования с учетом необходимости организации экологически чистого сельского хозяйства, максимизации размера распределенного фонда земли и его структуризации по формам собственности: федеральной, субфедеральной (областной, краевой, республиканской), муниципальной, личной. То же относится и к лесным планам и программам недропользования. Прогресс же в части ведения домашних и других хозяйств малых форм до сих пор ни в одном государственном документе не рассматривался.

Это результат того, что в условиях периферийного капитализма общество особенно сильно подвержено влиянию политических и экономических кризисов, различного рода трансформациям и деформациям. Основное внимание приходится уделять не жизненно важным обстоятельствам функционирования региональных и локальных социумов, а макроэкономическим показателям, например, внутреннему региональному продукту. «Разброс» же прогнозных оценок данного показателя даже при двух вариантах (минимум – максимум) в северных регионах составляет 2,5–3 раза. Сказывается трудно прогнозируемый характер самих кризисов хотя бы потому, что к ним нелегко привыкнуть как к неизбежному факту. Вместе с тем, именно в кризисные времена приходится переоценивать прошлый опыт прогнозирования с ориентацией только на положительную динамику.

Смена концепций развития. Экономика Севера России до сих пор была связана в основном с освоением его природных ресурсов, транспортным строительством и традиционными отраслями хозяйства малочисленных народов. Природно-ресурсная специализация в составе национальной экономики исторически обусловлена и вполне правомерна. И в современных условиях проблемы расширенного общественного воспроизводства не могут быть решены без ресурсов Севера. Однако принципы их вовлечения в мировое хозяйство представляются неоднозначными.

Обстоятельства национальной экономики отражаются в трех подходах к Северу, в основе которых лежат идеи: 1) дальнейшей колонизации Севера, но уже в качестве сырьевого придатка не только российской, но и всей мировой экономики с ее транснациональными корпорациями; 2) свободной (рыночной) торговли природно-сырьевыми ресурсами Севера со стороны отечественных и «смешанных» предприятий, находящихся в юрисдикции России, но без ограничений (кроме стратегических дефицитных ресурсов) и по правилам Всемирной торговой организации; 3) прикрепления ресурсов Севера прежде всего к российской обрабатывающей промышленности, рынку с ограничением вывоза минерального сырья, нефти, газа, угля и древесины за границу.

На наш взгляд, приоритет следует отдать третьему варианту, т.е. полнокровному развитию национальной экономики со сбалансированным сочетанием добывающих и обрабатывающих производств. Это обуславливает взаимодействие субъектов хозяйства, размещенных на Севере, со своими отечественными и иностранными агентами по поводу распределения не ресурсов (товаров), а доходов (прибыли) от продажи ресурсов.

Концепция развития Севера России – «освоение природных ресурсов ради валютной выручки» – постепенно приобретает новую трактовку: «освоение природных ресурсов, модернизация производства и транспорта, обустройство территорий проживания населения ради обеспечения национальной безопасности России и устойчивого развития ее народного хозяйства». С общественной точки зрения естественный ход социально-экономического развития Севера (включая континентальную Арктику) с образованием здесь историко-культурных очагов относительно устойчивой жизнедеятельности как частей единого государства более значим, чем внутрироссийская колонизация ради накопления капитала. Данное положение важно подчеркнуть еще и потому, что в настоящее время преобладает другая позиция, ориентированная почти на полный вывоз потенциального капитала в Москву и за границу. Неслучайно научные сотрудники РАН и практики регионального управления, профессионально знающие экономику Севера, выделяют как минимум две группы общественно значимых факторов устойчивого развития северных территорий: «Во-первых, это перераспределение рентных платежей, которые обеспечили бы достойный уровень жизни проживающих и работающих в экстремальных условиях людей. Во-вто-

рых, это диверсификация и инновационная перестройка экономики, которая повысила бы конкурентность хозяйственных систем в обозримой перспективе» [7, с. 40].

С учетом данной концепции в последние годы активизировались научные исследования в области комплексного социально-экономического развития северных субъектов Федерации и территориальных систем, «лежащих поверх административных границ»: Карело-Кольской, Двино-Печорской, Обь-Иртышской, Ангаро-Енисейской, Северо-Восточной и др. Усилилась роль социальных аспектов развития и этнокультуры с учетом того, что образ жизни, язык, культура, методы хозяйствования проживающих здесь народов являются самоценными. Предпринимается попытка научно обосновать модели благосостояния населения северных территорий. Предлагаются различные варианты оптимизации здесь численности постоянного населения и привлекаемых работающих вахтовым методом или сезонно.

Научный подход к решению северных проблем

Суть правильного подхода к решению северных проблем заключается в следующем: сначала нужно понять закономерности естественно-исторического вектора развития народонаселения и хозяйственных систем Севера, а уже затем косвенно, через социальные и экономические механизмы, способствовать их реализации. В связи с этим заметим, что все регионы Европейского Севера и некоторые регионы Азиатского Севера России в конце 1980-х гг. имели демографический потенциал, достаточный для самовоспроизводства населения и трудовых ресурсов с минимальной внешней миграцией. Но кризисы экономики, повторяющиеся под влиянием внешних условий и ошибок внутренней политики, заметно снизили численность населения на Севере: с 12 654 тыс. чел. в 1990 г. до 9954 тыс. чел. в 2015 г.; в том числе по Арктической зоне соответственно с 3178 до 2383 тыс. чел. Теперь речь идет не о численности населения «любой ценой», а о повышении человеческого потенциала (прежде всего – здоровья) и квалификации занятых во всех сферах экономической деятельности, трансформации природно-ресурсных доходов в его социальный, инфраструктурный и финансовый капитал. Только в таком случае ориентация северных регионов на саморазвитие и эволюционизм была бы правомерной.

Диверсификация структуры хозяйства. Север исторически подготовлен к диверсификации структуры производства на основе глубокой переработки сырьевых ресурсов и широкой кооперации в рамках национальной и мировой экономики. Здесь весьма актуальна проблема воспроизводства природно-хозяйственных комплексов [8, 9].

Для обустройства жизни северян, их хозяйственной деятельности необходимы специальные технологии, приспособленные к экстремальным и сложным климатическим условиям, а именно: территориальная «привязка» типовых проектов с учетом условий удорожания строитель-

ства; использование основ зонального проектирования в градостроительстве; разработка и использование техники в северном исполнении; минимизация вспомогательных и обслуживающих производств, широкая технологическая кооперация; применение вахтового, районного и экспедиционного методов освоения полезных ископаемых; организация комплексных промышленно-транспортных компаний, способных на основе новейших технологий осваивать «разнопрофильные» месторождения полезных ископаемых и обустраивать территорию по единому плану.

С общественной точки зрения наиболее важными социально-экономическими проблемами являются:

- для Арктики и Дальнего Севера – неудовлетворительное состояние социумов малочисленных народов и сложности в организации труда и быта людей при экспедиционном, вахтовом и районном методах освоения природных ресурсов;

- Ближнего Севера – стратегическая неопределенность в деле формирования опорных производственных и торговых баз, а также центров подготовки квалифицированных кадров для всей Северной зоны.

Сейчас особое внимание следовало бы обратить на загрузку неиспользуемых мощностей, на более высокую техническую оснащенность действующих предприятий, особенно в части обогащения и переработки полезных ископаемых. Уровень конечного производственного и личного потребления должен быть достаточным для эффективного общественного воспроизводства в самой России.

Снижение удельных капитальных затрат на освоение ресурсов и обустройство территорий Севера связано главным образом с двумя факторами: научно-техническим прогрессом, в том числе разработкой и внедрением северной техники и технологий, и территориальной организацией хозяйства (оптимизация транспортной сети, минимизация вспомогательных и обслуживающих производств, использование вахтового и районного методов освоения ресурсов и др.). Вместе с тем следовало бы более системно контролировать обоснованность затрат на производство, особенно в части транзакционных издержек.

Бизнес необходимо не только контролировать, но и защищать от разрушительного влияния неорганизованного рынка и учитывать северную специфику хозяйственной деятельности в условиях организованного, регулируемого государством рынка. В принципе такой протекционизм должен реализовываться «классическими» методами регулирования рыночных отношений, т.е. через понижение транспортных тарифов, тарифов на тепло- и электроэнергию, ставок налогообложения, через выделение целевых субвенций и льготное кредитование северного завоза. В действительности «классика» не только не соблюдается, но и приобрела противоположный характер: тарифы и налоги повышаются, финансовые ресурсы перераспределяются в пользу Москвы, республик Северного Кавказа и Поволжья, схемы взаимодействия корпораций с бюджетной системой страны «оголяют» территориальные бюджеты.

Проблема инвестиций в экономику Севера ныне стала многоаспектной, но более всего она обусловлена «проеданием» фонда накопления. В качестве одного из направлений решения этой проблемы мы рассматриваем обязательное открытие частных (для предприятия) и региональных инвестиционных счетов с зачислением на них всей суммы амортизации и какой-то доли (скажем, 15 %) валютной выручки. Целесообразно установить государственный контроль за целевым использованием средств данных счетов.

С логикой поэтапного решения проблем Севера связано совершенствование экономических отношений между федеральным управлением, региональными правительствами, муниципалитетами, бизнесом. Несовпадение устройства финансово-бюджетной системы Федерации с интересами ее северных (и не только северных) субъектов ставит последние в ущербное положение. К тому же финансовые перекосы приводят к дисбалансу стоимостных пропорций в добывающих и обрабатывающих отраслях хозяйства страны и тем самым нарушают технологическую сопряженность взаимосвязанных производств.

Эколого-экономическое измерение хозяйственной деятельности

Экологический фактор в развитии Севера не менее актуален, чем производственный. Всем понятно, что состояние природной среды северных территорий определяет уровень безопасности жизнедеятельности населения Земли, прежде всего, самих северян. Это понимание не должно иметь лишь абстрактный характер. Оно может изменить историческую тенденцию природопользования на Севере. С переходом к стабильности и росту индустрии вырисовывается тенденция сверхэксплуатации природных ресурсов Севера. Они выходят на первое место в качестве источника накопления капитала, в том числе и потому, что прежние «дармовые» источники – разгосударствление и приватизация – уже исчерпаны. Такая перспектива заставляет думать об охране окружающей среды как важнейшем направлении мировой политики с учетом положительного опыта организации хозяйства на территории зарубежного севера.

Учет экологического фактора в общественном воспроизводстве отражает реальную картину нашей жизни. Например, по официальным данным, до кризиса 2008–2010 гг. ежегодный рост ВВП в России достигал 6–7 %. Но, по данным Всемирного банка, при экологической коррекции (учете истощения природного капитала и загрязнения окружающей среды) изменения в этот период оцениваются как негативные – минус 10–13 % [10, с. 17].

Север «демонстрирует» разнообразие миропорядка, где экономические показатели стоят в одном ряду с показателями социальными и экологическими. Здесь наглядно видна решающая роль природы в жизнедеятельности людей, а потому необходимо усилить экономику как дисциплину по оценке общественно необходимых затрат, включая и де-

нежный эквивалент природных рисков [11, 12]. Но надо иметь в виду, что многие проблемы экологической безопасности сейчас приходится адресовать маломощным в финансовом отношении муниципальным образованиям, а это зачастую предопределяет тупиковый характер их рассмотрения.

Северное удорожание и общественный характер его сути

Для решения проблем Севера считается достаточным правильно оценить удорожание основных затрат на производство продукции и поддержание среднего уровня жизни по зонам дискомфорта (Крайний Север и местности, приравненные к районам Крайнего Севера). На самом же деле необходима более дробная дифференциация в соответствии с экономико-географическим положением поселений и предприятий: на основной трассе освоения или на его периферии. Например, по расчетам Т.Е. Дмитриевой, коэффициенты изменения сметной стоимости СМР по оси хозяйственного освоения составляют (относительно Московской области): Сыктывкар – 1,43; Ухта – 1,56; Печора – 1,70; Воркута – 1,83. Периферия, тяготеющая к указанным городам, имеет эти коэффициенты соответственно: 1,63; 1,82; 2,00; 2,50 [13, с. 117, 127].

Стратегическое направление решения проблемы совершенствования финансового механизма компенсации северного удорожания – перекрывать удорожание рыночной ценой при строго нормированных частных издержках, уровне рентабельности и общественной составляющей стоимости товара. «Общественная составляющая» становится все более значимой и рассматривается в национальной экономике как неотъемлемая часть общественного расширенного воспроизводства.

Практический характер приобретает теоретическое положение о том, что стоимость национального и даже мирового товарооборота в конечном счете определяется совокупностью потребностей людей, включая и потребность в приемлемой для жизни окружающей среде. Стоимость даже единичного товара не собирается из частей (отдельных видов затрат), как кажется на первый взгляд, исходя из бухгалтерской калькуляции; она изначально образуется на рынке как целое, которое затем раскладывается на части, в том числе и на охрану природы и воспроизводство ее потенциалов.

Экономическое стимулирование

С учетом отмеченных обстоятельств государство обязано компенсировать регионам и непосредственно населению Севера недополученные доходы. Принцип компенсирования может быть реализован по-разному, но обязательно по правилам и нормам экономического стимулирования. Однако надо иметь в виду и вероятность ложного толкования стимулирования регионов. Напомним, что в разнообразных идеях совершенствования экономического федерализма заложены не только позитивные, но и негативные моменты. Например, некоторые нацио-

нальные республики в 1990-х гг. инициировали особо опасный курс на полную налогово-бюджетную самостоятельность субъектов Федерации с использованием так называемого котлового метода сбора и распределения всех налогов и других финансовых ресурсов. И это несмотря на негативный опыт СССР, когда такой метод, при котором налогоплательщиками в бюджет страны стали непосредственно союзные республики, более всего способствовал его распаду. Ближе к котловому стоит ныне предлагаемый метод нормативного распределения налогов между федеральным и территориальными бюджетами по заранее установленному соотношению, например 50:50. Это еще более усилило бы и без того чрезмерное социальное неравенство территорий. Незыблемым должен оставаться принцип закрепления первичных источников налогообложения за определенным уровнем власти в полном объеме или с последующим расщеплением в определенных пропорциях. Этот принцип является фундаментальным в системе экономического федерализма и не ограничивает возможности стимулирования территориального развития.

Тематика экономического стимулирования регионов и в советские времена была актуальной. Но особенно – в годы реформирования и кризисов. Об этом, в частности, вспоминал академик Е.М. Примаков: «... На заседаниях правительства, которое я возглавлял (после дефолта августа 1998 г. – В.Л.), предлагалось, скажем, на период между выборами властей фиксированная ставка на пополнение федерального бюджета. Размеры ставки предусматривались в виде разницы между трансфертами из центра и налоговыми отчислениями регионов в федеральный бюджет. Разница определялась как средняя за предшествовавший межвыборный срок. Все заработанные и собранные сверх этого средства предполагалось оставлять в распоряжении регионов. Эту схему, которая могла бы ограничить и субъективизм центра, и лоббирование субъектов Федерации, поддержал в беседах со мной целый ряд губернаторов. Из их высказываний следовало, что внедрение такой схемы создаст серьезный стимул для увеличения сборов налогов и в конечном счете стимулирования социально-экономического развития регионов» [14].

Ситуация в весьма дифференцированных по бюджетным доходам северных регионах подсказывает, что данная рекомендация приемлема не только для дотационных регионов, но может быть распространена с некоторыми модификациями на всю систему бюджетного федерализма. Ныне применяемые схемы стимулирования пока не приносят должного результата. Например, привлечение регионов к исполнению федеральных программ по принципу деления пополам расходов на их реализацию (половина – федеральная, другая половина – региональная). Использование такой схемы, действительно, могло бы стимулировать регионы к более активной деятельности. Однако у большинства из них нет средств на «свою половину».

Региональная и муниципальная экономика

В настоящее время момент истины заключается в том, чтобы экономические ресурсы страны в большей мере сместить в сторону регионов и муниципальных образований. Существующую ныне бедность территориальных бюджетов и их постоянный и повсеместный дефицит, чрезмерно большой государственный долг субъектов Федерации нельзя признать нормальным состоянием; такое состояние противоречит принципам и нормам конституционного федерализма; оно может трактоваться не как вынужденное, а как искусственно создаваемое ради непомерного возвышения роли федеральной власти.

Укрепить экономическую базу территориального развития можно и через увеличение объема региональной и муниципальной собственности и ее рациональное использование. Например, регионы и муниципальные образования могли бы пополнить свой земельный фонд за счет обобществления тех частных площадей и земельных паёв, которые длительное время не вовлекаются в хозяйственный оборот. Резонной представляется рекомендация хотя бы небольшие площади Гослесфонда передать в ведение муниципалитетов. Последние могли бы также более активно создавать имущественные комплексы общего назначения и зарабатывать деньги на их хозяйственном использовании.

Тактика регулирования экономики северных территорий с учетом интересов общества

Она связана главным образом с налогообложением и реструктуризацией затрат. Ранее считалось целесообразным исключение из налогооблагаемой базы затрат, обусловленных действием объективных факторов северного удорожания, и той части прибыли, которая идет на инвестиции в техническую модернизацию производства. Предполагалось наиболее полно и адекватно включать в хозяйственный оборот рентные доходы. В соответствии со структурой природно-ресурсной ренты в качестве основных в добывающих отраслях рассматривались два налога: «плата за недра» – налог, подобный налогу на имущество, «рентный налог» в размере 70 % рентного дохода (30 % ренты как части сверхдохода должны оставаться у предприятий для их технологической модернизации). В настоящее время примерно так и происходит, но в каких объемах и по какой схеме – обществу не известно. «Внутренняя бухгалтерия», покрытая коммерческой тайной, не позволяет знать истинную стоимость товара, а это, в свою очередь, не дает нормативно учесть ее общественную составляющую.

О районных коэффициентах и северных надбавках за стаж работы в районах Севера

Районные коэффициенты и северные надбавки в определенной мере отражают взаимосвязь социального и экономического аспектов жизнедеятельности в конкретных географических границах (табл. 2). Но

данную меру не следует преувеличивать. Дело в том, что «северные» мало касаются внебюджетных отраслей хозяйства, где они присутствуют условно в качестве составной части уже фиксированного фонда заработной платы. Если бы не было «северных», то каждый работник все равно получил бы определенную контрактом свою часть данного фонда. Другое дело – бюджетники. Для них районный коэффициент и северная надбавка за стаж работы на Севере являются существенной добавкой к тарифному окладу. Поэтому надо подумать, есть ли надежда на повышение «северных», особенно тем из бюджетников, кто живет в Арктической зоне и примыкающих к ней районах.

Таблица 2

Районные коэффициенты и северные надбавки к заработной плате в районах Севера России (без островов Северного Ледовитого океана), % *

Зона Севера	Минимум			Максимум		
	Районный коэффициент	Северная надбавка за стаж работы	В сумме	Районный коэффициент	Северная надбавка за стаж работы	В сумме
Европейский Север						
Арктическая зона	50	80	130	80	80	160
Дальний Север	40	80	120	50	80	130
Ближний Север	15	50	65	20	50	70
Азиатский Север						
Арктическая зона	50	80	130	100	80	180
Дальний Север	50	80	130	100	80	180
Ближний Север	30	50	80	40	80	120

Примечание. * На островах Северного Ледовитого океана районный коэффициент составляет 2,0 (100 %), северная надбавка – 100 %; в сумме – 200 %, т.е. увеличена в три раза. Источник: URL: <http://bushminsergey.blogspot.ru/2013/01/blog-post.html> (дата обращения 5.07.2016).

Даже с учетом указанных коэффициентов и надбавок трудно дать разумное объяснение росту такого показателя, как соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума, поскольку реальные доходы снижаются, прожиточный минимум, «благодаря» росту цен, в расчете на деньги увеличивается. Кстати заметим, что данное соотношение в Республике Коми в 1,2 раза ниже, чем в среднем по РФ, и в 1,6 раза ниже, чем в Москве.

Северные коэффициенты и надбавки к заработной плате не компенсируют дороговизну жизни в регионах Севера. «Северные» лишь немного сглаживают показатели социального расслоения по доходам: коэффициент фондов в среднем по России в 2014 г. составил 16 (во столько раз доходы десятой (верхней) группы отличаются от доходов первой (нижней) группы населения), в республиках: Карелия – 10,3, Коми – 14,9, Саха (Якутия) – 14,5; в областях: Мурманской – 12,5, Архангельской –

11,3, Магаданской – 14,0, Сахалинской – 16,1; в автономных округах: Ненецком и Ямало-Ненецком – 17,6, Ханты-Мансийском – 16,9, Чукотском – 16,1; в Камчатском крае – 11,5 [11, с. 227]. О нетерпимости такого положения в социальной стратификации как в России в целом, так и в ее регионах экономическая наука и социология заявили уже 15 лет назад, указывая на пример европейских стран, где доходы между первой и десятой социальными группами различаются в семь-восемь раз.

Арктическая проблематика и общественный интерес

Со стороны Федерального правительства России развитие Арктики рассматривается главным образом по двум основным направлениям: 1) обустройство Северного морского пути как важнейшей составной части общей транспортной системы страны и как геополитического фактора укрепления позиций РФ в мировом морском судоходстве; 2) формирование прибрежной инфраструктуры оборонного и хозяйственного значения. Предпринимается попытка оба направления реализовать посредством программно-целевого формирования «опорных зон» социально-экономического развития. Ключевыми точками роста каждой зоны считаются те, которые нацелены на решение двух отмеченных задач.

Правительства и муниципалитеты арктических территорий, как и в других регионах России, имеют отношение ко всему структурно-функциональному спектру экономики и социальной сферы. Их специфический интерес к арктическому вектору развития заключается лишь в надежде получить дополнительные федеральные ресурсы для повышения уровня жизни населения. Содержание арктической политики тем самым определяется проблемами развития конкретных территориальных общностей людей и, следовательно, не сводится к какому-либо одному виду задач – геополитических, транспортных, военных, топливно-энергетических, биоресурсных, этнокультурных и т. п., но ко всей их совокупности, что и соответствует общей методологии устойчивого развития.

Заключение

Общественные ориентиры регионального развития указывают, что современная социально-экономическая проблематика Севера и Арктики России должна переместиться с освоения природных ресурсов «вширь» на комплексное развитие «вглубь», т.е. на модернизацию уже созданного хозяйства, реструктуризацию систем расселения населения, транспорта, промышленности и сельского хозяйства. Актуализация арктической тематики позволяет еще раз обратить внимание на социальное и экологическое обустройство уже сформированных территориально-хозяйственных комплексов, отдельных промышленных центров и сельской периферии; продление срока эксплуатации действующих промыслов, шахт и горнорудных комбинатов с использованием новейших технологий добычи, обогащения и переработки сырья; сбалансиро-

рованное использование биоресурсов тундры и северных морей; создание научно-технической инфраструктуры Северного морского пути и арктических предприятий; приобщение местной экономики к нуждам оборонных объектов.

Литература

1. Пчелинцев, О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития / О.С. Пчелинцев; Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. – Москва: Наука, 2004. – 258 с.
2. Новый взгляд на экономическую географию. Обзор. Доклад о мировом развитии – 2009. – Вашингтон: Всемирный банк, 2009. – 33 с. – URL: www.worldbank.org.
3. Пилясов, А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России / А.Н. Пилясов // Региональные исследования. – 2011. – № 1. – С. 4–31.
4. Лаженцев, В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития / В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2015. – 176 с. – (ИСЭ и ЭПС. Коми научный центр УрО РАН).
5. Бабаев, К.В. Стратегия развития Мурманской области: SWOT – анализ / К.В. Бабаев // Современные производительные силы. – 2013. – № 4. – С. 59–75.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. – Москва: Росстат, 2015. – 1266 с.
7. Селин, В.С. О приоритетах государственной политики в северных регионах / В.С. Селин, Е.И. Зайцева, А.В. Истомин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2. – С. 38–49.
8. Васильев, В.В. Методология комплексного природно-хозяйственного районирования северных территорий и российской Арктики / В.В. Васильев, В.С. Селин. – Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2013. – 260 с.
9. Селин, В.С. Российская Арктика: география, экономика, районирование / В.С. Селин, В.В. Васильев, Л.Н. Широкова. – Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2011. – 203 с.
10. Сдасюк, Г.В. «Рио + 20»: концепция устойчивого развития «Зеленой экономики» и проблемы ее реализации в России / Г.В. Сдасюк, А.А. Тишков // Россия и ее регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – С. 12–37.
11. Порфирьев, Б.Н. Природные риски в условиях современного экономического роста: теория и практика государственного и негосударственного управления / Б.Н. Порфирьев // Российский экономический журнал. – 2006. – № 1. – С. 37–48.

12. Порфирьев, Б.Н. Фактор климатических рисков в инновационной стратегии развития / Б.Н. Порфирьев // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 193–213.
13. Лаженцев, В.Н. География и практика территориального хозяйствования / В.Н. Лаженцев, Т.Е. Дмитриева. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 137.
14. Примаков, Е. О России сегодня / Е. Примаков. – URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=745e16d8-c813-47f3-9e4d-827e3360777f>.

Социально-экономические проблемы Севера России³⁰

Введение

Северная тематика социально-экономических и междисциплинарных исследований в России и ряде зарубежных стран представлена весьма широко. Ею занимаются более 100 научно-исследовательских организаций. На Севере России находятся девять академических институтов, изучающих проблемы развития и размещения производительных сил, производственно-экономических и социальных отношений. Во многих «головных» экономических институтах Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Новосибирска и Хабаровска имеются подразделения северного профиля. Изучение Севера координируется в рамках Научного совета РАН по вопросам регионального развития, в том числе по программе «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (координатор ак. А.Г. Гранберг). Политическую направленность с участием науки имеет Северный социально-экологический конгресс.

Накоплен значительный научно-исследовательский материал, который используется при формировании государственной политики относительно северных территорий. Он же является отправной точкой для постановки новых актуальных вопросов в части теории и методологии социально-экономического развития в сложных и экстремальных природных условиях. Новизна заключается в необходимости вычленить из множества проблем, решаемых на Севере, те, которые действительно относятся к Северу как специфическому объекту науки. Необходимо также систематизировать подходы к формированию северной проблематики в соответствии с требованиями и рыночной экономики, и стоящими над рынками процессов обеспечения национальной безопасности, этнического и культурного развития. С позиций глобализации еще раз целесообразно определить направления межрегиональной интеграции в системе «Север – Юг».

Исходные положения

Север – арктические и северотаежные территории, которые отличаются высоким природно-ресурсным потенциалом, неблагоприятными климатическими условиями и низкой плотностью населения; имеют мировое значение в решении фундаментальных проблем развития Земли. Северные территории характеризуются особыми производственными и социальными технологиями, энерго-экономическими и медико-физиологическими параметрами жизнедеятельности и рассматриваются как

³⁰ Лажнецов, В.Н. Социально-экономические проблемы Севера / В.Н. Лажнецов // ЭКО. – 2010. – № 12. – С.40–53.

важнейший территориальный резерв и экологический ресурс. Арктика – зона сложных геополитических отношений.

Российский Север – коренная земля россиян, среди которых особо выделяются малочисленные коренные народы. В нашей стране к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям полностью отнесены 13 и часть территории 11 субъектов Федерации. Их площадь – 11 млн кв. км ($\frac{2}{3}$ территории России); здесь проживает примерно 9 млн чел. (6 % населения страны), в том числе около 350 тыс. чел., отнесенных к малочисленным народам, и 1250 тыс. чел. – к народам многочисленной коренной национальности. В регионах Севера производится 17 % ВВП (2007 г.), 18 – электроэнергии, 25 – лесной продукции, 90 – природного газа, 75 – нефти, 80 – золота, 90 % меди и никеля, почти весь объем алмазов, кобальта, платиноидов, апатитового концентрата. Во всех категориях хозяйств зоны Севера поголовье домашних оленей составляет 1660 тыс. голов (2006 г.), в том числе в Ямало-Ненецком АО – 44 %, Ненецком АО – 13, Чукотском АО – 11, Республике Саха (Якутия) – 11, Республике Коми – 6, Мурманской обл. – 4 %. Сохранили свое социально-экономическое предназначение охота и промыслы.

Статистика выделяет три позиции: 1) регионы России, полностью отнесенные к Северу; 2) частично отнесенные к Северу; 3) территории в границах Крайнего Севера и местностей к нему приравненных. Из каждой из трех группировок можно извлечь особый экономический смысл.

Генеральная идея науки и государственной северной политики – не только освоение природных ресурсов, но и цивилизованное обустройство территорий со сложившимися историко-культурными «ядрами» (очагами), переход от истощительного использования природных и человеческих ресурсов к их системному воспроизводству, от вывоза почти полного объема потенциального капитала к материализации его значительной части на месте; переход от моно- к полиспециализации на основе научно-технического прогресса; от преимущественной трансляции «внешних» указаний к выработке собственных решений; от полного государственного патернализма к координации всех активных субъектов хозяйственной и общественной деятельности при поддержке государства.

Экономику Севера следует более тесно увязать с решением задач формирования внутрисоссийского рынка и устойчивым развитием местных общностей людей с их исторически сложившейся культурой и хозяйственными традициями. Одной из ключевых проблем экономической теории применительно к северной тематике является обоснование направлений и стимулов роста и справедливого распределения положительной природно-ресурсной ренты и снижения отрицательной, обусловленной климатом и периферийностью.

Положение Севера в науке и государственной политике

На Севере можно изучать все, но это не значит, что каждый раз изучается сам Север, как интегральная природная и общественная данность.

Север в целом «вписывается» в общую научную тематику и практику управления как: 1) плацдарм получения ресурсов и научных знаний, приобретения опыта преодоления трудностей; 2) полигон испытаний, например, новой техники, приспособленной к экстремальным природным условиям; 3) объект, ради которого генерируются новые знания и технологии; 4) субъект, организующий хозяйственную деятельность ради улучшения собственного положения. В соответствии с данным порядком можно выделить: 1) крупные народнохозяйственные (районно-комплексные) проблемы промышленного и транспортного освоения новых территорий; 2) научно-технические (территориально-отраслевые) проблемы надежного функционирования производственных и инфраструктурных систем; 3) социально-экономические (узловые) проблемы конкретных северов; 4) управленческие (государственные, муниципальные и фирменные) проблемы.

В экономике проблема фиксируется неудовлетворительным состоянием целеустремленных хозяйственных систем и намерениями людей преодолевать трудности. Она адресуется конкретным распределительным центрам. Именно с учетом такого понимания научной категории «проблема» следует акцентировать внимание на том, что северная природно-экономическая зона не является ни системой, ни субъектом хозяйствования и управления. Правосубъектность здесь проявляется в большей мере дробно: человек (северянин), отдельные организации, органы местного самоуправления, региональные правительства. Субъективизация проблем сопряжена с разнообразием северов: Кольского, Беломорского, Печорского, Обского, Енисейского, Ленского, Колымы, Чукотки, Камчатки, Сахалина и др.

За Федеральным же правительством остается регулирование хотя и важной, но относительно узкой социально-экономической сферы, связанной с необходимостью компенсации дополнительных издержек по обеспечению жизнедеятельности и хозяйствования. Для этого наукой выделяются широтные зоны дискомфорта: Арктика (абсолютно дискомфортная, чрезвычайно неблагоприятная), Субарктика (экстремально дискомфортная, очень неблагоприятная), Приравненная к Крайнему Северу (дискомфортная, умеренно неблагоприятная), Приравненная к Северу (относительно дискомфортная, относительно благоприятная). Нам представляется целесообразным северные зоны обозначить не только в научной литературе, но и в официальных документах названиями: Арктика, Дальний Север, Средний Север и Ближний Север. Академические институты дали полные географические, климатические и медико-биологические характеристики данных зон. Это служит основанием экономической оценки условий жизни и хозяйственной деятельности.

Экономические показатели «северности» нормативного регулирования

Социально-экономические показатели:

- нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для лиц, работающих в условиях Крайнего Севера, увеличены на 15 %;

- нормы комплектов одежды (с Ближнего Севера в сторону Арктики): 1) с умеренной теплоизоляцией, 2) меховая одежда с теплоизоляционным слоем, 3) полушубки, валенки и др., 4) одежда из высококачественного меха;

- продолжительность отопительного периода, в днях: Ближний Север – 225, Средний Север – 250, Дальний Север – 350;

- тарифы на тепло и электричество. Например, в 2009 г. предельные, максимальные и минимальные уровни тарифов на электроэнергию установлены, руб./кВт·ч: для Республики Коми – 2,89–3,06, Чукотского АО – 7,83–8,53. Здесь учитываются не только различия в экономико-географическом положении, но и структура энергоисточников;

- районные коэффициенты и стажевые надбавки к заработной плате. Их совокупное значение: в районах Крайнего Севера минимальное – 1,55, максимальное – 3,7; в местностях, приравненных к нему: минимальное – 1,45, максимальное – 2,2;

- сокращенный на пять лет возраст выхода на пенсию (мужчины – 55, женщины – 50 лет);

- надбавка к пенсии с учетом северных коэффициентов к заработной плате и ее сохранение выезжающим в другие регионы страны;

- дополнительный отпуск на Крайнем Севере – 24 дня, в местностях, к ним приравненным – 16 дней;

- частичная компенсация стоимости проезда к месту проведения отпуска и лечения;

- активированные дни для работающих на открытом воздухе (в Республике Коми нормативные потери рабочего времени в зимний период составляют от 3 до 13 %, а по гигиеническим требованиям от 10 до 35 %).

Производственно-экономические показатели:

- коэффициенты удорожания строительно-монтажных работ, рассчитанные в ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН (Т.Е. Дмитриева) на основе СНиП применительно к Республике Коми (таблица):

Коэффициенты удорожания строительно-монтажных работ

Зоны	Центральная полоса	Периферия
Ближний Север	1,43	1,63
Средний Север	1,56	1,82
Дальний Север	1,83	2,50

- коэффициенты к нормам продолжительности строительства: Ближний Север – 1,3–1,4; Средний Север – 1,5–1,7; Дальний Север – 1,8–2,0;

- ускоренная амортизация основных фондов;
- сезонные запасы товаров, в днях (в розничной торговле запасы, например, в Коми – 117 дней, в Якутии составляют 220 дней, это, соответственно, в три и шесть раз больше, чем в центральных регионах);
 - «товары в пути», в днях;
 - финансирование и кредитование северного завоза и сезонных запасов (от 50 до 100 % и более от стоимости товара).

Дополнительно к перечисленному отметим, что малочисленные народы Севера имеют определенные гарантии социального и экономического благополучия, установленные государством законодательно и реализуемые через специальные программы.

Задача социально-экономической географии и региональной экономики относительно перечисленных и многих других показателей северности заключается в оценке их достоверности путем совершенствования методологии и методов экспертизы.

Устоявшаяся (привычная) проблематика Севера

В настоящее время наукой и практикой фиксируется преимущественно та северная тематика, актуальность которой обусловлена противоречиями между «что должно быть» и «что происходит в реальности». За последние 15 лет по Северу приняты сотни нормативных актов, но зачастую они имеют формальный характер и низкий уровень исполнения. И это при условии, когда в Совете Федерации и Государственной Думе их профильные (северные) комитеты энергично защищают интересы северных и арктических регионов. В частности, это находит отражение в научно-информационном бюллетене «Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации», издаваемом Комитетом по делам Севера и малочисленных народов Совета Федерации с 2005 г. В таком же ключе (защиты интересов) написаны многочисленные научные труды, в том числе совместные научно-аналитические доклады ИЭП Кольского НЦ РАН и ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН (2005–2010 гг.), адресованные органам государственной власти. Более всего уделяется внимание проблемам в рамках трех направлений социально-экономического развития: 1) демографический кризис и другие угрозы социальному развитию; 2) взаимосвязь корпоративных и территориальных стратегий развития; 3) декларируемый экономический федерализм и реальная бюджетная недостаточность.

Человек на Севере. В динамике численности населения регионов Севера за 1990–2008 гг. можно выделить существенный рост в Ханты-Мансийском АО, положительную динамику в Ямало-Ненецком АО, относительную стабильность в Республике Тыва, отрицательную динамику в республиках Карелия, Саха (Якутия) и Архангельской области, существенное снижение в Республике Коми, Мурманской, Сахалинской областях и Камчатском крае, «обвальное» снижение в Магаданской об-

ласти и Чукотском АО. Численность жителей Крайнего Севера и местностей к нему приравненных за указанный период сократилась с 10 до 8,2 млн чел.

К сокращению численности населения можно относиться по-разному: положительно – поскольку на Севере имеется переизбыток, например, неработающих пенсионеров; отрицательно – так как ясно, что потеря критической массы населения приведет к утрате специфических северных хозяйственных укладов (с выездом людей местные (коренные) сообщества теряют базу потребления производимых ими товаров и услуг).

Люди вправе выбирать себе место жительства. Поэтому недопустимы обе крайности: первая – как можно больше переселить; вторая – во что бы то ни стало удержать и закрепить. Правильней ориентироваться не на количество, а на качество населения и условия его жизни.

Отметим главные причины выезда:

- *незнатость* – снижается доля экономически активного населения, высок уровень безработицы (до 45 % в среднем, а по некоторым населенным пунктам и до 100 % трудоспособных лиц из числа малочисленных народов числятся безработными). В ряде сельских мест население вернулось к натуральному хозяйству. В адаптации к сложной социально-экономической ситуации кольских саамов немаловажную роль играет их этнокультурное единство с саамами северной Скандинавии, ямальских ненцев – кооперация по поводу переработки продуктов оленеводства и рыболовства, обустройства факторий, а также охоты на волков; таймырских долган, ненцев, нганасанов, эвенков и энцев – сохранение этносоциальных особенностей организации оленеводства, рыболовства и охоты; народностей Дальнего Востока (чукчей, эскимосов, коряков и др.) – включение их в индустриальный морской промысел, плодово-ягодное хозяйство и сферу туризма;
- *ущербная структура рабочих мест* – преобладают малоодоходные, удобные для работников низкой квалификации; недостаточно высокоодоходных, требующих высокой квалификации, напряженного труда и его системной организации;
- *почти полное исчезновение такого стимула, как «северный длинный рубль»*. Величина прожиточного минимума в северных регионах в 1,6–2,7 раза выше, чем в центральных, что «перекрывает» более высокий заработок;
- *низкий уровень социального обустройства* – жилые дома старой постройки в плохом состоянии, нередко в аварийном; неразвита дорожная сеть, чрезмерно высоки тарифы на перевозки и услуги связи;
- *утрата традиционных социально-экономических связей между городом и деревней*. Естественный товарообмен между ними нарушен чрезмерным импортом продовольствия, поэтому уезжают не только из городов и поселков, но и из сельской местности;

- *боязнь потерять здоровье.* Уровень заболеваемости среди северян превышает средний по стране в три-пять раз, а заболеваемость туберкулезом в ряде регионов – в 6–17 раз; более чем в два раза у северян выше онкопатология, заболеваемость органов дыхания и кровообращения.

В государственной северной политике следует активнее регулировать миграционные процессы посредством оптимизации структуры рабочих мест и программ переселения избыточного населения. Но не только. Лишь на первый взгляд кажется, что вся суть демографической динамики в северных регионах заключается в отрицательной внешней миграции. Статистически ее доля в сокращении численности населения на Севере составляет более 90 %. Однако, если бы сохранилась ситуация с естественной динамикой, характерной для конца 1980-х гг., то соотношение значимости миграции и естественного движения было бы примерно 50:50. Отсюда следует, что на Севере, как и в России в целом, первостепенной в демографической политике является проблема роста рождаемости и снижения смертности. Такое понимание, к сожалению, пришло с большим опозданием, а потому усилия государства ранее были направлены в основном на реализацию программ переселения. (Но и это делается половинчато и не системно).

Позитивная демографическая динамика последних двух лет, как правило, объясняется реализацией национальных проектов в области народонаселения, здравоохранения, образования и сельского хозяйства. Нам представляется, что положительный эффект указанных проектов проявится лишь через три-четыре года в частичном нивелировании предстоящего сокращения численности населения. Текущий же эффект в большей мере обусловлен вступлением в детородный возраст родившихся в докризисный период (конец 1980-х гг.).

Корпорации и территориальное развитие. Все в большей мере актуализируется проблема взаимодействия бизнеса и власти; применительно к территориальному развитию – проблема участия корпораций в социальном развитии городов и регионов. С 2008 г. она приобрела особо острый характер в связи с финансовым кризисом и его сильным негативным проявлением в монопрофильных городах и районах. Монопрофильность на Севере в рамках индустриального этапа развития является естественной и соответствует общим закономерностям географического разделения труда. Неслучайно в списке регионов с наибольшим числом моногородов оказались Ханты-Мансийский АО (13 городов), Мурманская область (7), Республика Коми (4), Ямало-Ненецкий АО (4). На первом же месте стоит Свердловская область (17), что (в отличие от других северных регионов) является следствием политики размещения производительных сил в советский период.

В прошлые годы крупные предприятия проектировались и развивались как производственно-социальные комбинаты. Они в плановом порядке несли на себе нагрузку жилищно-коммунального хозяйства,

строительства, транспорта, здравоохранения, спорта и других сфер. На Севере это воспринималось как должное и надолго; в других местах – как вынужденное и временно целесообразное.

В условиях рыночной экономики и корпоративного управления такого рода симбиоз оказался неприемлемым. Компании выводят непрофильные активы за рамки своей производственной деятельности. Значение такого вывода касается не только эффективности фирменного управления, но и вопросов социального развития территорий, поскольку в моногородах крупных компаний проживает 12 млн чел., или 11 % городского населения страны. В полосе основного каркаса расселения населения «непрофильность» вспомогательных и обслуживающих производств и предприятий инфраструктуры рассматривается региональными правительствами и муниципалитетами в качестве основы расширения малого и среднего бизнеса. В этом есть резон, но реализовать его весьма трудно в силу традиционной технологической отсталости такого рода производств и отсутствия стартового капитала их модернизации. На Севере к тому же весьма узок рынок сбыта технических и социальных услуг, и потому вынужденная привязанность вновь организуемых предприятий к «материнской» компании ограничивает их коммерческую самостоятельность.

В условиях кризиса ярко проявились различия в территориально-экономическом поведении корпораций.

Пример вертикально интегрированной компании «Северсталь» и последовательно входящих в нее акционерных обществ «Северстальресурс» и «Воркутауголь». С одной стороны, в условиях кризиса потребление воркутинского коксующегося угля хотя и сократилось, но не критически, благодаря «Северстали» (Череповецкому металлургическому заводу). С другой – борьба этой компании за «чистоту активов» поставила социальную сферу г. Воркуты в крайне тяжелое положение.

Пример НК «Лукойл» и входящей в нее ОАО «Коми-Лукойл». Здесь потери от финансового кризиса удалось распределить равномерно по вертикали и горизонтали, а потому Усинск существенно не пострадал; он устойчиво сохраняет за собой роль базового города освоения Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции.

Диверсификация структуры хозяйства моногородов и территорий узкой сырьевой специализации связана, главным образом, с совершенствованием основного производства и комплексным использованием сырьевых ресурсов. Но это направление лишь в малой части решает проблемы занятости и социальной стабильности. Поэтому следует подчеркнуть, что не сами природные ресурсы (нефть, газ, уголь и др.), а организующая роль производственных компаний является движущей силой территориального развития.

Пример г. Ханты-Мансийска. Благодаря взаимодействию бизнеса и власти он стал городом «европейского стандарта», для обустройства

которого, как столицы округа, были сконцентрированы финансовые ресурсы даже с некоторым ущербом нефтяным городам.

Деятельность корпораций все сильнее соподчиняется с организационной банковской делами и денежного обращения. Если вышеприведенные примеры отражают различия в экономическом поведении корпораций в системе территориальных отношений, то тенденции в движении денег являются равно общими. Деньги скапливаются в крупных финансовых центрах, главным образом, в Москве.

Нами было установлено, что в 1970–1980-х гг. из Республики Коми ежегодно «уходило» примерно 15 % наличных денег населения. В 1990-е гг. – 50–60 %. В первом случае речь шла о деньгах, посылаемых переводами, отпускных и вывозимых для покупки дефицитных товаров. Во втором – о вывозе спекулятивных денег. Кассовый план национального банка республики наполовину выполнялся за счет эмиссии. В 2000-х гг. проблемы наличности практически не стало, но безналичные деньги уходят в еще большей доле. Здесь главную роль играет взаимодействие двух пар агентов «головной офис корпорации – головной банк ее обслуживания», «региональный офис дочерней структуры корпорации – филиал такого же банка». В Республике Коми лишь три самостоятельных банка, но 27 филиалов. Именно последние и выполняют функцию «насоса». Как бы ни были высоки доходы, получаемые внутри регионов Севера, их правительства вынуждены проводить напряженную работу по привлечению инвестиций из внешних источников.

По нашему мнению, преодолеть экстерриториальное поведение корпораций лишь частично можно методами экономического регулирования в системе лицензирования и нормирования воспроизводства основных фондов, в том числе использования амортизации.

Бюджетная недостаточность. Проводимая ныне политика чрезмерной концентрации финансовых ресурсов в федеральном бюджете для северных регионов (и для многих других) является пагубной. В 2008 г. 73,2 % налогов и сборов в бюджетной системе регионов, полностью отнесенных к северным, поступили в федеральный бюджет. Обеспеченность их бюджетов собственными доходами заметно снизилась. В 1990-х гг. в консолидированных бюджетах субъектов РФ сосредотачивалось 75–85 % всех платежей за использование природных ресурсов; в 2002 г. эта доля упала до 35 %, а в 2008 г. – до 20 %. В суммарных консолидированных бюджетах северных регионов доля доходов от использования природных ресурсов составляет от 15 до 1 % (2008 г.).

Слабая «привязка» территориальных бюджетов к доходам от природопользования привела к тому, что в докризисные годы (2005–2006 гг.) с дефицитом исполнялись консолидированные бюджеты Республик Карелия, Саха (Якутия), Тыва, Коми, Камчатской и Магаданской областей и (совсем парадоксально) Ханты-Мансийского автономного округа. Потоки финансов из регионов Севера в Центр превышали обратные в 16 раз (2006 г.).

В 2007 г. ситуация немного улучшилась в Республиках Коми и Тыва, а также в Камчатской области. Но в целом по северной зоне бюджетный дефицит увеличился в 1,8 раза. В структуре бюджетов доля трансфертов составила 53,3 % (от 30,1 % в Архангельской области до 92,8 % в Корякском АО). В то же время из районов Севера поступило налогов и сборов в федеральный бюджет 1088,5 млрд руб., а обратно – 89,3 млрд руб. (разница в 12 раз).

Принцип равноправия в финансово-экономических отношениях с почти полной централизацией налога на добычу полезных ископаемых в 2009 г. нарушился еще более. Правда, в условиях финансового кризиса произошли некоторые изменения.

Пример Республики Коми. Здесь за январь-ноябрь 2009 г. налоговые платежи в бюджеты всех уровней составили 63,4 млрд руб., из них в федеральный бюджет поступило 33,3 (52,6 %), в консолидированный бюджет республики – 30,1 млрд руб. (47,4 %). По сравнению с уровнем января-ноября 2008 г. доля поступлений в федеральный бюджет снизилась на 13,4 п. п., поскольку резко сократилась налогооблагаемая база, прикрепленная к федеральному бюджету. Налоговые платежи в республике в целом за этот период уменьшились на 35 %; идущие в федеральный бюджет – на 48 %, в консолидированный бюджет республики – на 9 %. Общая установка на сокращение расходов (за исключением некоторых статей социального обеспечения) правительством Республики Коми выполнена так, что кризисный 2009 г. закончен с бюджетным профицитом. Но от этого нисколько не легче...

Пример Ханты-Мансийского АО. Принятый в 2003 г. ФЗ № 95 в значительной мере лишает автономные округа финансовой самостоятельности, что служит мотивом к их слиянию с «метропольной» областью или краем. Но Х-М АО заключил с Тюменской областью договор, сохраняющий до 2011 г. статус-кво округа, с обязательством передать в бюджет Тюменской области часть своих налоговых доходов с условием, что из этой части значительная доля пойдет на финансирование общих инфраструктурных проектов. Аналитики это назвали «свободой в обмен на деньги».

И все же, главное значение должны иметь не конъюнктурные колебания, а нормы и правила классического экономического федерализма.

Общие контуры проблем стратегического характера

Проблема северных социумов. Могут ли сложившиеся на Севере историко-культурные «ядра» (социумы) сохраниться и служить основой дальнейшего освоения и обустройства территорий? Для ответа на этот вопрос необходимо проводить социальные и экономические исследования в широком историческом плане с выделением таких процессов, как: проникновение, переселение, передислокация, экономическая интервенция и управляемая интеграция.

Проблема общественного воспроизводства. Может ли воспроизводственный подход к организации хозяйства и жизнедеятельности в целом реализован в условиях Севера? Этот вопрос актуален, поскольку в настоящее время преобладает истощительное использование природных ресурсов без должного внимания к их воспроизводству. Образно говоря: много Производства, но мало Хозяйства.

Проблема самоуправления и самодостаточности. Возможен ли в управлении северами переход от государственного патернализма к самоорганизации на основе координации всех активных субъектов хозяйственной и общественной деятельности? Классики «североведения» С.В. Славин и Г.А. Агранат считали, что первостепенная роль государства относительно Севера, а тем более – Арктики, предопределена на все времена. Другой автор, знающий и глубоко анализирующий социально-экономические процессы на Севере, А.Н. Пилясов, полагает, что на первое место нужно поставить самоорганизацию с учетом источников и движущих сил общественного развития, свойственных этапу постиндустриального развития и диффузии нововведений. Т.Е. Дмитриева пришла к выводу, что даже периферия Севера способна к самодостаточности и саморазвитию на основе экономики знаний, роста человеческого потенциала и правильного исчисления, изъятия и распределения природно-ресурсной ренты. Разброс мнений на эту тему остается пока значительным. Многие, в том числе и автор, рассматривают данный вопрос применительно к решению конкретных народнохозяйственных задач, отводя роль государству как минимум «механизма запуска» формирования и реализации крупных производственных и социальных проектов.

Проблема нордификации. Почему в последние 20 лет свернута деятельность, которую ранее обозначали как «привязку к месту», решения научно-технических и социально-экономических задач? Надо ли ее восстановить и каким образом? Ответ на первый вопрос: потому что революционное реформирование политико-экономической системы нашей страны привело к почти полному развалу отраслевой науки и комплексного территориального проектирования. Ответ на второй вопрос: надо, но с выбором узловых проблем развития территорий со сложными и экстремальными природными условиями. В первую очередь следует реанимировать проблему «техника в северном исполнении» (Как это сделать, достаточно полно раскрыто в работах чл.-корр. РАН Э.С. Горкунова). То же можно сказать и о зональном принципе градостроительства. Разработка схем территориального планирования в северных регионах должна быть сопряжена с научным обоснованием минимизации вспомогательных и обслуживающих производств, межрегиональной интеграции по линии «Север – Юг», вахтового, районного и экспедиционного методов освоения природных ресурсов. На наш взгляд, для Севера все большую актуальность приобретает организация комплексных

ресурсно-сырьевых компаний, ориентированных на освоение не одного ресурса, а их территориальных сочетаний.

Выводы

1. Опыт изучения проблем Севера показал, что они более ярко и конструктивно проявляются на стыке встречного движения, с одной стороны, характеристик северности и ее управленческих вызовов, с другой – методов регионального управления. Одна сторона представлена холодом, периферийностью, ресурсностью, этничностью и, соответственно, северным удорожанием, низкой инновационностью, сырьевой специализацией, традиционным жизнеобеспечением. Вторая – методами диагностики, программирования, экспертизы, рентоориентированными отношениями, самоуправлением коренных народов. В место пересечения могут ставиться различные объекты исследования, но особо важное значение имеет «постановка» северных социумов.

2. В настоящее время в центре внимания общества и государства относительно Севера стоят вопросы о районировании, об экономических регуляторах хозяйственной деятельности, о прожиточном минимуме, пенсионном обеспечении, гарантиях и условиях переселения, государственной поддержке семьи и детства, о жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. Все это – важнейшая часть практики государственного управления. Здесь многие научные проблемы уже решены. Это не значит, что наука не будет заниматься экспертизой народнохозяйственных программ и нормативных актов, но в большей мере она все же должна выявлять новые направления социально-экономического регулирования.

Если исходить из идеи нордификации, то к такому направлению прежде всего следует отнести региональную корректировку общероссийского законодательства в области налоговой и бюджетной политики, банковского, финансового, кредитного и валютного регулирования, инвестиционной деятельности, предпринимательства, малого бизнеса, промышленной и торговой политики.

Вторым является арктическое направление. Есть научные основания и практическая необходимость разработки и принятия федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации», регламентирующего общий порядок, принципы и направления государственной политики применительно к уникальному географическому объекту, каким является Арктика.

Третье направление – Северный морской путь. Об этом уже речь идет довольно давно. Ясно, что необходимо принять федеральный закон «Об условиях хозяйственной деятельности на трассе и в зоне влияния Северного морского пути». Этот закон важен еще и потому, что прослеживается стремление вытеснить Россию с арктического плацдарма хозяйствования. Предпринимаются попытки иностранных государств

изменить правовой статус СМП и преобразовать его в международную транзитную магистраль, неподконтрольную России.

Северная политика должна быть нацелена, прежде всего, на обеспечение военно-политической и экономической безопасности России.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРА

Север России: экономико-географические аспекты развития ³¹

Изучение проблем Севера России с позиций социально-экономической географии заключается в соединении структурно-функциональных характеристик территориально-хозяйственных систем, формирующихся в сложных и экстремальных климатических условиях, с механизмами их функционирования. Территориально-хозяйственные системы представлены как формы организации производительных сил с фиксацией основных народнохозяйственных проблем, решение которых связано в первую очередь с модернизацией созданных на Севере производственных, социальных и инфраструктурных объектов.

Государственная региональная политика России имеет существенный недостаток: недооценку значения сформировавшихся на Севере территориально-хозяйственных систем и освоения арктических природных ресурсов. Академик Н.П. Лавёров справедливо полагал, что осваивать Арктику сложнее, чем Космос [1]. Данный тезис необходимо осмыслить экономически. Экономико-географический подход к Северу предполагает его деление на зоны: Арктика, Дальний Север и Ближний Север.

Северные регионы России в циркумполярной проекции. Согласно Д.И. Менделееву: «Как отдельного человека нельзя понимать, не зная его окружающих и их взаимных отношений, так и народы или страны могут быть сколько-либо полно понимаемы только в связи их с другими странами и народами, а потому познание России требует данных, относящихся не только к ней самой, но и к другим странам» [2, с. 3]. С этой целью многие авторы используют циркумполярную проекцию для позиционирования Арктической зоны РФ (иногда и других регионов Севера) в мировой геополитике [3]. При этом учитывается, что для работы в регионах с экстремальными климатическими условиями требуются мобилизация научно-технического потенциала многих стран и установление правового порядка, защищающего интересы в равной мере каждой страны.

Наиболее заселенной и освоенной является российская часть Арктики (в 2015 г. 2428 тыс. чел. примерно 55 % населения Арктической зоны Земли). Позиции России особенно высоки в природно-ресурсном потенциале мировой Арктики (30 % запасов углеводородов). Арктическая доля в национальной экономике весьма существенна: около 80 % рос-

³¹ Лажнецв, В.Н. Север России: экономико-географические аспекты развития / В.Н. Лажнецв // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 5. – С.39–50.

сийского газа, более 90 % никеля и кобальта, 60 % меди, 96 % платиноидов, 100 % барита. Большую роль в продовольственном обеспечении населения играют рыбные и другие морские биоресурсы.

Арктика – особая зона геополитических отношений, нацеленных на мирное разрешение проблем освоения ее минеральных и биологических ресурсов, а также создание высокоширотных транспортных коммуникаций с использованием Северного морского пути [4, 5]. Так, в настоящее время действуют четыре региональные организации: *Арктический совет – международный форум* (Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция и США), *Совет Баренцева / Евро-Арктического региона* (Дания, Исландия, Норвегия, Россия, Финляндия и Швеция), *Совет государств Балтийского моря* (Германия, Дания, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Россия, Финляндия, Швеция, Эстония, Исландия), *Совет министров северных стран* (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция, а также три автономных территории – Аландские острова, Гренландия и Фарерские острова).

Противоречия относительно использования ресурсов Северного океана и континентальной части Арктики зафиксированы между всеми перечисленными странами [6]. Но это не должно быть поводом для военно-политического напряжения, а предметом обычных международных отношений. Д.А. Додин показал, что циркумполярная арктическая зона может рассматриваться в качестве объекта межгосударственных программ по устойчивому развитию [7]. Более того, А.Н. Пилясов отмечает, что со временем вокруг Северного океана, как когда-то вокруг Средиземного моря, сформируется мировая кооперация с общими чертами экономического поведения [8]. На арктическую идентичность народов полярных стран, как фактор экономического порядка и социальной справедливости, рассчитывает и автор работы [9].

Северные регионы России и европейское «Северное измерение». Положительные намерения относительно «северного» международного сотрудничества зафиксированы в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между странами ЕС, Норвегией, Исландией и Россией, в рамках которого сформировалось «Северное измерение» (*инициатива Финляндии, 1997 г.*) [10]. *Совместная стратегия стран ЕС в отношении России и стратегия России – к странам ЕС, дополняя друг друга, были нацелены на мир, стабильность и безопасность, преодоление разрыва в социально-экономической сфере и создание единого нормативного подхода к достижению указанных целей. «Северное измерение» предполагает использование природных ресурсов на основе устойчивого развития, создание условий для промышленного и торгового сотрудничества, усовершенствования энергетических сетей, развития транспорта и телекоммуникаций, исследований в области человеческих ресурсов, защиты окружающей среды, повышения уровня здравоохранения и социального обеспечения и решения других социальных вопросов. И все же во взгля-*

дах ЕС на российский Север более всего превалировала природно-ресурсная составляющая, которая зафиксирована не только в общих политических документах, но и в конкретных предложениях и проектах.

В целях экономических и геополитических выгод деловые партнеры западных стран ограничивали свое присутствие на российском Европейском Севере, пользуясь такими мерами, как эффект «коротких денег», портфельные инвестиции, игра на рынке ценных бумаг, а зачастую – создание посреднических фирм с криминальной функцией (увод капитала за границу), сознательно закрепляя северные территории России в качестве сырьевого придатка мирового хозяйства.

Со стороны России особое внимание уделялось «человеческому» аспекту, что нашло отражение в формулировке главной задачи «Северного измерения»: создание обширного демократического пространства сотрудничества, в котором недопустима дискриминация людей по этническому, языковому или любому другому признаку. Представляется, что российский подход в большей мере, чем европейский, обеспечивает оптимизацию процессов глобализации и регионализации, каждый из которых имеет преимущества и недостатки. Однако в практической экономике Россия также основное внимание фиксирует на экспорте топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов. Гуманитарный аспект «Северного измерения» отошел на второй план.

Северные регионы в системе экономического федерализма и региональной политики. Анализ проблем экономического федерализма [11, 12] показал определенную взаимосвязь между территориальной организацией общества и государственностью. Опорной структурой территориально-государственного деления страны должен был бы стать основной (крупный) экономический район, которому целесообразно придать как минимум статус федерального округа с более широкими властными полномочиями в сравнении с существующими [13]. В данном контексте важно подчеркнуть, что в каком бы аспекте региональной политики ни рассматривались северные и арктические территории, они всегда будут частью внутренних российских мезо- и макроэкономических районов. Именно в границах крупных меридиональных систем, используя накопленный в них человеческий и производственный потенциал, необходимо решать наиболее важные для АЗРФ проблемы. Одна из них – создание плацдармов освоения арктических ресурсов, формирование «пояса» обрабатывающей промышленности и социальных услуг межрегионального значения на освоенных территориях Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Правомерно считается, что регион областного (краевого, республиканского) ранга в иерархии экономического районирования занимает позицию подрайона. В административном плане это наиболее устойчивая единица государственного устройства. Поэтому при любых вариантах экономического районирования и оформления субъектности Федерации районы областного уровня необходимо сохранить. Отметим также, что

окружные и районные муниципальные образования стоят ближе к государству, чем к местному самоуправлению.

Для северных и арктических регионов данное суждение не безразлично, поскольку все еще есть сомнения по поводу устойчивости их как административно-политических единиц и соотношения сил федерального и регионального управления. Сформулированная для них необходимость «перехода от централизованного государственного регулирования на федеральном уровне к экономической координации, преимущественно реализуемой на региональном уровне» [14, с. 422] пока, в рамках отмеченной выше централизации власти и финансовых ресурсов, не воспринимается как должное. Но научное и общественное мнение все больше склоняется к тому, что экономическое развитие страны необходимо переводить на рельсы индикативного (ориентирующего) планирования в равной мере как на федеральном, так и на региональном уровне, и это послужит стимулом к переходу от регулирования к координации, т.е. к деятельности на конституционной основе.

Концептуальные положения государственной политики относительно районов Севера и Арктики, по мнению автора, должны быть сформулированы следующим образом: от освоения отдельных ресурсов к обустройству территории, от истощительного использования человеческого и природно-ресурсного потенциалов к их системному воспроизводству, от повсеместного присутствия государства в экономике к выборочному государственному предпринимательству и координации власти и бизнеса. В этой концепции первостепенными становятся общественные интересы и национальная безопасность, сбалансированность доходов и расходов по уровням бюджетов, компенсация недополученного рентного дохода, сочетание государственных методов управления (поддержка, регулирование и координация), использование целевых программ при решении важнейших народнохозяйственных проблем, учет «северной» специфики в общероссийском законодательстве.

Роль государства в управлении «северами» должна быть сведена к минимуму к «механизму запуска» формирования и реализации крупных производственных и социальных проектов, в основном инфраструктурных и научно-технических. Максимальный же объем присутствия государства на Севере можно зафиксировать в трех его функциях: *гуманитарной* («над рынком»), *регулятивной* («рядом с рынком») и *планово-рыночной* («внутри рынка»). Первая функция – гуманитарная – предполагает политику сохранения языка и культуры коренных народов Севера и Арктики; охрану природной среды и формирование условий для экологического благополучия, сохранения биологического разнообразия, организацию научных исследований климата, ионосферы, ледовой обстановки и других природных данностей; социальную помощь местным сообществам и мигрантам; обеспечение национальной безопасности в северных (арктических) широтах России. Производственную и социальную сферы поселений и районов Севера предпочтительно проек-

тировать и формировать как единую территориально-хозяйственную систему. Вторая функция – регулятивная – предполагает создание северного и арктического законодательства и нормотворчества, формирование и реализацию национальных проектов развития транспорта, оптико-волоконной связи и социальной инфраструктуры, экономическое стимулирование оленеводческих хозяйств и других малых форм предпринимательства. Третья функция – планово-рыночная – требует: формирования государственного заказа на выполнение работ по «северному завозу» и социальным услугам; развития частно-государственного партнерства в реализации крупных инвестиционных проектов; перевода ЖКХ в управление унитарных предприятий под контролем органов муниципального управления; развития форм территориального хозяйствования.

Социально-экономические аспекты развития северных регионов.

Отправной точкой установления исходных предпосылок социально-экономического развития Севера являются его позиции в географическом разделении труда. Природно-ресурсные предпосылки участия Севера в экономических связях вполне понятны, так как большая часть мировых запасов топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов сосредоточена в недрах северных территорий и акваторий. Они уже основательно включены в системы национальных и транснациональных экономик. Но то, что должно предопределять конкретную деятельность, а именно: принципы вовлечения природных ресурсов Севера в мировое хозяйство, остается неопределенным. Высокоразвитые страны хотели бы осваивать ресурсы российского Севера на основе его колонизации в качестве сырьевого придатка; национальные и транснациональные компании – на основе свободной торговли. Но национальные интересы России заключаются, прежде всего, в формировании полнокровных структур внутренних рынков и торговле продукцией конечного потребления с ограничением вывоза сырья и топлива.

Ресурсы северных регионов – один из ведущих факторов формирования внутреннего рынка России. Характерное для настоящего времени стремление как можно больше продавать за границу топлива и сырья (объем их экспорта составляет примерно половину производства) ради валютной выручки опасно для страны. Временный эффект за счет выручки от внешней торговли оборачивается тем, что национальное хозяйство продолжает оставаться неконкурентоспособным, а слабо развитый внутренний рынок не в состоянии компенсировать потерю экспортных рынков. Кроме того, доходы от экспорта лишь в малой мере становятся инвестициями в основной капитал обрабатывающей промышленности и научно-технического сектора экономики.

Положительным является исторический пример Европейского Севера, минерально-сырьевые и топливно-энергетические базы которого были связаны в первую очередь с потребностями внутреннего рынка России. Это обусловлено: изначально заложенными производствен-

но-технологическими связями в структуре Северной угольно-металлургической базы (кольская и карельская железные руды, печорский коксующийся уголь, череповецкая сталь, санкт-петербургское и вологодское машиностроение); единством энергетики всей зоны Северо-Запада России; взаимосвязью Печорского угольного бассейна с Уралом, балансами добычи нефти в Тимано-Печорской провинции и ее переработки на Ухтинском, Ярославском и Киришском НПЗ; необходимостью поддержания сырьевой базы Богословского и Уральского алюминиевых заводов за счет освоения тиманских (Республика Коми) бокситов; укрепления связей Коми и Урала по многим другим видам сырья. Экспорт же минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов с Европейского Севера и в настоящее время должен формироваться по остаточному принципу. Исключение могут составлять нефтегазовые ресурсы шельфа морей и прибрежной Арктической зоны, тяготеющие к Северному морскому пути.

Природные ресурсы континентального Севера целесообразно включить, прежде всего, в технологические комплексы российской обрабатывающей промышленности. Международные же проекты по освоению топливно-энергетических ресурсов осуществлять главным образом в Арктике. Именно арктический интерес в значительной мере может быть реализован посредством совместной деятельности многих стран. Арктика по географическим и геологическим масштабам соизмерима с потенциалом крупных межгосударственных образований, например, стран Арктического совета.

Географы-экономисты правомерно проявляют большой интерес к периферии, к русской глубинке. В этой связи отметим, что *северная периферия представляет особую социально-экономическую реальность со своим укладом хозяйства и жизни* [15]. Лейтмотив ее изучения – «земля и люди», самоорганизация местных общностей людей. Она имеет негативную социальную стратификацию: бедные без богатых, женихи без невест, дети без родителей при бабушках, большие без здоровых и т. п. Здесь чрезмерно плохо организована социальная инфраструктура. Муниципалитеты и местные сообщества могли бы стать реальной силой возрождения сельской жизни, но при определенных условиях: укрепление территориальных бюджетов, усиление связей между городом и деревней, создание по существу новой сетевой системы здравоохранения, образования, культуры, туризма.

В «северной» политике районные коэффициенты и надбавки за стаж к заработной плате играют неоднозначную роль. Они существенно дополняют доходы работников бюджетной сферы, но перестали быть стимулом к работе на Севере в коммерческих отраслях хозяйства, где первоначально устанавливается предельный фонд оплаты труда, а уже потом в его составе формально фиксируется та часть, которая соответствует северным надбавкам. Если бы последних не было, то заработ-

ная плата была бы такой же, т. е. соответствующей объему фонда оплаты труда. Но суть проблемы не сводится к северным коэффициентам. Не их уровень обуславливает массовый отъезд населения.

Миграционные процессы можно понять и оценить более правильно, если их рассматривать с естественно-исторических позиций. В 1990 г. на Крайнем Севере и в местностях, к нему приравненных, проживали 12,5 млн чел., в 2015 г. – около 10 млн, сокращение составило 2,5 млн чел., или 20 %, в том числе – в европейской части – 27, на севере Восточной Сибири – 17, на севере Дальнего Востока – 38 %; западносибирский Север имеет прирост численности населения 17 %. На этом общем фоне особенно негативно смотрятся северо-восточные «углы»: в Республике Коми убыль населения составила 28 %, в Магаданской области – 62 %, в Чукотском автономном округе – 69 %. Предсеверные регионы также имеют отрицательное сальдо миграции населения. Это существенно снижает надежду на то, что они (как бы автоматически) будут опорными базами развития Арктики. Пока они стали транзитным коридором для мигрирующих в центральные и южные регионы северян.

Наши расчеты показали, что естественные демографические процессы и свободная миграция (проникновение, переселение и передислокация) начиная с XIV в. обеспечили рост численности населения районов Севера России примерно до 4 млн чел. Это вполне естественный (спонтанный) демографический процесс. Остальные 8,5 млн чел. (от максимально зафиксированной численности населения в переписи 1989 г.) – результат административных действий, насильственного переселения и производственной необходимости, что можно обозначить понятием колонизации (экономической интервенции). При условии рациональной организации освоения территорий и ресурсов, более тесной межрегиональной интеграции, а также при производительности труда, соответствующей мировому уровню, колонизация могла бы дать прирост населения в этих районах примерно 5 млн чел.

Возможен вывод, что существующая тенденция отрицательной для Севера миграции населения пока «терпима», но приближается к критической точке. Проблема роста производительности труда здесь приобретает особую актуальность. В этой связи заметим, что основная часть рабочих мест в северных регионах (вопреки логике их развития) является низкопроизводительной и мало доходной. Нет системного сопряжения в организации труда на «головных» производственных операциях и последующих – вспомогательных и обслуживающих. Когда речь идет о модернизации экономики, то ее эффект целесообразно рассматривать в рамках территориально-хозяйственных систем так, чтобы все их звенья совершенствовались синхронно.

Монопрофильность поселений на Севере существенно затрудняет антикризисное управление. Наиболее отрицательно экономические кризисы влияют на города и территории узкой специализации, характерной для Севера по естественным причинам. Здесь в целях борьбы с

безработицей стандартное антикризисное мероприятие – это создание дополнительных рабочих мест за счет строительства новых предприятий и расширения существующих производств. Это малоэффективно. После кризиса такие предприятия и производства вновь становятся неконкурентоспособными. Генеральным антикризисным направлением является все же оптимизация количества и качества рабочих мест с учетом научно-технического прогресса в природно-ресурсных отраслях хозяйства и в сфере услуг. Арктическим городам с учетом их вахтовых и военных поселений целесообразно придать роль опорных пунктов сетевых структур здравоохранения, образования, культуры и туризма [16].

Регионализация и локализация решения социально-экономических проблем является своего рода противовесом глобализации, опасность которой видится в утриванной унификации жизненных укладов различных социумов без должного учета их разнообразия, в том числе северного. Вопросы жизнеобеспечения в условиях Севера во многом сопряжены с поиском методов согласования внутрисистемных начал самоорганизации местных общностей людей и их внешних функций, обусловленных географическим разделением труда, а также с обустройством освоенных территорий. Решение этих вопросов возможно только в рамках устойчивых политико-экономических и правовых отношений местных сообществ с государством и крупными производственными структурами.

Анализ отечественных и зарубежных концепций освоения и обустройства территорий со сложными и экстремальными природными условиями показал, что развитие Севера России необходимо прогнозировать исходя, прежде всего, из интересов и потребностей укорененных здесь народов. Их культура, язык, хозяйственные традиции самоценны и представляют достояние всего мирового сообщества. Русские, карелы, коми, якуты, малочисленные этносы на Севере России сформировали относительно устойчивые историко-культурные ядра жизнедеятельности, перспектива которых предопределена главным образом внутренними источниками развития: самоорганизацией, производительностью труда, воспроизводством человеческого и природно-ресурсного потенциалов, включением в национальные и мировые хозяйственные системы. Но при этом немаловажное значение имеют внешние условия, прежде всего, государственная национальная и региональная политика. Нельзя допустить, чтобы люди – наследники живших на Севере веками – будут вынуждены покинуть свои родные места [17].

Арктическая зона РФ – особый объект государственной политики. Поэтому было бы целесообразно установить для нее определенные статусные позиции в части форм управления, регулирования социально-экономической деятельности, особенно малочисленных народов, поддержания соответствующего качества жизни. Пока все это остается в рамках законодательства по Крайнему Северу и местностям, приравненных к районам Крайнего Севера. Сама же Арктика представляется

лишь в виде зоны освоения, которая, вопреки природным характеристикам, сужается к северу по экономическим и политическим причинам [18].

В качестве ее дробных единиц управления выделены так называемые опорные зоны: Карельская, Кольская, Архангельская, Ненецкая, Воркутинская, Ямало-Ненецкая, Норильская, Северо-Якутская и Чукотская. Они количественно и качественно отличаются друг от друга и не вносят дополнительного смысла в арктическую тематику, а повторяют то, что заложено в административно-территориальном устройстве АЗРФ.

Парадокс современной ситуации заключается в том, что ни вся АЗРФ, ни ее опорные зоны не являются (если следовать теории и практике территориального планирования) объектами проектного или программного управления. Не случайно госпрограмма «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период 2015–2020 гг. и более дальнюю перспективу» часто пересматривается с сокращением числа проектов и объемов финансирования. АЗРФ ошибочно считается макрорегионом, поэтому организация ее программ и проектов имеет препятствия, обусловленные не только низким уровнем финансового и научно-технического обеспечения, но и отсутствием на то системных оснований [19; 20]. В гражданской экономике относительно Арктики программно-целевой подход может быть применен к Северному морскому пути и к отдельным территориально-хозяйственным комплексам [21].

Может ли реализация новых крупных арктических проектов способствовать решению перечисленных социально-экономических проблем? Или в первую очередь следует заняться модернизацией существующего хозяйства, учитывая, что социальное благополучие северян слабо увязано с финансовыми результатами профильных производственных компаний по причине их малого участия в жизнедеятельности территориальных общностей людей. Тем не менее следует учитывать и другую точку зрения: «Основные перспективы социального развития Арктической зоны России связаны, в первую очередь, с территориальным ресурсным потенциалом и зависят от производственной деятельности и эффективности реализации проектов крупных промышленных предприятий и корпораций (разработка нефтегазовых ресурсов в Ненецком, Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах, Мурманской области и на арктических территориях Красноярского края; природных полезных ископаемых на арктических территориях Республики Коми)» [22, с. 83].

Будущее Севера – в инновационном развитии. Главное в развитии экономики на Севере заключается в своевременной реакции на научно-технические достижения и использовании их для оптимизации размещения и развития производства. Хозяйство северных и особенно арктических территорий должно отличаться повышенной наукоемкостью с учетом того факта, что технологии по добыче и переработке сырья все в большей мере основываются на прогрессивных научно-технических достижениях в области электроники, механики, химии, микробиологии

и других отраслей. Развитие территорий с экстремальным и сложным климатом выражается не столько в численности населения и трудовых ресурсах, темпах роста ВРП, сколько в активной работе по освоению и использованию новых знаний, генерации прогрессивных технологий.

В монографии [23] показано значение высоких технологий в топливно-энергетическом комплексе, прежде всего, в комплексном использовании углей топливных и коксующихся марок, получении жидкого топлива, производстве адсорбентов, углеграфитовых материалов, термографитов. Важно заблаговременно оценить вероятность перехода на бескоксовую металлургию и вытекающую отсюда необходимость широкого развития углехимии. В нефтегазовом секторе особое внимание уделяется сочетанию вертикального и горизонтального бурения, созданию подземных газохранилищ, борьбе с опасностью сверхвысокого пластового давления, переходу на новые технологии переработки нефти. Привлекательность арктических проектов (высокая доля государственных финансовых ресурсов) побуждает к торопливому уходу нефтяных и газовых компаний на новые места, но это зачастую приводит к колоссальным потерям на «старых» месторождениях. Чтобы снизить их уровень, желательно не только внедрять новые технологические методы, но и по государственному подходить к организации лицензирования хозяйственной деятельности с учетом всех ресурсов той или иной нефтегазоносной провинции.

В ближайшие годы улучшение показателей горнодобывающих и перерабатывающих предприятий Севера связано с реализацией таких базисных инноваций, как механические выемочные комбайны для твердых пород, дистанционно и автоматически управляемое оборудование, беспроводные системы связи и передачи данных, управление горным давлением, создание системы геомеханического мониторинга, обогащение непосредственно в недрах, гидрометаллургические методы переработки, ядерно-физические методы исследования для решения актуальных проблем и др. Но еще большее значение будет иметь внедрение инновационных способов управления и информационных технологий. Сенсорные технологии, традиционно используемые для геологоразведки – сейсмический мониторинг, радиолокация, томография – в будущем могут быть внедрены непосредственно на рудниках, обогатительных фабриках, металлургических заводах. Предстоит переход к общерудничным системам связи. Геоинформационная система, трехмерное графическое представление и компьютерное проектирование позволят принимать надежные решения. Наиболее перспективной технологией в области охраны труда и безопасности в ближайшие годы будет применение различных датчиков (инфракрасных, биометрических), голосовое управление, проецирование показателей приборов и т. д. В целом технологическое развитие минерально-сырьевого сектора нацелено на производство новых видов материалов, например, разнообразных керамик,

каменного литья, базальтового и оптического волокна, искусственных кристаллов, синтетических изделий.

Высокие технологии находят эффективное применение также в лесном и аграрном секторах хозяйства. На севере России сосредоточены две трети ее лесосырьевого потенциала и осуществляется почти половина вывозки древесины, производится треть всех пиломатериалов. Между тем эффективность использования лесных ресурсов здесь крайне низка. Поэтому перспективы лесопромышленного производства связаны не столько с освоением новых лесных массивов, сколько с воспроизводством хвойных лесонасаждений и новыми способами механической обработки и химической переработки древесины. Основу данного сектора промышленности составят не гигантские предприятия, подобные Сыктывкарскому или Братскому ЛПК, а предприятия малой и средней мощности, способные комплексно использовать древесину и сопутствующее сырье, что укрепит экономическую базу периферийных районов. В настоящее время уже имеются технологии, которые позволяют осуществить комплексную переработку древесной зелени в ценные биологически активные вещества и пищевые добавки.

Новые достижения в сельском хозяйстве северных территорий связаны с использованием отечественной грядово-ленточной и голландской технологий возделывания картофеля, финской технологии выращивания рассады и посадки капусты, а также технологии хранения овощей, в том числе с использованием льда в качестве конструкционного материала хранилищ. Получены новые научные результаты и накоплен практический опыт повышения продуктивности скота. В этой связи заметим, что вхождение северных регионов в аграрный национальный проект заключается не только в концентрации ресурсов на животноводческих комплексах, но и в поддержке земледелия, охоты и промыслов – экономической основы жизнедеятельности коренного населения.

Научно-технические инновации – это и есть новые точки роста производительных сил российского Севера и Арктики. Они тесно связаны с природно-ресурсной экономикой, делают ее более наукоемкой, а следовательно, и более конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках. Но еще важнее их связь с повышением интеллектуального потенциала населения северных территорий, что чрезвычайно значимо для обеспечения их устойчивого развития.

Территориально-комплексные проблемы Севера

Они связаны с организацией хозяйственных систем трех типов (рис.1 – Север в целом; рис. 2 – Арктика):

- **«опорные» хозяйственные комплексы** (их на Севере 26), которые базируются на ресурсах длительного пользования; модернизации подлежит уже созданное в них и вокруг них: городские и сельские поселения, жилищно-коммунальное хозяйство, охрана окружающей среды, производство и инфраструктура;

- **промышленная периферия** (53 малых и средних города зоны Севера), которая базируется на разработке полезных ископаемых и обслуживании инфраструктурных коммуникаций; это, как правило, поселения циклического развития, угасание жизни в которых со временем становится неизбежным, если не возникнет иная основа экономики;

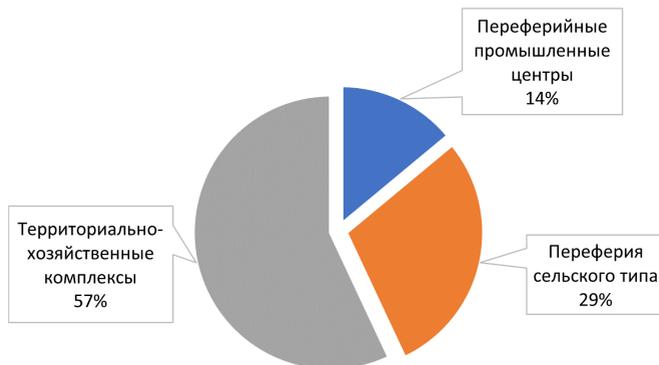

Рис. 1. Территориально-хозяйственные системы Севера России (распределение численности населения в 2015 г.).

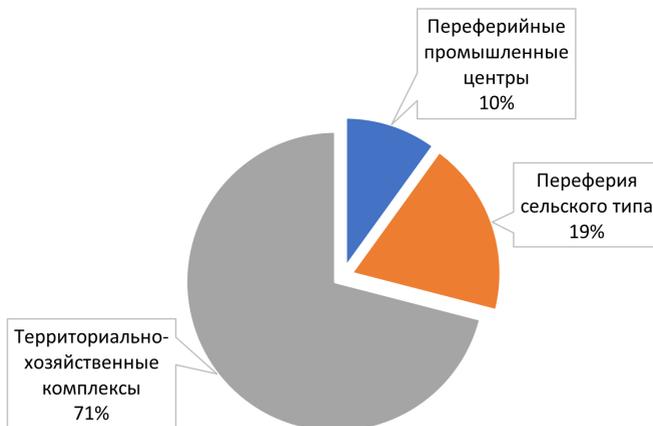

Рис. 2. Территориально-хозяйственные системы АЗРФ (распределение численности населения в 2015 г.).

- **периферия сельского типа** (не только сельско- и лесохозяйственных, но и всех тех поселений, для которых характерен сельский уклад жизни), которая могла бы войти в систему «центр – периферия», но лишь при наличии определенной инфраструктуры, а именно: устойчивой круглогодичной транспортной связи с использованием при необходимости речных путей, наплавных (понтонных) мостов, зимников, малой авиации; телефонной, почтово-телеграфной, сотовой, телевизионной сети и Интернета с использованием оптико-волоконной и космической связи; отделений многофункциональных центров предоставления государ-

ственных и муниципальных услуг; стационарных и мобильных пунктов торговли, лечебной и ветеринарной помощи; школьного образования, комфортного для детей, при необходимости с доставкой на автобусе; районных курсов образования взрослых (компьютерного, технического, санитарного, медицинского, ветеринарного и др.); «кустовых» мини-МТС (машинотракторных станций) для предоставления технических услуг личным подсобным и фермерским хозяйствам.

Территориально-отраслевые проблемы Севера

Их масштаб можно оценить на основе группировки муниципальных районов соответствующей специализации. Таких групп нами выделено девять, каждая из которых связана либо с ведущей отраслью хозяйства, либо с многофункциональной миссией административных центров и крупных городов.

Сформулируем содержание таких проблем:

Неудовлетворительное выполнение столичных функций областными, республиканскими и окружными центрами, неопределенность допустимых пределов стягивания населения периферии в данные центры и крупные города, трудности поддержания их на высоком культурном и научно-техническом уровне и др.

Неопределенность в развитии городов и районов нефтегазовой и горнорудной специализации, в том числе и по поводу их взаимосвязи с оленеводством и сельским хозяйством. С «затуханием» деятельности горно-обогатительных и нефтепромысловых предприятий в критическую ситуацию попадают и оленеводы, а также работники сферы обслуживания из-за снижения спроса на их продукцию и услуги.

Угрозы устойчивому развитию территорий лесопромышленной и сельскохозяйственной специализации не только со стороны производства, но и социального обеспечения жителей лесных поселков, сел и деревень. Районы оленеводства, овцеводства и коневодства, не имеющие городов и живущие относительно автономно, зачастую натуральным хозяйством, по логике постиндустриального развития должны быть преобразованы на новой технической и социальной основе, но не ущемляющей традиционного уклада жизни. Найти для этого правильное решение весьма трудно.

Сложная ситуация в рыбной промышленности, от уровня организации которой зависит жизнь более 300 тыс. северян.

Проблемность закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) в части их продовольственного и промтоварного обеспечения и необходимости увеличения в данном обеспечении доли местной экономики, что помогло бы адаптации персонала ЗАТО к сложным природным условиям Севера и Арктики.

Новый этап развития Севера России (включая Арктику) можно обозначить следующим образом:

- модернизация, социальное и экологическое обустройство уже сформированных территориально-хозяйственных комплексов, отдельных промышленных центров и сельской периферии;

- продление срока эксплуатации действующих промыслов, шахт и горнорудных комбинатов с использованием новейших технологий добычи, обогащения и переработки сырья;

- сбалансированное использование биоресурсов тундры и северных морей;

- создание научно-технической инфраструктуры Северного морского пути и арктических предприятий;

- приобщение местной экономики к нуждам оборонных объектов.

Литература

1. Лавёров, Н.П. Осваивать Арктику сложнее, чем космос / Н.П. Лавёров // Редкие земли. – 2014. – № 3. – С.40–48.
2. Менделеев, Д. Дополнения к познанию России / Д. Менделеев. – Санкт-Петербург: Изд. А.С. Суворина, 1907. – 106 с.
3. Советская Арктика (моря и острова Северного Ледовитого океана). – Москва: Наука, 1970. – 526 с.
4. Арктика: интересы России и международные условия их реализации. – Москва: Наука, 2002. – 356 с.
5. Моисеев А.А. Международное право России на Арктику / А.А. Моисеев // Современные производительные силы. – 2013. – № 4. – С. 111.
6. Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад / под ред. В.С. Селина; Научный совет РАН по вопросам регионального развития; СОПС при Минэкономразвития РФ и Президиуме РАН, ИЭП Кольского НЦ РАН; ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН. – Апатиты: изд-во. Кольского научного центра РАН, 2010. – 213 с.
7. Додин, Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы) / Д.А. Додин. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 283 с.
8. Пилясов, А.Н. Арктическое Средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона // ЭКО. – 2010. – № 12. – С. 54–75.
9. Лукин, Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире / Ю.Ф. Лукин. – Архангельск, 2012. – URL: <http://arctic--and--north.com>; [http://narfw.rw/aan/\(25.12.2012\)](http://narfw.rw/aan/(25.12.2012))
10. «Северное измерение»: проблемы и перспективы сотрудничества / под. ред. А.А. Попова. – Сыктывкар: ОАО «Коми республиканская типография», 2000. – 168 с.
11. Российский федерализм. Экономико-правовые проблемы / отв. ред. С.Д. Валентей. Институт экономики РАН; Центр экономики федеративных отношений. – Санкт-Петербург: Алетей, 2008. – 320 с.
12. Лексин, В.Н. Реформы и регионы: Системный анализ процессов формирования региональной экономики, становления федерализма

- и местного самоуправления / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – Москва: ЛЕНАНД, 2012. – 1024 с.
13. Лаженцев, В.Н. О практическом использовании социально-экономического районирования в системе государственного управления (примеры по Европейскому Северу России) / В.Н. Лаженцев // Проблемы развития территории. – 2016. – № 6. – С. 29–41.
 14. Пилясов, А.Н. Новая роль государства в развитии хозяйства регионов Севера / А.Н. Пилясов // Север как объект комплексных региональных исследований / отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. – С. 419–477.
 15. Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. – 420 с.
 16. Дмитриева, Т.Е. Концепция самодостаточности города в Арктике (пример г. Воркуты) / Т.Е. Дмитриева, О.В. Бурый // Региональные исследования. – 2017. – № 2(56). – С. 33–43.
 17. Доклад о развитии человека в Арктике (ДорЧА) / ред. А.В. Головнев; перевод с англ. – Екатеринбург – Салехард, 2007. – 244 с.
 18. Пилясов, А.Н. Российский арктический фронт: парадоксы развития / А.Н. Пилясов // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 3. – С. 3–34.
 19. Лексин, В.Н. Экспертиза проектов развития макрорегионов России: проблемы организации / В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 6. – С. 18–29.
 20. Ивантер, В.В. Переосмысление Арктики как мегапроект. Постановка проблемы / В.В. Ивантер, В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Теория. Практика. Методология. – 2014. – Т. 7, № 6 (38). – URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/2760/>
 21. Комков, Н.И. Сценарный прогноз развития Северного морского пути / Н.И. Комков, В.С. Селин, В.Н. Цукерман, В.С. Горячевская // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 2. – С. 87–98.
 22. Корчак, Е.А. Арктическая зона России: социальный портрет регионов / Е.А. Корчак. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2017. – 101 с.
 23. Север: наука и перспективы инновационного развития / отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2006. – 400 с.

Природно-ресурсная экономика и территориальная организация хозяйства Арктики и Севера России³²

В статье рассмотрены территории всего Севера России, т.е. Арктики, других районов Крайнего (Дальнего) Севера и местностей, приравненных к Крайнему Северу (Ближний Север). Показано, что модернизация действующих и создание новых производств на освоенных территориях Севера, их инфраструктурное обустройство являются приоритетом в развитии его производительных сил. Оптимизм же относительно арктического вектора развития, по мнению автора, должен быть умеренным и базироваться как на положительном историческом опыте, так и на недопустимости деятельности под лозунгом «все покорим и освоим» без соизмерения желаний и возможностей. Рассмотрены основные направления модернизации существующих хозяйственных систем: укрепление минерально-сырьевой базы горного производства, в первую очередь в ареалах размещения действующих предприятий; оптимизация поголовья оленей и сохранение мхов и лишайников; ландшафтная адаптация сельского хозяйства и производство экологически чистых продуктов питания; рационализация лесного хозяйства и др. Данные направления сопряжены с формами размещения производства и расселения населения в виде территориально-хозяйственных комплексов, географически и экономически удаленных промышленных центров, периферии преимущественно сельского типа. Акцентировано внимание на возвышение роли природного фактора в социально-экономическом развитии арктических и северных территорий и необходимости межрегиональной интеграции в решении задач охраны окружающей среды. Решение проблем Арктики и Севера связано с совершенствованием отношений в системе экономического федерализма, но не только; главным моментом здесь является согласование общественных, государственных и корпоративных интересов ради повышения уровня жизни укорененного населения, обеспечения национального и мирового рынков сырьевыми ресурсами.

Ключевые слова: Север, Арктика, природные ресурсы и доходы, территориально-отраслевые проблемы, интегральные территориально-хозяйственные системы, межрегиональная (соседская) интеграция.

V.N. Lazhentsev. Natural resource economy and territorial organization of the economy of the Arctic and the North of Russia.

³² Лаженцев, В.Н. Природно-ресурсная экономика и территориальная организация хозяйства Арктики и Севера России / В.Н. Лаженцев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т.12, № 5. – С.53–68. DOI: 10.23932/2542–0240-2019-12-5-53–68

Abstract. The article considers the territories of the entire North of Russia, that is, the Arctic, other regions of the Far (Far) North and areas equated to the Far North (Near North). It is shown that the modernization of existing and the creation of new industries in the developed territories of the North, their infrastructural arrangement is a priority in the development of its productive forces. Optimism regarding the Arctic vector of development, according to the author, should be moderate and based both on positive historical experience and on the inadmissibility of activities under the slogan “we will conquer and master everything” without comparing desires and possibilities. The main directions of modernization of existing economic systems are considered: strengthening the mineral resource base of mining, primarily in the areas where existing enterprises are located; optimization of deer population and conservation of mosses and lichens; landscape adaptation of agriculture and organic food production; rationalization of forestry, etc. These areas are associated with the forms of location of production and resettlement of the population in the form of territorial and economic complexes, geographically and economically remote industrial centers, the periphery of a predominantly rural type. Attention is focused on the rise of the natural factor in the socio-economic development of the Arctic and northern territories and the need for interregional integration in solving environmental problems. The solution of the problems of the Arctic and the North is connected with the improvement of relations in the system of economic federalism, but not only; the main point here is the coordination of public, state and corporate interests for the sake of raising the standard of living of the indigenous population, providing the national and world markets with raw materials.

Keywords: North, Arctic, natural resources and incomes, territorial and sectoral problems, integrated territorial economic systems, interregional (neighborly) integration.

Введение

Современная региональная политика Российской Федерации относительно Арктики и Севера не дооценивает значение сформировавшихся здесь территориально-хозяйственных систем (ТХС). В стратегических документах федерального уровня речь идет главным образом о покорении арктических пространств и ускоренном освоении месторождений углеводородов, первостепенном значении Северного морского пути и создании баз оборонного комплекса. И наоборот, «внутренние» Стратегии развития всех арктических и северных регионов ориентированы в большей мере именно на совершенствование существующих добывающих производств, организацию переработки сырья, рационализацию ЖКХ, строительство и ремонт дорог, энергетических сетей; в меньшей – на освоение новых территорий и ресурсов. Региональные правительства и муниципалитеты первоочередной задачей считают повышение качества жизни населения и модернизацию уже созданной материально-технической основы производства. В это же направление «вписывается» участие

каждого региона в научно-технической подготовке нового освоения арктических ресурсов [1, 2]. Подготовка предполагает также создание нормативно-правовых и институциональных основ устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) [3].

Положительное влияние на развитие арктических и северных регионов могла бы оказать нормативно закреплённая *совместная деятельность федеральной, региональной и муниципальной властей*, прежде всего в части природно-ресурсной экономики. Это в определенной мере будет способствовать устранению чрезмерного пространственного разрыва между местами производства и реализации доходов от природных ресурсов. Второе рассматриваемое нами условие социально-экономического развития Арктики и Севера России – *рационализация ведения хозяйства и форм размещения производительных сил с учетом экстремальных климатических условий и использования соответствующих новых технологий производства*. Здесь важно понять логику «затухающей» добычи полезных ископаемых, предельно возможного сохранения сформированных топливно-энергетических и минерально-сырьевых комплексов и центров, воспроизводства биологических ресурсов тундры и тайги. Третье условие – *интеграция экономического пространства*. Указанным трем условиям должен соответствовать и механизм управления арктическими и северными территориями (правовое регулирование, экономические отношения, технические нормы и нормативы, различного рода коэффициенты регулирования доходов и др.).

Регионы ресурсного типа в системе экономического федерализма

В экономической географии и региональной экономике особо выделены регионы ресурсного типа. Идея такого выделения принадлежит М.К. Бандману, который в 1990-е гг. организовал исследования на данную тему с привлечением сотрудников многих академических институтов. Это направление в науке и ныне успешно развивается [4]. В контексте данной статьи важно подчеркнуть, что проблемы регионов данного типа фиксируются *в связи с актуальностью природно-ресурсной тематики, особенно в части трансформации природно-ресурсного капитала в финансовый и далее – социальный капитал*.

Доля природно-ресурсных отраслей в ВРП северных регионов составляет от 25 % в Камчатском крае до 70 % в Ненецком АО (2016 г.). На всем Севере характер и динамика почти всех видов занятости предопределены главным образом организацией добывающей промышленности, ее институтами и ролью, которую играет природный фактор в научно-техническом развитии страны.

Если природные объекты и ресурсы Севера России, включая Арктику, разместить в порядке значимости ценностей для населения, национальной и региональной экономики, то последовательность можно обозначить так: земельные ресурсы, бореальные леса, растительность тундры (мхи и лишайники), реки и озера, нефть и газ, рудные полезные ископаемые (алмазы, золото, олово, нефелин-апатитовые руды, бокси-

ты, титан, железо, марганец, никель и кобальт, редкие и редкоземельные металлы и др.), уголь, нерудные сырье. Такого рода ранжирование отражает приоритеты отдельных природных ресурсов в организации жизнедеятельности укорененного на Севере населения, но зачастую не согласуется с интересами держателей крупного капитала. Это реальное и существенное противоречие.

Вместе с тем для правильного определения стратегии развития природно-ресурсных регионов представленное ранжирование природных богатств нельзя рассматривать как дополнительный аргумент критики зависимости экономики России от нефти и газа. Освоение и использование топливно-энергетических ресурсов – одни из основных составляющих социально-экономического развития России и ее северных регионов.

Именно в таком аспекте многие авторы доказывают необходимость формирования новой системы капитализации труда и природных богатств общества. Ее общенациональное значение особенно ярко отражено в трудах Д.С. Львова [5, 6]. Региональный аспект рентного налогообложения с учетом географических, горно-геологических и социальных условий основательно проанализирован в работах В.А. Крюкова, В.В. Шмата, Т.Е. Дмитриевой и других авторов [7–10]. Показано, что «идеальное» исчисление, изъятие и распределение природно-ресурсной ренты могло бы внести не значительные изменения в объем и структуру ВРП, но существенные – в формирование доходов населения и территориальных бюджетов. Вместе с тем выявлены и методические трудности принятия приемлемого практического решения по определению, исчислению и изъятию рентного дохода.

Первоначально обратим внимание на следующий факт: удельный вес налогов, поступающих в федеральный бюджет и консолидированные бюджеты северных субъектов РФ (в совокупности), составил соответственно 48 и 52 %, т.е. вполне приемлемые пропорции. Но такое соотношение существенно различается по конкретным регионам. Так, в 2016 г. соотношение налоговых доходов федерального и территориальных бюджетов составило (в процентах): в Ханты-Мансийском автономном округе – 85:15; Ямало-Ненецком автономном округе – 81:20; Ненецком автономном округе – 77:23; Республике Коми – 56:44.

Далее отметим, что указанные пропорции складываются в значительной мере под влиянием распределения налогов в системе природопользования. Перераспределение природно-ресурсных налогов и платежей в пользу федерального либо территориальных бюджетов зависит от вида ресурсов (налоги от нефти, газа, угля, земли, леса, воды распределяются по-разному). Поэтому сама проблема неудовлетворительного состояния территориальных бюджетов также должна рассматриваться дифференцированно. Она особенно остро воспринимается в регионах нефтяной и газовой специализации, но мало заметна относительно мест концентрации промышленного, сельского и лесного хозяйства [11]. Первостепенную роль играет налог на добычу полезных ископаемых (табл.1, рис.1).

Таблица 1

Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) в составе ВРП и налоговых доходов северных регионов России, 2016 г.*

РФ и регионы Севера	ВРП, млрд руб.**	Налоговые доходы, млрд руб.	НДПИ, млрд руб.	НДПИ	
				В составе ВРП, %	В составе налоговых доходов, %
Российская Федерация	69254	14386	2929	4,2	20,4
Ненецкий АО	256	62	52	20,3	84,0
Ханты-Мансийский АО – Югра	3031	1701	1234	40,7	72,5
Ямало-Ненецкий АО	1964	811	537	27,3	66,3
Республика Коми	547	148	68	12,4	46,0
Республика Саха (Якутия)	869	160	64	7,4	40,1
Красноярский край	1765	371	121	6,9	32,7
Чукотский АО	66	16	5	7,6	31,9
Магаданская область	147	19	5	3,4	26,8
Сахалинская обл.***	768	178	9	1,2	5,1
Архангельская область	428	53	2	0,5	4,0
Республика Карелия	233	26	0,8	0,34	3,0
Камчатский край	198	31	0,6	0,3	2,0

Примечание * Рассчитано по данным Росстата и Статистической налоговой отчетности ФНС России. – URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения 14.03.2018 г.).

** Сумма по субъектам Российской Федерации.

*** Без учета платежей в рамках соглашений о разделе продукции.

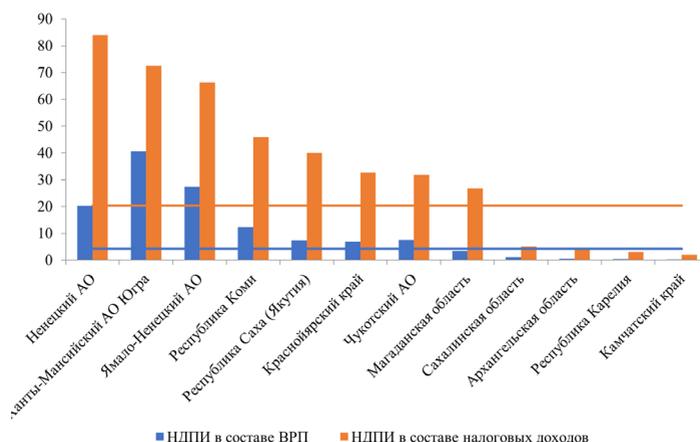

Рис. 1. Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) в составе ВРП и налоговых доходов северных регионов России, 2016 г. (линии показывают среднюю долю по РФ).

Источник: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. – URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения 14.03.2018).

Двойственное значение НДПИ относительно социально-экономического развития арктических и других северных регионов заключается в том, что, с одной стороны, правомерным является приоритет федерального бюджета в налогах от природных ресурсов общероссийского значения, с другой – в условиях, когда территориальные бюджеты «привязаны» к низкодоходным видам ресурсов и экономической деятельности, имеют постоянный дефицит, возникает чувство несправедливости и желание пополнить ресурсы территориального развития за счет высокодоходной добычи нефти и газа.

Отклонения от принципа социальной справедливости относительно Арктики и Севера обусловлены не столько недостатками в исполнении нормативных актов в части гарантий и компенсаций дополнительных издержек производства и жизнеобеспечения в сложных и экстремальных природно-климатических условиях, сколько нарушением основ экономического федерализма (включая и уровень муниципальных образований), неустойчивым характером взаимодействия бизнеса, региональных правительств и органов местного самоуправления [12]. Поэтому у северян сформировалось требование создать «фонды будущих поколений». Опыт зарубежных стран и регионов демонстрирует в целом эффективность таких фондов [13, 14], однако следует также учесть российскую действительность и конкретные обстоятельства. Без устранения существующих препятствий и хорошо настроенной технологии согласования интересов между населением и различными уровнями власти региональные фонды будущих поколений создавать не следует. К тому же в России роль такого фонда в какой-то мере играет Фонд национального благосостояния. Правда, в настоящее время он не соответствует своему названию.

Еще менее приемлемо предложение распределять налоги и сборы между федеральным и территориальными бюджетами в пропорции 50:50. Для одних регионов ресурсного типа это привело бы к избыточности денег и фактической невозможности их своевременного использования, для других – к лишению межбюджетного маневрирования и даже к сокращению объемов бюджетных средств.

Верным путем является реформирование всей налогово-бюджетной системы страны с учетом таких фундаментальных оснований, как более четкая систематизация объектов налогообложения, установление приоритета прямых налогов над косвенными, правильное закрепление источников налогообложения за уровнями бюджетов, фиксирование бюджетов развития и др. Анализ перечисленного выходит за рамки данной статьи, но трудности реформирования налогово-бюджетной системы в нужном направлении служит посылкой к поиску источников развития регионов Арктики и Севера не только в налогово-бюджетной, но и в других сферах финансово-экономической деятельности.

Примером тому служит амортизация, которая для северного фондового производства имеет исключительно важное значение. В период

экономических кризисов амортизация здесь снижается до уровня 10–12 % от ее реальной величины. Но и начисленная амортизация в значительной мере «проедается». Так, доля амортизации в капитальных вложениях в основные фонды Республики Коми в 2012 г. составила 14,8 % (32,8 из 221,1 млрд руб.); общая же сумма амортизации составила примерно 50 млрд руб.; в качестве источника инвестиций, следовательно, использовалось 65 % амортизации, другая часть (35 %) применялась не по назначению³³. В 2016 г. общий объем амортизационных отчислений составил чуть более 2 % от балансовой стоимости основных фондов при 6 %-ном коэффициенте их обновления. Это значит, что 64 % капитальных вложений в основные фонды приходилось на прибыль, банковские ссуды и государственные финансы³⁴. Наши предложения заключаются в том, чтобы проводить жесткую амортизационную политику, когда отчисления на амортизацию могут использоваться только на капитальное строительство, модернизацию и внедрение новой техники.

Рационализация ведения хозяйства и форм размещения производительных сил

Горное хозяйство. Здесь основная проблема заключается в трудностях преодоления географической и экономической удаленности «новых» месторождений и в недостаточности материально-технических и финансовых ресурсов для их освоения. На эту проблему накладываются низкий уровень организации геологоразведочных работ, слабая изученность свойств и качеств природных материалов, не комплексное использование сырья, отсутствие нормированного порядка формирования инвестиционных фондов. Медленно осваиваются новые методы оценки ресурсов и запасов полезных ископаемых, особенно на уже осваиваемых геологических провинциях.

Проблемы угольной промышленности заключены в трудностях ее диверсификации на основе комплексного использования углей, получения жидкого топлива, производства адсорбентов, углеграфитовых материалов и термографитов. В нефтегазовом секторе повышение эффективности производства связано с сочетанием вертикального и горизонтального бурения, созданием подземных газохранилищ, борьбой с опасностью сверхвысокого пластового давления, переходом на новые технологии переработки нефти. В ближайшие годы улучшение показателей горнорудных предприятий Арктики и Севера связано с реализацией базисных инноваций, таких как механические выемочные комбайны для твердых пород, дистанционно и автоматически управляемое оборудование, беспроводные системы связи, управление горным давлением и прочее [15].

³³ После 2012 г. амортизация в статистической отчетности по инвестициям не указывается.

³⁴ Заметим, что в развитых странах, даже с их обширной финансово-кредитной системой, доля амортизации в инвестициях в основной капитал равна 55–60 %.

Перспективы развития минерально-сырьевых комплексов на уже освоенных территориях Арктики и Севера, по нашему мнению, следовало бы увязать с оценкой целесообразности организации производственно-территориальных холдингов. Это соответствует давней идее А.А. Минца о территориальных сочетаниях природных ресурсов как естественной основе комплексной территориальной организации производства [16].

Биоресурсный сектор экономики. В многочисленных трудах по вопросам сельского хозяйства и продовольственной безопасности Арктики и Севера показано первостепенное значение распределения фонда земли по формам собственности.

В использовании земель сельскохозяйственного назначения проблемная ситуация зафиксирована не только в том, что северные регионы, «благодаря» федеральной политике, потеряли значительную часть ранее освоенных под сельское хозяйство земель, но и оставшаяся их часть используется плохо, иногда без пользы только числится на балансе сельскохозяйственных организаций, обременяя их деятельность. Продовольственная безопасность теперь заключается не в том, что Россия много ввозит продуктов питания, а в том, что введенное внутри страны не соответствует нормам безопасности для здоровья людей. Северные территории (в отличие от многих других) наиболее подходят для органического сельского хозяйства; они менее насыщены «химией» и относительно просто включаются в систему адаптивно-ландшафтного земледелия [16].

К худшему изменился метаболизм тундровых геосистем. Результат – кризисное состояние кормовой базы оленеводства. Срочно необходимо приводить в равновесие поголовье домашних оленей и природно-ресурсный потенциал тундры [18]. Мало внимания уделяется рациональному использованию биологических ресурсов северных морей [19].

Проблемы модернизации лесного хозяйства и рационального лесопользования тесно связаны с правильным учетом, оценкой и капитализацией лесных ресурсов. Генеральным направлением остается интеграция лесозаготовок и деревообработки. Это актуально в связи с происходящим в настоящее время дроблением лесозаготовок на сотни временно создаваемых бригад, якобы малых предприятий, которые рубят по 10–15 тыс. м³ в год, не нанимая при этом местное население и ни чего не строя. Малые предприятия лесного сектора экономики должны быть включены в общую технологическую схему лесного комплекса, иметь длительные и устойчивые производственно-технологические и социально-экономические договорные отношения субподряда со средними и крупными предприятиями (фирмами). Только в рамках организации хозяйства на относительно больших площадях (8–10 тыс. км²) может быть решена генеральная задача постоянного лесопользования на воспроизводственной основе.

Прежде всего следует навести порядок в лесном хозяйстве. На космическом изображении таежных территорий европейской части Севера

России видны «прогалины» рубок, на которых лес не восстановлен. Их огромное количество и визуально можно прикинуть, что они занимают не менее трети площади, отнесенной к лесопокрытой. Например, в сосновых борах, расположенных в радиусе 50–60 км от Сыктывкара, ведется массовая рубка. Между тем, в учете лесного фонда объем запасов древесины не меняется на протяжении многих десятилетий.

Особое внимание биологи и экономисты обращают на динамику леосообразующих пород. Биоресурсная экономика ныне отодвинута на второй план после топливно-энергетической и минерально-сырьевой. Но для организации жизнедеятельности в регионах Арктики и Севера она в скором времени приобретет первостепенное значение, а потому следует более четко регламентировать перелив капитала из отраслей добычи полезных ископаемых в отрасли сельского, лесного и водного хозяйства. Пока это приходится хоть как-то делать через государственную бюджетную систему.

Дополнительные средства необходимы для развития данных отраслей с учетом их особого экологического значения. Хорошо известны неблагоприятные последствия промышленного освоения арктических и северных территорий: интенсивное нарушение структуры биоценозов, загрязнение атмосферного воздуха, химическое заражение почв, истощение поверхностных пресных вод и рыбных запасов в водоемах, активизация негативных мерзлотно-гидрологических процессов, повышение уровня заболеваемости населения.

Конструктивный подход к решению проблем охраны окружающей природной среды содержится в рекомендациях экологов и биологов, например, использование новых технологий «залечивания ран», нанесенных природе в результате добычи полезных ископаемых; создание в зоне тундры искусственных лугов – надежной кормовой базы животноводства; применение особых режимов выпаса оленей и сохранения мхов и лишайников, разработка специальных норм и правил строительства на многолетних мерзлых грунтах (вечной мерзлоте) и мн.др. Специалисты в области геоинформатики показали также актуальность организации такого мониторинга природы, который бы системно охватывал все линии взаимосвязи объектов фауны и флоры. Особое внимание обращается на развитие сети межрегиональных национальных заказников и парков с регламентируемыми видами и формами техногенной деятельности, на делимитацию территорий традиционного природопользования коренных народов.

Комплексное использование биологических ресурсов имеет непосредственное отношение к медицине, в том числе к адаптации человека к суровым климатическим условиям и охране здоровья разных групп людей: временно и постоянно проживающих, коренных (укорененных) и «пришлых», различных половозрастных групп. Физиологами получены научные результаты для нормирования не только лекарственного ле-

чения, но и применения биоактивных веществ, получаемых из местного сырья, а также питания с учетом уровней физиологического напряжения.

Если указанные направления совершенствования природно-ресурсной экономики рассматривать с позиции арктического вектора развития, то следует заметить, что подготовка крупных научно-технологических и производственных программ и проектов «под Арктику» требует столь существенных интеллектуальных и финансовых ресурсов, что здесь сама наука становится важнейшей частью формирования ее материально-технических баз [20].

Формы территориальной организации производства и типы хозяйственных систем. Автор выделил на Севере три вида территориально-хозяйственных систем [7]. В табл. 2 они представлены применительно к АЗРФ.

Таблица 2

Численность населения АЗРФ в 1990 и 2017 гг.
по формам размещения хозяйства, тыс. чел.*

Формы размещения хозяйства	Число ТХС	1990 г.	2017 г.	Динамика 2017 г. к 1990 г., %	Структура в 1990 г., %	Структура в 2017 г., %
Территориально- хозяйственные комплексы	7	2194	1667	76,0	67,9	69,3
Периферийные промышленные центры	18	425	339	93,8	13,2	14,1
Периферия преимущественно сельского типа	35	612	400	65,4	18,9	16,6
Всего по АЗРФ	60	3231	2406	74,5	100,0	100,0

Примечание. * Результаты за 1990 г. определены автором по интернет – сведениям окружных и районных муниципальных образований. При расчетах за 2017 г. использована «Оценка численности населения сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации»/ <https://www.google.ru/search?newwindow=1&source=hp&ei=hvMgXIDgDYPrmgSxobmQDw&q>

*Территориальные хозяйственные комплексы*³⁵ базируются на ресурсах длительного пользования; модернизации в них подлежит уже созданное и вокруг их. Их организация соответствует методологии ТПК-подхода, применяемого в программно-целевом планировании [22].

*Промышленная периферия*³⁶ представлена в основном разработкой полезных ископаемых и обслуживанием инфраструктурных коммуникаций. Это, как правило, поселения циклического развития, затухание которых со временем становится неизбежным, если не возникнет иная

³⁵ Мурманский, Апатито-Мончегорский, Архангельский, Воркутинский, Салехардский (включая Лабитнанги), Ново-Уренгойский, Норильский.

³⁶ Города: Заполярный, Никель, Печенга, Ковдор, Беломорск, Кемь, Онега, Нарьян-Мар, Надым, Губкинский, Муравленко, Тарко-Сале, Дудинка, Тикси, Билибино, Певек, Анадырь (включая поселок городского типа Угольные копи), а также вахтовое поселение Сабетта.

основа экономики. Некоторые периферийные центры могли бы служить в качестве базовых для организации вахтового, районного и экспедиционного методов освоения полезных ископаемых и их переработки.

*Периферия сельского типа*³⁷ (не только сельскохозяйственных, но и всех тех поселений, для которых характерен сельский уклад жизни³⁸), которая могла бы войти в систему «центр – периферия», но лишь при наличии определенной инфраструктуры, а именно: устойчивой круглогодичной транспортной связи с использованием при необходимости речных путей, наплавных (понтонных) мостов, зимников, малой авиации; телефонной, почтово-телеграфной, сотовой, телевизионной сети и Интернета с использованием высокоскоростной оптико-волоконной и космической связи.

Представленная типология в основном правильно отражает дифференциацию арктического пространства по формам организации не только производства, но и расселения населения [23]. Она (типология) полностью согласуется с идеей «возвратной» траектории развития природно-ресурсных регионов – освоения и использования ранее «пропущенных» минерально-сырьевых ресурсов и «незамеченных» источников «нетрадиционных» видов сырья. При этом в числе драйверов процесса перехода на «возвратную» траекторию выступают не только (и не столько) технологии, сколько новое качество институциональной среды [4, с.12].

Межрегиональная интеграция как фактор развития арктических и северных регионов

В тематике межрегиональной интеграции представлены все классические формы общественной организации производства и социальной сферы. Интеграция трактуется как управляемая кооперация [24].

Включение Севера и Арктики в пространственную интеграцию России обусловлено прежде всего формированием транспортной инфраструктуры в виде «решетки», т. е. пересечения широтных сухопутных дорог с крупными реками, текущими с юга на север. Меридиональная интеграция касается не только основных добывающих и перерабатывающих отраслей, но также и науки, методов строительства на мерзлых грунтах, ведения северного промыслового, сельского и парникового хозяйства, разработки образцов зимней одежды и обуви и т. п. То, что изучается и создается специально для Севера, затем не менее эффективно может использоваться в других местах.

Особую позицию занимает межрегиональная взаимосвязь в области народонаселения. Ближний Север и предсеверные регионы в большей мере, чем южные, приспособлены для расселения и проживания ми-

³⁷ Поселения, не включенные в первые два вида ТХС.

³⁸ Например, в АЗРФ в 2017 г. учтено 253 тыс. чел. сельского населения; по нашим расчетам, в поселениях сельского типа этой зоны в данном году проживало 400 тыс. чел.

грантов Крайнего Севера. С другой стороны, эти же регионы должны стать опорными в деле подготовки для всего Севера квалифицированных кадров.

Автор полагает, что соседские связи играют первостепенную роль еще и потому, что задача скрепления социально-экономического пространства до сих пор не смогла быть решена в рамках федеральных округов по причине их несовпадения с экономическим районированием России и отсутствием функций в области комплексного территориального управления. Не дают положительного интеграционного эффекта и программы развития больших территорий, таких как Дальний Восток. Присоединение Республики Бурятия и Забайкальского края к Дальневосточному округу может создать дополнительные трудности для организации действительно программного управления. Поэтому неслучайно возникло стремление руководителей некоторых субъектов Федерации (двух-трех соседей) объединить свои усилия в решении общих («сквозных») задач.

Общие основания соседской интеграции для арктических территорий можно определить следующим образом: сохранение природных ландшафтов, улучшение гидрологического режима рек и озер с учетом высокого природоохранного значения полосы мировых водоразделов, сопряжение хозяйственных функций тундры и тайги с их природно-ресурсной емкостью, восстановление речного судоходства, дорожное строительство, создание тепловых и электроэнергетических систем, переработка твердых и газообразных отходов, кооперация в части проектно-изыскательских и конструкторских работ. Интеграцию целесообразно рассмотреть также в плане объединения ресурсов и усилий регионов для развития своих периферийных «углов». Смежные муниципальные образования регионов-соседей могли бы иметь единую программу активного развития с учетом экологических преимуществ периферийности.

Заключение

Автор рекомендует следующее:

- в стратегическом планировании социально-экономического развития арктических и северных регионов больше внимания уделять модернизации действующих производств, инфраструктурному обустройству освоенных территорий, повышению уровня и качества жизни укорененного населения с учетом особенностей традиционных видов хозяйства малочисленных народов;
- разрабатывать и внедрять такие технологии, которые позволяют эффективно и длительное время работать на уже освоенных месторождениях и площадях;
- учесть возрастающую роль биологических ресурсов как основы жизнедеятельности. Конструктивно это можно сделать через органи-

зацию «перелива» финансового капитала, полученного в сфере недропользования, в сферу биоресурсной экономики;

- совершенствовать лицензирование недропользования с обязательным участием региональных правительств и с включением в состав лицензий дополнительных условий, необходимых для комплексного освоения месторождений полезных ископаемых и социального развития территорий;

- распределить весь земельный фонд сельскохозяйственного назначения по формам собственности и видам пользования; повысить роль муниципалитетов в управлении землепользованием;

- организовать лесное хозяйство в соответствии с международным регламентом устойчивого управления лесами, восстановить лесхозы как организаторов воспроизводства лесных ресурсов и усилить контрольные функции со стороны федеральных структур управления;

- укреплять межрегиональные (в первую очередь, соседские) экономические связи с формированием и реализацией совместных программ в области развития инфраструктуры, использования природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Литература

1. Васильев, А.М. Экономические аспекты развития рыбного хозяйства в зоне Арктики / А.М. Васильев, О.Н. Заболотский // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2010. – № 3. – С.88–94.
2. Жуков, М.А. Российская Арктика в 2016 г. Смена вектора управления Арктической зоной Российской Федерации / М.А. Жуков // Редкие земли. – URL:<http://rareearth.ru/ru/pub/20170201/02912.html> (дата обращения 28.01.2018).
3. Елсаков, В.В. Оперативная ресурсная оценка пастбищных угодий северного оленя по спектрональным спутниковым данным / В.В. Елсаков // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. – 2014. – № 1. – С. 60–70.
4. Лексин, В.Н. Социально-экономические параметры устойчивого развития Арктического макрорегиона России / В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Экономика региона. – 2017. – Т.13, вып. 4. – С. 985–1004.
5. Крюков, В.А. Эволюция правил и процедур, определяющих подходы к освоению минерально-сырьевых ресурсов / В.А. Крюков // Журнал экономической теории. – 2016. – № 3. – С.106–117.
6. Крюков, В.А. Учет интересов коренных малочисленных народов при принятии решений в сфере недропользования. Серия: Библиотека коренных народов Севера, вып.10 / В.А. Крюков, А.Н. Токарев. – Москва, 2005. – 172 с.
7. Крюков, В. Дифференциация налогообложения в газовой промышленности: нужен пошаговый подход к реализации / В. Крюков, А. Токарев, В. Шмит // Газовый бизнес. – 2007. – Сентябрь-октябрь. – С. 18–22.

8. Лаженцев, В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития / В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2015. – 176 с. – (ИСЭ и ЭПС / Коми научный центр УрО РАН).
9. Лаженцев, В.Н. Академическая наука и новая индустриализация (на примере Республики Коми) / В.Н. Лаженцев // Экономика региона. – 2016. – Т.12, Вып. 4. – С. 989–1000.
10. Лаженцев, В.Н. География и практика территориального хозяйствования / В.Н. Лаженцев, Т.В. Дмитриева. – Екатеринбург: Наука, 1993. – 137 с.
11. Логинов, В.Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Севера / В.Г. Логинов. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007. – 311 с.
12. Лыткина, Т.С. Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности / Т.С. Лыткина, А.В. Смирнов, В.В. Фаузер // Арктика. Экология и экономика. – 2017. – № 4. – С.18–31.
13. Львов, Д.С. Экономический манифест / Д.С. Львов // Свободная мысль. – 1998. – № 6. – С.5–22.
14. Львов, Д.С. Развитие экономики России и задачи экономической науки / Д.С. Львов; Отд-ние экон. РАН. – Москва: Экономика, 1999. – 79 с.
15. Минакир, П.А. Очерки по пространственной экономике / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко; отв. ред. В.М. Полтерович / Рос. Акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.
16. Модернизация биоресурсной экономики северного региона / Коллектив авторов. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2018. – 212 с.
17. Минц, А.А. Экономическая оценка естественных ресурсов: Научно-методические проблемы учета географических различий и эффективности использования / А.А. Минц. – Москва: Мысль, 1972. – 302 с.
18. Север: наука и перспективы инновационного развития / отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2006. – 400 с. – (Коми НЦ УрО РАН; Научный совет РАН по вопросам регионального развития).
19. Селин, В.С. Приоритеты современных государственных стратегий развития арктических районов / В.С. Селин, Е.П. Башмаков // Регион. Экономика и социология. – 2013. – № 1. – С. 3–22.
20. Сценарные подходы к реализации уральского вектора освоения и развития российской Арктики. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН: Изд. АМБ, 2017. – 340 с.
21. Топливный сектор Республики Коми: направления и методы регулирования развития / Коллектив авторов / отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2002. – 416 с. – (Коми НЦ УрО РАН).

22. Хикл, У. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России? / У. Хикл; пер. с англ. / – Москва: Изд. дом «Прогресс», 2004. – 340 с.
23. Чужмарова, С.И. Социально-экономическое развитие северных регионов в условиях реформирования налогообложения добычи полезных ископаемых / С.И. Чужмарова // Федерализм. – 2009. – № 2 (54). – С. 179–190.

Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России³⁹

Пространственное и территориальное развитие России получило научное обоснование в трудах многих коллективов географов, историков и экономистов, выполняющих исследования в рамках академических программ. Такого рода развитие автор трактует как экономико-географическую деятельность с охватом региональной статистики, геоинформатики, территориального планирования и проектирования, географической экспертизы. Такой подход соответствует одному из генеральных направлений фундаментальных исследований РАН «Разработка стратегии трансформации социально-экономического пространства и территориального развития России». Северная тематика научных исследований автора, начиная с 2010 г., стала составной частью программ РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», концептуальные основы которой были сформулированы академиком А.Г. Гранбергом, и «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (научный руководитель академик В.М. Котляков). В данной статье первоначально рассмотрены «сквозные» для Севера проблемы: Север и внутренний рынок России, модернизация северных хозяйств, основательная научно-техническая подготовка проектов предстоящего освоения Арктики. Затем дано научное объяснение содержания тех проблем социально-экономического развития, которые обусловлены неудовлетворительным состоянием пространственной организации национальной экономики РФ и недооценкой значения сформировавшихся в ее северных и арктических районах хозяйственных систем. Последние разделены на три вида: территориально-хозяйственные комплексы, отдельные центры (промышленная периферия), периферия сельского типа. Комплексы сосредотачивают примерно 60 % трудового потенциала Севера, промышленная периферия – 15 % и сельская – 25 %. Они имеют разные направления модернизации хозяйства и при условии их реализации могут обеспечить регионам Севера устойчивое развитие на длительную перспективу. Арктический вектор природно-ресурсной экономики может быть сформирован удачно, если его научно-техническая подготовка будет рассматриваться как самостоятельный и впереди стоящий блок соответствующих программ и проектов. В освоении территорий с экстремальными природными условиями наука играет пионерную роль.

³⁹ Лаженцев, В.Н. Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России / В.Н. Лаженцев // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 2. – С. 353–365. DOI 10.17059/2018-2-2

Ключевые слова: Север, Арктика, социально-экономическое пространство, территориальное развитие, территориально-хозяйственная система, экономика-географическая типология, территориальное планирование, модернизация, научно-техническая подготовка, арктические проекты.

V.N. Lazhentsev. Socio-Economic Space and Territorial Development of the North and the Arctic of Russia.

Abstract. The spatial and territorial development of Russia was explored by many groups of geographers, historians, and economists within the framework of academic programs. I interpret such development as economic and geographic activity covering regional statistics, geo-informatics, spatial planning and design as well as geographical review. This approach corresponds to one of the general directions of fundamental research of RAS «Development of the strategy of the transformation of the socioeconomic space and territorial development of Russia». My northern research, since 2010, has become an integral part of the RAS programmers «Fundamental issues of spatial development of the Russian Federation: the interdisciplinary synthesis». Its conceptual foundations were formulated by Academician A. G. Granberg and «The role of the space in the modernization of Russia: natural and socio-economic potential» (supervisor, Academician V. M. Kotlyakov). At first, I consider the following problems of the North: the North and Russia's internal market, modernization of the Northern households, scientific and technical preparation of the projects for the upcoming development of the Arctic. Further, I give the scientific explanation of the issues of socio-economic development. They are due to the poor state of the spatial organization of national economy in Russian Federation and the underestimation of the economic systems formed in the Northern and Arctic regions. These systems are divided into three types: territorial and economic complexes, certain centers (industrial periphery), the periphery of rural type. Complexes concentrate about 60 % of labour potential of the North, the industrial periphery – 15 % and rural – 25 %. They have different directions for the economic modernization and on the condition of this potential realization can ensure long-term sustainable development to the Northern regions. The Arctic vector of natural resource economy can succeed if its scientific and technical preparation is considered as an independent and priority direction of appropriate programs and projects. In fact, the science plays a pioneering role in the development of territories with an extreme environment.

Keywords: The North, the Arctic, socio-economic space, territorial development, territorial and economic system, economic and geographic typology, territorial planning, modernization, scientific and technical preparation, Arctic projects.

Исходные положения

Пространственное развитие – расширение или сжатие, уплотнение, изменение конфигурации географических ареалов того или иного вида деятельности. «Преобразование пространства означает изменение условий деятельности, выход на новое размещение материальных объектов, обеспечивающее рост ее эффективности» [1, с. 26]. Конкретные работы по организации пространства, как правило, посвящены интегральному и отраслевому районированию, городской и районной планировке, развитию дорог и других сетевых систем.

Территориальное развитие – экономико-географическая деятельность, направленная на рациональное размещение производительных сил, территориальную организацию хозяйства и расселение населения, сбалансированное и эффективное использование человеческого, природно-ресурсного и материально-технического потенциалов в границах макро-, мезо- и микрорайонов.

Пространство преодолевается, территория осваивается и обустроивается, включается в систему хозяйственного оборота.

Изучение проблем пространственного и территориального развития одновременно с позиций социально-экономической географии и региональной экономики заключается в соединении структурно-функциональных характеристик комплексов «природа – население – хозяйство» с механизмами их функционирования (табл. 1).

Таблица 1

Структурно-функциональные характеристики комплексов
«природа – население – хозяйство»

Вид развития	Направления деятельности	Примеры методик исследований
Пространственное развитие	Оптимизация географических параметров жизнедеятельности. Согласование предметных пространств в заданных границах	Моделирование сетевых хозяйственных структур. Городская и районная планировка
Территориальное развитие	Размещение производительных сил. Территориальная организация хозяйства. Воспроизводство природно-ресурсных потенциалов на геосистемной основе	Оптимизация использования природно-ресурсных сочетаний, моделирование ТХС
Пространственные и территориальные виды развития как единый процесс комплексного социально-экономического развития стран, регионов и поселений	Согласование технологических, экономических, социальных, экологических и информационных подсистем национальных и региональных хозяйственных систем	Разработка схем территориального планирования, межотраслевых и продуктовых балансов

Территориально-хозяйственные системы (ТХС) – совокупность порядочительных центров и их ресурсов, объединенных общими интересами местоположения и совместной деятельностью по созданию благоприятных условий для реализации данных интересов.

Конструктивный подход к пространственному и территориальному развитию предполагает проецирование результатов научных исследований на конкретные ТХС различной географической размерности. При этом используются информационная база региональной статистики, геоинформатики и методы географической экспертизы (табл. 2).

Таблица 2

Практическая реализация научных знаний
о пространственном и территориальном развитии

Вид экономико-географической деятельности	Основное содержание	Актуализация
Региональная статистика	Разработка показателей регионального воспроизводства, включая природные ресурсы	Поиск показателей по линиям: от состава к структуре, от состояния к функционированию, от роста к развитию
Геоинформатика	Составление природно-ресурсных кадастров и информационно-аналитических карт	Разработка методов отражения динамики развития природы, использования ресурсов и охраны окружающей среды
Территориальное планирование и проектирование	Формирование и модернизация ТХС, районная планировка, ландшафтное проектирование	Мобилизация местных ресурсов и инициатив для повышения уровня и качества жизни
Географическая экспертиза	Проверка управленческих решений на их соответствие местной природной и социально-экономической специфике	Введение географической экспертологии в систему научных дисциплин

Автор более углубленно занимается тематикой территориального планирования и пришел к следующему выводу. Планирование может считаться территориальным, если оно учитывает территорию как операционную единицу, рассматривает хозяйства в качестве природно-социально-экономической системы, представляет территориальное хозяйство как способ рационального и скоординированного использования частной, общинной, муниципальной и государственной собственности, «одушевляет» ТХС, т.е. наделяет их целеустремленностью и способностью разумного поведения. Именно при таком подходе территориальное планирование в состоянии последовательно увязать потребности в ресурсах общего пользования с их наличием и рациональным распределением, а задачи формирования ТХС – с интересами населения. Север России – природно-экономическая зона, имеющая сложные и экстремальные климатические условия жизни и хозяйственной деятельности. Северность нашей страны служит основанием для определения ее особого места в мировой политической географии: «Северо-срединное положение российской цивилизации характеризует ее как находящуюся на стыке западной и восточных, а также юго-восточ-

ных цивилизаций Северного полушария, а не между Европой и Азией, между их цивилизациями, как это нередко трактуют. Это обуславливает многовекторность ее взаимодействий в цивилизованном пространстве». Так считает философ Н.И. Лапин [2, с. 5].

В физико-географическом плане северные территории представляют собой геосистемы тундры, лесотундры и тайги. Зона тайги делится на крайнесеверную, среднесеверную и южную подзоны. В экономико-географическом анализе автор использует понятия «Арктическая зона РФ» (или просто Арктика), «Дальний Север» (Крайний Север без Арктики), «Ближний Север» (местности, приравненные к Крайнему Северу).

Арктическая зона Российской Федерации – территория Арктического региона, в пределах которой Россия обладает суверенными правами и юрисдикцией: высокоширотные сухопутные территории (лесотундра и тундра), архипелаги и острова в Северном Ледовитом океане и Беринговом проливе, принадлежащие РФ, акватории внутренних и территориальных северных морей, северные морские пространства, входящие в исключительную экономическую зону РФ. Административно-территориальный состав АЗРФ установлен Указом Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 и в дальнейшем будет определяться Правительством РФ.

На Севере и в Арктике пространственное и территориальное развитие означает проникновение, переселение, экономическую интервенцию, освоение самой территории и ее ресурсов, обустройство всех систем жизнедеятельности и последующую их модернизацию. Нередки случаи, когда развитие конкретной территории заканчивается «затуханием» и передислокацией людей в другие места. Историко-географические аспекты этого явления заключаются и в том, «что не только освоение Севера, но и уровень интереса к нему власти и общества имел волнообразную динамику, знал свои подъемы и спады...»; этот факт «позволяет более реалистично оценивать современную ситуацию, снова далекую от однозначности» [3, с. 100].

Некоторые аспекты северной и арктической тематики в рамках социально-экономической географии и региональной экономики

Позиции Севера в экономике России автором определены исходя из приоритета внутреннего рынка над экспортом. Об этом мы писали неоднократно, полагая, что соединение сырьевых ресурсов Севера с обрабатывающей промышленностью России во многом предопределяет стратегию ее социально-экономического развития. Однако стремление Правительства РФ все больше и больше продавать за границу топлива и сырья ради валютной выручки до сих пор сохраняется, что, на наш взгляд, опасно для страны. Рефлекторная реакция на кризисы и попытка выхода из них за счет выручки от внешней торговли оборачиваются тем, что национальное хозяйство продолжает оставаться неконкурентоспособным, а слабо развитый внутренний рынок не в состоянии своевременно компенсировать потерю экспортных рынков. В начале 2000-х гг., по данным Рос-

стата, в РФ удельный вес экспорта в производстве угля составил 15–20 %, газа – 35–40, нефти – 40–45, черных и цветных металлов – 50–60 %. Эти же цифры за 2015 г.: уголь – 41 %, нефть – 46, газ – 30, металлы – 46 %. Отечественная переработка сырья и в целом обрабатывающая промышленность развиты крайне недостаточно, несмотря на некоторую положительную динамику в части ВПК, переработки газа и технологического совершенствования ряда заводов по переработке нефти. Ориентация на импортозамещение должна бы в большей мере привязывать ресурсы Севера к национальной экономике.

Концептуальная неопределенность в этом вопросе касается, прежде всего, вовлечения природных ресурсов Севера в мировое хозяйство: то ли на основе колонизации в качестве сырьевого придатка, то ли – государственного и межгосударственного протекционизма и свободной торговли, то ли через структуру внутринациональных рынков и внешнюю торговлю продукцией конечного потребления с лимитами вывоза сырья и топлива за границу. Полагаем, что последнему должно быть отдано предпочтение.

Хорошим примером создания технологических связей от сырья до конечной продукции является формирование минерально-сырьевых и топливно-энергетических баз на Европейском Севере ради производства высокосортной стали, турбин, шарикоподшипников и других видов машин и механизмов. В единое целое были соединены кольская и карельская железная руды, печорский коксующийся уголь, череповецкая сталь, санкт-петербургское и вологодское машиностроение. Положительно в этом плане можно характеризовать и формирование энергетики всей зоны северо-запада России, взаимосвязь Печорского угольного бассейна с Уралом, добычу разных видов нефти в Тимано-Печорской провинции и их раздельную переработку на Ухтинском, Ярославском и Киришском НПЗ, поддержание сырьевой базы Богословского и Уральского алюминиевых заводов за счет освоения тиманских бокситов, укрепление связей Европейского Севера с регионами Урала и Сибири. Именно последнее обстоятельство является самой существенной причиной предстоящего строительства железной дороги от Архангельска до Соликамска (Белкомур).

Производственные достижения в советский период на территориях азиатской части России (в полосе Транссибирской железной дороги) были связаны в значительной мере с переработкой нефти, газа и минерального сырья, лесных ресурсов Севера. Но в настоящее время здесь преобладают проекты вывоза сырья и топлива в Китай и другие страны АТР. Стратегия же должна заключаться в торговле готовыми продуктами и кооперации по поставкам полуфабрикатов.

Ориентация на приоритет внутрироссийского рынка относительно внешнего вовсе не означает отстранения от рационального (взаимовыгодного) международного сотрудничества. Но для этого, прежде всего, необходимо активизировать трансграничные связи путем выравнивания

(по обе стороны границы) институциональных условий совместной экономической деятельности, прежде всего со странами Евразийского экономического союза [4].

В настоящее время особенно четко зафиксировано одно из основных направлений международной политики России – укрепление присутствия на арктическом пространстве. По Северному Ледовитому океану, северным дальневосточным морям на протяжении 20 тыс. км проходит государственная граница Российской Федерации. Следует указать, что ледокольный, транспортный и аварийно-спасательный флоты, порты, навигационно-гидрографические и гидрометеорологические службы должны быть модернизированы в первую очередь. Приходится учитывать попытки ряда государств расширить свое присутствие в Арктической зоне нашей страны, помешать реализации арктических интересов России, отстранить ее от участия в исследованиях Мирового океана, вытеснить с трасс Северного морского пути. И это несмотря на то, что РФ давно придерживается статуса СМП (в рамках российской юрисдикции) как национальной, так и международной транспортной магистрали [5]. Согласие российского руководства на отмену секториального принципа в Арктике, данное в 1997 г., было ошибочным. Этот принцип необходимо восстановить, тем более что другие полярные страны, по существу, его не отменяли. Конечно, Арктика является плацдармом международного сотрудничества, но с соблюдением правового равенства всех заинтересованных сторон [6].

Освоение и обустройство Арктики необходимо рассматривать не только в геополитическом плане, но и как фактор роста экономики всей России, в первую очередь, Северо-Запада, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В настоящее время арктическая проблематика со стороны Федерального Правительства РФ рассматривается главным образом по трем основным направлениям⁴⁰:

- развитие Северного морского пути как важнейшей составной части общей транспортной системы страны и как геополитического фак-

⁴⁰ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года». Постановление Правительства РФ от 31 авг. 2017 г. № 1064. В соответствии с данным постановлением эта программа получила принципиально новую структуру, включающую три подпрограммы: «Формирование опорных зон развития и обеспечение их функционирования, создание условий для ускоренного социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации», «Развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике» и «Создание оборудования и технологий нефтегазового и промышленного машиностроения, необходимых для освоения минерально-сырьевых ресурсов Арктической зоны Российской Федерации». Потребности арктических программ и проектов в настоящее время стали оформляться в качестве государственного задания в адрес конкретных исполнителей (по федеральным округам) под названием «Базовый каталог высокотехнологичной промышленной продукции и услуг для нужд Арктической зоны Российской Федерации». Это пока наиболее конструктивная форма управления таким сложным объектом, как Арктика.

тора укрепления позиций нашей страны в мировом морском судоходстве;

- формирование прибрежной инфраструктуры оборонного и хозяйственного значения;
- создание оборудования и технологий в арктическом исполнении.

Предпринимается попытка подкрепить указанные направления посредством программно-целевого формирования «опорных зон»: Карельской, Кольской, Архангельской, Ненецкой, Воркутинской, Ямало-Ненецкой, Норильской, Северо-Якутской и Чукотской (табл. 3).

Таблица 3

Численность населения и валовой внутренний продукт Арктической зоны Российской Федерации

Опорная зона	Население, тыс. чел.					ВВП, млрд руб.*	
	1990 г.	%	2015 г.	%	2015/1990	2014 г.	%
Карельская	53	1,6	45	1,6	85	15	0,5
Кольская	1147	35,6	766	31,9	67	320	11,1
Архангельская	724	22,4	647	26,6	89	260	9,0
Ненецкая	52	1,6	43	1,8	84	184	6,4
Воркутинская	217	6,7	83	3,4	38	80	2,8
Ямало-Ненецкая	489	15,1	540	22,2	110	1612	56,2
Норильская	311	9,6	227	9,3	73	330	11,5
Северо-Якутская	77	2,4	27	1,1	35	15	0,5
Чукотская	161	5,0	50	2,1	31	57	2,0
Всего по АЗРФ	3231	100	2428	100	75	2873	100

Примечание.* Данные по Кольской, Ненецкой, Ямало-Ненецкой и Чукотской ОЗ приведены по данным Росстата; по другим ОЗ – по оценке автора.

Правительства и муниципалитеты арктических территорий, как и в других регионах России, имеют отношение ко всему структурно-функциональному спектру экономики и социальной сферы. Их специфический интерес к арктическому вектору развития национальной экономики заключается главным образом в надежде получить дополнительные федеральные ресурсы для повышения уровня жизни населения на «собственных» территориях. В итоге намерений всех уровней власти опорные зоны стали рассматриваться, по существу, как ТПК советского образца ⁴¹. Заметим, что для возвращения к ТПК есть более весомые основания, связанные с общими закономерностями территориальной организации производительных сил [7].

Руководители северных, уральских, сибирских и дальневосточных регионов стремятся к совмещению федеральных, региональных и мест-

⁴¹ Жуков, М.А. Российская Арктика в 2016 г. Смена вектора управления Арктической зоной Российской Федерации / М.А. Жуков // – URL: <http://rareearth.ru/ru/pub/20170201/02912.html> (дата обращения 28.01.2018).

ных интересов в единую линию арктической политики, не ограничиваясь каким-либо одним аспектом – геополитическим, топливно-энергетическим, биоресурсным, этнокультурным и т. п., но рассматривая всю их совокупность, что и соответствует общей методологии комплексного развития больших территорий.

В каком бы аспекте ни рассматривались арктические территории, они всегда будут частью каких-то внутренних российских мезо- и макрорайонов. Именно в границах крупных меридиональных систем, используя уже накопленный здесь человеческий и производственный потенциал, необходимо решать наиболее важные для АЗРФ проблемы. Одна из них – создание плацдармов освоения арктических ресурсов, формирование пояса обрабатывающей промышленности и социальных услуг межрегионального значения на освоенных территориях Европейского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока (см., например, [8]).

Арктическая зона РФ остается спорной в части своей южной границы. Республике Карелия удалось включить в нее три своих северных района; Республика Коми и Архангельская область хотели бы туда ввести дополнительно по два района; Республика Саха (Якутия) – еще восемь улусов. Это стремление предопределено надеждами на дополнительные ресурсы из федерального бюджета, что связано с особыми взглядами на статус данной зоны. Многие полагают, что АЗРФ будет выделена в структуре государственного бюджета, получит новую нормативную базу, более высокую, чем зафиксировано в настоящее время для районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Может быть, по этой причине Правительство Архангельской области надеется, что в Центре не заметят странности в том, что четыре административно-территориальные единицы области включены в Арктику, но не входят в состав Крайнего Севера.

Вопрос об арктических нормах, нормативах и коэффициентах остается открытым. Не исключается вариант регулирования социально-экономических аспектов жизнедеятельности в Арктике существующим законодательством применительно к Крайнему Северу и местностям, к нему приравненным. Конечно, коэффициенты, нормы и нормативы примерно через каждые 10 лет целесообразно проверять на достоверность относительно новых социально-экономических обстоятельств. Но это не значит, что они обязательно будут изменены. Например, районные коэффициенты и стажевые надбавки к заработной плате, установленные более 40 лет назад, вполне соответствуют современным условиям работы на Севере. Тем более что они в условиях рыночной экономики стали играть роль стимула лишь для работников бюджетной сферы, но почти не влияют на уровень оплаты труда в отраслях материального производства.

Арктическая зона Российской Федерации имеет некоторую неопределенность и в части программного управления. С одной стороны,

АЗРФ официально выделена в отдельный объект государственного управления, и этот факт стимулирует научные обоснования мегапроектов и мегапрограмм⁴². С другой стороны, как показывает (пока еще небольшой) опыт разработки государственных арктических программ, с их помощью решаются конкретные проблемы в определенных сферах деятельности. Программная методология управления распространяется, в первую очередь, на такие направления, как Северный морской путь и ледокольный флот, создание оборонных систем, охрана здоровья людей, развитие этнокультуры и традиционных видов хозяйств, оценка влияния космической погоды на метеорологические процессы, биосферу, человека, технические и другие системы, сохранение и воспроизводство биоразнообразия, организация рационального использования природных ресурсов и охрана окружающей среды, создание техники в северном (арктическом) исполнении, территориальная организация хозяйства на основе сочетания стационарного, районного, вахтового и экспедиционного методов разведки и освоения полезных ископаемых, создание сетевых структур по оказанию социальных услуг с использованием новейших информационных технологий. Федеральные арктические программы согласованно дополняются (должны дополняться) программами регионального и местного уровней. Надо ли всю эту (по Ю.Ф. Лукину) «междисциплинарную модель многослойного пространства Арктики»⁴³ объединять в единую суперпрограмму?

Законодатели говорят, что это следует сделать, поскольку «системной работы по регионам Крайнего Севера сегодня нет, все разрознено, раздёрнано, разобщённо по разным программам. Существует более 500 различных законов, программ, нормативно-правовых актов, так или иначе затрагивающих Арктику, они не стыкуются между собой, а иногда и прямо противоречат друг другу, совершенно не учитывают реалии и потребности людей, живущих на Крайнем Севере»⁴⁴. Вместе с тем опыт программного управления большими территориями (например, Дальний Восток и Забайкалье) показывает их малую эффективность. На наш взгляд, в целом для АЗРФ следует иметь такой государственный документ, как стратегия; на программное же управление целесообразно переводить отдельные (наиболее значимые) сферы деятельности и территории, внутри которых имеются тесные производственные и социальные связи, единая инфраструктура [9].

⁴² Ивантер, В.В. Переосмысление Арктики как мегапроект. Постановка проблемы / В.В. Ивантер, В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Проблемный анализ и государственно управленческое проектирование. Теория. Практика. Методология. – 2014. – Т. 7, № 6 (38). – URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/2760/> (дата обращения 22.06. 2015).

⁴³ Лукин, Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире / Ю.Ф. Лукин. – Архангельск, 2012. – URL: <http://arctic---and---north.com>; [http://narfu.ru/aan/\(25.12.2012\)](http://narfu.ru/aan/(25.12.2012)) (дата обращения 28.01.2018).

⁴⁴ Мониторинг социально-экономического развития Арктической зоны России. Вып. 17–18 (1–31 окт. 2017). – URL: <https://www.google.ru/search?q> (дата обращения 17.11.2017).

Социально-экономические аспекты пространственного и территориального развития Севера и Арктики

Север в реальности не является хозяйственной системой, поэтому его общее пространственное измерение в большей мере базируется на общественных проекциях – циркумполярной, широтной и меридиональной, а более конкретное – на выделении локальных (реже – региональных) систем расселения населения и природопользования. В циркумполярной проекции внимание акцентируется на сравнительной характеристике условий, уровней и качеств жизни малочисленных народов разных стран, а также на проблемах государственной политики приполярных стран [10, 11]. В циркумполярной проекции А.Н. Пилясов представил идею формирования нового международного макрорегиона – Арктического Средиземноморья [12]. Данная проекция оказывается полезной и для понимания новых факторов развития конкретных регионов АЗРФ [13]. Д.А. Додин полагает, что только в границах всей Циркумполярной арктической зоны необходимо рассматривать проблемы устойчивого развития Российской Арктики [14]. В широтной – на экспертизе норм, нормативов и правил, используемых в региональной политике с учетом неравномерности заселения арктических территорий [15]. В меридиональной – на выявлении эффектов производственной кооперации по линии «Север–Юг».

Формирование ТХС в условиях Севера имеет особенности, обусловленные характером природно-ресурсной экономики, в которой приоритетную роль играют распорядительные центры крупной добывающей промышленности и подчиненную – малые предприятия сервисного обслуживания. Нефтяные, газовые, минерально-сырьевые и другие корпорации формируют свое пространство деятельности, в которое нередко попадает большая часть населения того или иного региона и даже само региональное правительство. Такое слияние создает угрозу криминалу.

Задача сбалансированного развития Севера и Арктики решается в основном в границах конкретных территориально-хозяйственных систем. Специфика Севера заключается в том, что ни одна реальная ТХС здесь не достигает уровня основного (стандартного) социально-экономического района (табл. 4).

Таблица 4

Параметры стандартных (1) и северных (2) территориально-хозяйственных систем*

Центры хозяйственного тяготения	Радиус доступности, км		Территория ТХС, тыс. км ² (или кв. км)		Население ТХС, тыс. чел.	
	1	2	1	2	1	2
Локальный	30–50	100–140	3–8	30–60	35–55	10–15
Базовый	80–100	200–250	20–30	125–200	400–600	200–350
Опорный	250–300	700–800	200–300	1500–2000	4000–6000	1500–3000

Примечание. * Составлено автором с использованием данных о взаимной дислокации населенных пунктов, учитываемой в градостроительной политике [16].

«...»

В соответствии с типологией территориально-хозяйственных систем Севера и Арктики актуализируются проблемы городов и районов нефтегазовой и горнорудной специализации, неустойчивого развития городов и районов лесопромышленной специализации, рационального пользования продовольственных ресурсов арктических и северных территорий, что обусловлено не только стратегией освоения Российской Арктики, но и возрастающей ролью самой России в решении мировых продовольственных проблем.

Угрозы развитию северного оленеводства обусловлены неблагоприятной динамикой растительного покрова тундры. Метаболизм тундровых биосистем изменился к худшему в части прироста биомассы, заращения значительных площадей мхов и лишайников кустарниковой растительностью, ускоренного процесса заболачивания. Поголовье северных оленей зачастую превышает допустимые нормы экологической нагрузки, что приводит к существенному снижению «урожайности» мхов и лишайников и подрыву тем самым естественной кормовой базы. В.Д. Богданов эколого-экономические проблемы тундры ярко отразил на материалах по Ямало-Ненецкому АО⁴⁵; аналогичная ситуация отмечена и в Ненецком АО [17].

Север более чувствительно реагирует на экономические кризисы, особенно те города и районы, которые имеют монопрофильную специализацию. Анализ состояния многопрофильности показал следующее:

1. антикризисные мероприятия, по сути, являются экстренной реакцией на уже случившееся, но не на надвигающееся финансовое неблагополучие. Их следовало бы проводить заблаговременно на основе познания природы экономической цикличности [18];
2. стандартное антикризисное мероприятие – создание дополнительных рабочих мест за счет строительства новых предприятий и расширения существующих производств – малоэффективно. После окончания антикризисной поддержки такие предприятия и производства в условиях Севера вновь станут неконкурентоспособными. Генеральным направлением является оптимизация количества и качества рабочих мест с учетом научно-технического прогресса в природно-ресурсных отраслях хозяйства и в сфере услуг;
3. кризисная ситуация побудила производственные корпорации ускорить вывод непрофильных активов. Это, как правило, подсобные и обслуживающие производства, звенья социальной инфраструктуры с низким уровнем организации, передача которых на баланс муниципалитетов в условиях Севера усугубила их экономическое неблагополучие. Кризисы показывают, что отношения между корпорациями и территориями их размещения требуют более основательного нормативного регулирования;

⁴⁵ Богданов, В.Д. Степени защиты для Ямала / В.Д. Богданов // Наука Урала. – 2017. – № 8.

4. переход от моно- к полипрофильности связан с активным развитием арктических функций в части образования, здравоохранения, туризма, культуры и нового градостроения [19].

Приоритеты в пространственном и территориальном развитии

Оценка природных геосистем как составной части хозяйства.

Итоги изучения территориально-хозяйственных систем зафиксированы в том, что само понятие «хозяйство» не сводится ни к производству, ни к средствам труда, ни к экономике или отдельным видам экономической деятельности. Кроме перечисленного, оно содержит нечто большее: человека-хозяина, его мировоззрение, социальную защиту труда и быта, широкий спектр типов хозяйств, хозяйственных отношений и институтов. Хозяйство насыщается природой не только как потребитель ресурсов, но и как создатель окружающей человека среды. Изучение территориальной структуры хозяйства должно начинаться с уяснения роли природно-ресурсных комплексов в пространственной организации общества. Поэтому надо особенно отметить, что значение природных факторов и условий в социально-экономическом развитии Севера и Арктики не снижается, а возрастает. Научно-исследовательские программы по изучению социально-экономических проблем Арктики и Севера обязательно должны включать оценку специфических свойств территорий высоких широт (климатический дискомфорт, вечная мерзлота, полярные дни и ночи, снег и лед, дисбаланс тепла и влаги, недостаток ультрафиолета, уникальные природно-территориальные комплексы, культура природопользования и т. п.) и в совокупности рассматриваться в качестве естественной основы жизни людей и их хозяйственной деятельности.

Такой подход к пониманию природно-экономической сущности территориального хозяйствования продемонстрируем двумя примерами.

Карело-Кольскую ТХС характеризуют именно те природные факторы, от которых зависят методы ее новой индустриализации: Балтийский щит, сжатое пространство мирового водораздела, денудационные (обнаженные, слегка прикрытые рыхлыми четвертичными отложениями) равнины, сложный горный рельеф, активная рудная и нерудная минерализация; обилие озер и «гидроэнергетических» малых рек, незамерзающее побережье Баренцева моря, пограничное (скандинаво-финское) положение. Перечисленные характерные черты данного района определяют требования к модернизации горной и лесной промышленности, обустройству западного берега Белого моря, совершенствованию транспортных и электроэнергетических коммуникаций, развитию туризма и созданию природоохранных систем с учетом мирового значения меридиональной озерной полосы, формированию ареалов северного экологически чистого земледелия, координации взаимоотношений с Финляндией, Швецией и Норвегией.

Двино-Печорскую ТХС включает северо-восток Восточно-Европейской равнины (в геологическом плане – Русской платформы) с весьма активной тектоникой и минералообразованием (геологический потенциал северо-востока Русской платформы вместе с северным и полярным Уралом, по расчетам автора, в пять-шесть раз выше, чем ее остальных частей, что выразилось в накоплении углеводородов и концентрации твердых полезных ископаемых), полноводные реки, которые могли бы использоваться как транспортные артерии и источники рыболовства, обширные заливы Белого моря, ландшафтное разнообразие тайги и тундры, протяженный по всей южной границе региона мировой водораздел; этнокультурная специфика. С позиции данной характеристики можно определить, что для Двино-Печоры наиболее актуальными являются вопросы комплексного использования ресурсов Тимано-Печорской нефтегазонасыщенной провинции и Тимано-Североуральского минерально-сырьевого сочетания. В лесном хозяйстве первостепенными здесь становятся задачи лесоэкономического районирования и снятия угроз, связанных с нежелательной сменой лесообразующих пород и усыханием еловых лесов. Потенциал сельского хозяйства в зонах средней и южной тайги и зоне смешанных лесов необходимо повысить мерами по восстановлению и повышению плодородия почв, а в зонах лесотундры и тундры – сохранением мхов и лишайников как кормовой базы оленеводства.

Значение природного фактора (без какого-либо географического детерминизма) подтверждается и другими примерами по Северу и Арктике [20–22].

Модернизация – совершенствование хозяйства на основе научно-технического и социального прогресса, принципов ресурсосбережения и охраны окружающей среды. Природоресурсный характер экономики северных территорий не следует рассматривать как их проклятье, напротив, ему можно и нужно придать инновационное измерение. Хозяйство Севера наукоемко. И этот неоспоримый факт можно представить как мощный противовес абсурдной идеи определения устойчивости развития российской периферии примитивизмом техники, натурализацией местного производства и резким сокращением численности населения. Напротив, пример Севера показывает возможность и целесообразность ресурсно-инновационных стратегий устойчивого развития [23].

Новый этап развития Севера и Арктики можно обозначить следующим образом: социальное и экологическое обустройство уже сформированных территориально-хозяйственных комплексов, отдельных промышленных центров и сельской периферии, продление срока эксплуатации действующих промыслов, шахт и горнорудных комбинатов с использованием новейших технологий добычи, обогащения и переработки сырья, сбалансированное использование биоресурсов тундры и северных морей, создание научно-технической инфраструктуры Северного морского пути и арктических предприятий, приобщение местной экономики к нуждам оборонных объектов.

Научная и научно-технологическая подготовка производственных программ – одно из важнейших направлений освоения Арктики. Потенциал и экстенсивного, и интенсивного природопользования на старых технологиях практически исчерпан, а дальнейшее развитие по пути наращивания только количественных, объемных показателей связано с риском полного истощения сырьевой базы и разрушения наиболее уязвимых экосистем Арктики. Поэтому научное сообщество делает попытку определить новый облик данной обширной части страны на основе новейших технологий, высококвалифицированного труда, экологически приемлемых методов организации производства, исторически сложившихся территориальных общностей людей, прогрессивных опытов северного градостроительства и новой социально-сетевой инфраструктуры [24, 25]. Формирование научной основы «перевосоедения Арктики» нацелено на создание геоинформационных систем для оценки состояния и динамики почв и грунтов, в том числе многолетнемерзлых, с учетом климатической нестабильности, формирование единой государственной системы экологического мониторинга, использование новейших достижений в области нанотехнологий и электронной техники, материаловедения, органической и неорганической химии, техники и технологий в северном (арктическом) исполнении, техники безопасности, гео- и биотехнологий, медицинских нововведений [26]. На Севере и в Арктике наука и научно-технологические комплексы становятся частью общей инфраструктуры хозяйственной деятельности.

Заключение

Исследования по тематике социально-экономического пространства и территориального развития показали, что политические амбиции относительно Севера, и особенно Арктики, имеют положительное значение, если соблюдено чувство экономической меры. Чрезмерное желание все покорить и освоить не соответствует реальным возможностям нашей страны, к тому же, этого зачастую и не надо делать. Автор полагает, что наступил такой этап в развитии хозяйства северных и арктических территорий, когда нужна пауза, чтобы преодолеть недостатки, обусловленные «старой» индустриализацией на основе технологий XX в. Усилия желательно направить на установление технологического, экономического, экологического, социального порядка в уже существующих хозяйственных комплексах, а также на достижение политических соглашений относительно ряда спорных арктических территорий и на восстановление оборонного потенциала до уровня, адекватного арктическим военным силам НАТО. Первостепенной становится задача ускоренного развития обрабатывающей промышленности практически во всех экономических районах России с использованием минерально-сырьевых и биологических ресурсов Севера и Арктики.

Литература

1. Дмитриева, Т.Е. Новые подходы к стратегированию развития северного региона / Т.Е. Дмитриева // Управленческие аспекты развития Северных территорий России: мат-лы Всерос. науч. конф. В 4 ч. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСИУ, 2015. – Ч. 1. – С. 20–32.
2. Лапин, Н.И. Фундаментальные ценности цивилизованного выбора в XXI столетии. Ч. 2. Аксиологические предпосылки цивилизованного выбора России / Н.И. Лапин // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 3–17.
3. Савченко, А.Б. Историко-географические особенности освоения северных и арктических территорий России в XVII–XIX / А.Б. Савченко, А.И. Трейвиш // Известия РАН (Географическая). – 2017. – № 3. – С. 90–102.
4. Хасбулатов, Р.И. Россия между двумя субконтинентами Евразии. Преимущества и новые угрозы / Р.И. Хасбулатов // Экономика региона. – 2017. Т.13, вып. 4. – С. 1005–1015.
5. Проблемы Северного морского пути / Совет по изучению производительных сил РАН; Центр. науч.-исслед. и проектно-конструкт. ин-т мор. флота (ЦНИИМФ). – Москва: Наука, 2006. – 581 с.
6. Арктика. Интересы России и международные условия их реализации / Ю.Г. Барсегов, В.А. Корзун, И.М. Могилевкин [и др.]. – Москва: Наука, 2002. – 356 с.
7. Лаженцев, В.Н. Территориально-производственные комплексы (ТПК). Из прошлого в будущее / В.Н. Лаженцев // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2014. – № 3. – С. 136–143.
8. Сценарные подходы к реализации уральского вектора освоения и развития российской Арктики. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, Издательство АМБ, 2017. – 340 с.
9. Лаженцев, В.Н. Концепция программного решения проблем формирования и развития территориально-хозяйственных систем / В.Н. Лаженцев // Экономические и социальные перемены. Факторы, тенденции, прогноз. – 2017. – № 5. – С. 37–50.
10. Доклад о развитии человека в Арктике (ДоРЧА) / ред. А.В. Головнев; пер. с англ. – Екатеринбург – Салехард, 2007. – 244 с.
11. Селин, В.С. Приоритеты современных государственных стратегий развития арктических районов / В.С. Селин, Е.П. Башмакова // Регион. Экономика и социология. – 2013. – № 1. – С. 3–22.
12. Пилясов, А.Н. Арктическое Средиземноморье. Предпосылки формирования нового макрорегиона / А.Н. Пилясов // ЭКО. – 2010. – № 12. – С. 54–75.
13. Маркин, В.В. Циркумпольярный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории. На примере Ямала / В.В. Маркин, А.Н. Силин // Экономические и социальные перемены. Факты. Тенденции. Прогноз. – 2016. – № 6. – С. 28–52.

14. Додин, Д.А. Устойчивое развитие Арктики. Проблемы и перспективы / Д.А. Додин. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 283 с.
15. Фаузер, В.В. Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, А.В. Смирнов // Арктика. Экология и экономика. – 2017. – № 4(28). – С. 18–29.
16. Зимин, Л.И. Вахтовые жилые комплексы для Севера / Л.И. Зимин, В.Г. Лазарева. – Ленинград: Стройиздат, Ленингр. Отд-ние, 1978. – 152 с.
17. Липина, С.А. Региональная специфика экономического развития Российского Севера и проблемы геоэкологической безопасности. На примере Ненецкого округа / С.А. Липина, В.Г. Трескин // Современные производительные силы. – 2013. – № 4. – С. 44–58.
18. Экономическая томография. Возможность предвидеть и реагировать на социально-экономические кризисы / А.А. Куклин, Г.П. Быстрой, С.А. Охотников, Е.В. Васильева // Экономика региона. – 2015. – № 4. – С. 40–53.
19. Дмитриева, Т.Е. Концепция самодостаточности города в Арктике. Пример г. Воркута / Т.Е. Дмитриева, О.В. Бурый // Региональные исследования. – 2017. – № 2 (56). – С. 33–43.
20. Васильев, В.В. Методология комплексного природно-хозяйственного районирования северных территорий и российской Арктики / В.В. Васильев, В.С. Селин. – Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2013. – 260 с.
21. Селин, В.С. Российская Арктика. География, экономика, районирование / В.С. Селин, В.В. Васильев, Л.Н. Широкова. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2011. – 203 с.
22. Логинов, В.Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Севера / В.Г. Логинов. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007. – 311 с.
23. Крюков, В.А. Сырьевые территории в новой институциональной реальности / В.А. Крюков // Пространственная экономика. – 2014. – № 4. – С. 26–60.
24. Российская Арктика. Современная парадигма развития / под ред. акад. А.И. Татаркина. – Санкт-Петербург: Нестор- История, 2014. – 844 с.
25. Лексин, В.Н. Социально-экономические параметры устойчивого развития Арктического макрорегиона России / В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Экономика региона. – 2017. – Т.13, вып. 4. – С. 985–1004.
26. Лаженцев, В.Н. Академическая наука и новая индустриализация. На примере Республики Коми / В.Н. Лаженцев // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 4. – С. 989–1000.

ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРА: ПРИОРИТЕТ ВНУТРИРОССИЙСКОГО РЫНКА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Северные регионы в системе внутренних и внешних отношений России ⁴⁶

Показаны проблемы Севера: вывоз основной части потенциально-го капитала, неэквивалентный внешний обмен, чрезмерная индустриальная нагрузка, социальное неравенство, односторонний сырьевой и энергетический подход в геополитических стратегиях. Решение этих проблем связано с приоритетом формирования внутреннего (российского) рынка и новой концепцией освоения и обустройства территории с учетом экологических, социальных и этнокультурных ценностей самого Севера.

Ключевые слова: Север, внутренний и внешний рынок, сырьевая специализация, социальное развитие.

Планетарная геосистема «Север» занимает важное место во внутри-российских и международных отношениях. Такая позиция сложилась под воздействием пяти главных факторов: политико-экономического, природно-ресурсного, экологического, социально-экономического и геополитического.

Положение российской экономики в системе мирохозяйственных связей необходимо определить прежде всего с **политико-экономических позиций**. Узловым здесь является вопрос: при каких условиях Россия может перейти от низких к более высоким формам производственных отношений? Низкие формы производственных отношений многие аналитики характеризуют как компрадорские – поддержка иностранного капитала в обмен на валютную ренту, а более высокие как государственно-корпоративные с вертикально интегрированной организацией общественного воспроизводства. Условиями существования более низких форм отношений являются деиндустриализация, иррациональность, диспаритет цен и неэквивалентность обмена, теневая экономика, зависимость от иностранного капитала, безработица, чрезмерное социальное расслоение, «круговое» недоверие, политическая неграмотность. Противоположное перечисленному – новая индустриализация, интеграция, экономическое равноправие и другие характерные черты более высоких форм производственных отношений.

⁴⁶ Лаженцев, В.Н. Северные регионы в системе внутренних и внешних отношений России / В.И. Лаженцев // Экономическая наука современной России. – 2002. – № 4. – С. 72–81.

В коллективном труде Отделения экономики Российской академии наук [1], подготовленном под руководством академика Д.С. Львова, отмечается, что одно из противоречий современного капитализма состоит в «перевороте финансовой пирамиды». Острый конец пирамиды обуславливает реальную экономику, а широкая часть представляет мировой спекулятивный капитал. Рыночная стоимость капитала (в вещественной форме) в десятки раз меньше стоимости ценных бумаг акций, облигаций, долговых обязательств и т.д. Это превышение мнимой части стоимости капитала над вещественной вызывает неустойчивость мировой финансовой системы, которая может обернуться ее крахом.

По оценке Н. Абдулгамидова и С. Губанова [2], эффективность краткосрочных валютных кредитов оказывается не нулевой, а отрицательной величиной; кроме того, выбрана ущербная схема их предоставления России. Нередко выдвигаются условия валютного свопа – обязательно обратного выкупа валюты по форвардному курсу. Полученные за валюту рубли иностранные инвесторы немедленно «отоваривают» наиболее ценными материальными ресурсами, что можно приобрести и вывезти из России, главным образом из ее северных регионов: нефть, газ, цветные и драгоценные металлы, древесину, минеральные удобрения, электроэнергию, акции лучших предприятий, государственные ценные бумаги и т.д. Масштабная скупка ресурсов и собственности создает в стране нехватку товарного предложения, взвинчивает цены, усиливает инфляцию, давит на курс рубля. В итоге, когда наступает время вернуть краткосрочный кредит, курс рубля уже изменился. Так, к 17 августа 1998 г. (дата дефолта) общая сумма краткосрочных валютных обязательств России составила 49 млрд дол., из них часть, застрахованная форвардными контрактами, доходила до 30 млрд дол. Прямые потери, понесенные Россией в ходе «набега» мирового спекулятивного капитала в 1998 г., превысили 60 млрд дол. Сокращение экспортной выручки за счет уплаты процентов по займам и незарегистрированный отток валюты за рубеж в 1998 г. составили 27,7 млрд дол. Эти деньги напрямую изъяты из внутренних воспроизводственных процессов. Всего за период с 1994 г. по июль 1999 г. подобное сокращение валютной выручки, которое следует расценивать как даровой экспорт товарных ресурсов из России, превысило 95 млрд дол. [Там же, с. 46]. Получается, что не Запад помогает России, а Россия Западу, и не только сырьем, а также собственностью, капиталом, квалифицированными кадрами, научными, военными и технологическими секретами и т. д.

На защиту от подобных угроз направлены институциональные преобразования в России, в том числе за счет усиления роли государственного сектора, работающего в рыночной среде, создания мощных общенациональных финансово-промышленных корпораций. *Ориентир стратегии развития – опора на внутренние ресурсы экономического роста через рациональную организацию производства и финансовой сферы, развитие высокотехнологичных производств, повышение уров-*

ня образования и квалификации работников, подъем жизненного уровня населения как основы расширения внутреннего платежеспособного спроса и т.д.

Никто не ставит вопрос об отказе от внешнего кредитования и участия иностранных компаний в инвестировании хозяйства России. Речь идет о *соответствии между реальными экономическими процессами и движением финансовых потоков*, которое, как правило, отсутствует. Политико-экономическая суть вопроса требует установления нормального (естественного) нравственного экономического поведения. Необходимо снизить планку частного обогащения за счет вывоза капитала из страны и вывода его из-под налогообложения, устранить неэквивалентный обмен в сфере валютно-денежных операций при прямом стоворе с иностранными партнерами, в том числе и МВФ.

Природно-ресурсные позиции Севера в экономических связях вполне понятны, так как большая часть мировых запасов топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов сосредоточена в недрах северных территорий и акваторий. Они участвуют в системе национальных и транснациональных экономик; от них во всевозрастающей мере зависит будущее высокоразвитых стран и регионов. Однако принципы вовлечения природных ресурсов Севера в мировое хозяйство представляются менее определенными: то ли на основе колонизации (в качестве сырьевого придатка), то ли на основе государственного и межгосударственного протекционизма и свободной торговли, то ли через структуру внутринациональных рынков и торговлю продукцией конечного потребления с ограничением вывоза сырья и топлива.

Последнее для России, на наш взгляд, предпочтительнее, поскольку ресурсы северных регионов являются одним из ведущих факторов формирования внутреннего рынка. Характерное для настоящего времени стремление продавать за границу все возрастающие объемы топлива и сырья за валютную выручку опасно для страны. Рефлекторное «залеживание» болячек за счет выручки от внешней торговли оборачивается тем, что национальное хозяйство продолжает оставаться неконкурентоспособным, а слабо развитый внутренний рынок не в состоянии компенсировать потерю экспортных рынков. Удельный вес экспорта в производстве угля достигает 15–20 %, газа – 35–40, нефти – 40–45, черных и цветных металлов – 50–60 %. Мощности же отечественной обрабатывающей промышленности используются менее чем наполовину [3].

Конечно, нельзя не принять во внимание и другую сторону проблемы. Россия от внешней торговли получает примерно 85–90 млрд дол. в год, из них до 40 млрд – от нефти и газа, до 15 млрд – от черных и цветных металлов. Север России дает 60 % валютной выручки. Идеальной была бы ситуация полного удовлетворения внутреннего спроса на минерально-сырьевые и топливно-энергетические ресурсы и удержания (или даже расширения) внешних рынков. Но такую задачу можно ставить только перед народным хозяйством России в целом. Что же касается от-

дельных регионов, то их ресурсы следует вписывать в совершенно конкретные хозяйственные системы с учетом экономико-географического положения по отношению к внутренним и внешним рынкам.

Минерально-сырьевая и топливно-энергетическая база Европейского Севера связана в первую очередь с потребностями внутреннего российского рынка. Это обусловлено изначально заложенными производственно-технологическими связями в структуре северной металлургической базы (кольская и карельская железная руда, печорский коксующийся уголь, череповецкая сталь, Санкт-Петербургское и Вологодское машиностроение), единством энергетики всей зоны северо-запада России, взаимосвязью Печорского угольного бассейна с Уралом, балансами добычи нефти в Тимано-Печорской провинции и ее переработки на Ухтинском, Ярославском и Кириловском НПЗ, необходимостью поддержания сырьевой базы Богословского и Уральского алюминиевых заводов за счет освоения Тиманских (Республика Коми) бокситов, укрепления связей Коми и Урала по многим другим видам сырья. *Экспорт же минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов из Европейского Севера должен формироваться по остаточному принципу.* Исключение могут составлять нефтегазовые ресурсы шельфа морей и прибрежной Арктической зоны, тяготеющие к Северному морскому пути.

В совместной деятельности многих стран может быть реализован интерес именно к арктическим ресурсам. Арктика по экономико-географическим и геологическим масштабам соизмерима с потенциалом крупных экономических регионов. Арктические регионы постепенно становятся главным источником топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов. Здесь открыты и частично разведаны месторождения многих видов минерального сырья. Природно-ресурсную основу Арктики составляют нефть и газ. «Прогнозные ресурсы нефти и газового конденсата оцениваются, по данным ВНИИ океанологии, в 89 % общих прогнозных ресурсов этих видов сырья в России. Соответствующий показатель по газу составляет 79 %, причем большая часть этих ресурсов приходится на шельфы Баренцева и Карского морей» [4, с. 31]. Запасы нефти на Аляске составляют 1,4 млрд т, а вместе с шельфами – 3,6 млрд т, газа – 3–6 трлн куб. м. Запасы газа на Крайнем Севере Канады – 2,5 трлн куб. м, запасы нефти на Канадском шельфе – 1,7 млрд т, на суше – 0,6 млрд т. Не менее внушительные характеристики имеют и Арктические запасы твердых полезных ископаемых [5–8]. *Следовательно, освоение ресурсов Арктики могло бы стать для России предметом широкого межгосударственного партнерства.*

Проблема формирования внутрироссийского рынка тесно связана с размещением перерабатывающей и обрабатывающей промышленности. Сейчас особое внимание следовало бы обратить на загрузку неиспользуемых мощностей, на оснащение высокими технологиями действующих предприятий, особенно предприятий по обогащению полезных ископаемых. Между тем, некоторые крупные компании, например, не-

фтяные, стремятся размещать перерабатывающие предприятия по периметру российских границ, заведомо ориентируясь на частные выгоды от экспорта полуфабрикатов и готовой продукции. Здесь уже возникает другой вопрос, а именно об уровне конечного потребления: будет ли он достаточным для эффективного общественного воспроизводства в самой России или же, как и ныне, в угоду интересам западных стран и отдельных фирм внутренний потребитель будет подвергаться дискриминации? Речь идет не только о выгоде вывоза, скажем, бензина вместо сырой нефти, но и о том, чтобы бензин и другие ресурсы эксплуатационного потребления служили модернизации собственного хозяйства и развитию его высокотехнологичных отраслей. При таких условиях взаимодействие с другими государствами, их фирмами и транснациональными компаниями должно строиться на распределении не ресурсов (товаров), а доходов (прибыли).

Экологический фактор развития Севера не менее актуален, чем природно-ресурсный. Мировому сообществу понятно, что состояние природной среды северных территорий определяет уровень безопасности жизнедеятельности населения Земли, прежде всего самих северян [9]. Это понимание не должно иметь исключительно абстрактного характера. Оно может изменить историческую тенденцию экологии природопользования на Севере. Эта тенденция до сих пор выражалась в следующем: пока организация природопользования является «внутренним» делом коренного населения, экологические проблемы не имеют острого характера и являются локальными. Но как только природные ресурсы становятся товаром внешних собственников, средством накопления капитала, уходящего главным образом за границу, товаром, не сопряженным с комплексным использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды, сохранением лучших сторон жизни коренного населения, так экологические проблемы многократно усложняются и становятся региональными, межрегиональными и даже глобальными. *В настоящее время эти проблемы проявляются в ухудшении здоровья населения и нарушении демографического воспроизводства, утрате в ряде мест традиционной деятельности и культурного наследия, в противоречиях между товарно-рентной и экологической функциями тундры и тайги.*

С переходом к стабильности и росту индустрии вырисовывается тенденция ужесточения режима эксплуатации природных ресурсов Севера. Эти ресурсы выходят на первое место в качестве источника накопления капитала в том числе и потому, что прежние «дармовые» источники (разгосударствление и приватизация) уже исчерпаны. Такая перспектива заставляет думать об охране окружающей среды как о важнейшем направлении мировой политики с учетом положительного опыта организации хозяйства на территории зарубежного Севера. Этот опыт может быть перенесен на Север России непосредственно иностранными фир-

мами и совместными предприятиями, но при условии эквивалентного экономического обмена.

В последние годы активизировалась научно-исследовательская и практическая работа в области **социальных аспектов** жизнедеятельности народов Севера. Предлагаются различные варианты решения проблемы оптимизации численности населения в северных регионах, внедрения контрактной формы привлечения работников на Крайний Север на основе вахтового метода организации работ; намечается реформирование системы северных льгот (новые подходы к гарантиям и компенсациям); обеспечение адресной и селективной поддержки социально уязвимых слоев населения и т.п. При этом нередко преобладает формальный подход, при котором население Севера рассматривается как некая абстрактная масса, расположенная вне субъектов государственного и межгосударственного управления и якобы поддающаяся механической регулировке.

Суть же проблемы заключается в том, чтобы сначала понять закономерности естественной исторического развития постоянно проживающего на Севере населения, включая и малочисленные народы, а уже затем косвенно, через социальные и экономические механизмы, способствовать их реальному осуществлению. Поэтому одной из *главных задач такой политики является уяснение взаимосвязи социального и экономического аспектов жизнедеятельности в конкретных географических границах*. Для решения этой задачи необходимо рассмотреть динамику природно-ресурсного и экономического факторов хозяйствования, возможную трансформацию природно-ресурсного потенциала в социальный, инфраструктурный и финансовый капитал настоящего и будущего поколений, ключевые точки роста традиционного хозяйства Севера и меру его совмещения с рыночной экономикой, международные нормы протекционизма по отношению к северным территориям.

Целесообразно также увязать общий фон социально-экономических процессов на Севере с конкретными его проявлениями применительно к районам и населенным пунктам, где проживают коренные народы.

Этнокультурные позиции развития северных территорий заключаются в том, что образ жизни, языки, культура, методы хозяйствования проживающих здесь народов и народностей являются самоценными. Это часть мировой культуры, важнейшей чертой которой является разнообразие. Этнокультурная «периферия» должна стать предметом особой заботы развитых наций, источником новых знаний. Здесь уместно сочетание принципов патернализма и равноправного взаимодействия, ориентированное на решение узловой проблемы: сохранение и возвышение исторических образов и традиций с одновременным внедрением научно-технических инноваций. Важно достичь такого сочетания, когда освоение достижений мировой цивилизации стало бы жизненной потребностью самих коренных жителей Севера с естественным отбором лучшего из российской культуры.

В связи с этнокультурной позицией развития северных регионов уместно отметить некоторые особенности отечественной экономической науки. Для нее характерен широкий обществоведческий подход к решению конкретных народнохозяйственных вопросов. Более того, она склонна увязывать экономическую деятельность с философско-методологическими подходами к историческому развитию, с социально-психологическими характеристиками человека и сообществ. В трудах русских экономистов нередко можно видеть своеобразный комплекс, в который наряду с вещественным капиталом, материальным благосостоянием включается капитал нравственный. Моральные и этические основы политико-экономических исследований считались не менее важными, чем сама политика или экономика. Много внимания уделялось национальным особенностям народного хозяйства, которое в свою очередь представлялось в виде метасоциальной конструкции, включающей не только производство как таковое, но и природу, культуру, нравы, обычаи, социальные связи и т. п. [10]. Многие отечественные экономисты и экономико-географы, проводя линию нравственных начал реформирования политической и экономической систем, указывают на важную роль государства в соблюдении общественных интересов. Они считают своим долгом четко определить гражданскую позицию относительно настоящего и будущего России.

Проблема ориентации на «человеческую экономику», окрашенную категориями нравственности, особенно актуальна для развития районов Севера. Здесь логика погони за чистой прибылью в принципе не подходит. Такая логика может привести Север в состояние безнадежно потерянной территории. Север имеет не только «ранимую» природу (механически поврежденная почва не восстанавливается десятки лет), но и весьма «чувствительный» уклад жизни (для него в большей мере, чем в других местах, характерны проявления коллективизма, широкое распространение бытового права, особенно в области природопользования, соединение современной хозяйственной деятельности с обычаями и традициями; в экономике коренных и малочисленных народов широко представлены этнокультурные аспекты).

Северян тревожит поведение руководителей хозяйственных структур, особенно внешних инвесторов. Замечено, что в северных регионах усиливаются негативные аспекты жизни: нарушается экологическое равновесие, возрастает степень социального неравенства, растет уровень безработицы и т. д. Наблюдается некорректное поведение руководителей и администраций предприятий в плане территориального обустройства и исполнения обязательств перед бюджетами. Их целевая установка сокрытие доходов, увод приватизированной государственной собственности в сектор теневой экономики, в собственный карман, принудительное банкротство собственных предприятий. «Засекречивается» объем фонда заработной платы и доходов по дивидендам, большая часть которого раздается «в конвертах», а отсюда огромные недоимки

подходящего налога и социальных налогов (пенсионных, медицинских и др.). Весьма распространено мошенничество через посредников, в том числе иностранных, когда товар продается по заведомо низкой цене, перепродается в другом месте, зачастую за границей, но уже по рыночной цене; разница утаивается от государства и делится по цепочке соучастников. По ориентировочной оценке, 60 % природно-ресурсной ренты с северных территорий уходит в завуалированной, в том числе и воровской, форме и не возвращается обратно. К этому в последнее время добавилась еще одна форма ущемления интересов Севера – корпоративное ценообразование и использование толлинга (работа обрабатывающих предприятий на давальческом сырье добывающих предприятий с распределением доходов от конечного продукта).

Создание корпораций дело хорошее, оно способствует технологическому развитию, межотраслевой и межрегиональной интеграции, кооперированию и комбинированию производства. Но технологические аспекты их деятельности должны быть особенно тщательно увязаны с экономическими. Нельзя допустить, чтобы северные предприятия, находясь в составе какого-то холдинга или компании, продавали сырьевые ресурсы по низким ценам под залог будущих доходов с продаж, скажем, алюминия или бензина. Предприятия в данном случае ущемлены «плотной» зависимостью, но еще в большей мере страдают территории, у которых при такой схеме остаются «оголенные» финансы. Все эти аспекты требуют дополнительного нормативно-законодательного регулирования.

Для Севера (да и не только для него одного) важное значение имеет правильное, честное оформление отношений между государством и предприятиями. Деятельность любого предприятия базируется на национальном богатстве, каждое предприятие является частью этого богатства, предприятие обязано следовать логике расширенного воспроизводства национального богатства и развития социальных отношений, соответствующих формированию цивилизованного государства. Частные издержки фирмы должны заранее определяться как приемлемые с общественной точки зрения.

Здесь нельзя исходить лишь из голой прибыли или других материальных эффектов. Государство в состоянии поддержать Север, не рассчитывая на сиюминутную выгоду, но, с другой стороны, оно не должно играть роль поводыря. Необходимо экономически рассчитать параметры и создать условия для рентабельного товарного производства в сфере традиционного хозяйства.

Геополитика применительно к Северу, кроме перечисленных выше позиций, включает использование особенностей его экономико-географического положения. В системе североамериканской, западноевропейской и азиатско-тихоокеанской политико-экономических структур Север России становится сосредоточием трансконтинентальных транспортных коридоров. Это относится к авиатрассам, в том числе через Се-

верный полюс, Северному морскому пути, железным дорогам, например, Белкомур, Северо-Сибирская магистраль, БАМ и др. [11].

Пять перечисленных факторов являются фоновыми по отношению к отдельным проектам и инициативам, в том числе и к *«Северному измерению»*, формируемому и реализуемому в рамках Европейского Союза (ЕС).

Инициатива Финляндии для внешней политики ЕС, получившая название «Северное измерение», предполагает мобилизацию интеллектуальных и финансовых ресурсов на решение общих для европейских стран проблем обеспечения энергетической, экономической и экологической безопасности. Это имеет самое непосредственное отношение к северу России и нашло отражение в Федеральном законе «О ратификации Протокола к Соглашению о партнерстве между Российской Федерацией, с одной стороны, и европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны» (18.07.1998 г.). «Северное измерение» ЕС – это своеобразный отклик на возрастающую роль России в мировой политике. Оно не имеет административных структур, но существенно влияет на работу таких международных организаций, как Совет Баренцева/Евроарктического региона, Совет государств Балтийского моря, Ассоциация экономического взаимодействия территорий северо-запада РФ и др.

Одним из принципов работы Европейского сообщества (ЕС) является учет экономико-географической специфики входящих в него стран и регионов. Примером тому служит дифференцированный подход к южной и северной зонам ЕС, выраженный в проектах «Южное измерение» и «Северное измерение». Первый уже имеет конкретные формы реализации, которые обозначены рядом политических и экономических актов, нацеленных на подтягивание к средневропейскому уровню развития Греции, Кипра, юга Италии. Главным механизмом здесь является дифференциация тарифов, экспортных квот и налогов на инвестиции и прибыль. Второй проект пока не имеет строго очерченных контуров, но и в его экономической части следовало бы ожидать что-то подобное «Южному измерению».

Такого рода ожидания зафиксированы в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией, в рамках которого развивается «Северное измерение». Совместная стратегия ЕС по отношению к России и ее стратегия по отношению к ЕС, дополняя друг друга, в итоге нацелены на повышение благосостояния народов, мир, стабильность и безопасность, преодоление разрыва в социально-экономической сфере и приведение в соответствие нормативного хозяйства. «Северное измерение» предполагает усовершенствование энергетических сетей и рынков, использование природных ресурсов на основе устойчивого развития, создание условий для промышленного и торгового сотрудничества, развитие транспорта и телекоммуникаций, исследование в области человеческих ресурсов, защиту окружающей среды, повышение уровня здравоохранения и социального обеспечения и решение ряда других

вопросов. И все же со стороны ЕС превалирует природно-ресурсная составляющая, которая фиксируется не только в общих политических документах, но и в конкретных предложениях и проектах. Со стороны России особое внимание уделяется «человеческому» аспекту сотрудничества, что нашло отражение в формулировке главной задачи «Северного измерения» «создание обширного демократического пространства сотрудничества, в котором недопустимы какие-либо разделительные линии между государствами, дискриминация людей по этическому, языковому или любому другому признаку. Проект "Северное измерение" может и должен дать мощный импульс не только экономическому сотрудничеству, но и внести конструктивный вклад в обеспечение безопасности на континенте на базе ОБСЕ» [12]. Российский подход в большей мере, чем европейский, обеспечивает оптимизацию процессов глобализации и регионализации, каждый из которых имеет достоинства и недостатки.

Относительно дилемм и специфики регионального развития в России тоже есть свое северное и южное измерения. По глобальным меркам Россия – северная страна. Север – ее коренная и более прочная в политическом и этнокультурном отношении часть. Северное измерение России это ее главная характеристика, но вместе с тем не лишенная зональной и азональной дифференциации: Арктика и Субарктика, Европейский Север и Азиатский Север, Кольский Север, Беломорский Север, Печорский Север, Обский Север и т.д. Несмотря на дискуссию о перенаселенности и дефиците населения на Севере и колебания уровня миграции (сейчас идет массовый отток населения), северные территории России остаются по генетической сути опорными; здесь ядро русского и многих других народов, живущих в мире и согласии. Собственными демографическими и трудовыми ресурсами Север может освоить достаточно большой объем инвестиций.

Северная специфика имеет много аспектов. В ней выражены экономические, этнокультурные, социальные и экологические особенности. Европейская региональная политика здесь не может быть ориентирована только на «подтягивание», главное понятие и нормативно обозначить северный уклад жизни, ритмы и режимы хозяйствования. Общее европейское значение имеет ориентация Севера на щадящее природопользование, воспроизводство глобального экологического резервата, сохранение и возвышение культуры малочисленных северных народностей, приобщение их к мировым и национальным культурам.

Цели и направления сотрудничества по проекту «Северное измерение» определены как ответы на возможные угрозы деятельности в этом регионе. Однако этого мало. Важно обозначить не только сферы сотрудничества, но и его нормы, основанные на взаимопонимании. Мы не слу-

чайно указали пять главных факторов развития северных территорий. Именно они фокусируют интересы России относительно своего Севера и мировой Арктики. Необходимо, чтобы они стали фокусами и внутренними, и внешних отношений.

Литература

1. Возрождение экономики России: путь в XXI век. – Москва: Наука, 2000.
2. Абдулгамидов, Н. Российская экономика в системе мировых связей / Н. Абдулгамидов, С. Губанов // Экономист, 2000. – № 3. – С. 38–50.
3. Российский статистический ежегодник: стат. сб. / – Москва: Госкомстат России, 1999. – С. 576.
4. Павленко, В.И. Социально-экономические проблемы структурных преобразований в арктических районах России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / В.И. Павленко. – Москва, 1995.
5. Агранат, Г. А. Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки / Г.А. Агранат // Итоги науки и техники. ВИНТИ. Сер. Теоретические и общие вопросы географии. – 1992. – № 10.
6. Alaska's mineral industry. 1989 / Т.К. Bundtzen, R.C. Swainbank, J.R. Deagen, J.L. Moore. Fairbanks, 1990. (Special Report 44/Division of Geological and Geophysical Surveys).
7. Hoekzema, R. Mineral future of Alaska // Mineral Issues 1989 / Competitiveness and Regulation / R. Hoekzema. – Washington, 1989. – P. 22–36.
8. Petroleum Exploration Plays and Resources Estimates, 1989, Onshore United States, Region 1, Alaska; Region 2, Pacific Coast/ R.B. Powers, ed. Washington, 1993. (U.S. Geological Survey; bulletin 2043 -A.)
9. Город в Заполярье и окружающая среда: Труды II Международной конференции. 10–12 сентября 1997 г. – Нарьян-Мар–Сыктывкар, 1998.
10. Русские экономисты (XIX – начало XX века). – Москва: ИЭ РАН, 1998.
11. Проблемные регионы ресурсного типа: программы, проекты и транспортные коридоры. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2000.
12. «Северное измерение»: проблемы и перспективы сотрудничества. – Сыктывкар: ОНО «Коми респ. тип.», 2000.

Арктика и Север в контексте пространственного развития России⁴⁷

Негативный опыт реформирования экономики в 1990-х гг. показал, что игнорирование закономерностей общественного воспроизводства и чрезмерный крен в сторону экспортно-импортных экономических связей, тем более без привязки их к внутренним социальным и научно-технологическим проблемам, создают угрозу дезинтеграции рыночного пространства России. И в настоящее время Арктика и другие территории Севера находятся под влиянием неустойчивости внешних рынков углеводородов и минерального сырья. Вместе с тем, за последние 10–15 лет изменился смысл энергетической проблематики. С объемных (количественных) она, в соответствии с курсом на формирование зеленой экономики, во все большей мере переключается на качественные и структурные показатели. Откликом отечественных предприятий ТЭК на Данные изменения стала технологическая модернизация нефтеперерабатывающих и газоперерабатывающих заводов с целью увеличения выпуска высококачественных светлых нефтепродуктов, новых видов газохимической продукции, конкурентоспособных на мировых рынках. На экономическое положение районов Арктики, Дальнего и Ближнего Севера существенное влияние оказывают такие обстоятельства, как переход добычи углеводородов на преимущественно средние и малые месторождения, угасание здесь угольной промышленности, рост дефицита некоторых видов минерального сырья (золота, алмазов, редкоземельных металлов, никеля, меди, титана), развертывание в России широкой сети предприятий малой лесохимии с выпуском товарной продукции медицинского, сельскохозяйственного и бытового назначения, рост спроса на внутреннем и внешних рынках продукции оленеводства и экологически безопасного земледелия, рыболовства, грибов и ягод. Одной из важных задач национальной экономики считается разработка и внедрение технологий, имеющих критически важное значение, для освоения Арктики. В решении проблем укрепления социально-экономического пространства России и включения в этот процесс северных и арктических территорий значительную роль играют взаимодействие между региональными правительствами и их активное участие в формировании крупных экономических районов. Указанные вопросы рассмотрены на фоне общей теории пространственного развития и различных концепций формирования северных хозяйственных систем. Результаты исследования могут быть использованы при уточнении

⁴⁷ Лаженцев, В.Н. Арктика и Север в контексте пространственного развития России / В.Н. Лаженцев // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, вып. 3. – С. 737–754. – URL:<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-2>.

арктических стратегий и программ, разработке долгосрочных планов социально-экономического развития северных регионов.

Ключевые слова: социально-экономическое пространство, Арктика, Север, изучение и стратегическое планирование, интеграция, производственные связи, регионы-соседи, экономическое районирование.

V.N. Lazhentsev. The Arctic and the North: A Russian Spatial Development Context

Abstract. The negative experience of economic reforms during the 1990s showed that excessive bias towards export-import economic relations to the detriment of social reproduction, especially without reference to internal social and technological problems, threatens the integrity of the Russian market space. At present, the Arctic and other territories of the Russian North are exposed to the inherent instability of external markets for hydrocarbons and mineral raw materials. Additionally, attitudes towards energy production and consumption have undergone profound changes in recent years. In accordance with the demands of the «green economy», attention has been increasingly focused on qualitative and structural aspects in place of quantitative indicators. In order to increase production of high-quality light oil and petrochemical products that are competitive on world markets, domestic fuel and energy companies have responded by modernising oil refineries and gas processing plants. With the transition of hydrocarbon production to exploiting smaller deposits, the decline of the coal industry and a growing scarcity of in-demand raw materials (gold, diamonds, rare earth metals, nickel, copper, titanium), the economic situation in the Russian North is increasingly characterised by small forest chemistry enterprises producing commercial products for medical, agricultural and household purposes. In addition, a growth in domestic and foreign demand for organic products supports reindeer husbandry, fishing and even foraging for mushrooms and berries. An important objective for national economic decision-makers consists in the implementation of technologies critical to the development of the northern regions. In the process of strengthening the Russian socio-economic space, active interaction between participating regional governments plays a significant role. The aforementioned issues are considered in the context of spatial development theory and other concepts underpinning the formation of northern economic systems. The study findings can be used to inform Arctic strategies, programmes, and long-term plans for the socio-economic development of the Russian North.

Keywords: socio-economic space, Arctic and the North, strategic planning, integration, production ties, neighboring regions, economic zoning.

Введение

Актуальность научно-исследовательской тематики «пространство и взаимодействие» в экономических и других общественных науках заметно возросла с принятием в России двух государственных документов: в 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации

на период до 2025 г. в 2019 г. (далее – Стратегия–2025) и в 2020 г. Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. (далее – Стратегия–2035). Из того факта, что актуализация общей пространственно-территориальной и относительно частной северо-арктической тематики научных исследований и государственной политики совпала по времени, можно извлечь некоторые предпосылки для понимания особой роли Арктики и других территорий Севера в интеграции социально-экономического пространства нашей страны. Анализ таких предпосылок – цель настоящей статьи.

Изучение и планирование пространственного развития

Научные исследования в области формирования и трансформации социально-экономического пространства активно проводятся и в России, и за рубежом, но именно в нашей стране они получили статус фундаментальных и программных. Такое оформление – заслуга руководителей академических исследовательских институтов, создавших творческие коллективы для разработки и выполнения программ Президиума РАН на 2009–2011 гг. «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (научные руководители: академики А.Г. Гранберг и В.М. Котляков) и на 2012–2014 гг. «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (научный руководитель: академик В.М. Котляков).

Прежде всего был согласован понятийный аппарат данного исследовательского направления. Затем согласованные определения терминов-понятий были сверены с аналогичными в зарубежной научной литературе. Сделана попытка уяснить, насколько представления о социально-экономическом пространстве, выраженные терминами «концентры», «решетки», «экономический ландшафт», «коммуникационные сети», «локалитеты» и им подобными понятиями, применимы к российской действительности. Оказалось, что применимы, но в большей мере на уровне локальных и региональных социально-экономических систем, расположенных на сплошь освоенных территориях, в меньшей степени – к макрорегионам и ко всей северной территории России. Так, теория центральных мест В. Кристаллера [1], теория организации экономического пространства А. Леша [2] и соответствующие им европейские модели и практики организации рыночного пространства [3, 4] в нашей стране используются при анализе территориальной структуры хозяйства, разработке районных планировок и других градостроительных документов именно в регионах с хорошо освоенной территорией. Общий сдвиг региональной политики европейских стран от физических конструкций (каркасно-сетевых структур населенных пунктов) в сторону пространства социальной деятельности [5–7] коснулся и российской

политики выравнивания уровней социально-экономического развития регионов и достижения территориально-социальной справедливости.

Вместе с тем отмечается отставание России от европейских стран: «...Если в европейских странах происходит переосмысление роли государства и гражданского общества в пространственном планировании и городском развитии, то в России при принятии управленческих решений по функциональному использованию территорий явно доминирует государственный подход. Главный его недостаток состоит в том, что все документы пространственного планирования, согласно Градостроительному кодексу РФ, разрабатываются по единым требованиям, без учета специфики природных и социально-экономических условий территории, которые в России гораздо более многообразны, чем во многих других странах мира» [8, с. 95]. На Севере это особенно заметно.

В зарубежных и отечественных экономико-географических работах упор делается на специфическое содержание пространственного развития, отличное от территориального и какого-либо другого. Оно рассматривается как расширение или сжатие, уплотнение, изменение конфигурации той или иной социально-экономической системы. Теория пространственного развития географами иногда дополняется практическими рекомендациями по формированию линейно-узловых структур хозяйства регионов России [9, 10].

Экономическая наука оперирует более широкими и одновременно более конкретными понятиями, фиксирующими, кроме географических конструкций пространства, различные изменения в размещении производительных сил, расселении населения, освоении территорий и природных ресурсов, сохранении и обустройстве среды жизнедеятельности. Здесь пространственное и территориальное не различаются.

Публикации в рамках обозначенных программ РАН отличает комплексный подход к пространственной проблематике, что более полно отражено в обобщающей монографии, составленной авторами из разных исследовательских институтов [11]. Из новых результатов комплексного изучения проблем пространственного развития отметим философско-географическое осмысление положения России на стыке западной, восточных и юго-восточных цивилизаций Северного полушария [12], социально-географическое изложение проблематики городского пространства и коммуникационных сетей [13], выявление степени однородности или неоднородности социально-экономического пространства тех регионов России, территория которых считается полностью освоенной [14].

Научные работники (географы, экономисты, философы, социологи и др.), несмотря на различное толкование понятия «пространственное развитие», солидарно призывают разработчиков государственных стратегий в данной области деятельности к преодолению инерционного мышления в оценке перспектив развития регионов и межрегиональной

интеграции [15–17]. Такой призыв был зафиксирован особенно четко в тезисе о необходимости «перехода к новой модели пространственного развития и управления российской экономикой, которая позволит, с одной стороны, создавать каркас региональных (республиканских, областных, краевых, окружных) и территориальных (городских, районных) центров сосредоточения экономического роста, способных формировать и передавать сопредельным субъектам инновационные импульсы модернизации и развития экономики. С другой – управлять этими процессами, опираясь на рыночные институты, выводя на траекторию ускоренного и устойчивого развития глубинные и окраинные регионы и территории» [18, с. 96]. Нам представляется, что именно в данной трактовке отражается преобладающее в нашей стране понимание экономической проблематики пространственного развития.

На первый взгляд кажется, что и сама практика пространственного планирования придерживается примерно таких же позиций. Так, в Стратегии–2025 основными процессами считаются изменение территориальной организации системы расселения и экономики, концентрация научно-технической и производственной деятельности, устранение чрезмерной территориально-социальной несправедливости, реализация потенциала межрегионального и межмуниципального взаимодействия. Однако акценты здесь сделаны на стягивании научно-технического и производственного потенциала России в небольшое число мегаполисов, а это, кроме эффекта концентрации, может привести к образованию «мертвых зон» и тем самым к полному отрицанию территориальной социальной справедливости.

Обобщающей и как бы финальной частью изучения проблематики пространства социально-экономической деятельности стало изучение методами системного анализа самой деятельности в области науки, бизнеса и государственного управления, регулирующей трансформацию пространственно обусловленных общественных отношений, процессов и ситуаций. Практика реализации актуальных научно-исследовательских проектов рассматривается под ракурсом «кто и как делает» [19].

«...»

Экономическая кооперация по линии «Север – Юг»

Север, включая Арктику, мы рассматриваем в контексте решения конкретных проблем пространственного развития России. К ним относятся проблемы снятия угроз со стороны блочной структуры мирового хозяйства, практической реализации возрастающего значения «пересекающихся» географических систем (широтных и меридиональных), формирования разветвленных и вертикально интегрированных производственных и научно-технологических комплексов.

Политико-экономические аспекты. В ходе реформирования 1990-х гг. неправомерно проигнорированы политико-экономические основы пере-

устройства национальной экономики, в частности, не учитывались закономерности расширенного общественного воспроизводства с учетом внутренней платежеспособности России и рационального использования ее собственного прибавочного продукта, о чем В.И. Ленин писал еще в конце XIX в. книге «Развитие капитализма в России» [20]. Правда, ленинский труд никто из теоретиков и практиков реформирования во внимание не принимал, хотя подтекст их действий заключался, как в свое время и у экономистов-народников, именно в неверии в возможность России самостоятельно формировать полноценный внутренний рынок.

Негативными результатами реформирования 1990-х гг. стали игнорирование закономерностей общественного воспроизводства и чрезмерный крен в сторону экспортно-импортных экономических связей, создавший без привязки их к внутренним социальным и научно-технологическим проблемам угрозу дезинтеграции рыночного пространства России.

Топливо-энергетический комплекс. Восстановление интегрированного пространства нашей страны во многом зависит от того, насколько основательно природные ресурсы Арктики и Севера будут включены в технологическую кооперацию с отечественными предприятиями обрабатывающей промышленности. Прикрепление ресурсов Арктики и Дальнего Севера к промышленности Ближнего Севера и других территорий России в условиях кризиса 1990-х гг. объяснялось необходимостью загрузки мощностей предприятий обрабатывающей промышленности и сохранения рабочих мест. Теперь же речь идет не столько о спасении, сколько о принципиально новой модели пространственного устройства национальной экономики. Дело в том, что топливно-энергетический сектор российской экономики за последние 20 лет получил столь существенную прибавку, что в настоящее время может удовлетворить в равной мере как внутренние потребности, так и запросы отечественных компаний и государства на экспорт нефти, газа и угля. Произошли положительные структурные сдвиги в сторону опережающего роста газопереработки, производства и экспорта нефтепродуктов (табл. 1, 2).

Таблица 1

Добыча (производство) и экспорт топливно-энергетических ресурсов (ТЭР)
России в 2000–2020 гг.*

Вид ТЭР	2000 г.	2010 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1	2	3	4	5	6
Добыча (производство)					
Уголь, млн т.	258	301	439	439	398
Нефть, включая газовый конденсат, млн т	324	495	556	561	512
Нефтепродукты, млн т	137	166	227	224	210
Газ природный и попутный, млрд м ³	584	583	726	739	695

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
Экспорт					
Уголь, млн т	44	116	200	205	199
Нефть, включая газовый конденсат, млн т	145	247	261	269	232
Нефтепродукты, млн т	63	133	150	143	142
Газ природный и попутный, млрд м ³	194	174	223	221	179
Доля экспорта в добыче (производстве), %					
Уголь	17	38	46	47	50
Нефть	45	50	47	48	45
Нефтепродукты	46	80	66	64	68
Газ природный и попутный	33	30	31	30	26

Примечание. * По данным Росстата и Минэнерго РФ.

Таблица 2

Расчет доли топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) в общем экспорте
России в 2000–2020 гг., млн дол. США*

Показатель	2000 г.	2010 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Экспорт России	103 093	397 068	450 278	424 393	336 394
Уголь каменный	1160	9210	17 080	15 949	12 389
Нефть сырая, включая газовый конденсат	25 358	134 862	129 456	122 126	72 366
Нефтепродукты	10 910	70 357	78 150	66 924	56 953
Газ природный	16 665	47 502	49 060	41 769	25 247
Экспорт ТЭР	54 092	261 931	273 746	246 768	166 955
Доля ТЭР в экспорте России, %	52	66	61	58	50

Примечание. * Рассчитано на основе данных Росстата РФ с учетом средних цен и объемов экспорта.

Откликом на данные изменения со стороны отечественных предприятий ТЭК стала технологическая модернизация нефтеперерабатывающих и газоперерабатывающих заводов с целью увеличения выпуска высококачественных светлых нефтепродуктов, новых видов газохимической продукции, конкурентоспособных на мировых рынках. Модернизация перерабатывающих заводов должно соответствовать и совершенствование процессов добычи топливно-энергетических ресурсов, что непосредственно касается дальнейшего развития арктических и северных регионов. Напомним, что на Крайнем Севере и в местностях добываются 94 % природного газа, 75 % нефти и 11 % угля (2019 г.).

Изменился и смысл энергетической проблематики. С объемных (количественных) она, в соответствии с курсом на формирование зеленой экономики, все в большей мере переключается на качественные и струк-

турные показатели, с информации о запасах – на информацию о вероятных затратах на добычу [21].

Надо учесть, прежде всего, неизбежность перехода добычи углеводородов на преимущественно средние и малые месторождения. В хорошо изученных нефтегазоносных провинциях Европейского Севера и Западной Сибири на одно крупное приходится 50 и более малых и средних месторождений нефти и газа. Необходима организация согласованной деятельности крупных, средних и малых компаний по добыче углеводородов на основе единой инфраструктуры и без нарушений со стороны ведущих компаний антимонопольного законодательства. Кроме того, чтобы продлить эксплуатационный срок освоенных месторождений и провинций, необходимо существенно увеличить показатель отдачи пластов – с 30 до 40–50 %. Но и при таких условиях (по «чисто экономическим» причинам, включая инвестиционные ограничения) рост добычи нефти и газа на разрабатываемых материковых площадях оказывается предпочтительнее широкомасштабного перехода в зону шельфа арктических морей. Западные компании, добывающие нефть на шельфе северных морей, отмечают трудности, прежде всего, технологического характера [22, 23].

Если же учесть вопросы национальной безопасности, то нельзя не заметить, что и они тесно связаны с внутренними факторами устойчивого развития национальной экономики. Это объясняется крайне нестабильным внешним рынком, часто возникающими форс-мажорными обстоятельствами мировой политики [24–27] и климатическими колебаниями [28–31].

Неслучайно выдвигается гипотеза перепрофилирования экономики арктических акваторий с приоритетами не добычи углеводородов, а транспортного (СМП), биоресурсного и научно-исследовательского развития [32, 33]. Такая позиция соответствует общим приоритетам развития мировой Арктики:

- экологически ответственный туризм;
- естественно-научные исследования;
- природоохранные мероприятия, требующие невозвратных инвестиций [34].

Кроме того, такая позиция фиксируется даже изданиями военного профиля [35–39].

Для иллюстрации негативных последствий от непредвиденных обстоятельств (COVID-19) и ожидаемых колебаний мировых цен на энергетические ресурсы на рисунке показаны различия в динамике их экспорта из России за 2019 и 2020 г. относительно 2018 г. в натуральном и стоимостном выражении. По нефти и газу такое различие составляет 1,6 раза, по углю – 1,4, нефтепродуктам – 1,3 раза. Это отражает

меру снижения уровня доходности экспорта ТЭР в условиях стабильности внутреннего рынка.

Арктика и некоторые другие территории Севера находятся под влиянием угасания здесь угольной промышленности. Возможности эффективной и экологически допустимой угольной генерации пока не принимаются во внимание должным образом. Происходит ускоренная замена на тепловых электростанциях угля газом, что в корне меняет состояние таких арктических городов, как Инта и Воркута [40]. Они оказались в зоне риска – плановой ликвидации шахт в увязке с мерами социальной защиты высвобождаемых работников ⁴⁸.

Горнорудная промышленность. В данной отрасли хозяйства особенно четко проявляется важнейший «принцип северной экономики»: в труднодоступных местах с экстремальным и сложным климатом добыча полезных ископаемых организуется с учетом балансов производства и потребления не всех видов минерального сырья, а только дефицитных, например, золота, алмазов, редкоземельных металлов, никеля, меди, титана.

В настоящее время предпринимаются усилия по разработке новых, экологически приемлемых, геотехнологий. Они могут существенно повысить эффективность освоения не столько крупных, сколько средних и малых месторождений северных регионов, однако их подготовка требует значительного времени. Более быстрая динамика развития горнорудной промышленности связана с использованием новых потребительских свойств и качеств природных материалов и композитов, производство которых в кооперации с соответствующими предприятиями центральных и южных регионов может занять место особой отрасли промышленности России.

Биоресурсная экономика. Здесь главным направлением становится широкое развертывание сети предприятий деревообработки, деревянно-домостроения и малой лесохимии с выпуском товарной продукции медицинского, сельскохозяйственного и бытового назначения. Межрегиональное и экспортное значение приобретают переработка ресурсов оленеводства и экологически чистого земледелия, сбор и переработка грибов и ягод, развития рыболовства и охоты. Заметим, что использование биотехнологий связано не только с развитием экономики самих арктических и северных территорий, но и с оптимизацией северного завоза продуктов питания из других регионов страны [41].

Экономические связи по линии «Юг – Север»

Встречное направление производственно-экономических и торговых связей (по линии «Юг – Север») также требует целенаправленной организации. Прежде всего это относится к научно-технической сфере.

⁴⁸ Так сказано в Стратегии – 2025.

В Стратегии–2035 одной из важных задач национальной экономики считается разработка и внедрение технологий, имеющих критически важное значение для освоения Арктики.

Кооперация в системе НИОКР. Северные регионы имеют низкий инновационный потенциал. Для его повышения следует основательно поработать в направлении создания высокотехнологичных рабочих мест, подготовки грамотных и инициативных инженеров, укрепления связи между наукой, образованием и производством. Это общая линия социально-экономической и научно-технической интеграции. Следует, прежде всего, скоординировать проведение НИР, имея в виду, что в Российской Федерации научные исследования по арктической тематике ведут более 500 организаций, расположенных в 50 ее регионах. Важнейшая задача – устранение технологических разрывов в общей системе НИОКР, ориентированной на решение арктических проблем.

Дальнейшее формирование научной и научно-технической тематики «под Арктику» желательно проводить как в рамках отдельных наук, исходя из их собственной логики развития, так и в рамках междисциплинарных исследовательских проектов, но в том и в другом случае – с обязательным включением методик оценивания влияния природно-климатических условий на изучаемые объекты и процессы. При этом следовало бы так учитывать и оценивать конкретные арктические и северные условия (климатический дискомфорт (он возрастает), недостаток ультрафиолета, активное таяние многолетнемерзлых грунтов, заболачивание, существенные изменения в характеристиках ледовой обстановки, рост геомагнитной активности, снижение потенциалов восстановления биоценозов тундры и тайги), чтобы именно они повлияли на постановку совершенно новых (поисковых) тем, обогащающих содержание той или иной отрасли знаний и служащих ориентирами технологического развития. Природная специфика северных широт предопределяет сам характер поддержки арктических проектов, в первую очередь, в области социальных, градостроительных и морских технологий [42–46].

Производственно-экономические связи. Содержание Базового каталога высокотехнологичной промышленной продукции и услуг для нужд АЗРФ отражено в табл. 3, данные которой показывают меру участия в удовлетворении потребностей Арктики различных отраслей машиностроения и некоторых других производств обрабатывающей промышленности в разрезе федеральных округов РФ. Здесь несколько занижены позиции Северо-Запада и Дальнего Востока, поскольку продукция арктического (большого) судостроения в этот каталог не включена. Показателен и факт быстрой реакции отдельных предприятий и регионов на арктическую конъюнктуру. Арктический заказ становится существенным стимулом развития национальной экономики.

Таблица 3

Количество проектов высокотехнологичной промышленной продукции и услуг для нужд АЗРФ, ед. (по данным Базового каталога Минпромторга РФ, 2017 г.)

Продукция и услуги	Федеральные округа РФ								Итого
	Уральский	Центральный	Поволжский	Сибирский	Северо-Западный	Дальневосточный	Южный	Северо-Кавказский	
Транспортные средства	13	11	12	9	8	5	2	1	61
Строительная дорожная и специальная техника	20	24	14	7	3	2	1	-	71
Энергетическое и электротехническое оборудование	33	47	29	16	5	5	6	7	148
Средства связи	3	6	4	3	3	1	3	3	26
Системы и аппаратура контроля, управления, испытаний и диагностики	13	19	5	10	7	5	1	1	61
Оборудование для добывающей промышленности	73	22	22	14	20	2	4	2	159
Специальные и конструкторские материалы	29	34	16	8	9	1	2	2	101
Иная сопутствующая продукция и услуги	8	12	4	3	10	1	2	-	40
Итого	192	175	106	70	65	22	21	16	667

Среди проектов Базового каталога мы обратили внимание на блок-модуль высокой заводской готовности для возведения уникальных арктических баз. Изготовитель ООО «Опытный завод строительных конструкций» в г. Гатчина Ленинградской области. Если принять во внимание высокий уровень износа зданий и сооружений в поселениях АЗРФ и их деформацию под влиянием таяния мерзлоты, то можно понять, что подобные блок-модули, безусловно, являются альтернативой традиционной застройке. К тому же прослеживается общая тенденция возрастания значения вахтового метода освоения арктических природных ресурсов. Даже при строительстве такого крупного объекта, как порт Сабитга на полуострове Ямал, где занято более 30 тыс. работающих, используется в основном вахта. Этот метод связан не только с освоением месторождений полезных ископаемых, но и с обеспечением общих условий для комфортной жизни в условиях экстремального климата [47].

Межрегиональное сотрудничество

Кроме укрепления производственно-экономических связей в рамках фирменных стратегий интеграция социально-экономического пространства России может развиваться по ряду других перспективных

направлений, в том числе по линии формирования экономических и социальных связей между смежными регионами и муниципальными образованиями.

Самым ярким примером координации усилий по совместному формированию инвестиционных ресурсов является комплексный проект «Енисейская Сибирь», который включает 32 проекта на сумму 1,9 трлн руб. Его сформировали правительства Красноярского края, республик Тыва и Хакассия⁴⁹. Но большая часть примеров развития социально-экономических связей между соседними регионами и муниципальными образованиями относится к средним и малым проектам в части создания общей линейной инфраструктуры, решения проблем рационального природопользования и охраны окружающей среды и других задач регионального и местного значения, что позволяет «сшить» пространство через систему межрайонных, опорных и локальных центров [48, с. 25]. Неслучайно региональные правительства стали проявлять инициативу в разработке и реализации проектов указанного назначения и просить федеральные власти поддержать данное начинание финансовыми ресурсами. То же наблюдается, например, в Китае, где компоновка муниципальных образований (уездов и волостей) стала непременным элементом управляемой пространственной интеграции [49]. В определенной мере здесь проявляется «философия сотрудничества» в том виде, в котором В.М. Полтерович противопоставлял его конкуренции [50].

Территориальное сотрудничество многообразно. Отметим три направления взаимодействия, актуальных в северных условиях.

Рациональное природопользование и охрана окружающей среды.

В последние годы особенно острой стала проблема оптимизации поголовья северных оленей в связи с угрозой снижения потенциала естественного воспроизводства мхов и лишайников как их кормовой базы. Под совместный контроль берутся прогонные трассы и пограничные оленьи пастбища.

Оживление сотрудничества заметно в деле реанимации речного хозяйства (организация дноуглубительных работ, укрепление берегов, регулирование норм рыболовства).

Методика лесоустройства в пограничных таежных территориях предполагает согласование интересов каждого региона и муниципального образования, а также широкого круга предприятий лесной промышленности. Создается система особо охраняемых территорий на водоразделах. На Севере административно-территориальные границы проведены, как правило, по водоразделам.

Замечательным примером совместной деятельности является борьба северян против строительства полигона для свалки московского мусора

⁴⁹ Енисейская Сибирь. Возможности и перспективы. – URL: <https://plus.rbc.ru/partners/5fd-89fca7a8aa97b9ecf68ea>

возле станции Шиес на границе Архангельской области и Республики Коми.

Развитие сетевой инфраструктуры. В России приоритетными являются автомобильные дороги федерального значения; региональные и местное дорожное строительство – пожалуй, самое узкое место в организации социально-экономического пространства. Особенно это заметно на стыках границ регионов и муниципальных образований, в глубинке и медвежьих углах. Задача вывода на траекторию ускоренного и устойчивого развития глубинные и окраинные территории решается крайне медленно. Местные и региональные власти стремятся исправить сложившуюся ситуацию, но у них нет достаточных для этого финансовых ресурсов. Если и удастся что-то сделать, то, как правило, благодаря территориальной кооперации.

Северные регионы отстают от других в части газификации. Почти весь объем газа проходит транзитом по магистральным газопроводам. Отставание в строительстве газораспределительных сетей, в отличие от дорожного хозяйства, связано не с финансовой недостаточностью, а с особенностями расселения населения. Провести в дальние мелкие сельские поселения стандартные газовые трубы практически можно, но бесполезно из-за малого объема потребления и, соответственно, низкого давления в трубах. В такой ситуации муниципалитеты должны договариваться о местах оптимального размещения станций по сжижению газа и развозу его в баллонах. Однако и в данном вопросе приходится учитывать состояние дорожной сети.

Изучение пространственной организации энергетики Европейского Севера России показало, что вопросы строительства электроэнергетических сетей разного напряжения надо рассматривать одновременно на межрегиональном и межмуниципальном уровнях с учетом размещения генерирующих мощностей. Так, удалось сформировать единую электроэнергетическую сеть Мурманской области и Республики Карелия, также формируется сеть линий электропередач в Двино-Печорском регионе (Архангельская и Вологодская области, Республика Коми и Ненецкий автономный округ) [51].

Формирование межрегиональных балансов производства и потребления продукции промышленности строительных материалов и сельского хозяйства. Рынок строительных материалов на Севере организован плохо; данный недостаток в самой строительной индустрии перекрывается высокими ценами на жилье и новыми производственными объектами. Цены таковы, что кирпич, оказывается, можно завозить в Сыктывкар кружным путем из Пермской, Свердловской и еще более дальних областей. Вместе с тем, Республика Коми, Архангельская, Вологодская и Кировская области могли бы договориться о совместном производстве различных видов кирпича, строительных конструкций и материалов в соответствии с потребностями каждого региона.

Аналогичное согласование выгодно и в сельском хозяйстве. Республика Коми способна существенно увеличить производство продукции органического земледелия, но при условии оптимального распределения пашни под различные культуры не только в самой республике, но и в соседних районах Архангельской, Вологодской и Кировской областей.

Итак, межрегиональные и межмуниципальные отношения соответствуют кластерному принципу организации экономического пространства России [52], но все же на основе не конкуренции, а сотрудничества. Стремление обосновать наличие «конкурентного сотрудничества» основывается, по-видимому, на том сомнительном предположении, что регионы и муниципальные образования погружены в рыночную экономику так же, как и предприятия. Даже в том случае (анализ которого выполнен В.Ю. Маловым и О.В. Тарасовой), когда идет «борьба за прописку» предполагаемого к строительству газоперерабатывающего комбината, целесообразнее «отказаться от конкуренции за данный объект, договорившись о выработке согласованной стратегии в отношении ГПК, и максимально использовать потенциальный доход от компании в свою пользу» [53, с. 57]. Разнообразии форм экономической координации в обход конкуренции свойственно и АЗРФ [54]. Реальность такова, что многие виды социальной и экономической деятельности, особенно в регионах с экстремальными природными условиями, оказываются за рамками рыночных и любых других конкурентных отношений.

Арктика и Север в контексте экономического районирования России

Определенные достижения в части пространственной тематики зафиксированы новым экономическим районированием самой Арктики [55]. Но не менее важное значение имеет положение северо-арктических территорий в общем экономическом районировании. Дело в том, что отдельные арктические и другие северные территории являются частью социально-экономических систем только в границах соответствующих областей, краев и республик, а также крупных экономических районов. Полагаем, что к принципам пространственной организации хозяйства на районной основе, сформулированным в Плане ГОЭЛРО (1920 г.), и к самому генеральному районированию страны, с учетом новых политических и экономических условий, необходимо вернуться. Напомним, речь шла о хозяйственно самостоятельных (но не замкнутых) районах как опорных базах для создания высших форм организации общественного труда; такие районы должны иметь внутреннее единство, обусловленное не отдельными аспектами жизни людей, а всей совокупностью факторов и условий жизнедеятельности.

В Стратегии–2025 роль ключевого звена отводится крупнейшим (с численностью населения более миллиона чел.) и крупным (500–1000 тыс. чел.) городским агломерациям. Критика такой позиции связана с угрозами чрезмерной точечной концентрации экономической деятельности, экологической перегрузкой городских агломераций, нарушению

ем связи между большими, средними и малыми поселениями и «оголением» больших периферийных территорий. Критические замечания были частично учтены в редакции Стратегии, выполненной в 2019 г., с выделением для пространственного планирования 12 макрорегионов. Восемь из них (Центральный, Центральнo-Черноземный, Северо-Кавказский, Поволжский, Уральский, Волго-Вятский, Западно-Сибирский и Калининградский) имеют давнюю историю своего развития и соответствуют современным задачам пространственной организации производительных сил; границы и состав других четырех (Восточно-Сибирского, Дальневосточного, Северного и Северо-Западного) требуют уточнения в связи с научно обоснованной принадлежностью Республики Саха (Якутия), Республики Бурятия и Забайкальского края к Восточной Сибири, отсутствием у Северного экономического района соответствующего организующего центра.

Новое экономическое районирование России требует научной подготовки, более основательной, чем разработка указанных выше фундаментальных программ пространственного развития. Это объясняется высоким значением районного метода организации общества и его производительных сил. Один из ориентиров его проведения – возможность совмещения границ крупных экономических районов и федеральных округов при условии расширения правового статуса последних (не только представительство Президента РФ с функциями надзора, но и более широкие полномочия, в том числе в сфере стратегического социально-экономического и градостроительного планирования).

Автор сделал попытку доказать целесообразность такого совмещения, ссылаясь на пример Северо-Запада России, и пришел к выводу, что существующий Северо-Западный федеральный округ соответствует принципам и задачам генерального экономического районирования, ориентированного на технологическую кооперацию, межрегиональные экономические, социальные и культурные связи. Важным признаком его единства является организующая роль Санкт-Петербурга и тяготеющей к нему экономическое пространство, включая западный сектор Арктики России [56]. Здесь виден положительный пример соединения территорий с различными природно-экономическими характеристиками в единое социально-экономическое пространство с крупным организующим центром во главе.

Заключение

Необходимость перехода к новой модели пространственного развития России предполагает уяснение результатов значительного блока научно-исследовательских работ по данной тематике. С практической точки зрения особого внимания заслуживает проблема повышения производительности общественного труда за счет рационального размещения производительных сил, организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества. В решении задачи повышения

эффективности национальной экономики путем ее рациональной пространственной организации существенную роль играют арктические и другие северные территории. Сопряжение проблематики пространственного развития и его северо-арктического вектора достаточно четко фиксирует приоритет использования природных ресурсов Арктики и Севера в обрабатывающей промышленности России, что укрепляет ее внутренний рынок и снижает чрезмерную зависимость от конъюнктуры внешних рынков и политических спекуляций. Организация научно-технических и производственно-экономических связей между северными, центральными и южными регионами РФ сопряжена с дополнительными затратами на строительство дорог меридионального направления, восстановление судоходства, модернизацию добывающей и обрабатывающей промышленности, но в совокупности они могут дать эффект, превышающий доходы от экспорта нефти и минерального сырья.

Задача пространственной интеграции является общей для федерального и региональных правительств и муниципалитетов. На первых порах заметную пользу принесет развитие отношений между регионами-соседями и смежными низовыми районами. Предмет такого рода отношений – рациональное природопользование и охрана окружающей среды, сетевая инфраструктура, оптимизация балансов производства и потребления строительных материалов и продукции сельского хозяйства, согласованное развитие «глубинки» и др.

Более масштабное стратегическое направление – генеральное экономическое районирование и оформление новых крупных экономических районов в виде федеральных округов.

Литература

1. Christaller, W. The central places in Southern Germany, Englewood Cliffs / W. Christaller. – New York: Prentice-Hall, 1966. – 230 p.
2. Леш, А. Пространственная организация хозяйства / А. Леш. – Москва: Наука, 2007. – 664 с.
3. Kuby, M.A. Location-Allocation Model of Losch's Central Place Theory: Testing on a Uniform Lattice Network / M.A. Kuby // *Geographical Analysis*. – 1989. – Vol. 21(4). – P. 316–337.
4. Palermo, P.C. The Quality in Spatial Development / P.C. Palermo, D. Ponzini // *Spatial Planning and Urban Development. Urban and Landscape Perspectives*. – 2010. – Vol. 10. – 246 p. – P. 163–174. DOI: 10.1007/978-90-481-8870-3_25
5. Werlen, B. *Society, Action, and Space: An Alternative Human Geography, with a preface by Anthony Giddens* / B. Werlen. – London: Routledge, 1993. – 249 p.
6. *Spatial Planning Systems and Practices in Europe: A Comparative Perspective on Continuity and Changes* / M. Reimer, P. Getimis, H. Blotvogel eds. – New York: Routledge, 2014. – 310 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315852577>.

7. Martin, P. The Geography of Inequalities in Europe / P. Martin // *Swedish Economic Policy Review*. – 2005. – No. 12. – P. 83–108.
8. Чистобаев, А.И. Опыт пространственного планирования в Европейском союзе и возможности его использования в России / А.И. Чистобаев, С.И. Федулова // *Балтийский регион*. – 2018. – Т. 10, № 2. – С. 86–99.
9. Родоман, Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии / Б.Б. Родоман. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
10. Трейвиш, А.И. Пространство и развитие России. Полимасштабный анализ / А.И. Трейвиш, С.С. Артоболевский, П.Я. Бакланов // *Вестник Российской академии наук*. – 2009. – Т. 79, № 2. – С. 101–112.
11. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации. Междисциплинарный синтез. – Москва: Медиа-Пресс, 2013. – 664 с.
12. Лапин, Н.И. Фундаментальные ценности цивилизованного выбора в XXI столетии. Ч. 2. Аксиологические предпосылки цивилизованного выбора России / Н.И. Лапин // *Вопросы философии*. – 2015. – № 6. – С. 3–17.
13. Доманьски, Р. Экономическая география. Динамический аспект / Р. Доманьски; пер. с пол. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 376 с.
14. Лаврикова, Ю.Г. Оптимальная пространственная организация экономики региона. Поиск параметров и зависимостей / Ю.Г. Лаврикова, А.В. Суворова // *Экономика региона*. – 2020. – Т. 16, вып. 4. – С. 1017–1030. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-1>.
15. Гранберг, А.Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики. Эволюция подходов / А.Г. Гранберг // *Регион. Экономика и социология*. – 2007. – № 1. – С. 87–106.
16. Стратегии пространственного развития в Российской Федерации. Географические ресурсы и ограничения / С.С. Артоболевский, В.Л. Бабурин, П.Я. Бакланов, Н.С. Касимов, В.А. Колосов [и др.] // *Известия Российской академии наук. Серия Географическая*. – 2009. – № 3. – С. 8–17.
17. Минакир, П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики / П.А. Минакир // *Экономика региона*. – 2019. – Т. 15, вып. 4. – С. 967–980. DOI: <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>
18. Швецов, А.Н. Становление новой организации экономического пространства России. Опыт государственного регулирования и научных исследований пространственных преобразований / А.Н. Швецов. – Москва: ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.
19. Лукин, Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире / Ю.Ф. Лукин. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. – 281 с.
20. Траектория проектов в высоких широтах / под ред. Ю.В. Неёлова и др. – Новосибирск: Наука, 2011. – 440 с.

21. The Economy of the North. Solveig Glomsrod and Iulie Aslaksen (eds.) // Statistics Norway, December 2006, 99 p. – URL: https://www.ssb.no/a/english/publikasjoner/pdf/sa84_en/sa84_en.pdf/ (accessed: 02.04.2021).
22. NTNU Strategy for Oil and Gas // BRU21 – Better Resource Utilization in the 21st Century, Trondheim: Norwegian University of Science and Technology, 2017. – URL: [https://www.ntnu.edu/documents/1281387914/1281513667/BRU21+2017+NTNU+\(Print\).pdf/4fc78ce5-2987-4f17-8695-67aec203f266](https://www.ntnu.edu/documents/1281387914/1281513667/BRU21+2017+NTNU+(Print).pdf/4fc78ce5-2987-4f17-8695-67aec203f266) (accessed: 02.04.2021).
23. Henderson J., Loe J. S. P. The prospects and challenges for Arctic oil development // The Oxford Institute for Energy Studies. 2014. Nov. 60 p.
24. Кулешов, В.В. Экономические аспекты развития Российского Севера и Арктики в контексте глобальной нестабильности, рисков и угроз / В.В. Кулешов, В.Е. Селиверстов // Россия в XXI веке. Глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады: мат-лы второго Междунар. форума (Москва, 12–13 ноября 2013 г.) / под ред. акад. Н.Я. Петракова. – Москва: ЦЭМИ РАН, 2013. – С. 18–23.
25. Экономика современной Арктики. В основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками / под науч. ред. В.А. Крюкова, Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак. – Апатиты: ФИЦ Кольский НЦ РАН, 2020. – 245 с.
26. Young, O.R. Whither the Arctic? Conflict or cooperation in the circumpolar north / O.R. Young // Polar record. – 2009. – Vol. 45, No. 1. – P. 73–82.
27. Mayfield M.R. E. Conflict or Cooperation: How Climate Change is Transforming Geopolitics in the Arctic: dissertation. Oxford: The University of Mississippi, 2019. 60 p.
28. Zamyatina N., Goncharov R. The Arctic Urbanization: How to Get Resilience in a Condition of Permanent Disaster? The 57th Congress of the European Regional Science Association: Social Progress for Resilient regions. Groningen, 2017. 16 p.
29. Sustaining Russia's Arctic Cities. Resource Politics, Migration and Climate Change / Ed. by Robert W. Ortung. New York: Berghahn Books, 2016. 254 p.
30. Shiklomanov N.I., Streletskiy D.A., Grebenets V.I., Suter L. Conquering the permafrost: Urban infrastructure development in Norilsk, Russia, Polar Geography, 2017. Vol. 40 (4). P. 273-290.
31. Suter L., Streletskiy D., Shiklomanov N. Assessment of the cost of climate change impacts on critical infrastructure in the circumpolar Arctic, Polar Geography, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1080/1088937X.2019.1686082>.
32. Einarsson N., Larsen J. N., Nilsson A., Young O. R. (eds.) Arctic Human Development Report. Stefanson Arctic Institute, under auspices of the Icelandic Chairmanship of the Arctic Council (2002-2004). 42(4). P. 267-286.

33. Arctic Human Development Report Published by Stefansson Arctic Institute, under the auspices of the Icelandic Chairmanship of the Arctic Council 2002-2004. URL: https://pame.is/mema/MEMAdatabase/349_Arctic%20Human%20Development%20Report.pdf (accessed: 17.03.2021).
34. Цветков, В.А. Стратегическое развитие арктического региона в условиях больших вызовов и угроз / В.А. Цветков, М.Н. Дудин, А.А. Юрьева // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, вып. 3. – С. 681–695. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-1>
35. National Strategy for the Arctic Region. May 2013. – URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (date of accessed: 05.04.2021).
36. Howard M. Coast Guard Discusses Developing Arctic Role // Marine-Link. 2019. April 29. – URL <https://www.marinelink.com/news/coast-guard-discusses-developing-arctic-465587> (date of accessed: 17.03.2021).
37. Arctic Strategic Outlook // United States Coast Guard. U.S. Coast Guard Headquarters, Washington, D.C. – URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/navy/uscg-arctic_strategic_outlook_20190422.pdf (date of accessed: 17.03.2021).
38. The Economy of the North / Glomsrod S., Duhaime G., Aslaksen I. ed. Oslo-Kongsvinger, 2015. – URL: https://www.chaireconditionautochtone.fss.ulaval.ca/documents/pdf_ECONOR-III-publication-Stat-Norway.pdf (date of accessed: 05.04.2021).
39. Arctic Monitoring and Assessment Programme (AMAP). Oslo, 2017. 280 p.
40. Pilkington H. Vorkuta is the capital of the world: people, place and the everyday production of the local // The Sociological Review. 2012. Vol. 60, No. 2. P. 267-291. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2012.02073.x>.
41. Зворыкина, Ю.В. Особенности внедрения биотехнологий и оптимизации северного завоза для обеспечения продуктами питания в Арктике / Ю.В. Зворыкина, Е.И. Зворыкина // Российская Арктика. – 2018. – № 3. – С. 4–23.
42. Sustaining Russia's Arctic Cities. Resource Politics, Migration and Climate Change / Ed. by Robert W. Orttung. New York: Berghahn Books, 2016. 254 p.
43. Lobo J., Smole D. Stratification, and spatial segregation of human capital as determinants of metropolitan productivity in the United States // Urban Studies. 2002. No. 39. P. 529-547.
44. Jong-Deog K., Sung-Woo L. Maritime Challenges and New Opportunities in the Arctic // The VII International Meeting of State-Members of the Arctic Council, State-Observers to the Arctic Council and Foreign Scientific Community, August 30, 2017, Korea Maritime Institute Republic of Korea.

45. Proceedings from the First International Conference on Urbanization in the Arctic. Conference 28-30 August 2012 Ilmimarfik, Nuuk, Greenland (2013). Klaus Georg Hansen, Rasmus Ole Rasmussen and Ryan Weber ed. // Nordregio working paper, Stockholm, Nordregio. 2017. Vol. 6. 218 p.
46. Parente G., Shiklomanov N., Streletskiy D. Living in the New North: Migration to and from Russian Arctic Cities, FOCUS on Geography, 2012, 55(3). P. 77-89.
47. Логинов, В.Г. Методический подход к оценке комфортности проживания населения в границах северных территорий / В.Г. Логинов, М.Н. Игнатьева, В.В. Балашенко // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 4. – С. 1399–1410. DOI: <https://doi.org/10.17059/2018-4-26>.
48. Дмитриева, Т.Е. Методологический контекст пространственного развития северного региона / Т.Е. Дмитриева // Экономика Северо-Запада. Проблемы и перспективы развития. – 2009. – № 1. – С. 22–29.
49. Evaluating spatial service and layout efficiency of municipal Wi-Fi facilities for Smart City planning: A case study of Wuhan city, China / Tang X., Tan Z., Hu S., Geng H. // Socio-Economic Planning Sciences. 2019. Vol. 65. P. 101-110. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.seps.2018.03.001>.
50. Полтерович, В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества / В.М. Полтерович // Общественные науки и современность. – 2015. – № 4. – С. 41–64.
51. Чайка, Л.В. Пространственные аспекты развития электроэнергетики Европейского Севера России / Л.В. Чайка // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1 (25). – С. 84–97.
52. Татаркин, А.И. Развитие экономического пространства регионов Российской Федерации на основе кластерных принципов / А.И. Татаркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 3(21). – С. 28–36.
53. Малов, В.Ю. Север против Юга: ресурсы наши – прибыль ваша? / В.Ю. Малов, О.В. Тарасова // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2012: мат-лы третьего Всероссийского семинара. Сыктывкар, 28–30 июня 2012 г.: в 2-х ч. – Сыктывкар, 2012. – Ч. 1. – С. 49–57.
54. Крюков, В.А. Экономика Арктики. В основе интеграция усилий различных участников процесса хозяйственной деятельности / В.А. Крюков, Я.В. Крюков // Экономика современной Арктики. В основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками / под науч. ред. В.А. Крюкова, Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак. – Апатиты: ФИЦ Кольский НЦ РАН, 2020. – С. 8–19.
55. Селин, В.С. Российская Арктика: география, экономика, районирование / В.С. Селин, В.В. Васильев, Л.Н. Широкова. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2011. – 203 с.

56. Лаженцев, В.Н. Север и интеграция социально-экономического пространства. На примере Северо-Запада России / В.Н. Лаженцев // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 3. – С. 48–56. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700720030107>.

Север и интеграция социально-экономического пространства (пример Северо-Запада России)⁵⁰

Рассмотрены некоторые вопросы пространственного развития России: возвращение в систему государственного управления крупных экономических районов и совмещение их статуса с функциями федеральных округов; выделение субрегионов – объединений смежных областей (краев, республик и автономных округов) – в качестве новых единиц территориального планирования; производственно-технологическая и социально-экономическая интеграция регионов Арктики и Севера с южными соседями.

V.N. Lazhentsev. The North and the Integration of the Socio-Economic Space (on the Example of the North-West of Russia)

Abstract. Some issues of the spatial development of Russia are considered: the return of large economic regions to the system of state administration and the combination of their status with the functions of federal districts; allocation of subregions - associations of adjacent regions (krais, republics and autonomous regions) - as new units of territorial planning; production-technological and socio-economic integration of the regions of the Arctic and the North with their southern neighbors.

Пространственная тематика научных исследований в принципе должна базироваться на «собственной» теории, но в современных публикациях и официальных документах данное условие учитывается весьма редко. Зачастую традиционный аналитический материал перелицовывается под «пространство» в силу возникшей в последние годы его популярности. Чтобы устранить такого рода несоответствие, по-видимому, необходимо специфику социально-экономического пространства использовать в решении конкретных задач размещения производительных сил и их территориальной организации. Одной из таких задач является интеграция регионов посредством формирования территориально-хозяйственных систем, как имеющих административное оформление, так и лежащих поверх административно-территориальных границ. На примере Северо-Запада России попытаемся показать теоретические и практические предпосылки совмещения экономического и федерально-окружного районирования, а также целесообразность выделения субрегионов – альянсов смежных регионов (субъектов РФ) в качестве операционных единиц государственного управления.

⁵⁰ Лажентцев, В.Н. Север и интеграция социально-экономического пространства (на примере Северо-Запада России) / В.Н. Лажентцев // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 3. – С.48–56. DOI: [10.1134/S1075700720030107](https://doi.org/10.1134/S1075700720030107)

Базовые понятия. На основе многочисленных дефиниций «вокруг пространства»⁵¹ сформулируем главные:

- *социально-экономическое пространство* – система географических координат деятельности того или иного субъекта (какая деятельность, такое и пространство);

- *пространственное развитие* – расширение или сжатие, уплотнение, изменение конфигурации той или иной общественной системы с новой комбинацией ее свойств, пропорций и диспропорций;

- *показатели социально-экономического пространства* – плотность, разобщенность, сопряженность, проницаемость, экономические метрики расстояний с нанесением на карту изохрон (времени в пути) и изокост (затрат на преодоление пространства) и других параметров экономико-географической динамики;

- *интеграция социально-экономического пространства* – управляемая кооперация деятельности ряда субъектов в системе координат, заданных их общими интересами и потребностями.

Указанные теоретические понятия в классической экономической географии начали применяться давно, а потому справедливо считается, что выход за их рамки оставляет само пространственное развитие без специфического предметного содержания. Фактически нередко так и происходит, но при этом роль пространства чрезмерно утрируется. На самом деле, пространство и время – это условия проявления жизни, но не сама жизнь⁵².

Практика хозяйственной деятельности воспринимает пространство как бы интуитивно, но достаточно конкретно, например, в уяснении экономико-географического положения относительно поставщиков и потребителей, в учете транспортных тарифов, расчете страховых запасов и нормативов оборотных средств, в кредитовании по обороту и т. п.

Практика государственного и муниципального управления принимает пространство в качестве условия организации услуг общего предназначения, например, в части сетевых структур здравоохранения, образования, бытового обслуживания, систем транспорта и связи.

Потребность же в теории пространственного развития (с использованием вышеуказанных дефиниций) возникает, когда осознана необходимость системной увязки вопросов текущей хозяйственной и социальной деятельности, с прогнозом прогрессивных изменений в размещении производительных сил, расселении населения, в освоении территорий и природных ресурсов, сохранении и обустройстве среды жизнедеятельности.

⁵¹ Сформулировано на основе научных концепций Э.Б. Алаева [1], В. Верлена [2], А.Г. Гранберга [3], Т.Е. Дмитриевой [4], П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко [5; 6], С.А. Тархова [7], А.М. Трофимова, А.И. Чистобаева и М.Д. Шарыгина [8], А.Н. Швецова [9].

⁵² Эту тему применительно к хозяйству весьма основательно рассматривал философ-теолог С.Н. Булгаков [10].

Актуальность. Пространственная организация производительных сил России, начиная с Плана ГОЭЛРО, является одной из важнейших задач науки и социально-экономической политики. Ее актуализация в настоящее время связана с определенными обстоятельствами.

Вначале отметим влияние западной «новой географии», которая все в большей мере стала рассматривать социально-экономические процессы в пространствах, заданных самой природой данных процессов. Лауреат Нобелевской премии Пол Кругман (США) показал⁵³, что в условиях несовершенной конкуренции эффект вложенных в экономику ресурсов возрастает в большей мере за счет усиления пространственного взаимодействия различных видов деятельности. И многие другие исследователи отмечают первостепенное значение новых форм проявления пространственно-временных отношений: высокую мобильность людей, факторов производства и структур управления; большие скорости передвижения; моментальную передачу информации; расширение круга сопряжения между распорядительными центрами.

Расширение предметного содержания региональной экономики благодаря тематике пространственной интеграции своевременно оценил академик А. Г. Гранберг, организовав в Российской академии наук междисциплинарное исследование по направлению «фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации» (2009 г.) [12].

Другое, более существенное обстоятельство – *вызовы и угрозы пространственной целостности России:*

- чрезмерный крен в сторону экспорта топливно-энергетических и сырьевых ресурсов затрудняет восстановление единства технологического и экономического пространства России;

- диспропорции между размещением объектов национальной экономики и исторически сформированным расселением людей дезинтегрируют не только рыночное, но и все социально-экономическое пространство нашей страны;

- экономический разрыв между городом и деревней нарушает целостность региональных систем «центр – периферия» и оголяет сельскую местность;

- чрезмерная концентрация экономических и интеллектуальных ресурсов в Москве и других крупных мегаполисах и центрах в ущерб периферии делает многие регионы и большую часть муниципальных образований беспомощными в управлении собственным развитием.

Север и пространственная интеграция. Северные и арктические территории были и всегда будут частью больших меридиональных геоструктур «Север – Юг». Именно в их границах приходится решать наиболее важные для страны научно-технические и социально-экономические проблемы, адресованные как федеральным, так и региональным

⁵³ Обзор трудов П. Кругмана. – URL: <https://inosmi.ru/world/20140530/220679185.html>. См. также: статью А. Н. Пилясова [11].

органам управления. Это значит, что региональная политика должна включать не только отношения «Федерация – субъект Федерации», но и межрегиональную интеграцию. Только *широкомасштабное введение природно-сырьевых ресурсов Арктики и Севера в технологическую кооперацию отечественных предприятий обрабатывающей промышленности позволит сохранить целостность внутрироссийского рынка и получить экономическую выгоду в размерах больших, чем от экспорта топлива и сырья*. Меридиональная интеграция касается не только добывающих и перерабатывающих отраслей, но также науки, методов строительства на мерзлых грунтах, ведения северного промыслового, сельского и парникового хозяйства, вахтового освоения природных ресурсов, создания и эксплуатации зимних автодорог (зимников), разработки и освоения техники в северном исполнении, образцов зимней одежды и обуви и т.п. То, что изучается и создается специально для Арктики и Севера, затем не менее эффективно может использоваться в других местах. Особую позицию занимает межрегиональная миграция населения и подготовка для всего Севера квалифицированных кадров. Включение Севера и Арктики в пространственную интеграцию России обусловлено также формированием транспортной инфраструктуры в виде «решетки», т. е. пересечения широтных сухопутных дорог с крупными реками, текущими с юга на север.

Далее отметим – *конкретные территории севера являются частью конкретных крупных экономических районов (КЭР)*. Крупные районы до 2000 г. рассматривались в качестве опоры для реализации государственной политики в области размещения производительных сил и их территориальной организации. Но к началу 2000-х гг. сложилось ущербное положение КЭР, подмена их федеральными округами. Это позволило, как бы незаметно, исключить КЭР из статистики и региональной политики, а теперь и из стратегии пространственного развития РФ. Вместе с тем остается верным утверждение, что *только в границах правильно выделенных КЭР происходит наиболее полное согласование между производственно-технологической, природно-ресурсной, расселенческой и инфраструктурной подсистемами национальной экономики*. Данное положение касается как большой по территории России, так и средних, и малых стран. Б. Н. Зимин на примере некоторых стран Западной Европы указал на наличие межстрановых стандартных экономических районов, в границах которых такого рода согласование происходит наиболее эффективно [13]. Это говорит о том, что крупные экономические районы – организационные структуры управления не только социалистической плановой, но и рыночной экономикой, т. е. реальность, заданная самой сутью пространственного развития.

В Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН разработана методика определения *зон экономического тяготения к опорным центрам Арктической зоны РФ*, в которой за опорные приняты поселения пяти размеров: в 200, 100, 50,

25 и 5 тыс. чел. [14]. Если в качестве опорных взять только центры с численностью населения 100 тыс. чел. и более (как это принято в районной планировке), то в соответствии с данной методикой окажется, что в *реальном социально-экономическом пространстве не только Арктики, но и всего Крайнего Севера значительная часть территорий находится не в поле тяготения основных хозяйственных центров данных природно-экономических зон.* При дисперсно-очаговом размещении производства и населения, «усеченности» производственно-технологических циклов, использовании вахтового метода освоения природных ресурсов такое положение является естественным. Поэтому возникает необходимость приобщения северных территорий к более развитым территориям нашей страны, в первую очередь, в рамках регионов (субъектов Федерации) и крупных экономических районов.

Федеральные округа и крупные экономические районы. Интеграция социально-экономического пространства России будет осуществляться более успешно, если совместить границы и функции федеральных округов и крупных экономических районов. Такое совмещение предполагает:

- осуществление нового экономического районирования России в соответствии с закономерностями территориальной организации современного общества⁵⁴;
- расширение правового статуса федерального округа, который будет включать не только представительство Президента РФ с функциями надзора, но и более широкие полномочия, в том числе в сфере стратегического социально-экономического и градостроительного планирования⁵⁵;
- совмещение функций межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия и федеральных округов;
- введение в регламент работы представительств субъектов Федерации в центрах федеральных округов вопросов межрегиональной координации;
- выделение федеральным округам из бюджета РФ и других источников финансовых ресурсов для реализации программ, соответствующих задачам пространственной интеграции.

Северо-Западный федеральный округ в сравнении с другими округами более соответствует принципам и задачам генерального экономи-

⁵⁴ При районировании тезис «новое – хорошо забытое старое» может пригодиться в восстановлении границ Дальневосточного, Восточно-Сибирского (с Республикой Саха (Якутия)), Западно-Сибирского, Уральского и Северо-Западного экономических районов.

⁵⁵ Закончился срок исполнения «Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года», которая утверждена распоряжением Правительства РФ от 18 ноября 2011 г. № 2074. Стратегия не выполнена, в том числе по причине ее «бесхозности». Аппарат Представителя Президента РФ в округе не имеет полномочий по исполнению документов такого рода. В этой связи согласимся с позицией тех правозащитников, которые предлагают усилить роль федеральных округов в координации деятельности региональных правительств, не меняя сути федерализма, закрепленной Конституцией РФ [15], но выскажем сомнения относительно целесообразности преобразования федеральных округов в губернии с изменением норм сложившегося федеративного устройства [16].

ческого районирования [17]. Именно данный округ может представить образец в организации интеграционных процессов: управления в области научно-технического прогресса, технологической кооперации, межрегиональных экономических, социальных и культурных отношений.

Следует усилить организующую роль Санкт-Петербурга в общероссийском рыночном пространстве и решении проблем освоения Арктики. Это подтверждается не только текущей практикой отношений региональных правительств Северо-Запада России с С.-Петербургом, но и моделированием адаптации федеральных округов к разрыву связей между ними [18].

Поворот Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сторону российских регионов, в том числе арктических и северных, в последние годы становится все более заметным. Тем самым постепенно устраняется направление ориентации Санкт-Петербурга только на собственные интересы в рамках западноевропейского вектора развития. Если такого рода ориентация действительно исчезнет, то существование Северного экономического района потеряет реальный смысл в части территориальной организации народного хозяйства⁵⁶. Сохранится лишь его этнокультурный контекст под названием «Русский Север» и геополитический – под названием «Баренц-регион» (российская часть). В таком случае существующий ныне Северо-Западный экономический район существенно расширит свои границы, присоединив Европейский Север России.

Санкт-Петербург как организующий центр может получить от северо-западных регионов дополнительный импульс развития. Наиболее существенные приращения можно ожидать в сфере культуры, высокотехнологичной медицины, науки и образования, конструкторских и спецмонтажных работ, логистики, регионального проектирования. Напомним положительную роль в развитии всех северо-западных регионов таких ранее существовавших институтов, как Ленпромстройпроект, Ленгипрогор, ЛенЗНИИ экспериментального проектирования (последний весьма плодотворно разрабатывал проекты арктических жилых комплексов, включая вахтовые поселения).

Интеграция регионов-соседей. Ради укрепления социально-экономических связей между смежными субъектами Федерации и эффективной реализации крупных народнохозяйственных проектов целесообразно внутри федеральных округов, совмещенных с крупными экономическими районами, выделить *субрегионы – территориально-хозяйственные системы (ТХС)* – в качестве операционных единиц межрегионального взаимодействия. Они стали бы промежуточным

⁵⁶ Данная тенденция не была замечена разработчиками Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ 13.02.2019, № 207). В числе 12 названы совершенно несоизмеримые макрорегионы: Северо-Западный (Республика Карелия, Калининградская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Санкт-Петербург) и Северный (Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ).

звеном между субъектами РФ и федеральными округами в пространственной интеграции, осуществляемой посредством территориально-планирования, районного проектирования и программно-целевого управления (рисунок).

Рисунок. Территориально-хозяйственные системы Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, в которых решение проблем рационального природопользования и развития инфраструктуры приобретает межрегиональный характер.

В рамках Северо-Западного федерального округа такими системами являются Санкт-Петербургская (Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская и Псковская области), Карело-Кольская (Республика Карелия и Мурманская область), Двино-Печорская (Республика Коми, Архангельская и Вологодская области, Ненецкий автономный округ)⁵⁷.

Санкт-Петербургская ТЭС по истории и культуре, а также по своей миссии шефства над малочисленными народами Крайнего Севера в определенной мере является «северной». Усиление ее внутренних связей определяется необходимостью формирования производственной кооперации между санкт-петербургской промышленностью как головной и промышленностью трех отмеченных областей как аффилированной с ней. Задачей совместного территориального планирования является сохранение природных ландшафтов Ижорского плато, Валдайской возвышенности, Тихвинской гряды, Псковско-Чудской равнины. Все более общей становится проблематика гидрологического режима Финского залива, Онежского, Ладожского, Чудского и Ильменского озер, рек Невы, Волхова, Великой, Ловати и др.

В границах *Карело-Кольской ТЭС* решаются задачи модернизации минерально-сырьевого и лесопромышленного комплексов, обустрой-

⁵⁷ Калининградская область, как эксклав, в данной статье не рассматривается.

ства прибрежной полосы Белого моря, совершенствования межрегиональных транспортных и электро-энергетических коммуникаций, создания взаимодополняющих комплексов социального сервиса, развития туризма и создания природоохранных систем с учетом мирового значения меридиональной озерной полосы, формирования ареалов северного экологически чистого земледелия, координации взаимоотношений с Финляндией, Швецией и Норвегией.

Контуры *Двино-Печорской ТХС* напоминают Северный край, существовавший в 1920–1930 гг., к вопросу о воссоздании которого плановые органы СССР и научно-исследовательские институты возвращались неоднократно в связи с созданием Северной угольно-металлургической базы, мощного лесопромышленного экспортного комплекса («золотоваляльного цеха» страны), формированием Двино-Печорского территориально-производственного комплекса. И в настоящее время территориальная группировка – Архангельская и Вологодская области, Республика Коми и Ненецкий АО – рассматривается как оптимальная в системе макроэкономического моделирования и балансовых расчетов [19].

Для Двино-Печорской ТХС наиболее актуальными и общими являются проблемы комплексного освоения ресурсов Тимано-Печорской нефтегазосной провинции и Тимано-Североуральского минерально-сырьевого сочетания. В лесном хозяйстве первостепенными здесь становятся задачи лесоэкономического районирования и снятия угроз, связанных с нежелательной сменой лесобразующих пород и усыханием еловых лесов. Потенциал сельского хозяйства в зонах средней и южной тайги и зоне смешанных лесов определяется мерами по восстановлению и повышению плодородия почв, а в зонах лесотундры и тундры – сохранению мхов и лишайников как кормовой базы оленеводства. Неотложным стало приведение в рабочее состояние (укрепление береговой линии и восстановление судоходства) рек: Печоры, Северной Двины, Вычегды, Мезени, Онеги – по своей природе полноводных, но запущенных бесхозяйственностью.

В согласованном пространственном развитии Двино-Печорской ТХС заинтересованы такие хозяйствующие субъекты, как Управление Северной железной дороги, ПАО «Белкомур», вологодская лесоустраительная организация Северный филиал государственной инвентаризации лесов Федерального государственного унитарного предприятия «Рослесинфорст», Двино-Печорское бассейновое водное управление Федерального агентства водных ресурсов, Архангельский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Северное и Печорское речные пароходства, почти все нефтегазодобывающие и геологоразведочные организации, работающие на севере Республики Коми и в Ненецком автономном округе.

Значительная роль в координации стратегий и программ социально-экономического развития смежных регионов отводится региональным правительствам. Однако заметим, что эта их функция реализуется

пока вяло, ограничиваясь договорами о сотрудничестве без создания общих институтов координирования крупных хозяйственных мероприятий. Пространственная интеграция здесь могла бы быть более продуктивной при активизации деятельности существующих и организации новых структур управления. Напомним, что в 1920–1930 гг. функции межрегиональной координации выполняли экономические совещания (ЭКОСО), а в 1960–1970 гг. – плановые комиссии, опыт работы которых является полезным и в настоящее время. Одна из задач такого рода координации – разработка и реализация целевых программ социально-экономического развития пограничных (смежных) окружных и районных муниципальных образований, которые находятся в положении «глубинки» и «медвежьих углов» без определенных перспектив существования.

Сотрудничество в пространственном развитии. Согласно Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, важнейшим условием успешной реализации ее цели и задач выступает эффективное, бесконфликтное взаимодействие всех субъектов экономического и социального развития. Здесь на Арктическую зону РФ перенесено общее правило институционального подхода к управлению – *согласование интересов*, что рассматривается как объективный закон общественного развития и как способ выхода из критических ситуаций. Эволюция современных развитых обществ ведет к уменьшению значимости как централизованного управления, так и экономической и политической конкуренции; при этом возрастает роль сотрудничества, совершенствуются механизмы координации [20].

Вместе с тем нередко создается положение, когда *«организационные пространства фирм являются "резервуарами", в которые выброшены территориальные единицы»* [21, с. 54]. Это опасная ситуация. Пространство бизнеса не должно подменять пространство жизнедеятельности людей. Здесь речь может идти о равновесии. Крупной корпорации должна соответствовать крупная территориальная социально-экономическая структура, такая, например, как федеральный округ. Это будет соответствие сил.

В контексте философии сотрудничества следует критически оценить ориентацию на политико-экономическую конкуренцию между регионами и муниципальными образованиями. Возможно, это – порождение концепций федерального управления, нацеленных на увеличение его значимости в распределении финансовых ресурсов по территории страны.

Управление пространственным развитием. «Управляемое кооперирование» в рамках федеральных округов (крупных экономических районов) и альянсов смежных областей можно рассматривать как существенное дополнение к системе управления Стратегией пространственного развития РФ. Каково актуальное состояние этой системы? Если управление трактовать как принятие решений и организацию их исполнения, то возникает вопрос: какой распорядительный центр име-

ет в регламенте своей деятельности пространственное развитие, существует ли у него набор норм и правил управления пространственными процессами?

В настоящее время *Министерство экономического развития РФ* в состоянии концептуально определить ключевые точки линейно-узловой структуры социально-экономического пространства нашей страны, отдавая предпочтение агломерациям и скоростным транзитным транспортным магистралям, но оно не может экономически обеспечить процесс формирования предлагаемой конструкции пространства; *Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ* в состоянии выполнить (в рамках Градостроительного кодекса) зонирование территории страны и провести в регионах (субъектах Федерации) территориальную планировку, но не имеет распорядительных функций для исполнения составленных им документов; *Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики* проблемами пространственного развития занимается как бы косвенно, в связи с координацией деятельности по реализации государственных программ и федеральных целевых программ, а также по вопросам формирования территорий опережающего развития; другие министерства, а также *крупные государственные корпорации* ограничиваются тем, что в отчетности свои профильные мероприятия дополнительно оформляют как отклик на запросы со стороны Правительства РФ по пространственной тематике. Это называется «привязка к месту».

Многие специалисты считают, что необходимо радикальное реформирование системы управления пространственным развитием, территориальным планированием и градостроительством⁵⁸. Но есть предложение, к которым следует относиться весьма осторожно⁵⁹.

В Северо-Западном федеральном округе стартовые позиции по управлению пространственным развитием были сформулированы фондом «Центр стратегических разработок "Северо-Запад"» совместно с академической и университетской наукой [24]. В доктрине фонда про-

⁵⁸ Например, еще в 1990 г. предлагалось создать на федеральном уровне государственный совет по территориальному, городскому развитию и охране окружающей среды и министерство организации территории, градостроительства и архитектуры РФ; а на уровне субъектов Федерации – советы по территориальному развитию, градостроительству и охране окружающей среды области (республики, края, округа), комитеты (департаменты, управления) по территориальному развитию, градостроительству и архитектуре и отделы градостроительства и архитектуры административных районов (окружных и районных муниципалитетов) [22]. Сложившаяся ныне ситуация низкого качества природной среды жизнедеятельности людей указывает на актуальность данных рекомендаций.

⁵⁹ В основу одного из подходов к управлению пространственным развитием предлагается положить «принципы, использовавшиеся при реализации "Атомного проекта", осуществленного в СССР в 1946–1949 г., управлять процессом может специальная комиссия, обладающая серьезными полномочиями, а в ее рамках – действовать научно-технический совет» [23]. Наверное, это тот самый случай, когда «еще толком не знаем, чем управлять, но хочется чего-то грандиозного».

смагиваются два сектора сопряжения с Санкт-Петербургом: первый, относительно плотно сформированный на основе кооперации холдингового характера – Ленинградская, Новгородская, Псковская и Вологодская области; и второй, разреженный, с экономикой в основном сырьевой специализации – Мурманская и Архангельская области, Коми и Карельская республики, Ненецкий автономный округ.

Такого рода сопряжение в настоящее время требует уточнения. Дело в том, что регионы сырьевой специализации, не отказываясь от нее, ведут поиск альтернативных векторов развития, источниками которого являются: 1) участие в межрегиональной кооперации в части создания кластеров машиностроения, легкой и пищевой промышленности [25]; 2) диверсификация профильных производств путем использования прогрессивных гео- и биотехнологий с выпуском готовых изделий с новыми потребительскими свойствами; 3) участие в создании и обслуживании больших коммуникационных сетей на основе оптико-волоконной связи и присоединенных к ней вычислительных комплексов. Такого рода альтернатива возможна с опорой на центры с развитой научно-технической и научно-образовательной базой [26; 27]. Ориентация формирующейся постиндустриальной экономики регионов Северо-Запада на Санкт-Петербург становится обязательным условием их развития.

* * *

Пространственное развитие России во многом зависит от экономической интеграции ее территорий по линии «Север – Юг», которая может стать эффективной и управляемой только в границах федеральных округов, совмещенных с крупными экономическими районами. Северо-Запад России – это одновременно федеральный округ и крупный экономический район, что позволяет осуществлять интеграцию его социально-экономического пространства почти беспрепятственно. Для реализации этого преимущества необходимо создание институтов координации и управления территориальным развитием для организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества. Кооперацию смежных регионов по развитию линейной инфраструктуры и охране окружающей среды целесообразно осуществлять в рамках субрегиональных территориальных хозяйственных систем: Санкт-Петербургской, Карело-Кольской и Двино-Печорской.

Наши суждения непосредственно касаются концепции «пересоединения» Арктики [28]. Именно в рамках данной концепции арктический вектор национальной экономики приобретает роль одного из ведущих факторов развития многих субъектов РФ и федеральных округов. Это относится прежде всего к поиску новых источников модернизации уже освоенных арктических и других территорий Крайнего Севера на основе прогрессивных технологий. Сам факт такого поиска интегрирует

интеллектуальные, материально-технические и финансовые ресурсы регионов, имеющих арктическую проблематику.

Вывод о необходимости управляемой координации деятельности субъектов РФ в рамках федеральных округов, совмещенных с крупными экономическими районами, и альянсов регионов-соседей является в определенной мере рекомендацией для разрешения критических ситуаций в пространственном развитии всей России, особенно в части «создания периферических зон концентрированной экономической деятельности, тяготеющих к крупным городским агломерациям» [29, с. 973]. Действительно, не отдельно взятые городские агломерации и мегаполисы (в нашем примере – Санкт-Петербург) сами по себе, а вместе с окружающими территориями (полем экономического тяготения) могут стать ключевыми объектами пространственного развития. В рамках такого «поля» (крупного экономического района) можно конструктивно рассматривать концентрацию и децентрацию, сжатие и расширение, диффузию нововведений, межрегиональную интеграцию и другие характеристики социально-экономического пространства.

Литература

1. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. – Москва: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Верлен, Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Б. Верлен // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 2. – С. 25-46.
3. Гранберг, А.Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов / А.Г. Гранберг // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 87–106.
4. Дмитриева, Т.Е. Методологический контекст пространственного развития северного региона / Т.Е. Дмитриева // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2009. – № 1. – С. 22–29.
5. Минакир, П.А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения / П.А. Минакир // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 7–15.
6. Минакир, П.А. Очерки по пространственной экономике / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко; отв. ред. В.М. Полтерович. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.
7. Тархов, С.А. Представления о территориальном развитии и методология пространственного анализа / С.А. Тархов // География и проблемы регионального развития. – Москва: ИГ АН СССР, 1989. – С. 23–31.
8. Трофимов, А.М. Теория организации пространства / А.М. Трофимов, А.И. Чистобаев, М.Д. Шарыгин // Известия РГО. – 1995. – Т. 125, Вып. 2. – С. 10–18; Вып. 3. – С. 9–17; Вып. 5. – С. 11–21.

9. Швецов, А.Н. Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства / А.Н. Швецов // *Пространственная экономика*. – 2015. – № 1. – С. 38–61.
10. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – Москва: Наука, 1990. – 412 с.
11. Пилясов, А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России / А.Н. Пилясов // *Региональные исследования*. – 2011. – № 1. – С. 4–31.
12. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – Москва: Медиа-Пресс, 2013. – 664 с.
13. Зимин, Б.Н. Малые высокоразвитые страны Западной Европы – теоретические итоги исследований / Б.Н. Зимин // *Известия РАН. Сер. Географ.* – 1993. – № 2. – С. 95–104.
14. Фаузер, В.В. Методика определения опорных поселений российской Арктики / В.В. Фаузер, А.В. Смирнов, Т.С. Лыткин, Г.Н. Фаузер // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2019. – Т. 12, № 5. – С. 25–43.
15. Черкасов, К.В. Федеральные округа в механизме модернизации российского федерализма / К.В. Черкасов // *Журнал российского права*. – 2008. – № 8. – С. 19–24.
16. Федорец, М.Н. Федеративные округа: значимость и роль в государственно-территориальном устройстве Российской Федерации / М.Н. Федорец // *Государство и право*. – 2018. – № 10. – С. 136–140.
17. Лаженцев, В.Н. О практическом использовании социально-экономического районирования в системе государственного управления (примеры по Европейскому Северу России) / В.Н. Лаженцев // *Проблемы развития территории*. – 2016. – № 6. – С. 29–41.
18. Суслов, В.И. Коалиционный анализ и эффекты межрегиональной интеграции / В.И. Суслов, Н.М. Ибрагимов, Л.В. Мельникова // *Экономика региона*. – 2018. – Т. 14, Вып. 4. – С. 1131–1144.
19. Оптимизация территориальных систем / под ред. С.А. Суспицина. ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2010. – 632 с.
20. Полтерович, В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества / В.М. Полтерович // *Общественные науки и современность*. – 2015. – № 4. – С. 41–64.
21. Доманьски, Р. Экономическая география: динамический аспект / Р. Доманьски; пер. с пол. Р. Доманьски. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 376 с.
22. Владимиров В.В. Управление градостроительством и территориальным развитием / В.В. Владимиров. – Москва: Отдел информ. изд. деятельности РААСН, 2000. – 92 с.
23. Литвинцев, В.Я. Ученые объединились, чтобы конструировать будущее. – URL: <http://www.sib-science.info/ru/ras/megalego-28042018>

24. Доктрина развития Северо-Запада России / под руководством П. Щедровицкого. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Corvus», 2001. – 36 с.
25. Комков, Н.И. Проблемы и перспективы инновационного развития промышленного комплекса Российской Арктики / Н.И. Комков, В.С. Селин, В.А. Цукерман, Е.С. Горячевская // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 1. – С. 41–49.
26. Лаженцев, В.Н. Север России: экономико-географические аспекты развития / В.Н. Лаженцев // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 5. – С. 39–50.
27. Румянцев, А.А. Факторы научно-инновационной деятельности в регионах Северо-Запада России / А.А. Румянцев // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4. – С. 63–74.
28. Лексин, В.Н. Российская Арктика: логика и парадоксы перемен / В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 6. – С. 4–22.
29. Минакир, П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики / П.А. Минакир // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, Вып. 4. – С. 967–980.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

Социально-экономические проблемы Республики Коми на рубеже XX и XXI веков ⁶⁰

В статье анализируются проблемы социально-экономического развития Республики Коми в первом десятилетии XXI в. Выделены проблемы переходящего характера (демографический кризис, старение основных фондов, диспропорции воспроизводства) и новые, связанные с реорганизацией систем управления собственностью и производством, дифференциацией доходов и расходов населения, нарушением принципов экономического федерализма, финансовым кризисом. Решение проблем увязано с инновационным развитием производительных сил и укреплением межрегиональной экономической интеграции.

Ключевые слова: Республика Коми, историческое наследие, демография, материально-техническая база и организация производства, социальная стратификация, экономический федерализм, финансовый кризис, инновации будущего.

V.N. Lazhentsev. Socio-economic problems of the Komi Republic at the turn of the 20th and 21st centuries

Abstract. The article analyzes the problems of socio-economic development of the Komi Republic in the first decade of the 21st century. The problems of a transitional nature (demographic crisis, aging of fixed assets, disproportions in reproduction) and new ones related to the reorganization of property and production management systems, differentiation of incomes and expenditures of the population, violation of the principles of economic federalism, and the financial crisis are identified. The solution of problems is linked to the innovative development of productive forces and the strengthening of interregional economic integration.

Keywords: Republic of Komi, historical heritage, demography, material and technical base and organization of production, social stratification, economic federalism, financial crisis, innovations of the future.

В августе 2011 г. Республика Коми отметила 90-летие своей государственности. Положение республики как «государства в государстве» в определенной мере влияет на выбор подходов к анализу соци-

⁶⁰ Лажнецв, В.Н. Республика Коми на рубеже XX и XXI веков (проблемы социально-экономического развития) / В.Н. Лажнецв // Экономика региона. – 2011. – № 3. – С. 39–54.

ально-экономического развития. Больше внимания приходится уделять политико-экономическим аспектам, особенно экономическому федерализму, проблемам собственности, взаимоотношениям по линиям Центр – регион, регион – регион, предприятие – регион, население – регион.

Разнообразные формы собственности и согласование интересов многочисленных хозяйствующих субъектов выступают в условиях рыночной экономики в качестве законов общественного развития. Притом следует исходить из того, что и само государство, а тем более муниципальные образования (органы местного самоуправления) и другие территориально-общественные структуры также являются субъектами хозяйствования. Актуальность рационального использования национального богатства и региональной субфедеральной, муниципальной и общественной собственности, употребление властных полномочий для согласования частных и общественных интересов особенно ярко проявились именно на рубеже XX и XXI вв.⁶¹

Когда речь идет об историческом периоде первого десятилетия XXI в., то невольно возникает мысль обозначить его – «от дефолта августа 1998 г. до кризиса, начавшегося в 2008 г.». Это в какой-то мере правильно, поскольку социально-экономические стрессы весьма ярко фиксируют высокую роль государственной власти и местного самоуправления в решении сложнейших вопросов общественного характера. Но, с другой стороны, важно понять и нормативно зафиксировать базовые позиции экономики и социального развития в периоды положительной динамики, например, в 2001–2007 гг. Такие времена люди воспринимают с надеждой на совершенствование общественного устройства на основах демократии, на повышение качества и уровня жизни, а властное и хозяйственное управление стремится выразить свой оптимизм в соответствующих политических декларациях, посланиях, концепциях, стратегиях, программах и прочих документах.

И еще об одной исходной позиции: в годы динамичных общественно-политических и экономических перемен большинство населения живет как бы в двух пространственно-временных измерениях: первом – инерционном, связанном с переносом привычного из прошлой жизни в настоящее; втором – неосознанной реальности и запоздалой реакции на «крутые» преобразования. На то, что в 1991–1992 гг. в России совершилась буржуазно-демократическая революция, мало кто обратил внимания; даже 20 лет спустя многие об этом не задумываются и воспринимают данную историческую реальность лишь на бытовом уровне (работа, заработная плата, образование, здоровье, домашнее хозяйство); власть же оценивается не как политическая система, соответствующая капиталистическому способу производства, а ассоциируется лишь с речами и действиями конкретных руководителей. Более свежий пример:

⁶¹ Идеи экономического разнообразия и согласования интересов на основе социальной кластеризации весьма ярко и по-новому освещены в книге акад. В.Л. Макарова [1].

в декабре 2008 г. – январе 2009 г. «большинство руководителей муниципальных образований не воспринимают кризис как острое явление, а относились к нему как к обычному текущему событию. Лишь 15 % остро чувствовали его угрозы» [2, с. 13].

Общие сведения о республике

Для республики характерны северные черты условий хозяйствования и жизни: относительный климатический дискомфорт, высокий минерально-сырьевой, но низкий биоклиматический потенциал, периферийное положение, объективно низкий уровень освоенности территории, этнокультурная специфика.

Геологический потенциал территории республики, по нашим оценкам, примерно в шесть раз больше, чем в остальной части Русской платформы. Это проявляется в наличии крупных минерально-сырьевых баз угольной, нефтяной, газовой, горнорудной и других отраслей промышленности. Общероссийское значение имеют Печорский угольный бассейн, Тимано-Печорская нефтегазоносная провинция, Тимано-Уральский горнорудный регион.

Биоклиматический потенциал, рассчитанный нами по специальным формулам с учетом коэффициента биологической продуктивности, колеблется от 0,08 – Арктическая зона, до 1,68 – зона южной тайги (в среднем по России – 1,9). На зону тундровой растительности приходится около 5 % площади, лесотундровой – 6, таежной – 89 %. Важно подчеркнуть, что если по меридиану Воркута–Астрахань пик биологического потенциала для земледелия «находится» в Татарии, то для лесного хозяйства – в южной части Республики Коми, которая ныне стала одним из немногих лесоизбыточных районов. Здесь в 1980-х гг. заготавливалось до 22 млн м³ древесины в год, в текущий период – 6–7; такое резкое снижение обусловлено экономическим кризисом 1990-х гг. и некоторыми рыночными обстоятельствами.

В республике преобладает узловая форма размещения производительных сил: примерно 65 % производства и инвестиций сосредоточено в хозяйственных узлах, расположенных вдоль железной дороги, 25 % – в отдельных центрах – очагах и 10 % – линейно – вдоль рек и автомобильных дорог. Поэтому более половины общей площади не охвачено хозяйством, и этот факт является необходимой реальностью. Во-первых, в ряде мест нет достаточных экономических предпосылок для расселения населения, во-вторых, значительная часть территории «оформлена» в виде национальных парков, заповедников и заказников. В системе географического разделения труда экологическая функция для республики является одной из основных.

Хозяйственный профиль республики определяется также и этнокультурой, что особенно проявляется на селе. В некоторых районах доля коми населения достигает 60 % при 25 в среднем. В них более успешно развиваются традиционные промыслы, охота и оленеводство. В респуб-

блике поголовье оленей составляет 84 тыс. голов – это немало, хотя, заметим, что в 1950 г. их было 211 тыс.

Природно-ресурсные функции хозяйства Республики Коми дополняются транзитом. Из Западной Сибири по трубопроводам через республику прокачивается около 120–130 млрд м³ газа. Значение обеспечения транзита газа многократно возрастает в связи со строительством новой системы газопроводов «Ямал–Запад». Развитие производственной специализации и транзита становится единой задачей в случае окончания строительства железнодорожной магистрали Архангельск – Сыктывкар – Соликамск («Белкомур»).

Республика Коми удачно вписывается в экономику Северо-Западно-го и Уральского федеральных округов, а также Финляндии, Швеции и Норвегии. Общие задачи по освоению природных ресурсов Севера и Арктики, в том числе по проектам Баренц-региона, являются мощным стимулом для ее социально-экономического развития.

Исторические линии в организации хозяйства и региональном управлении

В принятии управленческих решений и соответствующем их научном обосновании значительную роль играют традиционные идеи комплексного гармоничного развития производительных сил, эффективного территориального хозяйствования, политического и экономического суверенитета и социальной справедливости. Как бы ни были сильны мотивы рыночных преобразований, перечисленное остается в качестве организующего начала.

Комплексность понимается по-разному: ошибочно, когда она трактуется – «как можно больше»; правильно, если она рассматривается как динамическая согласованность функций хозяйственной системы и ее структуры. Принцип системной организации отдельных элементов производительных сил в единое целое оставил заметный след еще и потому, что природные богатства Республики Коми, начиная с 1970-х гг., стали основой формирования Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса – единицы народного хозяйства страны, специально введенной в русло программно-целевого планирования.

Ранее речь шла о согласовании векторов хозяйственной деятельности министерств и ведомств, теперь – фирм, организованных в виде акционерных обществ, холдингов и корпораций. В условиях разнообразия форм собственности следует признать объективную целесообразность перевода узловых проблем комплексного развития производительных сил регионов с государственного уровня в систему фирменных стратегий. Так произошло с программами оптимизации структуры Печорского угольного бассейна, Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, Тимано-Уральского горнопромышленного и Вычегодского лесопромышленного комплексов и другими территориально-отраслевыми системами. Территориально-производственные комплексы в условиях ры-

ночной экономики и кластеризации производственно-технологических и социальных отношений можно было бы рассматривать в виде своеобразных квазикорпораций [3].

Государственными же остались три важнейшие задачи: 1) посредством лицензионных и других соглашений ориентировать фирмы на комплексное использование природных ресурсов и гармоничное социальное развитие территорий; 2) развивать инфраструктуру общего пользования; 3) инициировать разработку и реализацию научно-технических программ и соответствующих инноваций, создающих основу для новых точек роста производительных сил.

О переносе из прошлого в настоящее идей эффективного *территориального хозяйствования*. Важно понять его сущность. Дело в том, что региону, как социально-экономической системе и как властно-политическому субъекту федерации, необоснованно приписываются качества всеобъемлющего хозяйствующего субъекта, результатом деятельности которого являются якобы такие интегральные макроэкономические показатели, как внутренний региональный продукт, стоимость ввоза и вывоза, сальдо совокупных доходов и расходов в сводном финансовом балансе и др. Такой подход дает положительные результаты в части совершенствования статистики, но отрицательные – в части развития общественных форм производства: концентрации, специализации, кооперирования, комбинирования и особенно интеграции. Пространственная дезинтеграция – это результат в том числе и чрезмерного стремления руководства отдельных регионов к экономической автономизации.

На самом же деле регион в целом никогда не достигал (и не достигнет) статуса хозяйствующего субъекта. Последним может быть только распорядительный центр, имеющий экономическую ответственность, хозяйственную заинтересованность, внутреннюю связность. Основой деятельности таких центров является собственность. Центры общего управления имеют в своем распоряжении региональную собственность (земля, природные ресурсы, имущественные комплексы, бюджеты и внебюджетные средства). Ее воспроизводство и получение на этой основе дополнительных доходов – это и есть цель территориального хозяйствования [4].

Экономическая самодостаточность в первой половине 1900-х гг. стала рассматриваться соподчиненно с политическим и экономическим суверенитетом. Декларации о государственном суверенитете отдельных республик предполагались в качестве политической платформы коренного изменения принципов и методов регулирования развития хозяйства. В настоящее время, когда выстроена вертикаль государственной власти, урегулирован конституционный порядок взаимодействия федерации и ее субъектов (хотя и с определенными изъятиями), снята угроза раскола России на отдельные «суверенные» регионы – можно было бы осудить подобные декларации как скрытую (а местами и явную) форму сепаратизма. Однако нельзя не признать и значение объективного смыс-

ла идей подобной экономической самостоятельности. В те годы этот смысл выражался в некотором сопротивлении регионов революционному реформированию экономики и сопутствующему кризису, выработке дополнительных контрмер, тормозящих процесс разрушения экономики. В настоящем – в раскрепощении деятельности по поводу реализации конституционных прав субъектов федерации и органов местного самоуправления, равноправия федеральных и региональных сторон в своих взаимоотношениях.

С научной точки зрения интерес представляет своего рода противостояние политических и экономических начал региональной самостоятельности. Политические амбиции к расширению сферы деятельности регионов и переносу норм централизации государственного управления с федерального на субфедеральный уровень всегда натывались на трудности реальной экономики. Так, в Коми республике в свое время это проявилось в разбалансированности хозяйства, его технической отсталости, нерентабельной работе почти половины промышленных предприятий, низком уровне подготовки к освоению новых месторождений полезных ископаемых и другом негативе.

И в настоящее время фактор риска для региональных структур власти заключается в опасности связать себя обузой малоэффективной экономики. Такой фактор стал проявляться в основном в сфере управления собственностью. Поэтому приватизация играла роль не только политического рычага закрепления позиций рыночных отношений, но и своеобразного экономического механизма снижения ответственности государства перед населением.

Здесь уместно напомнить о научных рекомендациях. В начале 1990-х гг. был предложен особый режим приватизации – а именно закрепление контрольных пакетов акций базовых предприятий на определенный срок за государством для предотвращения резкого свертывания производства. Предлагалось также расширить права трудовых коллективов предприятий в выборе форм и методов приватизации; взять курс на формирование крупных производственных структур типа холдинговых и финансово-промышленных корпораций межрегионального характера; малое предпринимательство развивать в общей системе организации производства с учетом возможностей его диверсификации.

Пример Коми республики показывает, что политика реформирования пошла по другому пути с полным отключением государства от управления нефтяной и газовой промышленностью, лесным комплексом, энергетикой. Лишь предприятия Печорского угольного бассейна частично оставались на несколько лет в системе государственной собственности, что позволило сдерживать негативное влияние ряда рекомендаций зарубежных наставников по свертыванию в России угольной промышленности. Были и другие, на наш взгляд, разумные предложения в части эволюционного реформирования экономики, в том числе и сельского хозяйства. Особое внимание обращалось на необходимость соблюдения

паритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, развития новых форм кооперации и интеграции в системе АПК, учета не только производственных функций села, но и экологических, этнокультурных и духовных.

Необъяснимое отторжение научных рекомендаций руководителями регионального звена государственного управления, да и сами факты кризиса социально-экономического развития регионов указывают на ограниченные возможности реализации идей их экономической автономности, если в ее рамки включать все составные части общественного воспроизводства. В итоге оказалось, что такого рода идеи вполне правомерно трансформировать в практику лишь в рамках региональной собственности, в первую очередь финансово-бюджетной сферы. Путь к самодостаточности территориальных бюджетов весьма труден, но именно он становится основным предметом региональной политики.

Опыт республики и других регионов можно оценить еще в одном аспекте – организационно-экономическом. Если допустить, что научные рекомендации начала 1990-х гг. были бы реализованы, то все равно в итоге экономика нашей страны пришла бы к существующей ныне организационной структуре производства и финансово-банковской сферы: полное преобладание частных компаний, неустойчивое положение частно-государственных корпораций и незначительная доля унитарных (казенных) предприятий; ключевая роль пяти-шести банков с разветвленной сетью филиалов и частичное (но правомерно не полное) слияние финансового и промышленного капитала. Итог один и тот же, но экономические и социальные издержки фактически выбранного пути оказались чрезмерно выше, чем могли бы быть.

Региональный аспект социальной справедливости применительно к северным территориям заключается в определении и исчислении гарантированных населению выплат, компенсирующих дополнительные затраты на жизнеобеспечение в трудных природных условиях. Региональные коэффициенты к заработной плате и стажевые надбавки всегда воспринимались северянами как должное, не зависящее от политической конъюнктуры. Поэтому, когда появились попытки со стороны некоторых структур федеральной власти отказаться от такого рода компенсаций, как будто бы не соответствующих условиям рынка, так сразу же возникла волна протеста всего северного сообщества, включая и органы государственного управления. Активно ведется также работа по урегулированию пенсионного обеспечения и финансирования программ частичного переселения людей из районов Крайнего Севера.

Вместе с тем следует отметить не только северные аспекты, но и общие начала социальной справедливости. Нельзя не заметить, что во все времена и во всех странах политическое руководство выступало и выступает от имени народа в его же благо. Так, КПСС имела главный лозунг «все для человека, все на благо человека», буржуазно-демократическое руководство России 1990-х гг. придерживалось курса «экономи-

ческой свободы, равенства и нового социального порядка»; в настоящее время – «народосбережения и роста благосостояния в процветающей России как социального государства». Но благие социальные намерения во всех отмеченных проявлениях перекрывались реальным экономическим детерминизмом: либо производство ради производства, либо производство ради прибыли.

Первое десятилетие XXI в. с исторической точки зрения интересно именно тем, что в общественном сознании и государственной политике многих стран социальное развитие получает приоритет относительно экономического. Попытки придерживаться такого правила стали предприниматься и в России.

Население и демография

Максимальная численность населения в Республике Коми была в 1989 г. – 1251 тыс. чел. Затем она неуклонно снижалась и по переписи 2010 г. составила 901,6 тыс. чел. (снижение на 349,4 тыс. чел.; за период 2001–2010 гг. – на 140 тыс. чел.) (табл.1). Это произошло по трем причинам: демографического кризиса – снижение рождаемости и рост смертности; производственной – сокращение числа рабочих мест и вынужденный выезд за пределы республики; социально-политической – организованное переселение «избыточного» населения из районов Крайнего Севера, в основном Воркуты и Инты.

Таблица 1

Оценка численности населения Республики Коми, на начало года ⁶²

Годы	Тыс. чел.			В % к общей численности	
	Все население	Городское	Сельское	Городское	Сельское
2001	1042,9	784,9	258,0	75,3	24,7
2006	985,0	744,5	240,5	75,6	24,4
2010*	908,5	698,1	210,4	76,8	23,2
2011	899,7	693,2	206,5	77,1	22,9
2011 в % к 2001	86,2	88,9	80,0	-	-
2011 в % к 2006	91,3	93,1	85,9	-	-

Примечание.*Оценка с учетом предварительных итогов Всероссийской переписи населения в ноябре 2010 г. (901,6 тыс. чел.).

Статистика показывает, что примерно 95 % в сокращении численности населения составляет отрицательная миграция, а 5 % – естественная убыль. Однако, если допустить сохранение коэффициента естественного прироста населения на уровне 7,7 % (1989 г.), то в таком случае оба фактора (и миграция, и естественное движение) следовало бы оценить

⁶² Сведения, приведенные в табл. 1–12, заимствованы или рассчитаны по сборникам Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Автор выражает большую благодарность его руководителю Владимиру Яковлевику Сквозникову за предоставленную возможность анализа статистики, в том числе

как равнозначные. Хотя такого рода допущение носит весьма условный характер, но именно оно более всего отражает реальный характер демографического кризиса. Заметим также, что внутрисубъектанская и внешняя (относительно республики) миграции имеют примерно одинаковую долю: в 2010 г. соответственно 53,4 и 46,6 %. Результатом первой является более ускоренное сокращение сельского населения, второй – общего как сельского, так и городского. Сальдо внешней миграции составило в 2000 г. минус (-)11 305 чел., в 2005 г. (-)8630 чел. Колебание в сторону роста или снижения сальдо миграции отражает экономическую ситуацию, а именно – кризисную до 2001 г. и начиная с 2008 г.

С 1980-х гг. в нашей стране эффективность демографической политики была весьма низкой; у населения не формировались желаемые для общества репродуктивные установки. Кризис в экономике, сокращение рабочих мест привели к массовому оттоку населения, сокращению притока молодых, образованных кадров. Переход на рыночные отношения больше всего отразился на социальной сфере, в том числе и на здравоохранении, как результат – резкий рост смертности. Неуверенность в «завтрашнем дне» привела к резкому ухудшению здоровья населения, росту числа самоубийств, психических заболеваний.

В последние годы демографическим проблемам государство стало уделять повышенное внимание. Были приняты приоритетные национальные проекты; один из них касается непосредственно демографии. Уровень превышения смертности над рождаемостью резко снизился, но этот «баланс» по-прежнему остается отрицательным.

Демографические процессы следует рассматривать в контексте региональной специфики. Для Республики Коми характерны:

- повышенная урбанизация (76 % населения проживает в городских поселениях, и оно исторически ориентировано на малочисленность состава семей, в том числе по условиям тесноты проживания);
- влияние природно-ресурсной цикличности на динамику численности занятых и населения в целом (наибольшее сокращение числа жителей наблюдается в центрах добывающей промышленности);
- сдвиги в половозрастной структуре населения (стали преобладать женщины, их доля в 1990 г. была 50 %, а в 2010 г. – 53 %). Это произошло за счет изменений в группе старше трудоспособного возраста; в ней доля женщин составляла 75 %, в то время как в группе трудоспособного возраста – 48, а еще моложе – 49 %;
- «старение» населения (доля лиц в трудоспособном возрасте за последние 10 лет уменьшилась на 8 процентных пунктов);
- в составе населения коми национальность устойчиво сохраняет свою позицию в общей численности населения республики на уровне 23–25 %, что дает основания серьезно заниматься совершенствованием северных типов хозяйств, связанных с особенностями этнокультурного развития.

Трудовые ресурсы и занятость

Наиболее сложными здесь являются вопросы общей и структурной динамики, совмещения качества рабочих мест и уровня квалификации работников, согласованности развития сфер экономики и подготовки кадров.

Сокращение экономически активного населения идет за снижением его общей численности, но чуть в иной динамике (табл. 2). Это можно объяснить половозрастными сдвигами в структуре постоянно проживающего в республике и мигрирующего населения. Главное же заключается в весьма высокой доле экономически неактивного населения: соотношение «активного» и «неактивного» было в 1992 г. – 77:23, 1995 г. – 72:28, 2000 г. – 67:33, 2005 г. – 69:31, 2010 г. – 71:29.

Таблица 2

Численность экономически активного населения, занятых и безработных в Республике Коми (2000–2010 гг.), тыс. чел.

Показатели численности	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Численность населения в возрасте 15–72 лет	815,6	798,0	766,4
Экономически активное население	547,7	547,0	547,1
Занятые в экономике	481,8	483,9	490,9
Экономически неактивное население	267,9	251,0	219,3
Безработные	65,9	63,1	56,3

Основной причиной роста абсолютной и относительной «неактивности» является безработица. Особую остроту такая ситуация имеет в сельской местности. Преобладающей в численности безработных в кризисные 1990-е гг. была возрастная группа 30–49 лет, наиболее плодотворная в трудовом отношении: 1992 г. – 34 %, 1995 г. – 50, 2000 г. – 50, но 2005 г. – 24, 2008 г. – 14, в 2009 г. (год пика финансового кризиса) – 21, в 2010 г. – 15 %. Более половины безработных составляют люди, имеющие начальное профессиональное и среднее общее образование.

Нельзя не обратить внимание на различие в динамике общей и зарегистрированной безработицы. Госстат по Республике Коми ведет социологические опросы с фиксацией пяти способов поиска работы: 1) обращение в государственную и коммерческую службы занятости; 2) подача объявлений в печать, отклик на объявления; 3) обращение к друзьям, родственникам и знакомым; 4) непосредственное обращение к администрации/работодателю; 5) другие способы. Растет доля второй, третьей и четвертой групп. Люди все более теряют надежду на трудоустройство через систему государственных и коммерческих служб занятости не потому, что последние плохо работают, а по причине несовпадения качества спроса и предложения на организованном рынке труда. Квалификационные требования повышаются, растет спрос лишь на определенные профессии, возрастает избыток не востребованных профессий.

В государственную службу занятости чаще обращаются женщины. Для этого есть разные причины. Одна из важнейших – снижение спроса на труд в сфере промышленного и сельского хозяйства и повышение – в торговле и финансовых организациях, где женщины в численности традиционно преобладают.

В периоды экономического кризиса 1990-х гг. и последующей стабилизации на первый план трудоустройства выходят «удобные» рабочие места, не требующие высокой квалификации. Доходных рабочих мест с высоким уровнем организации умственного труда явно не хватает, что ведет к деградации инженеров, техников и рабочих. При таких обстоятельствах главенствующую роль в обеспечении семейного бюджета нередко играют именно женщины, более приспособленные к «удобным» рабочим местам; значительная же часть мужчин уходит в частный извоз, мелкий ремонт или же остается без работы. Без целенаправленного развития инновационной экономики, глубокой диверсификации производства с адекватным уровнем подготовки кадров такого рода «замкнутый круг» не разорвать.

Производственные фонды

Экономическая оценка производственных фондов ради быстрой их приватизации и укрепления позиций «рынка» оказалась в 1990-х гг. настолько бестолковой и противостественной, что даже спустя 20 лет статистические показатели об этой части производительных сил ни о чем не говорят. Расчет, например, фондовооруженности и фондоотдачи потерял реальный смысл.

Переоценка основных фондов была и остается организованной крайне плохо – без научного подхода к процессам накопления и воспроизводства капитала, с запаздыванием относительно инфляции на 2–3 года. Позиция производственных фондов в системе общественного воспроизводства остается крайне заниженной: нет внятной амортизационной политики и уже давно не проводятся расчеты нормативов запасов товарно-материальных ценностей.

Стабилизация работы предприятий основных отраслей хозяйства до кризиса 2008 г. давала все же возможность более или менее объективно оценить структурные показатели, индексы физического объема и коэффициенты динамики фондов.

Так, весьма высокую долю в фондах республики имеют транспорт и связь, что еще раз подчеркивает значение ее транзитных функций. Отмечается положительная динамика в росте физического объема основных фондов, обусловленном вводом новых мощностей в минерально-сырьевом комплексе, строительстве, торговле, сфере операций с недвижимостью и госуправлении.

Уровни обновления и выбытия фондов однозначно оценить нельзя; в 2001–2010 гг. реализованы крупные проекты модернизации целлюлозно-бумажной (Сыктывкарский ЛПК), нефтеперерабатывающей (Ухтин-

ский НПЗ), газоперерабатывающей (Сосногорский ГПЗ) и частично угольной промышленности (Воркутауголь), увеличились мощности горнодобывающей и деревообрабатывающей промышленности, организовано деревянное домостроение, добыча бокситовых руд; однако в тех же и других отраслях все еще остается много старого оборудования и ветхих сооружений, что видно из данных о высокой степени износа основных фондов. Сооружения, машины и оборудование, транспортные средства изношены более чем наполовину. Удельный вес полностью изношенных основных фондов в республике составил в 2006 г. 15,4 %; в 2009 – 13,7; от 4,9 (5,3) – здания до 24,6 (19,1) – транспортные средства. Транспорт стал в социальном и экологическом отношении весьма опасным (табл. 3).

Таблица 3

Структура и динамика основных фондов Республики Коми по видам экономической деятельности, объединенных в две группы (2006/2009 гг.), %

Группа отраслей	Структура	Рост за год	Степень износа
Отрасли, производящие товары	28,6/29,6	107,5/106,0	38,6/59,3
В том числе добыча полезных ископаемых	16,3/17,8	107,9/107,4	37,7/53,8
Отрасли, оказывающие услуги	71,4/70,4	104,3	59,3/61,2
В том числе:			
Транспорт и связь	54,6/55,1	105,9/103,5	67,3/67,3
Торговля	0,9/0,8	111,4/109,4	36,6/39,0
Финансовая деятельность, операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг	10,5/8,5	100,1/115,4	33,0/37,0
Образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,0/5,4	106,1/112,5	45,0/51,0

Научные рекомендации по управлению процессами развития материально-технической базы производства касаются в основном амортизации и инноваций на основе научно-технических достижений.

В пике экономического кризиса 1990-х гг. амортизация падала до уровня 10–12 % от ее реальной величины. Но и начисленная амортизация в значительной мере «проедалась», т. е. шла на пополнение оборотных средств, выплату дивидендов и в другие каналы, но не на техническое перевооружение. Доля амортизации в капитальных вложениях в основной капитал составляла 15–20 %; лишь в 2008 г. она поднялась до 34 %, а затем (под влиянием финансового кризиса) вновь снизилась до 16 % в 2009 г. и 21 % в 2010 г. В развитых странах даже с их обширной финансово-кредитной системой эта доля составляет 55–60 %.

Парадокс с амортизацией заключается в том, что выявление ее реальной величины и использование по назначению приведут к росту «промежуточного потребления» и снижению объема «чистой продук-

ции» из-за объективно необходимого увеличения затрат на обновление основных фондов. Поэтому необходимо преодолеть иллюзию предпочтительного роста ВВП (ВРП) как показателя общего экономического благополучия.

Наши предложения заключаются в том, чтобы проводить жесткую амортизационную политику. Это будет продуктивно, если на базе амортизации и некоторых других финансовых ресурсов предприятия откроют в банках специальные счета, средства которых могут использоваться только на капитальное строительство, модернизацию и внедрение новой техники.

На практике же, когда изначально ставится задача удвоения ВВП в течение 10 лет, а затем идет поиск путей ее решения «любой ценой», то невольно возникает политический умысел – повременить с наведением экономического порядка в процессах воспроизводства основных фондов. Здесь уместно заметить: экономический фетишизм заключается и в том, что роль некоторых показателей уровня социально-экономического развития чрезмерно отрывается от реальных процессов жизни. Это относится и к ВВП, величина которого обусловлена не только выпуском товаров и оказанием услуг, но и системой налогообложения, таможенной политикой, банковскими и тому подобными операциями, «игрой» цен и т. д.

Производство и потребление

И все же в системе национальных счетов производство и потребление фиксируются, главным образом, через объем, динамику и структуру валового регионального продукта (ВРП) (табл. 4).

Таблица 4

Объем и динамика валового регионального продукта
Республики Коми в период 1998–2009 гг.

Показатель	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2005 г.	2009 г.
ВРП в текущих ценах, млрд руб.	29,1	59,5	86,0	173,0	301,4
ВРП в сопоставимых ценах 1998 г., млрд руб.	29,1	30,8	32,1	36,5	39,2
Рост ВРП в сопоставимых ценах, %	100,0	105,8	110,3	125,4	134,5
ВРП на душу населения в текущих ценах, тыс. руб.	26,8	56,6	84,1	174,6	314,4
ВРП на душу населения в сопоставимых ценах 1998 г., тыс. руб.	26,8	29,1	31,2	36,6	140,9
Рост ВРП на душу населения в сопоставимых ценах, % к 1998 г.	100,0	108,6	116,4	136,6	152,6

Данные табл. 4 свидетельствуют о положительной динамике производства после дефолта в августе 1998 г., высоком росте цен производителей и сохранении инфляционного потенциала, о более существенном росте ВРП на душу населения за счет сокращения его численности.

Структура производства ВРП по видам экономической деятельности в Республике Коми примечательна тем, что она отражает ее хозяйственный профиль наиболее ярко, чем другие показатели, а именно: решающую роль сырьевого сектора, главным образом, добычи нефти, и это, пожалуй, не столько результат уровня организации труда и его производительности, сколько динамики цен на мировом и отечественном рынках (табл. 5 и 6).

Таблица 5

Структура валового регионального продукта
по видам экономической деятельности в 2005 и 2009 гг., %

Группы отраслей	2005 г.	2009 г.
Отрасли, производящие товары	58,8	56,0
В том числе добыча полезных ископаемых	34,3	29,0
Отрасли, оказывающие услуги	41,2	44,0
В том числе:		
Транспорт и связь	12,6	9,0
Торговля	9,1	9,0
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	9,1	10,0
Образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,9	8,0

Таблица 6

Производство основных видов продукции по Республике Коми

Виды продукции	ед. изм.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2010 в % к	
					2000 г.	2005 г.
Электроэнергия	млн кВт.ч.	7889	8409	9228	117,0	109,7
Тепловая энергия	млн г. кал.	19	20	19	100,0	95,0
Уголь	тыс. т	18402	12936	13600	73,9	105,1
Нефть, включая газовый конденсат	тыс. т	8181	11204	13100	160,1	116,9
Естественный газ	млн м ³	3851	3467	3300	85,7	95,2
Деловая древесина	тыс. м ³	5746	5115	5232	91,0	102,3
Бумага	тыс. т	460	600	725	157,6	120,8
Фанера клееная	тыс. м ³	175,1	322,0	291,2	166,3	90,4
Плиты ДСП	тыс. усл. м ³	207,5	273,2	306,0	147,5	112,0
Плиты ДВП	млн усл. м ²	20,8	27,6	17,2	82,7	62,3
Скот и птица на убой	тыс. т	24,1	23,8	28,7	119,1	120,0
Молоко	тыс. т	105,9	78,6	62,3	58,8	79,3
Яйца	млн шт.	172,8	176,2	167,6	97,0	95,1

Заметим, что рыночные преобразования привели к весьма существенным изменениям в экономическом статусе регионов России. В годы плановой экономики «чистый продукт» оседал в центре, но и в значительной мере в регионах с развитой обрабатывающей промышленностью.

В то время межрегиональные финансовые взаимоотношения были организованы так, что можно было наблюдать ярко выраженную эксплуатацию сырьевых регионов со стороны обрабатывающих. Сейчас ситуация иная: финансовые ресурсы еще в большей мере идут в центр, но и в значительной мере остаются в регионах минерально-сырьевой и топливно-энергетической промышленности. Это более справедливо, чем было когда-то.

Но появилась несправедливость другого характера, когда чрезмерно высокий экономический статус получают регионы, концентрирующие учреждения финансово-банковской сферы и «головного» управления крупными компаниями и холдингами. В Республике Коми на одного человека, занятого в операциях с недвижимостью, производится ВРП больше в 1,5 раза, чем в обрабатывающих отраслях промышленности, и в 7,2 раза больше, чем в образовании. Это, конечно, противоречит пониманию общественного значения труда предстателей разных профессий и требует реформирования распределительных отношений [5].

На всех этапах новейшей истории нашей страны в ущербном положении находились (и находятся) сельское и лесное хозяйство и, соответственно, районы данной специализации. Ценовая политика такова, что на одного занятого в этих отраслях производится ВРП меньше в три раза, чем в целом по хозяйству республики, в 14 раз меньше, чем в добыче полезных ископаемых и в пять раз по сравнению с операциями с недвижимостью. При такой дискриминации неизбежна деградация производственного потенциала аграрного сектора – земельного, материально-технического, кадрового. Доля местного производства в структуре потребления мяса и мясопродуктов снизилась за период 1990–2006 гг. с 42,9 до 25,9 % (2009 г. – 25 %), молока и молокопродуктов – с 41,4 до 28,4 (2009 г. – 27), яиц – с 99,6 до 68,2 % (2009 г. – 68 %); инвестиции в основной капитал сельского хозяйства в общей сумме инвестиций в экономику республики снизились за период 1990–2010 гг. с 5,7 до 0,2 %, посевные площади в хозяйствах всех категорий сократились со 100 до 40,5 тыс. га, поголовье крупного рогатого скота со 173 до 39 тыс. гол., в том числе коров с 71,0 до 18, свиней со 136 до 25, оленей со 124 до 81 тыс. гол. Парк тракторов всех марок в сельхозорганизациях уменьшился с 6778 до 971 ед. Начиная с 1990-х гг. отмечается постоянное опережение роста цен на энергоресурсы, сельхозтехнику, минеральные удобрения, комбикорма и т. д. по сравнению с сельхозпродукцией, сокращение уровня государственной поддержки; 35–40 % сельхозорганизаций убыточны. Ценовой диспаритет – одна из основных причин отсталости и лесозаготовительной промышленности, хотя ее экономические характеристики не столь удручающие, как сельского хозяйства. Преодоление указанного дисбаланса явилось бы важным фактором стабилизации социально-экономической ситуации в сельской местности.

Пропорции использования ВРП отражают устойчивые позиции валового накопления и инвестиций в основной капитал, но заметный рост

расходов на конечное потребление. Это стало возможно за счет снижения вывоза и увеличения ввоза товаров и услуг в республику. Сальдо вывоза и ввоза остается положительным, однако его позиции за период 2000–2009 гг. снизились на 16 процентных пунктов, в абсолютном объеме (в ценах 2000 г.) – в 3,3 раза. Основная причина данного процесса – рост зависимости республики от внешнего продовольственного обеспечения (табл. 7).

Некоторые показатели потребления достаточно достоверно отражают состояние экономики. Такими являются потребление воды и энергии (табл. 8).

Таблица 7

Показатели использования валового регионального продукта Республики Коми, в текущих ценах и %

Показатели	2000 г.		2005 г.		2009 г.	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%	млрд руб.	%
Валовой региональный продукт	59,5	100	171,3	100	301,4	100
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств	28,9	49	105,5	59	174,5	58
В том числе за счет:						
Расходов домашних хозяйств	23,8	40	84,8	50	143,4	48
Социальных трансфертов в натуральной форме	5,1	9	15,7	9	31,2	10
Валовое накопление основного капитала (включая прирост ценностей)	18,0	30	54,4	32	113,0	37
из него инвестиции в основной капитал	17,1	28	50,4	29	108,4	35
Сальдо вывоза и ввоза	+12,6	21	+11,4	9	+13,9	5

Таблица 8

Потребление воды и энергии в Республике Коми

Показатель	Год					
	1985	1990	1995	2000	2005	2008
Забор воды из природных водных объектов для использования, млн м ³	753	852	812	706	627	583
Потребление энергоресурсов (за исключением идущих в обрабатывающую промышленность в виде сырья), млн т. у. т	12,8	13,9	9,5	9,4	10,0	10,6
Потребление электричества, млрд кВт. Час.	8,7	10,0	7,9	7,8	8,0	8,8
Коэфф. энерго-топ., <small>млрд кВт. Час. млн. т. у. т.</small>	680	799	831	829	800	830

В кризисной ситуации водное и энергетическое хозяйства служат своего рода страховщиками, сохраняя резервы для будущего роста. При

этом мало внимания обращается на сбережение ресурсов. Наоборот, в годы стабильной и растущей экономики энерго- и водосбережение становится актуальным. Для измерения уровня технологического развития мы используем энерготопливный коэффициент: в годы движения к углубленной электрификации производства этот коэффициент увеличивается весьма заметно (в 1970 г. его величина была 443, в 1990 г. – 799 у. е.), но затем стабилизируется. Можно предположить, когда технология производства приобретет новое качество на основе энергии высокого потенциала, сдвиги данного показателя вновь будут более заметными.

Весьма существенные изменения произошли в организации производства и потребления.

Организационная структура производства стала как бы зеркальным отражением его технологического устройства. Низовые организационные единицы оформились в виде открытых акционерных обществ, осуществляющих, например, общую геологоразведку, бурение, глубокое бурение, различные виды технических и социальных сервисных услуг (энерго-, тепло-, автохозяйства, проектирование и пр.). Такие ООО являются самостоятельными хозяйствующими субъектами и вместе с тем строго соподчинены регламенту работы среднего звена – ОАО, владеющими основной частью природно-ресурсных и финансовых активов. В свою очередь они входят в верхний эшелон управления – крупные национальные и/или транснациональные компании. Дробность усиливается еще по двум направлениям: непрофильные активы (как правило, вспомогательные и обслуживающие производства) выводятся «за пределы» основного предприятия в качестве «малого бизнеса»; единое предприятие, работающее в двух субъектах РФ (например, в Республике Коми и Ненецком автономном округе), иногда делится на два предприятия, чтобы пропорционально платить налоги в территориальные бюджеты.

Если посмотреть на все показатели статистики, то увидим, что самый высокий рост имеет число юридических лиц. В республике в 2006 г. их было 1445,0, а на начало 2011 г. – 21 357 (рост в 1,47 раза). Добычей полезных ископаемых занято 240 организаций, в том числе угля – 21, сырой нефти и природного газа, предоставлением услуг в этих областях – 164, лесозаготовками – 577, сельским хозяйством, охотой и лесным хозяйством – 1129.

Такого рода дробность оргструктур однозначно оценить нельзя. Там, где она «вписана» в общую производственную систему с развитой схемой субподряда, результат, как правило, в целом положительный, хотя имеются сверхнормативные трансакционные издержки. Последняя статистика непосредственно не учитывает, но их масштаб можно понять из доли «прочих затрат»: в нефтедобывающей промышленности – до 65 % в России и 60 % в Республике Коми, в газовой, соответственно – до 66 и 10 %. Региональные нефтедобывающие компании, более самостоятельные в бухгалтерском учете, чем газовые, которые более жестко

соподчинены Газпрому. Отрицательный же результат имеют небольшие предприятия, не связанные технологически и экономически с крупными. Это в большей мере присуще лесозаготовкам.

Организация потребления также имеет плюсы и минусы. За последние годы получило развитие индивидуальное предпринимательство, организовано множество малых предприятий, что и соответствует общим тенденциям рыночной экономики. Недостатки здесь обусловлены низким уровнем технологичности и качества оказания услуг, их дороговизной (особенно в жилищно-коммунальном хозяйстве) и наличием огромного количества паразитирующих посредников.

Доходы и расходы. Социальная стратификация

В Республике Коми, как и в России в целом, происходит расслоение населения по уровню доходов не на почве роста общественной производительности труда и возвышения потребностей, а в силу разрушения системы мотивации к производительному труду, снижения эффективности производства, стресса и борьбы за физическое выживание одних групп населения, деления сфер экономического влияния и нетрудового обогащения – других. Последние уяснили выгоды революционного реформирования и осознанно заняли ведущие политико-экономические позиции, первые – длительное время не понимали серьезности последствий буржуазно-демократической революции и должным образом не оценили свою роль в системе новых движущих сил развития общества. Пример 1992 г.: разрыв между 10 %-ной высоко- и низкодходной группами семей в первом квартале был примерно в 10 раз, во втором – 12, в третьем – 18, в четвертом – 20 раз.

Насколько существенно удалось преодолеть результат социально-экономического произвола прошлых лет?

Ответ на данный вопрос виден из табл. 9. По относительным показателям уровня доходов населения в целом положительные сдвиги в республике наблюдаются после 2000 г. Реальные душевые денежные доходы максимально увеличились в 2001 г. (126 %); средний рост в 2001–2006 гг. (108–109 %); снизились в 2008 г., когда начался финансовый кризис (99,1 % к предыдущему 2007 г.).

Есть и другие положительные примеры роста доходов населения. Правда, и в настоящее время наблюдаются не только чрезмерный разрыв в уровнях доходов, но и такие явления, как социальная напряженность, пессимизм, апатия, ориентация на меркантильность, псевдокультуру и другие негативные «ценности» жизни.

Социальная стратификация населения в определенной мере проявляется и в расходах населения. Их структура примечательна тем, что люди с наименьшими доходами тратят на питание (по данным 2008 г.) 50,5 % своих расходов, наибольшими – 16,2 %; аналогичные данные о покупке непродовольственных товаров – 17,7 и 67,3 %.

Индикаторы уровня жизни населения Республики Коми

Показатель	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	16,1	26,3	15,3	15,9
Соотношение с величиной прожиточного минимума среднедушевых денежных доходов, %	260	211	310	305
Коэффициент дифференциации доходов, раз	14,5	14,5	17,4	17,5
Индекс концентрации доходов (коэфф. Джини)	0,403	0,402	0,427	0,428

В Республике Коми предпринимались попытки сгладить социальные различия законодательным путем, например, через регулирование соотношений в размерах заработной платы или путем нормирования предельных торговых надбавок к цене товара. Но эти попытки практически реализовать не удалось в силу лоббизма со стороны бизнеса либо несоответствия регионального законодательства федеральному.

Территориальная структура хозяйства

В Республике Коми сформировались очаги хозяйственной деятельности под влиянием определенных производств и их тяготения к ведущим центрам. Сюда относятся районы: Воркута-Интинский (уголь), Печоро-Усинский (нефть и р. Печора как транспортный путь), Ухта-Сосногорский (газ, транспорт нефти и газа, горнорудная промышленность) и Сыктывкарский (лес и лесопереработка, АПК, автотранспорт, административные функции).

Население каждого из них тесно связано с условиями развития указанных отраслей, их экономическим статусом и корпоративной политикой. Это же в значительной мере предопределяет расслоение районов по величине финансового дохода, уровню жизни, характеру миграции и т. д. Велика социально-экономическая дифференциация и внутри указанных районов, что предопределено характером расселения населения. Положение указанных четырех внутриреспубликанских районов в общей структуре хозяйства отражено в табл.10.

Вполне естественно, что динамика территориальной структуры хозяйства республики на фоне общих социально-экономических процессов показывает разную степень проблемности угольной промышленности в Арктической зоне, нефтегазового комплекса в зонах лесотундры и крайней северной тайги, переработки полезных ископаемых в северотаежной зоне, сельского хозяйства, лесозаготовок и деревообработки освоенных таежных, в том числе южнотаежных, территорий.

Таблица 10

Распределение численности населения и занятых в отраслях хозяйства Республики Коми по внутриреспубликанским экономическим районам, в % на начало года

Внутриреспубликанские районы	Население			Занятые		
	2001 г.	2006 г.	2010 г.	2001 г.	2006 г.	2010 г.
Воркута-Интинский	18,4	16,9	15,4	19,2	15,4	14,3
Печоро-Усинский	15,3	15,4	15,2	15,4	15,6	15,7
Ухта-Сосногорский	24,0	24,2	24,4	23,5	24,3	24,5
Сыктывкарский	42,3	43,5	45,0	41,9	44,7	45,5

Проблемность заключается не только в разной реакции на экономический кризис и его преодоление, но и в мере готовности (или неготовности) встать на путь естественноисторического развития. Дело в том, что в истории освоения природных ресурсов Крайнего Севера было чрезмерно много лишнего и бесчеловечного (например, ГУЛАГ).

Избавление от прошлого негатива – дело болезненное. Ситуация была бы социально справедливой, если сокращение населения и производства в поселениях Крайнего Севера сопровождать существенным повышением благоустройства оставшихся здесь жить и работать.

Экономический федерализм

Социально-экономическое положение отдельно взятого региона России во многом зависит от норм и правил экономического федерализма – распределения налоговых и бюджетных полномочий по уровням государственной и муниципальной власти. О положении Республики Коми в системе экономического федерализма частично можно судить по данным табл.11 и 12.

Выделим следующие позиции:

- финансово-экономические отношения между Центром и регионами имеют неустойчивый характер и зависят от многих обстоятельств, например, от финансового кризиса, начиная с 2008 г.;
- критика в адрес Центра по поводу чрезмерной концентрации финансовых ресурсов в федеральном бюджете нуждается в детализации. Во-первых, по общему итогу, как показывают данные по Коми республике, централизация не столь значительна и ее можно было бы считать справедливой, если бы бюджет республики не имел дефицита (2008 и 2009 гг.). Во-вторых, централизация способствует в лучшей мере преодолению последствий финансовых кризисов, природных и техногенных катастроф (пример 2010 г.). В-третьих (и здесь надо сказать «однако»), чрезмерная централизация действительно нуждается в серьезной критике, поскольку она осуществляется главным образом за счет природно-ресурсных налогов и платежей, что

не мобилизует регионы на комплексное освоение и использование полезных ископаемых и биологических богатств⁶³. Почти полная централизация налога на добычу полезных ископаемых нарушает принцип равноправия в системе экономического федерализма;

- региональные и местные бюджеты находятся в ущербном положении не только в силу непропорционального распределения налогов, но и потому, что «не имеют полного учета объектов налогообложения и не оценена их стоимость ни по земле, ни по имуществу» [2, с.18].

Таблица 11

Финансовые ресурсы Республики Коми (взаимоотношения с федеральным уровнем власти), млрд руб. в текущих ценах

Показатель	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.
Финансовые ресурсы	37,7	82,4	129,3	164,4
Средства, переданные на федеральный уровень (минус)	-7,8	-49,5	-75,8	-45,6
Средства, полученные с федерального уровня (плюс)	4,0	18,7	37,9	51,7
Сальдо переданных и полученных средств по бюджетной линии	-3,8	-30,8	-37,9	+6,1
Сальдо переданных и полученных средств по внебюджетной линии	-4,9	+13,2	+10,3	-28,9
Использование финансовых ресурсов в республике	29,0	64,8	135,7	141,6

Таблица 12

Налоги, сборы и иные обязательные платежи, уплаченные в Республике Коми в бюджетную систему Российской Федерации, млрд руб. в текущих ценах

Показатели	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Налоговые платежи *	15,9	60,1	103,4	69,7	80,4
В том числе					
В консолидированный бюджет республики	9,1	20,6	36,1	34,1	38,2
Из него:					
В бюджеты муниципалитетов	...	3,0	6,6	6,9	7,6
В федеральный бюджет	6,8	39,5	67,3	35,6	42,2
Доля перечислений в федеральный бюджет, %	42,8	65,7	65,1	51,1	52,5

Примечание.* Без единого социального налога и страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

⁶³ В 1990-х гг. в консолидированных бюджетах субъектов РФ сосредотачивалось от 75–85 % всех платежей за пользование природными ресурсами, в 2003 г. эта доля упала до 35, а в 2008 г. – до 20 %. В Республике Коми: 2000 г. – 61 %, 2009 г. – 6 %, 2010 г. – 1 %. В суммарных консолидированных бюджетах северных регионов, где добывающая промышленность является профилирующей, доля доходов от использования природных ресурсов составляет от 15 до 1 %; в Республике Коми: 2008 г. – 6 %, 2009 г. – 3, 2010 г. – 1 %.

Оценка финансово-экономического кризиса

Первые признаки кризиса стали появляться в четвертом квартале 2008 г.: «затоваривание» угольных и лесозаготовительных предприятий, обвал цен на нефть до 30 дол. за баррель, недостаточность оборотных средств и сокращение объемов промышленного производства. Однако глубина его падения в республике по итогам 2009 г. оказалась незначительной (98,6 %); в России – 89,2 %. Кризис более всего проявился в финансовой сфере: сокращении налоговых поступлений, особенно по налогу на прибыль (в 2009 г. по сравнению с 2008 г. – на 25 %) и на добычу полезных ископаемых (соответственно на 44 %). Результат – секвестирование бюджета республики в апреле 2009 г. на 6,5 млрд руб., в сентябре – еще на 1,5 млрд руб.

Наиболее отрицательно финансово-экономический кризис сказался на социально-экономическом положении городов и районов монопрофильной специализации. Поскольку монопрофильность характерна для Севера по естественным причинам, то именно ей в оценке кризиса было уделено наибольшее внимание. Авторская позиция здесь заключается в следующем:

- антикризисные мероприятия, активно проводимые всеми органами управления хозяйством республики, по сути, являются экстренной реакцией на уже случившееся финансовое неблагополучие. Но их следовало бы проводить заблаговременно на основе познания природы экономической цикличности и совершенствования нормативного регулирования отношений между корпорациями и территориями с учетом такой цикличности;
- стандартное антикризисное мероприятие – создание дополнительных рабочих мест за счет строительства новых предприятий и расширения существующих производств – в условиях Севера малоэффективно. После кризиса такие предприятия и производства, созданные «на скорую руку», с большей долей вероятности станут неконкурентоспособными. Генеральным направлением является все же оптимизация количества и качества рабочих мест на основе научно-технического прогресса в природно-ресурсных отраслях хозяйства и в сфере услуг.

Инновационная экономика

По логике экономического анализа к инновациям следовало бы подвести разделы кадровой, финансовой и инвестиционной политики. Но это весьма объемный научно-аналитический материал, который заслуживает специального рассмотрения. В рамках данной работы это сделать невозможно, поэтому мы будем исходить как бы из итоговых результатов: кадровая политика в республике активизируется, особенно в части профессионального образования; финансовый потенциал нуждается в укреплении за счет совершенствования межбюджетных отношений, формирования внебюджетных фондов, более активной кредитной

политики, а также (как отмечено выше) амортизационной; инвестиционный рейтинг республики существенно повысился, что соответствует ускоренному росту капитальных вложений (в 2000 г. – 183,4 %, 2005 г. – 131,4, 2008 г. – 113,9, но (как результат завершения крупных проектов реконструкции производства) 2010 г. – 91,2 %). Однако инвестиционный потенциал не полностью соответствует требованиям инновационной деятельности, а именно – 60 % инвестиций в основной капитал используется на строительство зданий и сооружений и лишь 29 % – на покупку и модернизацию машин, оборудования и транспортных средств.

Главное, что удалось доказать, заключается в следующем: хозяйство северных регионов наукоемко; в природно-ресурсных отраслях можно получать новые продукты, конкурентоспособные на мировых рынках; технологии по добыче и переработке сырья все в большей мере основываются на прогрессивных научно-технических достижениях в области электроники, механики, химии, микробиологии и других отраслей знаний. Развитие (как смена качества) отражается не столько в темпах роста ВРП, сколько в активной работе по освоению новых знаний.

На Севере, в том числе и в Республике Коми, особое внимание следует обратить на поиск новых технологических методов разведки месторождений полезных ископаемых, их максимального извлечения и комплексного использования, обеспечение экологической безопасности освоения ресурсов, производство морозостойких полимерных композиционных материалов, проектирование машин и механизмов, конструкций и сооружений, пригодных к эксплуатации в сложных и экстремальных природных условиях, разработку новых технологий строительства дорог, ледовых переправ и зимников.

Конечно, это не полный перечень «точек роста», но даже в таком виде он демонстрирует актуальность решения научно-технических проблем Севера. В указанных направлениях заключена не только проблематика на будущее, но и реальные достижения настоящего времени, которые в значительной мере уже подготовлены для практического применения.

Укажем лишь в общих чертах на подготовленные наукой направления инновационной экономики в Республике Коми.

Топливный комплекс. Для развития Печорского угольного бассейна актуальными являются новые технологии в части комплексного использования крупных запасов углей зольных и трудно обогащаемых коксующихся марок, утилизации метана, получения жидкого синтетического топлива, производства адсорбентов, углеграфитовых материалов и термографитов. Заблаговременно нужно оценить вероятность перехода на бескоксовую металлургию и вытекающую отсюда необходимость широкого развития углехимии.

Будущее Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции во многом зависит от использования новых принципов разработки сложных по составу месторождений нефти, методов утилизации попутного и растворенного газа, комплексного использования парафина. Необходимо

увеличить извлечение этана, бутана, пропана, сероводородов и организовать на этой основе производство полихлорвинила, пластмасс, газовой серы и других продуктов.

Горно-металлургический комплекс. Технологическое развитие здесь нацелено не только на улучшение его традиционной структуры (например, получение глинозема, марганца и баритов и др.), но и производство новых видов материалов, например, разнообразных керамик, каменного литья, базальтового и оптического волокон, искусственных кристаллов, синтетических изделий.

Лесной и аграрный сектора хозяйства. Реализация инноваций в лесном хозяйстве связана с биотехнологией и лесохимией. В настоящее время имеются достаточно научно обоснованные технологии с использованием методов эмульсионной экстракции, гидролиза, окисления, карбоксилирования и других, которые позволяют комплексно перерабатывать древесную зелень в ценные биологически активные вещества и пищевые добавки. Биотехнология весьма перспективна в переработке тех растений, которые являются источником полисахаридов, обладающих иммуномодулирующей активностью и выраженным действием на эндокринную и сердечно-сосудистую системы организма.

Необходима государственная поддержка в техническом перевооружении и новом строительстве перерабатывающих предприятий и цехов по выпуску мясной, молочной, хлебобулочной продукции, в развитии закупочно-заготовительной и снабженческо-сбытовой сети, факторийных форм торговли и обмена в местах проживания и хозяйственной деятельности коренных народов Севера.

Новые достижения в сельском хозяйстве северных территорий связаны с использованием отечественной грядово-ленточной и голландской технологий возделывания картофеля, финской технологии выращивания рассады и посадки капусты, а также технологий хранения овощей, в том числе с использованием льда в качестве конструкционного материала хранилищ. Получены новые научные результаты и накоплен практический опыт повышения продуктивности пород скота, однако широкого распространения они пока не получили из-за почти полного отсутствия у сельхозпредприятий финансовых ресурсов.

Приведенные выше материалы позволяют сделать весьма важный вывод: научно-технический прогресс и инновации – это и есть новые направления производительных сил Республики Коми. Как видим, они тесно связаны с природно-ресурсной экономикой, делают ее более наукоемкой, а следовательно, и более конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках. Но еще важнее их связь с возвышением интеллектуального потенциала населения, что чрезвычайно важно для обеспечения устойчивого социально-экономического развития.

Литература

1. Лаженцев, В.Н. Тимано-Печорский ТПК как квазикорпорация / В.Н. Лаженцев // Директор. – 2002. – № 7. – С. 52–55.
2. Лаженцев В.Н. География и практика территориального хозяйствования / В.Н. Лаженцев, Т.Е. Дмитриева. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – 137 с.
3. Макаров, В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов / В.Л. Макаров. – Москва: Бизнес Атлас, 2010. – 272 с.
4. Татаркин, А.И. Антикризисное развитие территорий / А.И. Татаркин, В.С. Бочков // Экономика региона. – 2009. – № 2. – С. 7–21.
5. Шевяков, А.Ю. Социальная политика и реформирование распределительных отношений / А.Ю. Шевяков // Вестник РАН. – 2007. – Т. 77. – № 33. – С. 195–210.

О диверсификации экономической специализации Республики Коми⁶⁴

Статья критически рассматривает принятый Стратегией пространственного развития РФ принцип региональной и отраслевой специализации. Его основной недостаток – закрепление в качестве перспективной специализации ранее сложившейся производственной структуры, без учета инноваций, актуальных и перспективных потребностей регионов. Показаны тенденции трансформации хозяйства Республики Коми – региона, во многих отношениях типичного для природно-ресурсного Севера России. На основе научно-исследовательских разработок Коми научного центра УрО РАН дана экспертная оценка возможным переменам в области недропользования и биоресурсной экономики и их влиянию на социальные процессы в республике. Проблематичность обусловлена «затуханием» угольных городов (Воркуты и Инты), переходом добычи углеводородов на преимущественно средние и малые месторождения, трудностями комплексного использования рудных полезных ископаемых, экологической целесообразностью ограничений объема лесозаготовок и создания новых биохимических технологий переработки ресурсов таежных и тундровых территорий. Финансово-экономический аспект специализации республики обозначен как вывоз потенциального капитала и как функция региона в системе федеративных отношений.

Ключевые слова: экономическая специализация региона, функция региона, минерально-сырьевая динамика, природно-ресурсный потенциал, новая биоресурсная экономика, экологические ограничения, Республика Коми.

V.N. Lazhentsev. On the diversification of the economic specialization of the Komi Republic.

Abstract. The article critically examines the principle of regional and sectoral specialization adopted by the Spatial Development Strategy of the Russian Federation. Its main drawback is the consolidation of the previously established production structure as a promising specialization, without taking into account innovations, current and prospective needs of the regions. The trends of transformation of the economy of the Komi Republic, a region typical in many respects for the natural resource North of Russia, are shown. Based on the research developments of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, an expert assessment of possible changes in the field of subsoil use and bioresource economy and their impact on social processes in the republic is given. The problem is caused by

⁶⁴ Лаженцев, В.Н. О диверсификации экономической специализации Республики Коми / В.Н. Лаженцев // ЭКО. – 2020. – № 12. – С. 8–37. DOI: 10.30680/ECO0131-7652–2020 12-8-37

the "fading" of coal towns (Vorkuta and Inta), the transition of hydrocarbon production to mainly medium and small deposits, the difficulties of integrated use of ore minerals, the ecological feasibility of restrictions on the volume of logging and the creation of new biochemical technologies for processing resources of taiga and tundra territories. The financial and economic aspect of the specialization of the republic is designated as the export of potential capital and as a function of the region in the system of federal relations.

Keywords: economic specialization of the region; function of the region; mineral resource dynamics; natural resource potential; new bioresource economy; environmental restrictions; Komi Republic.

Понятия, характеризующие общественные формы организации производства и народного хозяйства в целом, вновь приобретают научную и практическую актуальность, в том числе в связи с возрастающим значением факторов географического разделения труда и пространственной экономической интеграции. Одним из них является специализация в ее отраслевом и региональном проявлениях. Официальное определение перспективных специализаций регионов (субъектов РФ), отмеченное в государственных документах стратегического планирования, вызывает у экономистов-исследователей неоднозначную реакцию, как правило, критическую. Несогласие заключается в том, что привычное и устоявшееся представление о производственном профиле регионов фиксируется как их перспективная специализация без учета инноваций в технологиях и новых потребностях хозяйства и населения. Закрепление существующего на будущее не способствует решению проблем социально-экономического развития территорий. Особенно это заметно в регионах ресурсного типа, динамика развития которых как раз и зависит от решения задач модернизации сырьевых отраслей экономики.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия) перспективная экономическая специализация региона (субъекта РФ) определена как «совокупность укрупненных видов экономической деятельности (отраслей), обусловленных благоприятным сочетанием конкурентных преимуществ (пространственных факторов размещения видов экономической деятельности).

Для Республики Коми перспективными в Стратегии названы: добыча полезных ископаемых; лесоводство и лесозаготовки; обработка древесины и производство изделий из дерева, кроме мебели; производство бумаги и бумажных изделий; производство кокса и нефтепродуктов; производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство прочих готовых изделий; транспортировка и хранение; туризм – деятельность гостиниц, предприятий общественного питания. и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма. Неперспективная экономическая специализация, критически важная для экономики Республики Коми, включает следующие отрасли: производство пищевых продуктов; производство текстильных изделий;

растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях.

К сказанному есть три замечания. Первое: *перечисление традиционных производств, размещенных в том или ином регионе, не определяет суть пространственного развития страны и перспективной специализации ее регионов* [1]. Действительно, отраслевая структура хозяйства (в рамках статистических форм отчетности) большинства северных и арктических регионов России в ближайшие годы кардинально не изменится, но внутреннее содержание производительных сил может быть другим – соответствующим концепции ресурсно-инновационного развития. Второе: *отрасли включают различные производства, а их межотраслевые территориальные сочетания представляют регион (или группу регионов) в рыночном пространстве совершенно в другом виде, чем сама отрасль* [2]. Третье: *отнесение производства к укрупненной статистической единице под названием «отрасль» нередко носит условный характер*. Например, «производство текстильных изделий» – это не только «ивановский текстиль», изготовление которого в северных регионах, действительно, неперспективно, но и нетканые материалы. В Республике Коми их выпускает АО «Комитекс», доля которого в общероссийском выпуске нетканых материалов составляет около 14 %. Основные рынки сбыта его продукции – автомобилестроение, дорожное строительство, кабельное производство, нефтегазовая промышленность. Это весьма перспективно еще и потому, что здесь перерабатывается использованная пластмассовая посуда – экологически особенно вредный твердый бытовой отход.

Вместе с тем возвращение к тематике «специализация регионов», весьма популярной в 1960–1970 гг., вновь актуализирует проблемы использования эффекта географического разделения труда и пространственной интеграции. Нежелательно, как в прежние годы, ограничиться лишь поиском статистических и расчетных показателей, отражающих территориальную концентрацию производства и межрегиональные различия в долевом распределении тех или иных видов экономической деятельности [3]. Они необходимы в основном для иллюстрации известных фактов и не имеют практического значения в стратегическом планировании. Более актуальной становится экспертная оценка специализации регионов. Так, эксперты ВШЭ критически рассмотрели перечень экономических специализаций регионов, который в Стратегии пространственного развития России рекомендовано учитывать при подготовке федеральных и местных программ.

Экономические специализации эксперты ВШЭ рассматривают как отрасли, в которых тот или иной субъект РФ силен и перспективен, используя для их оценки метод значимых кластерных групп (применяется с 2000 г. в США в рамках проекта US Cluster Mapping и с 2005 г. на уровне всего Евросоюза). По нему учитывается не только традиционная промышленная деятельность, но и сфера интеллектуальных услуг,

креативных и культурных сегментов, включенных в межрегиональную и внешнюю торговлю. В их исследовании подчеркивается, что регионы необходимо поддерживать в поисках умной специализации, «ориентируя не на выбор “правильных” отраслей, а на повышение конкурентоспособности за счет трансформации отраслевой структуры»⁶⁵.

Представленную ниже оценку специализации Республики Коми также можно рассматривать как экспертную с учетом научно-аналитических материалов Коми НЦ УрО РАН [4]. Будем исходить из простого определения. Специализация региона есть его функция в системе географического разделения труда. Экономическая функция Республики Коми – участие в формировании природно-ресурсных баз российской национальной экономики. Роль «замыкающего» ресурса относительно других потенциальных возможностей республики играет экология. Это обусловлено исключительно высокой ролью северной тайги (бореальных лесов), ее рек и озер в формировании жизненно необходимой воздушной среды всей европейской части России.

Новые возможности традиционных добывающих отраслей

Ориентиром для топливно-энергетического сектора экономики служит Энергетическая стратегия России до 2035 г.⁶⁶ В ней *угольная промышленность Республики Коми*⁶⁷ уже не играет сколь-нибудь существенной роли, хотя ранее (в советские годы) каменный и бурый уголь Печорского бассейна, а также крупная угольная энергетика с межрегиональной передачей электричества считались эффективными направлениями специализации. Предполагалось реконструировать шахты, работающие на базе Воргашорского и Воркутинского месторождений, построить шахты на Усинском и Сейдинском месторождениях.

Но одновременно в стратегических планах развития энергетики России была обозначена *«газовая пауза»*, которая по факту продлена на неопределенный срок, а по существу – переведена в долгосрочную энергетическую политику. Замена на тепловых электростанциях угля газом коренным образом изменила состояние не только г. Инты, но и г. Воркуты. Эти города уже давно находятся в зоне риска – плановой ликвидации бесперспективных организаций угольной промышленности в увязке с мерами социальной защиты высвобождаемых работни-

⁶⁵ Интернет-издание «Экономические специализации регионов. В поисках истины. – URL: <https://iq.hse.ru/news/290627643.html>»

⁶⁶ URL: file:///C:/Users/VNL/Downloads/document-119047.pdf

⁶⁷ В Печорском угольном бассейне действуют пять шахт и один разрез. Добыча угля – 6–7 млн т/год, из них 95 % приходится на АО «Воркутауголь»; 75 % добываемых углей составляют коксующиеся. Подготовленные для разработки запасы углей не ограничивают объем их добычи. Основными потребителями коксующихся углей Печорского бассейна являются металлургические предприятия: ПАО «Северсталь», ОАО «Носта», ПАО «Мечел», Новолипецкий, Нижнетагильский, Магнитогорский металлургические комбинаты, Московский коксогазовый завод. Угли энергетических марок поступают на предприятия и торговую сеть Северо-Западного ФО.

ков. Финансирование на предоставление жилищных субсидий переселенцам с Севера по г. Воркуте в 2018 г. составило 5,4 млрд руб., в 2020 г. намечено 15,6, в 2024 г. – 41,8 млрд руб.

В Стратегии обозначена необходимость «развития угольно-технологических, углехимических и энерго-угольных кластеров, позволяющих комплексно использовать возможности угольных месторождений» (С. 54). Однако применение определенных марок печорских углей в качестве химико-технологического сырья для получения полукокса, смол, фенолов, синтетического жидкого топлива и синтез-газа ни в одном государственном документе не рассматривается, как и в планах головного для г. Воркуты ПАО «Северсталь», что фактически ставит крест на развитии этой тематики в городе и регионе.

Между тем именно химико-технологическое направление использования угольных ресурсов могло бы оказаться перспективным, тем более при условии перехода металлургии на бескоксное производство. Последнее является весьма важным условием новой структуризации топливно-металлургических баз нашей страны. Сроки его исполнения пока не определены, но поставленная научно-технологическая проблема прямого восстановления железа из руд рано или поздно будет решена, и такого рода неизбежность предприятиям, добывающим коксующийся уголь, надо иметь в виду. Если российская и мировая экономика будут испытывать растущую потребность в бензоле, аммиаке, каменных смолах и других подобных продуктах, то в Республике Коми можно было бы найти площадку для размещения коксо-газохимического завода.

Ситуация с углем может измениться к лучшему и в том случае, если возобладает подход к комплексному использованию углеводородов и переоценке значения угольной генерации. Несмотря на газовую гипертрофию, Россия не должна игнорировать мировую тенденцию оптимизации структуры энергоисточников с участием угля на уровне 30–35 %. Доля угольной генерации в структуре выработки энергии в 2018 г. составила в мире 38 %, а в России – 16 %. В России эта доля может быть существенно увеличена при условии технологического перевооружения тепловых станций и повышения их экологической безопасности [5]. Вероятность создания в Республике Коми крупной угольной энергетики не велика, но возможна, если учесть необходимость усиления надежности функционирования центральных и североευропейских электросистем России, а также потребности электродефицитных Архангельской, Вологодской и Кировской областей.

При сохранении же существующей товарной структуры угольной промышленности и недооценки значения угольной генерации добыча воркутинского угля может резко сократиться до 2–3 млн т, предназначенных в основном для коксохимических и коксогазовых заводов европейской части России. В таком случае г. Воркута сохранит функцию обслуживания транзитного газопровода «Ямал-Запад», инфраструктур-

ного обеспечения войсковой части и факторий оленеводов, а при благоприятной конъюнктуре на некоторые виды минерального сырья может стать базой освоения месторождений полезных ископаемых Полярного Урала. По сути, такая перспектива предполагает его существование как наполовину вахтового поселения. Еще в большей мере будущее «полувахты» угрожает г. Инте.

При этом надо иметь в виду, если вахта организована в рамках научно обоснованных стандартов обеспечения жизнедеятельности, особенно в санитарно-бытовой части, и с учетом ее растущего значения для Арктики и других мест Крайнего Севера, она вполне может сыграть роль фактора, сдерживающего затухание арктических угольных городов. Да и в целом кооперация по линии реализации арктических проектов и широкого использования межрегиональной вахты представляет значительный интерес [6]. Безусловно, вахтовый подход «закрепляет специализацию региона на добыче сырья, неравномерность освоения и развития» [7], но в принципе так и должно быть; «неравномерность» – характерная черта северной экономики.

Актуализация же внутренних источников развития арктических поселений и стремление достичь на этой основе их социально-экономической самодостаточности [8]⁶⁸ еще более усиливают проблематику арктического типа хозяйства и жилой застройки в условиях экстремального климата и деформирующихся многолетнемерзлых грунтов.

Республика Коми в Энергетической стратегии России на период до 2035 г. имеет позитивные позиции в качестве участника *Северо-Западного кластера нефтегазохимической промышленности*⁶⁹. Это предполагает:

- стабилизацию объемов добычи нефти в усинской части Тимано-Печорской провинции с последующим замещением выбывающих мощностей ресурсами Мезенской провинции, Предуральского прогиба и структур Западного Урала;

⁶⁸ Пока же «самодостаточность» в изложении информационного агентства БНК (24.05.2017) выглядит так: «В Воркуте 23 мая прошло очередное заседание городского совета. На нем депутаты рассмотрели девять вопросов, а также поддержали предложение обратиться с письмом к владельцу "Северстали" Алексею Мордашову. Депутаты хотят попросить олигарха, занимающего второе место в списке богатейших бизнесменов России с состоянием в \$17,5 млрд увеличить сумму ежегодной помощи городу в рамках социального партнерства».

⁶⁹ Запасы нефти на территории Республики Коми учтены по 146 месторождениям, из которых 128 нефтяных, 10 нефтегазоконденсатных, четыре нефтегазовых, четыре газонефтяных. Количество извлекаемых запасов нефти категорий А+В+С1 составляет 654 млн т. Более половины (55 %) остаточных извлекаемых запасов сконцентрировано в трех крупных месторождениях: Ярегском и Усинском нефтяных, и Возейском нефтегазоконденсатном. Добыча нефти ведется на 84 месторождениях и составляет 14–15 млн т/год. Добыча газа в регионе производится на восьми месторождениях и составила в 2018 г. 1,7 млрд м³. Основной объем свободного газа (более 80 %) добывает ООО «Газпром добыча Краснодар» на Вуктыльском нефтегазоконденсатном месторождении. Вместе с нефтью из недр Республики Коми извлечено 1,7 млрд м³ попутного газа (данные Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми).

- совершенствование технологий на Ухтинском НПЗ с целью глубокой и качественной переработки около 4 млн т нефти в год. Особое значение имеет глубокая переработка тяжелой нефти Ярегского месторождения с получением «морозостойких» моторных масел, потребность в которых с развитием Арктической зоны РФ многократно возрастает [9];
- стабильное развитие Усинского ГПЗ, собирающего попутный нефтяной газ с Харьягинского, Возейского, Усинского и Кыртаельского месторождений (до 600 млн м³) и поставляющего его на Усинскую ТЭЦ (100 МВт) и Печорскую ГРЭС (1 060 МВт; здесь используется также природный газ с магистрального газопровода);
- дальнейшую модернизацию Сосногорского ГПЗ, годовая производительность которого по газовому сырью в настоящее время составляет 3 млрд м³, по нестабильному конденсату – 1,25 млн т. Важно отметить, что термический технический углерод из природного газа высокого качества выпускается в России только на Сосногорском ГПЗ, причем продукция этого завода пользуется спросом более чем в 20 странах мира;
- организация согласованной деятельности крупных, средних и малых компаний по добыче углеводородов без нарушений со стороны ведущих компаний антимонопольного законодательства ⁷⁰.

Если оценивать *горнорудную специализацию* Республики Коми, исходя из Стратегии развития минерально-сырьевой базы России до 2035 г. ⁷¹, то следует отметить ее благоприятные перспективы, прежде всего, по дефицитным видам сырья – бокситам, титану и марганцу.

В настоящее время первостепенное значение для республики имеют бокситы и титан ⁷². Горно-металлургический комплекс на основе среднетиманских бокситов пока остается технологически «урезанным». В его структуре первоначально предполагалось наличие глиноземного завода в районе г. Сосногорска, а около г. Печоры – завода по производству алюминия. Это логично еще и потому, что проектная мощность Печорской ГРЭС (2400 тыс. кВт) ныне используется менее чем наполо-

⁷⁰ Основные нефтедобывающие предприятия: ООО «ЛУКОЙЛ-Коми», ПАО «НК Роснефть», АО «Комнедра», ЗАО «Колванефть», ООО «Енисей», ЗАО «Печоранефтегаз», ЗАО «Нэм Ойл», ЗАО «Нефтус». Всего добычу сырой нефти и природного газа в республике ведут 52 хозяйствующих субъекта (2019 г.).

⁷¹ В республике добывается 4,0–4,5 млн т бокситов, из которых примерно 3 млн т гидрохимических сортов с поставкой Уральскому и Богословскому алюминиевым заводам боксита, 0,2–0,3 млн т спекательных сортов для Воркутинского и Новороссийского цементных заводов, остальное в качестве маложелезистых бокситов, основной потребитель которых – Боровичский комбинат огнеупоров (Новгородская область).

⁷² Сырьевая база титана представлена крупнейшим по запасам Ярегским нефтетитановым месторождением (в 20 км от г. Ухты). Промышленные запасы титановых руд (категории А+В+С1) составляют здесь около 640 млн т, но они пока не осваиваются. Ресурсы Пижемского месторождения в Усть-Цилемском районе составляют более 2,5 млрд т (данные Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми).

вину. Вместе с тем размещение алюминиевого завода на Крайнем Севере сопряжено с рядом экологических и экономических рисков. К тому же в ближайшие годы предстоит существенно модернизировать десять действующих в России заводов по выплавке первичного алюминия с учетом международных экологических стандартов и тем самым обеспечить внутренние потребности в алюминии и укрепить позиции нашей страны на мировом рынке. В решении этой задачи функция Республики Коми может быть ограничена созданием здесь крупной бокситорудной базы (6–7 млн т боксита в год, в том числе 5,5 млн т гидрохимического (байеровского) сорта и 1 млн т спекательного сырья) с вывозом «сырой» руды на заводы Свердловской и Ленинградской областей, а главное – с доставкой глинозема на любые действующие ныне алюминиевые заводы [10]. Когда (наряду с Вежаю-Ворыквинским карьером) достигнет проектной мощности карьер на Верхне-Щугорском месторождении (Княжпогостский район), Республика Коми станет крупнейшим регионом в России по добыче бокситов открытым способом.

Бокситы рассматриваются как комплексное сырье, в котором кроме алюминия практический интерес в настоящее время представляют ванадий и галлий, а при более благоприятной конъюнктуре можно извлекать также скандий, ниобий, редкие земли. Целесообразность их извлечения на стадии глиноземного производства наряду с алюминием была доказана прежними исследованиями химико-технологических процессов переработки среднетиманских бокситов. Тем самым республика могла бы существенно укрепить свое экономическое положение в структуре народного хозяйства России. Надо иметь в виду и возможности использования белоцветных бокситов для производства в республике абразивных и огнеупорных материалов [11].

Другая технологическая ветвь – утилизация и промышленное использование красных шламов (на одну тонну глинозема образуется 1,0–1,5 т красного шлама). Пока они относятся к экологически опасным отходам, но весьма перспективны для получения гидроталлургическим способом металлопродукта, глинозема, сернокислотного алюминия (коагулянта), ниобий-циркониевого концентрата, силикато-гипсового продукта, оксида скандия и др. Правда, надо иметь в виду, что в нашей стране, да и в мировой практике, делаются лишь первые попытки внедрения подобных технологий; основной же задачей пока остается улучшение способов хранения и захоронения красных шламов.

ООО «Ярега Руда» разработало проект строительства 1-й очереди горно-химического комплекса мощностью по добыче и переработке 650 тыс. т титановой руды в год. Полная мощность Ярегского комплекса составит 1,2 млн т.

Обозначены намерения госкорпораций «Росатом», «Ростех» и «Руститан» по строительству вертикально интегрированного горно-металлургического комплекса по переработке титановых руд Пижемского месторождения в Усть-Цилемском районе. Это месторождение является

крупнейшим в мире по ресурсам титановой руды и комплексным по сопутствующим полезным ископаемым, в его породах содержатся кварцевые пески, каолинит-кварцевые песчаники, редкие и редкоземельные элементы, базальты, а также золото и алмазы.

Целесообразность освоения Парнокского месторождения марганца (Интинский район) обусловлена особой дефицитностью этого ресурса. Сейчас марганец в России практически не добывают; потребность в объеме более миллиона тонн товарной руды покрывается за счет ввоза из Казахстана, ЮАР, Болгарии, Бразилии и Габона.

Укажем и на то, что не включено в Стратегию развития минерально-сырьевой базы России до 2035 г., но, на наш взгляд, имеет хорошие перспективы в Республике Коми. Крупным инвестиционным проектом мог бы стать горно-химический комбинат на базе Сереговского (Княжпогостский район) и Верхне-Печорского (Троицко-Печорский район) месторождений. Сереговское месторождение каменной соли имеет запасы более 2,6 млрд т, а прогнозные ресурсы оцениваются в 5 млрд т; запасы Верхне-Печорского месторождения составляют по поваренной соли – 13 млрд т, магнезистой – 165 млн т, калийной – 122 млн т. На таких комбинатах производится карналлит обогащенный, бишофит, хлор, каустик, кальцинированная сода, минеральные удобрения, пищевая и техническая соль [12]. В сферу деятельности данного комбината можно было бы включить и сланцы, в первую очередь, Поингской площади (Сысольский район).

Этот, пока еще не составленный, проект, в случае положительного решения Правительства РФ, на наш взгляд, мог бы быть чрезвычайно интересен ПАО «Уралкалий» (Пермский край), как одному из потенциальных инвесторов. Дело в том, что в г. Соликамске, где расположены его основные мощности, дальнейшее развитие производства крайне ограничено в связи с огромным объемом галитовых и других отходов. Их утилизация и переработка – ключевой вопрос экологической безопасности верхнекамских районов. К тому же рынок калийных удобрений (основной продукт «Уралкалия») весьма неустойчив, а указанные выше виды горно-химической продукции позволили бы этой крупной корпорации диверсифицировать производство.

При решении столь сложных стратегических задач приходится считаться с тем фактом, что финансово-экономическая ситуация в стране и в отдельных ресурсных компаниях вынуждает отложить реализацию новых крупных проектов в периферийных регионах на неопределенно далекую перспективу. Поэтому переход северных ресурсных регионов на стадию вновь растущей добычи в значительной мере связан с разработкой небольших, ранее не освоенных или преждевременно оставленных, месторождений полезных ископаемых с развитием в горном деле малого бизнеса и соответствующих новых экологически приемлемых технологий [13].

Безусловно, такой подход должен быть конкретизирован с учетом геологических, географических и организационно-экономических условий того или иного региона. Применительно к Республике Коми он реален в добыче углеводородов [14], но пока не имеет достаточных оснований для практического применения в ближайшие годы в горнорудной промышленности, где требуется относительно длительная научно-техническая подготовка разработки малых и средних месторождений. Надо иметь в виду, что освоение небольших рудных месторождений методом «проб и ошибок», наскоком, часто заканчивается быстрым свертыванием производства, поскольку, как правило, заведомо экологически ущербно и экономически убыточно. Примером тому в Республике Коми служат попытки производства барита (Хойлинское месторождение в районе Воркуты), жильного кварца и золота (соответственно месторождения Желанное и Кожимское в районе г. Инты).

Экономические проблемы рационального недропользования, важнейшего звена специализации регионов природно-ресурсного типа, связаны с необходимостью повышения уровня организации геологоразведочных работ и изучения новых свойств и качеств природных материалов. Однако геологоразведка, как отрасль народного хозяйства, фактически перестала существовать. Ведение геологоразведки лишь в рамках ресурсных компаний привело к ухудшению состояния сырьевых и топливных баз, истощительному характеру их использования, нарушению пропорциональности внутри минерально-сырьевого сектора экономики. Основная доля затрат в последние годы приходится на поиски и разведку нефти и газа и очень малая часть – твердых полезных ископаемых. Чрезмерные предпочтения нефти и газу в ущерб рудным и нерудным полезным ископаемым лишают Россию, в том числе Республику Коми, материальной основы модернизации экономики.

Но и в нефтегазовом секторе ситуация с заделом на будущее далека от благополучной. Медленно идет работа по выявлению и оценке новых зон нефтегазоаккумуляции. Надежда на разведку и разработку месторождений континентального шельфа арктических морей объективно правомерна, однако она не должна заслонять потенциальные возможности развития действующих провинций нефти и газа. В условиях чрезмерного стимулирования государством проектов по освоению углеводородов арктического шельфа нефтяные компании ради получения государственных субсидий и преференций уходят в Арктику, не доработав на «старых» континентальных месторождениях. Между тем новые технологии позволяют увеличить нефтеотдачу пластов на разрабатываемых месторождениях с 30 до 50 % и более; в горнорудном производстве они дают возможность длительное время работать эффективно на уже осваиваемых месторождениях и участках с труднообогатимыми, «упорными» рудами. На наш взгляд, такого рода технологические параметры освоения полезных ископаемых должны учитываться при лицензировании хозяйственной деятельности добывающих предприятий.

Республика Коми – один из немногих регионов РФ, где имеются естественные и научные предпосылки для получения композитов путем комбинации металлов, керамики и полимеров [15]. Заметим, что объем потребления композитов в России ежегодно растет на 20 %⁷³. Производство стеклопластика, углепластика, биоматериалов, полупроводников и пьезоэлектриков, различных нанотехнологических и других прогрессивных материалов не обременительно для северного региона, поскольку не является трудоемким и экологически опасным, но вместе с тем может укрепить экономическую базу и креативность развития таких городов, как Сыктывкар и Ухта. Свойства и качества многих природных материалов еще не изучены под углом зрения их потребительской полезности, а потому не сформирован и спрос на них⁷⁴. Работа в этом направлении, безусловно, откроет новые направления специализации Республики Коми.

Разработка и реализация новых проектов недропользования в Республике Коми как на крупных, так и на небольших месторождениях полезных ископаемых требует времени на подготовку. Прежде всего – геолого-экономическую и научно-технологическую. Поэтому топливно-энергетический и минерально-сырьевой секторы экономики Республики Коми вынуждены будут «пережить» период поддержания достигнутого уровня производства или местами затухающей добычи полезных ископаемых, который может продолжаться не менее 15 лет.

Этот факт, очевидно, малозначителен для отдельно взятых корпораций: для них главное, что фонд ресурсов недр на территории республики уже распределен и может находиться какое-то время в их резервах. Напротив, для Республики Коми как социально-экономической системы момент «застоя и затухания» в области недропользования является весьма важным обстоятельством. Существующие здесь объемы производства топлива и минерального сырья общероссийского значения снизились со своего максимума 1980-х гг. в два-три раза. Лишь добыча бокситовых руд постепенно приближается к проектному уровню. Но и при существующих объемах стоимость добычи полезных ископаемых составила в 2019 г. 412 млрд руб. (62 % от промышленного производства), добавленная стоимость – 300 млрд руб. (44 % от ВРП). С данной сферой экономики прямо или косвенно связана жизнедеятельность более 200 тыс. жителей республики (25 %). Колебания в ее динамике, вызванные в том числе падением цен на нефть, существенно сказываются на социальном благополучии жителей республики.

⁷³ URL: https://plastinfo.ru/information/news/35845_30.11.2017/?top=7

⁷⁴ Степень неизвестности свойств и качеств многих видов природных материалов образно можно выразить словами Гарсия Маркеса: «Мир был еще таким новым, что многие вещи не имели названия и на них приходилось показывать пальцем» (Маркес, Г.Г. Полковнику никто не пишет; Сто лет одиночества / Г.Г. Маркес. – Москва, 1989. – С. 57).

Диверсификация биоресурсной экономики

Использование биологических ресурсов от недропользования отличается возможностью воспроизводства почв и растительности на постоянной основе, и в этом плане оно является более прочной базой для социально-экономического развития регионов. Кроме того, биоресурсная функция северных регионов России в географическом разделении труда самым тесным образом связана с охраной окружающей среды и обеспечением единства экономического роста, экологической устойчивости и социального равенства [16–18].

В настоящее время потенциал **лесопромышленной специализации** определяется понятием «лесоизбыточный регион», к которым в России отнесены Республика Коми⁷⁵, Архангельская область, юг Красноярского края, Иркутская область и Хабаровский край. Для указанных регионов основные направления Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г.⁷⁶ применены в полном объеме, а именно:

- развитие ориентированного на экспорт производства целлюлозы и бумаги;
- рост выпуска тарного картона и санитарно-гигиенических изделий для внутреннего рынка;
- развитие ориентированного примерно в равной степени на внутренний рынок и на экспорт производства пиломатериалов, фанеры, древесноволокнистых плит, мебели, деревянного домостроения;
- организация гидролизного производства (фурфурола, гидролизного спирта, сорбита, кислоты, белково-витаминных концентратов), а также возрождение канифольно-скипидарного производства на основе сосновой живицы и осмола;
- рост производства древесных пеллет – экологически чистого и энергоемкого котельного топлива, широко используемого в европейских странах и с растущим спросом на внутреннем рынке.

Все перечисленное достаточно полно характеризует направления

⁷⁵ Основные данные по Республике Коми на 01.01.2019 г.: всего лесов – 36,3 млн га, в том числе защитных – 14,5, эксплуатационных – 21,8; общий запас древесины в лесах республики составляет 2864 млн м³, в том числе хвойных – 2375 (83 %), мягколиственных – 489 млн (17 %); из общего запаса насаждений на долю еловых древостоев приходится 56 %, сосновых – 25 %. Ежегодная заготовка древесины – 8–9 млн м³. Производство в 2019 г.: лесоматериалы необработанные – 6 802 тыс. плотных м³, в том числе хвойных пород – 3809, лиственных – 2 760, древесины топливной – 235 тыс. м³, лесоматериалов продольно распиленных – 1219 тыс. м³; картонно-бумажной продукции – 1,1 млн т; фанеры – 410 тыс. м³; пеллет и брикетов из отходов деревообработки – 28 тыс. т. Ключевые предприятия: АО «Монди Сыктывкарский ЛПК», ООО «Сыктывкарский лесопильно-деревообрабатывающий комбинат», «Сыктывкар Тисью Групп», «Лузалес», «Комилесбизнес», «Жешартский фанерный комбинат», «Сыктывкарский фанерный завод», «СевЛесПил», «СЛДК Северный лес», «Азимут» (Троицко-Печорский район), «Сыктывкарский промышленный комбинат» (Сыктывдинский район), «Лесозавод № 1» (Усть-Вымский район). Крупнейший в своей отрасли АО «Монди Сыктывкарский ЛПК» обеспечивает рынки России и СНГ: офисной и офсетной бумагой на 40 %, газетной бумагой – 10 %, картоном – 60 % (Стат. ежегодник Республики Коми. 2019: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2019. – 347 с.).

⁷⁶ URL: <http://static.government.ru/media/files/cA4eYSe0MObgNpm5hSavTdIXID77KCTL.pdf>

лесоэкономической специализации Республики Коми. Однако размеры (объемные показатели и товарная структура) такой специализации требуют уточнения, поскольку «лесоизбыточность» как таковая не может служить ее ориентиром.

Комплексная научно-биологическая характеристика лесов и лесного хозяйства республики проведена на геосистемной основе и охватывает все лесные (древесные и недревесные) ресурсы [19–21]. Практика лесного планирования основное внимание уделяет таксономическим характеристикам лесов и их целевому использованию в границах государственных лесничеств (их в республике 32), участковых лесничеств (177) и лесных кварталов (14 984) [22]. Научный и организационно-проектный подходы к оценке биоресурсного потенциала республики имеют незначительные расхождения в части ограничения рубок лесов и сохранения их социально-экологических функций.

Детальная топология геобиоценозов и учет их характеристик в границах лесных кварталов позволяют устранить саму идеологию так называемой лесоизбыточности, а существующий показатель «расчетная лесосека» в целом по республике и ее муниципальным округам и районам – считать, как не имеющий практического значения. Необходимо изменить порядок расчета оптимальной лесосеки с использованием фрагментарного и крупномасштабного картографирования экономически доступных лесных площадей с учетом их экологических функций.

Научно обоснованные расчеты лесосеки показали, что «лесной комплекс Республики Коми подошел к такому состоянию лесосырьевого обеспечения, которое не позволяет значительно наращивать объемы заготовки и переработки наиболее ценного пиловочного сырья» [23]. Это значит, что предельный объем пиловочника в регионе не может превышать 5 млн м³, а весь объем древесного сырья – 11–12 млн м³.

По-другому ориентирована лесная промышленность, исходя из максимально возможных лесозаготовок и минимально допустимых размеров лесовосстановления⁷⁷. Пример Республики Коми показывает, что несоблюдение норм лесопользования, обусловленное представлением о безграничности лесных ресурсов и получения на этой основе прибыли, стало как бы нормой бесхозяйственного поведения. Запасы древесины в целом по республике искусственно завышаются ради привлечения инвесторов, а на локальных участках – специально занижаются ради сни-

⁷⁷ «Лесная промышленность, по сути, сама начала истреблять леса России, делая это бесконтрольно. Это связано... с идеей саморегуляции рыночной экономики. Государство теперь не властно над этим сектором: оно, в какой-то степени, его прямой враг. Исследователями представляется вариант разрешения проблемы в том, чтобы пересмотреть основные теоретические положения лесного хозяйства, которые основаны на идеях пользования лесом. Надо уйти от идеи о том, что лес можно лишь использовать в целях получения прибыли. Власти должны осознать глобальное и стратегически важное значение лесных ресурсов для развития России и лесного сектора экономики». (Информация взята с сайта биржи Автор 24: – URL: https://spravochnick.ru/ekonomika/struktura_sektorov_ekonomiki/lesnoy_sektor_ekonomiki_Rossi/)

жения уровня платежей за лесопользование. Жители сельских поселений лишаются естественной основы своей жизнедеятельности.

В последние годы такая «характерность» наблюдается и в местах, прилегающих к городам. Вырубаются сосновые боры, расположенные в 50–70 км от Сыктывкара. В Сыктывкарском и Сыктывдинском лесничествах ежегодно заготавливается по 650–700 тыс. м³ древесины (7–8 % от общего объема рубок по республике). Другими основными районами лесозаготовок являются Усть-Куломский (27 %), Прилузский (23), Корткеросский (13), Койгородский (9), Сысольский (9), Удорский (9 %) – те, в которых более ценные лесные кварталы уже пройдены рубками прошлых лет и требуют восстановления хвойными породами лесонасаждений. Некоторый резерв для лесозаготовок имеют печорские районы, но и здесь надо учитывать ограничения, связанные с сохранением геосистемного единства физико-географических провинций, частично занятых национальным парком «Югыд ва» и Печоро-Ильчским заповедником.

Одной из главных причин современного критического положения лесного хозяйства республики является его ориентация на заготовку древесного сырья и переработку большей его части, включая и пиловочник, для выпуска целлюлозы и бумаги; механическая же обработка древесины и переработка лесных «отходов» развиты недостаточно⁷⁸. Именно рост производства пиломатериалов, фанеры, древесных плит, разнообразных продуктов лесохимии, но не целлюлозы и бумаги, соответствует современным структурным сдвигам в потреблении лесопроductии на внутреннем и мировом рынках.

Главное условие улучшения использования лесосырьевых ресурсов – создание локальных производств по механической обработке древесины и глубокой химической переработке мелкотоварной древесины, порубочных остатков и недревесного сырья с выходом на рынки России, ближнего и дальнего зарубежья. Пиловочник должен использоваться только в лесопилении и деревообработке.

Рационализация товарной структуры лесного комплекса республики связана также с биоконверсией целлюлозного сырья для получения ценных биопрепаратов и технически важных продуктов. Например, выращивание дереворазрушающих грибов на целлюлозных отходах (опилки, стружки, кора) позволяет получить кормовые добавки для животноводства; производство глюкозы посредством ферментативного гидролиза целлюлозы весьма выгодно экономически и целесообразно экологически. Использование культур клеток как продуцентов в биотехнологии позволяет развернуть широкий спектр производств биополи-

⁷⁸ Предприятия целлюлозно-бумажной промышленности принадлежат иностранным компаниям, которые извлекают прибыль за счет высокой цены на бумагу и целлюлозу за границей и низкой платы за лесопользование в России. «...в европейских странах доходность леса составляет от 100 до 300 евро/га, в России же в расчете на 1 га земель лесного фонда этот показатель не превышает 33 руб./га (при обменном курсе руб./евро это эквивалентно 0,47 евро/га)» [24].

меров и низкомолекулярных биорегуляторов. Современная лесохимия нацелена на переработку всей биомассы дерева, в том числе на производство спирта, скипидара, провитаминового концентрата, хвойных и эфирных масел, балзамаической пасты, хвойного воска, полипренолов и др.⁷⁹ Отмеченные направления лесохимии в своем практическом применении почти универсальны, но их польза особенно заметна в сельском хозяйстве [25].

Лесозаготовка, химическая и механическая глубокая переработка лесных ресурсов технологически весьма дифференцированы и могут осуществляться предприятиями различной мощности; здесь эффективен малый бизнес в кооперации с крупным и средним. Устранение технологических разрывов между отдельными производствами считается одной из ключевых задач развития лесного комплекса. При этом имеется в виду, что технологическая сопряженность производств не исключает хозяйственной самостоятельности лесных предприятий, в том числе в сфере межрегиональной и внешней торговли. Такого рода сопряженность предполагает наличие разветвленной системы хозяйственных договоров (включая договоры субподряда), нацеленных на рациональное использование древесных и других биологических ресурсов. Организаторами технологической кооперации такого рода должны стать государственные структуры устойчивого управления лесами, муниципалитеты и ключевые предприятия всех звеньев лесной экономики республики. Прежде всего необходима согласованность между лесоустройством, лесовосстановлением и лесозаготовками [24].

Итак, перспективная лесопромышленная специализация Республики Коми связана с ограничениями объемов лесозаготовок и сдвигами их в сторону печорских районов, новыми методами регламентации ведения лесного хозяйства, целевым использованием лесного сортимента, опережающим ростом лесохимии с ориентацией на переработку всей древесной и недревесной массы лесных ресурсов.

Пищевые природные ресурсы могли бы стать одним из основных товаров республики в межрегиональной торговле и на экспорт. Для этого имеются естественные ресурсные предпосылки [19] и определенные организационно-экономические параметры функционирования грибо-ягодной экономики в условиях таежных территорий [26].

Промысловые запасы республики, по данным лесоустройства 1978–1992 гг., оценивались в 211,6 тыс. т ягод и 74 тыс. т грибов; по текущей оценке – 414,4 тыс. т ягод и 78 тыс. т грибов⁸⁰. В ягодном запасе выделяются клюква (29 %), брусника (32) и черника (37), в грибном – волнушка

⁷⁹ Первый шаг в данном направлении – проектирование строительства в Троицко-Печорске завода по производству биоэтанола для использования в качестве моторного топлива.

⁸⁰ «О состоянии окружающей среды Республики Коми в 2018 году»: гос. доклад / Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми, ГБУ РК «Территориальный фонд информации Республики Коми»; редколлегия: Р.В. Полшведкин (гл. ред.) [и др.]. – Сыктывкар, 2019. – С. 75.

и подосиновик (вместе – 48). Заметны запасы республики в потенциале Северного экономического района. Республика сосредоточивает 55 % его ягодных промысловых ресурсов, в том числе клюквы – 84 %, морошки – 67 %. Стоимость урожая дикоросов республики, по экспертной рыночной оценке промыслового запаса, 15 лет назад составляла по ягодам примерно 458, а по грибам – 171 млн дол. [27].

Заготовкой и переработкой дикоросов в республике занимаются, помимо населения, 14 хозяйствующих субъектов в девяти муниципалитетах: Сысольском, Усть-Цилемском, Удорском, Усть-Вымском, Ижемском, Прилузском, Корткеросском, Койгородском и Усть-Куломском; 90 % заготовки приходится на Койгородский, Прилузский и Усть-Куломский районы. В 2019 г. заготовили 286 т грибов, ягод и иван-чая. Из-за неблагоприятных погодных условий объемы заготовок составили всего 33 % от показателей 2017 и 2018 гг. ⁸¹ Экспортировано 69 т грибов на сумму 67 тыс. дол.

Самая крупная в Республике Коми заготовительная и торговая организация, работающая на рынке дикоросов, ООО «Матреко-Коми», экспортирует свою продукцию в Австрию, Германию, Италию, Норвегию, Финляндию и Швецию.

Реализация высокого потенциала грибо-ягодной экономики связана с сохранением и мелиорацией социально значимых лесных кварталов, предназначенных для поддержания биоразнообразия, организацией и государственной поддержкой промысловых кооперативов, сбора населения грибов и ягод, работы школьных лесничеств и размещения мест отдыха.

Специализация на пищевых природных ресурсах (в любом ее виде: сбор грибов и ягод, охота и рыболовство), кроме экономического, имеет и рекреационный аспект. Это своего рода экономика удовольствия от общения с природой; она во все большей мере становится межрегиональной и связанной с инфраструктурой туризма, спортивной охоты и рыбалки.

На особом счету в республике – производство продуктов оленеводства [28]. Шесть коллективных оленевческих хозяйств и крестьянские фермерские хозяйства содержат 90–96 тыс. голов северных оленей и производят в год 450–500 т оленьего мяса в убойном весе ⁸². Продукция из оленины поступает в основном в Москву, Санкт-Петербург, Сыктывкар и продается по очень высоким ценам. Если бы от цены, допустим, сырокоп-

⁸¹ Из прошлой жизни: «В 70–80 гг. сеть приемных пунктов постепенно увеличивалась, активно шел сбор грибов. Управление заготовок Коми Респотребсоюза в урожайные годы заготовляло до 200–300 т, а по данным Статуправления, даже более 700 т грибов... По данным Госкомстата Республики Коми, в среднем за год заготавливается 500 т ягод. В наиболее урожайные годы было заготовлено 465 т клюквы и брусники, в неурожайные годы – 10,4 т». Рекордным по сбору грибов был 1991 г. (1107 т), что связано не только с хорошей урожайностью, но и переходом части сельского населения под влиянием экономического реформирования «на подножный корм» [19].

⁸² Разброс в цифрах обусловлен неточностью учета и статистики оленеводства.

ченой оленины (3500 руб. / кг) хотя бы 20 % доставалось оленеводам, их доход был бы не меньше, чем у нефтяников. К сожалению, львиная доля прибыли оседает в посреднических и торговых организациях.

Высоко ценится и продукция органического земледелия, так называемая здоровая пища. Республика Коми могла бы иметь такого рода специализацию, но для этого необходимо оптимальное распределение пашни с применением органических удобрений и посадок на них картофеля и овощей, согласованное с Архангельской, Вологодской и Кировской областями. Преимущество Коми в таком межрегиональном сочетании могло бы проявиться в выращивании картофеля, урожайность которого на органике в 1970–1980 гг. в некоторых совхозах достигала 400 ц/га.

Финансово-экономический аспект специализации региона

Специализация регионов является частью системы товарно-денежных отношений, где деньги, наряду с продукцией и услугами, также являются своего рода товаром. В советские годы регионы ресурсного типа имели ущербное положение в стоимости межрегионального обмена в силу специфики формирования налогооблагаемой базы по результатам доходности конечных стадий технологических цепочек производств, в которых сырье и полуфабрикаты оценивались по себестоимости, а готовая продукция – с учетом полной стоимости, включая налоги. Однако, войдя в систему мировых рынков, где цены на первичные топливные и минеральные ресурсы были достаточно высоки, Россия увеличила стоимостную оценку продукции своих регионов топливно-энергетической, горнорудной, горно-химической и металлургической специализации.

Проблема эквивалентности межрегионального товарного обмена в настоящее время «замещена» проблемой социально-территориальной справедливости (при высоких стоимостных показателях производства валового регионального продукта и доходов работников, занятых на добыче полезных ископаемых, в ресурсных регионах нередко сохраняется относительно низкий уровень жизни, в первую очередь по причине слабого развития инфраструктуры и человеческого потенциала).

Данная проблема уже давно освещается в научной литературе. В последнее время она зафиксирована в тематике инклюзивного развития, которое определено как «вовлечение в процесс ускорения экономического роста и, соответственно, в процесс пользования плодами такого ускорения, всех составляющих национальных экономик и региональной экономики, и всех категорий граждан и юридических лиц, включая женщин, молодежь, инвалидов, коренные народности, малые и средние предприятия и индивидуальных предпринимателей» [29]. Инклюзия тем самым усиливает проблематику саморазвития с мобилизацией внутрирегиональных источников и ценностей. В указанной работе инклюзивный рост оценивается по 12 показателям, сгруппированным в четыре блока: (I) доходы и неравенство; (II) доступ к услугам здравоохранения;

(III) жилищные условия; (IV) доступ к инфраструктуре. Представлена в ней и динамика сводного индекса инклюзивности социально-экономического развития ряда ресурсных регионов за 2008–2014 гг. [Там же, с. 126]. По Республике Коми этот индекс увеличился с 52,7 до 64,1⁸³, что указывает на рост внутреннего потребления финансовых и материальных ресурсов по сравнению с их «вывозом» за пределы республики.

Региональный индекс инклюзивного развития рассматривался также в контексте критической оценки ВРП, не отражающего различия в социально-экономическом положении регионов [30]. Заметим, что подобный подход может быть применим также к показателям национального богатства, органического строения капитала, накопления и потребления, инвестиционного потенциала, воспроизводства человеческого капитала и некоторым другим показателям, в системе которых регионы имеют искаженную картину своего положения.

С учетом указанных недостатков и статистических погрешностей подчеркнем «донорскую» специфику республики на фоне общероссийских данных (в расчете на душу населения; РФ=1):

1. Более высокие позиции: ВРП – 1,33, денежные доходы – 1,02, объем кредитования физических лиц – 1,44, поступление налогов и сборов в консолидированный бюджет РФ – 1,95, в том числе в федеральный – 2,22, консолидированный бюджет субъекта РФ – 1,75 (распределение налогов и сборов, собираемых в Республике Коми: 57 % – в федеральный, 43 % – в консолидированный бюджет республики).

2. Более низкие позиции: конечное потребление домашних хозяйств – 0,93; банковские вклады физических лиц – 0,95; объем кредитования юридических лиц – 0,20; банковские вклады юридических лиц – 0,10⁸⁴.

Первое обусловлено структурой хозяйства республики (добыча и переработка нефти, транспортировка нефти и газа, строительство магистральных газопроводов), северным удорожанием цен производителей, активизацией ипотечного кредитования, структурой источников налогообложения. Второе – высокими ценами в розничной торговле и на услуги ЖКХ, недостатками в формировании ссудного фонда (значительная часть потенциального капитала уходит из республики через филиалы и отделения центральных банков), слабой кредитной активностью юридических лиц, а также вывозом наличных денег через покупку недви-

⁸³ Указанный индекс инклюзии получен путем «длинных» расчетов по 12 первичным показателям. Автор статьи полагает, что корректное значение индекса можно получить, если «конечное потребление» соотносить с ВРП. Пример по Республике Коми за 2014 г.: ВРП – 484 млрд руб.; конечное потребление – 321 млрд руб. Индекс составил 66,3 (321: 484 x 100). Хотя суть вопроса заключается не столько в итоговом (сводном) индексе, сколько в оценке состояния социально-экономической ситуации в конкретной сфере деятельности. Решения принимаются не по сводному индексу, но по его составляющим (социальное расслоение, качество жилья и т. д.). Сводный же индекс необходим для сравнения регионов и поиска таких, которые «выбиваются из общего ряда».

⁸⁴ Рассчитано автором по: Районы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2019. – 1204 с.

жимости в других регионах страны и за границей и расходы во время отпуски за пределами республики.

Проекция отмеченной социальной и финансовой ситуации на перспективную экономическую специализацию республики актуализирует две задачи: как переключить часть получаемых здесь финансовых средств на развитие новых горнопромышленных и биоресурсных направлений ее экономики? как совместить производственную специализацию с инклюзивным социально-экономическим развитием без ущерба тому и другому?

Трудности «переключения ресурсов» связаны с почти полным отсутствием свободного межотраслевого перелива капитала; препятствия же «совмещения производственного и социального» заключены в противоречии между конституционной установкой на финансово-бюджетный федерализм и игнорированием его в конкретных нормах и правилах налогового и бюджетного кодексов.

Решение данных задач затрагивает системные основы российской экономики. Но, как представляется автору, начать можно с малого. Обратим внимание на тот факт, что по признаку распределения налогов, сборов и ресурсных платежей за пользование природными ресурсами между федеральным и территориальными бюджетами северные регионы образуют две группы. Первая: перечисления почти в полном объеме поступают в федеральный бюджет (ХМАО, ЯНАО, Ненецкий АО, Республика Коми, Сахалинская область, Красноярский край). Вторая: территориальные бюджеты имеют в перечислениях долю от 30 до 99 % (Республика Саха (Якутия), Чукотский АО, Мурманская область, Камчатский край, Республика Карелия, Магаданская область, Архангельская область) [31].

Вторая группа регионов имеет как бы льготное распределение ресурсных доходов. Это связано со стимулированием освоения новых месторождений полезных ископаемых и финансово-экономической поддержкой особо проблемных регионов. Полагаем, что во вторую группу следует включить и Республику Коми (как показано выше – на вполне объективных основаниях). Но при этом на Республику Коми, как и некоторые другие ресурсные регионы, не следовало бы распространять норму консолидированных налоговых платежей, чтобы тем самым увеличить сумму доходов территориальных бюджетов. Дополнительные финансовые средства необходимо направить в первую очередь на научно-техническую и проектно-конструкторскую подготовку программ развития гео- и биотехнологий, как основы альтернативной специализации экономики Республики Коми.

Заключение

Модернизация производств с ориентацией на комплексное использование первичных природных ресурсов и внедрение технологических

инноваций – важнейшие направления диверсификации отраслевой структуры экономики Республики Коми. Эта задача решается в основном в рамках корпоративного управления на крупных предприятиях. Одновременно природно-ресурсный профиль республики может получить подкрепление за счет выборочного освоения средних и малых месторождений углеводородов и рудного сырья и развития на этой основе малого бизнеса.

Горнорудная промышленность в данном направлении отстает от нефтегазовой в части институциональной, геолого-экономической и научно-технической подготовки. Но она имеет перспективное преимущество в использовании новых свойств и качеств природных материалов и композитов, производство которых в структуре хозяйства Республики Коми может занять место особой отрасли промышленности.

Лесопромышленная специализация республики не может определяться так называемой лесоизбыточностью, но должна основываться на ограниченном объеме лесозаготовок (примерно 10–12 млн м³) и целевом использовании каждого сортамента древесины. Существующие объемы выпуска целлюлозы и бумаги следовало бы считать предельными. Перспективы механической деревообработки связаны с небольшим приростом лесопиления и существенной диверсификацией ассортимента лесной продукции. Главным направлением лесопромышленной специализации республики целесообразно считать малую лесохимию – переработку мелкосортной древесины, древесных отходов и хвои с выпуском товарной продукции медицинского, сельскохозяйственного и бытового назначения.

Хозяйство республики имеет хорошие природные предпосылки своего расширения за счет сбора и переработки грибов и ягод, развития рыболовства и охоты. Это может стать специализирующей отраслью пищевой промышленности с широкой сетью промысловых кооперативов. Не только путешествия по таежным и тундровым просторам, но и занятия «тихой охотой» определяют содержание туризма в Республике Коми. Межрегиональное и экспортное значение все более приобретает переработка ресурсов оленеводства и экологически чистого земледелия.

Каждый этап развития социально-экономических систем является переходным. Но существенные характеристики переходного периода, как правило, различаются. Главное для современного этапа экономики Республики Коми – коренная реконструкция всей хозяйственной системы с учетом климатических и экологических ограничений. Однако реконструкция экономики и жизненной среды региона, в отличие от реконструкции заводов и фабрик, не может быть скоротечной. Здесь именно фактор времени предопределяет порядок движения вперед, особенно в части технологического сопряжения различных звеньев системы. Желательно также иметь план согласованного использования финансовых ресурсов, в том числе вывоза и ввоза потенциального капитала.

В настоящее время наиболее актуальными для согласования являются вопросы оптимального размера городов Воркуты и Инты, переселения значительной части их населения в места с более благоприятным климатом. Центральные и южные города и районы Коми могли бы принять активное участие в этом процессе. Межмуниципальные и межрегиональные согласования необходимы также в решении проблем размещения новых углехимических, горно-химических и горно-металлургических производственных комплексов с учетом экологических ограничений.

Литература

1. Минакир, П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики / П.А. Минакир // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 4. – С. 967–980.
2. Колмаков, В.В. Развитие кластеров на основе конкурентной специализации регионов / В.В. Колмаков, А.Г. Поляков, С.В. Карпов, А.Н. Головина // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 1. – С. 270–284. DOI: 10.17059/2019-1-21.
3. Растворцева, С.Н. Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России / С.Н. Растворцева, Л.Т. Снитко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 46–58. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.4.
4. Лаженцев, В.Н. Академическая наука и новая индустриализация (на примере Республики Коми) / В.Н. Лаженцев // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, Вып. 4. – С. 989–1000.
5. Чурашев, В.Н. Остаться нельзя уйти: к вопросу о развитии угольной генерации в России / В.Н. Чурашев, В.М. Маркова // ЭКО. – 2019. – № 11. – С. 63–93. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-11-63-93.
6. Крюков, В.А. Экономика Арктики в современной системе координат / В.А. Крюков, Я.В. Крюков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 25–52.
7. Фаузер, В.В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, А.В. Смирнов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11.
8. Бурый, О.В. Теоретические и практические вопросы создания самодостаточных арктических поселений / О.В. Бурый, Т.Е. Дмитриева // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2015. – № 3. – С. 141–148.
9. Калинина, А.А. Геолого-экономическая оценка комплексного использования Ярегской тяжелой нефти / А.А. Калинина, Е.П. Калинин // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2013. – № 3. – С. 110–117.
10. Калинин, Е.П. Проблема комплексного использования бокситов Тимана / Е.П. Калинин // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2015. – № 4. – С. 56–60.

11. Беляев, В.В. Белоцветные бокситы – уникальное сырье для производства технически ценных материалов / В.В. Беляев // Вестник ИГ Коми НЦ УрО РАН. – 2006. – № 3. – С. 2–7.
12. Агроминеральное и горно-химическое сырье Европейского Северо-Востока СССР / Н.П. Юшкин, Б.А. Илларионов, Н.Д. Василевский, Б.А. Осташенко, Е.П. Калинин [и др.]. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1987. – 132 с.
13. Крюков, В.А. Сырьевые территории в новой институциональной реальности / В.А. Крюков // Пространственная экономика. – 2014. – № 4. – С. 26–60.
14. Куранов, А.В. Минерально-сырьевая база углеводородного сырья Республики Коми и резервы ее восполнения / А.В. Куранов, А.А. Отмас, Н.А. Зегер, Т.И. Куранова // Геология и минеральные ресурсы Европейского Северо-Востока России: материалы XVII Геологического съезда Республики Коми. Т. III. – Сыктывкар: ИГ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – С. 61–63.
15. Синтез титанов со структурой ильменита / Б.А. Голдин, Ю.И. Рябков, П.А. Ситников [и др.] // Известия Коми научного центра УрО. – РАН. – 2011. – № 4. – С. 29–34.
16. Дмитриева, Т.Е. Экологизация биоресурсной экономики северного региона / Т.Е. Дмитриева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – № 4. – С. 160–172.
17. Дмитриева, Т.Е. Методологические подходы к оценке ресурсной эффективности использования возобновимого природного капитала региона / Т.Е. Дмитриева, А.А. Максимова, В.А. Носков, Т.В. Тихонова, В.Ф. Фомина [и др.] // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2018. – № 3. – С. 90–103. DOI: 10.19110/1994-5655-2019-3-90-103
18. Модернизация биоресурсной экономики северного региона / Коллектив авторов. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2018. – 212 с.
19. Лесное хозяйство и лесные ресурсы Республики Коми / под ред. Г.М. Козубова и А.И. Таскаева. – Москва: Дизайн. Информация. Картография, 2000. – 512 с.
20. Биопродукционный процесс в лесных экосистемах Севера / под ред. К.С. Бобковой, Э.П. Голенко. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – 278 с.
21. Коренные еловые леса Севера. Биоразнообразие, структура, функции. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 337 с.
22. Лесной план Республики Коми. – Вологда: Минприроды РК; Филиал ФГБУ «Рослесинфорг – Севлеспроект», 2019. – С. 323.
23. Носков, В.А. Подходы к оценке природного капитала лесов и перспективы модернизации лесопиления в контексте «зеленой» экономики / В.А. Носков, М.А. Шешлов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 6. – С. 41–56.

24. Блам, Ю.Ш. Проблемы и перспективы развития лесного хозяйства и лесозаготовительной промышленности / Ю.Ш. Блам, Л.В. Машкина // ЭКО. – 2019. – № 11. – С. 45–62. DOI10.30680/ЕСО031-7652-2019-11-45-62.
25. Хуршкайнен, Т.В. Лесохимия для инноваций в сельском хозяйстве / Т.В. Хуршкайнен, А.В. Кучин // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2011. – № 1. – С. 17–23.
26. Дмитриева, Т.Е. Организационно-экономические аспекты использования грибо-ягодных ресурсов Республики Коми / Т.Е. Дмитриева, А.А. Максимова // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: ГНУ ВНИИОЗ РАСХН. – Киров, 2007. – С. 118–119.
27. Дмитриева, Т.Е. Грибо-ягодная индустрия может стать новой отраслью экономики Республики Коми / Т.Е. Дмитриева, А.А. Максимова, Н.А. Хохлов // Регион. – 2007. – № 1. – С. 34–37.
28. Иванов, В.А. Формирование стратегии развития оленеводства в Арктическом субрегионе Европейского Северо-Востока России / В.А. Иванов // Арктика: экология и экономика. – 2019. – № 3 (35). – С. 135–145. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-3135 145.
29. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. акад. В.В. Кулешова – Новосибирск: Издательство ИЭОПП СО РАН, 2017. – 308 с.
30. Михеева, Н.Н. Возможные альтернативы показателю валового регионального продукта / Н.Н. Михеева // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 1. – С. 32–41.
31. Лаженцев, В.Н. Налогообложение в системе природопользования и его влияние на экономическое развитие северных территорий / В.Н. Лаженцев, С.И. Чужмарова, А.И. Чужмаров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 6. – С. 109–126. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.

Академическая наука и новая индустриализация ⁸⁵

Новые ориентиры стратегического планирования развития страны и регионов в настоящее время во все большей мере определяются достижениями науки и технологического прогресса. Результаты НИИР, достойные внимания с точки зрения совершенствования научно-технических и социально-экономических процессов в северных и арктических территориально-хозяйственных системах (в нашем случае – Республике Коми), как правило, оформляются в виде междисциплинарных проектов, генерирующих результаты исследований по социально-экономическим, гуманитарным и медико-биологическим проблемам, а также по проблемам сохранения биосферы и экосистем с одновременным развитием биоресурсной экономики, рационального использования минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, пространственного развития и создания и использования инновационных технологий. Ключевая идея статьи – осуществление новой индустриализации Республики Коми с учетом результатов научно-исследовательских работ, проводимых в институтах Коми НЦ УрО РАН. Прикладные исследования институтов Коми НЦ базируются на фундаментальных и тесно связаны с практикой развития и размещения производительных сил. Они ориентированы на реализацию новой парадигмы северной политики: не только освоение минерально-сырьевых и энергетических ресурсов для внешних потребителей, но и обустройство, устойчивое развитие и создание надлежащих условий для жизни укорененного на Севере населения. Особое внимание обращается на воспроизводство человеческого и природно-ресурсного потенциалов. Отраслевая структура хозяйства республики, как и большинства других северных и арктических регионов, в перспективе кардинально не изменится, но внутреннее содержание производительных сил будет другим – соответствующим концепции ресурсно-инновационного развития.

Ключевые слова: Республика Коми, Коми научный центр УрО РАН, региональное развитие, взаимосвязь науки и практики, наука и прогрессивные производственные и социальные технологии, новая индустриализация.

Введение

В настоящее время прогнозы развития конкретных регионов разрабатываются на основе Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», методических рекомендаций Министерства экономического развития Российской

⁸⁵ Лаженцев, В.Н. Академическая наука и новая индустриализация (на примере Республики Коми) / В.Н. Лаженцев // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 4. – С. 989–1000. DOI 10.17059/2016-4-2

Федерации и заданных сверху макроэкономических параметров социально-экономического развития нашей страны на перспективу. Поэтому каждый государственный документ прогнозного характера на субфедеральном уровне имеет как бы заранее установленную структуру текстовой части и цифровых приложений.

Как правило, прогнозы регионального развития северных и арктических регионов отражают трудности роста их экономики в условиях резкого колебания мировых цен на углеводороды и минеральное сырье, а также недостатка мощностей обрабатывающей промышленности России; динамика ВРП предстоящих 10–15 лет фиксируется на уровне 2–3 % в год. При этом явно прослеживается отставание в организации новых технологий, узловой становится проблема повышения производительности труда.

Указом Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» от 7 мая 2012 г. № 596 предусмотрен рост производительности труда по народному хозяйству страны в 2018 г. в 1,5 раза относительно уровня 2011 г. Экономическая ситуация в России такова, что в большинстве ее регионов данный показатель не будет достигнут. В Республике Коми рост производительности труда по всем видам экономической деятельности в 2018 г. (относительно к 2011 г.) составит не более 10 %. Это объясняется двумя основными причинами: отсутствие порядка в использовании трудовых ресурсов и низкий уровень технологии производства.

Пример «Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2030 года» показывает, что при ныне заданной структуре прогнозирования места для науки и научно-технического прогресса не находится. Проблемы перехода от низкого к более высокому технико-экономическому укладу экономики не отражаются. Не отражаются и проблемы совершенствования общественных отношений. Как-то удается обойти вопросы оптимального землепользования с учетом необходимости организации экологически чистого сельского хозяйства, максимизации размера распределенного фонда земли и его структуризации по формам собственности: федеральной, республиканской, муниципальной, личной. То же относится и к лесным планам и программам недропользования. Прогресс же в части ведения домашних и других хозяйств малых форм до сих пор ни в одном государственном документе не рассматривался.

В настоящей статье представлены наиболее актуальные вопросы не роста чего-либо, а качественного преобразования существующих и создания новых производств и сфер хозяйства Республики Коми на основе внедрения результатов научно-исследовательских работ. Автор исходит из того факта, что научные подразделения Коми НЦ УрО РАН проводят исследовательскую работу на основе принципа сочетания доминирующих направлений фундаментальной науки и прикладных дисциплин с их проекций на развитие и размещение производительных сил Севера и

арктической части России. Относительно новой задачей становится генерация научных достижений с целью перевода их в технологическую сферу. Это относится к разработке методик оценки минерально-сырьевого и биоресурсного потенциалов, к научному обоснованию применения гео- и биотехнологий, производству прогрессивных материалов (в том числе с использованием достижений в области наноминералогии), химических и лекарственных препаратов, биоактивных веществ. Общественные и гуманитарные науки в большей мере ориентированы на изучение динамики развития общественных институтов и природно-хозяйственных комплексов с учетом северных и арктических природных условий и этнокультуры укорененных народов.

Мобилизация общего научного потенциала Центра в настоящее время крайне актуальна для определения стратегии рационального использования минерального сырья и запасов угля Тимано-Уральского региона, углеводородов Тимано-Печорской провинции, биоресурсов Большеземельской тундры и двино-печорской тайги, для создания многопрофильного плацдарма промышленного и транспортного освоения арктических территорий, для сохранения и развития североευропейских социумов и их этнокультуры.

Две стороны регионального управления

Научные исследования исходят из того, что в своем региональном развитии каждый регион ориентируется как на национальную и мировую экономику, так и на собственные потребности в комплексном развитии. На практике это означает разделение деятельности региональных правительств на две части: 1) работа с федеральным правительством в рамках межбюджетных отношений и целевых программ, сотрудничество с национальными и транснациональными корпорациями ради размещения на своих территориях крупных объектов промышленности и транспорта, а также ради выравнивания уровней социального обеспечения населения; 2) исполнение своих полномочий относительно комплексного развития региона, для чего необходимы достаточные бюджетные ресурсы. Дихотомия такого рода относится и к академическим центрам: исследования в них проводятся, с одной стороны, в соответствии с логикой самой науки и ориентацией на ее передовые достижения отечественного и мирового уровня, с другой – с учетом стратегических прогнозов развития конкретных отраслей и территорий.

Относительно Республики Коми первое (условно назовем его федеральным) направление в историческом аспекте кратко (выбирая самое главное) можно представить так: 1920–1930 гг. – формирование «валютного цеха страны» за счет вывозки древесины через Архангельский порт за границу и продажа ее за золото, добыча тяжелой нефти на Яреге и организация на Ухтинском НПЗ производства морозостойких масел, что сыграло существенную роль в эксплуатации танков во время вой-

ны; 1940–1950 гг. – строительство железной дороги Котлас – Воркута, освоение Печорского угольного бассейна, поставка угля в блокадный Ленинград и для Северного морского пути, участие в создании Северной угольно-металлургической базы; 1960–1970 гг. – строительство крупнейшего в стране Сыктывкарского лесопромышленного комплекса по производству целлюлозы и бумаги, освоение Вуктыльского газоконденсатного месторождения и прокладка газопровода «Сияние Севера»; 1970–1980 гг. – освоение Усинской группы месторождений нефти и строительство Печорской ГРЭС; 1990–2010 гг. – освоение среднетиманских бокситов, включение их в технологический цикл производства алюминия на Урале; полная реконструкция Ухтинского НПЗ, значительная модернизация шахтного хозяйства в Воркуте и Сыктывкарского ЛПК.

Планомерно изучались и осваивались природные ресурсы. Минерально-сырьевой потенциал Печоро-Уральского региона занимает одно из ведущих мест в экономике страны, так же как и потенциал лесных ресурсов (2,8 млрд м³). Это бореальные, особо ценные для промышленного использования, хвойные леса. Повышается значение водных ресурсов. Республика Коми в системе географического разделения хозяйственных функций имеет ярко выраженную экологическую специализацию. Примером тому служит создание в 1930 г. Печоро-Ильчского государственного биосферного заповедника и в 1994 г. – природного национального парка «Югыд ва». В республике зарегистрированы 239 особо охраняемых природных объектов, общая площадь которых составляет 5,4 млн га.

Перечисленное осуществлялось при непосредственном участии Коми научного центра УрО РАН. Особо отметим вклад его сотрудников в изучение Печорского угольного бассейна, Тимано-Печорской нефтегазонасной провинции, Тимано-Уральского горнорудного региона, проблем комплексного освоения земельных (почвенных) и лесных ресурсов и охраны природной среды [1].

На современном этапе участие Республики Коми в развитии экономики нашей страны можно усилить реализацией ряда проектов новой индустриализации. К ним следует отнести, в первую очередь, проекты формирования горно-химико-металлургического комплекса на базе бокситовых, титановых, марганцевых и других руд и каменной соли. Следовало бы обсудить с федеральным правительством вопрос о создании на территории Республики Коми газохимического комплекса с использованием транзитного газа и производством полиэтиленовых продуктов. Заслуживают особого внимания проект «Троицко-Печорская целлюлоза» и проекты развития обработки древесины и производства изделий из дерева. Республику Коми с экономикой всей страны объединяют также два транспортных мегапроекта: строительство системы магистральных газопроводов по трассе Бованенково – Ухта – Торжок и железной дороги «Белкомур» (Архангельск – Сыктывкар – Соликамск – Пермь).

Второе (региональное) направление социально-экономического развития длительное время шло вслед за первым: вместе с крупными промышленными новостройками формировалась и инфраструктура, как правило, по остаточному принципу (напомним об исключительно важном историческом факте – создании городов Усинск и Вуктыл, микрорайона Сыктывкара – Эжвы, фактически нового города). При этом техническое состояние дорожной сети и других объектов инфраструктуры специалисты всегда оценивали как неудовлетворительное. Огромный недостаток в хозяйстве республики – обмеление рек и снижение транспортной доступности многих поселений.

Если отмеченные направления рассматривать вместе, то следует особо выделить необходимость целенаправленной работы руководителей республики с производственными организациями (корпорациями) с целью усиления их роли в комплексном территориальном развитии. Желательно наряду с техническим проектированием новостроек осуществлять и социальное проектирование, которое следует рассматривать как нормативное требование.

И крупные системообразующие в рамках национальной экономики проекты, и относительно небольшие, значение которых ограничено рамками региональной экономики, должны быть реализованы с использованием передовых технологий, базирующихся на фундаментальных знаниях.

Актуальные задачи развития Республики Коми, решаемые совместно наукой и практикой. Правила совместной работы

К актуальным задачам относятся:

- охрана здоровья людей и повышение уровня человеческого потенциала;
- сохранение биоресурсного разнообразия и воспроизводство тундровых и таежных геобиоценозов;
- повышение геологического потенциала территории и разработка физико-химических методов добычи и переработки полезных ископаемых;
- производство и использование полимерных и композиционных материалов;
- производство химических и лекарственных препаратов, биоактивных веществ;
- создание новых технологий по комплексному использованию сырья и отходов.
- оптимизация энергетических источников и обеспечение энергетической надежности;
- совершенствование экономических и социально-экологических механизмов рационального природопользования, в том числе традиционного (северного);
- развитие общественных систем и институтов с учетом северных и арктических природных условий и этнокультурного разнообразия;

– использование теории и методологии воспроизводства природно-хозяйственных комплексов на основе геосистемного подхода к практике территориального развития;

– генерация научных достижений с целью перевода их в технологическую сферу.

Региональный научно-исследовательский центр не может функционировать без связи со структурами власти и бизнеса. Но в этом взаимодействии очень важно сохранять гражданскую позицию, давать объективные оценки происходящим в стране и регионе научно-технологическим, социальным и экономическим процессам, осознавать меру собственной ответственности в определении стратегий развития своего региона. При этом следует придерживаться определенных правил взаимодействия теории и практики. Именно опыт институтов РАН (как представляется автору) наиболее четко показал бесполезность рекомендаций, носящих абстрактный (безадресный и, как правило, поучающий характер), и наоборот – существенную пользу совместной работы теоретиков и практиков в рамках конкретных программ и проектов создания нового и модернизации существующего.

Правда, и в рационально организованном сотрудничестве для научных работников нередко возникает ловушка ложной практичности. Целесообразно придерживаться определенного правила: наука обращается к практике на основе теории, практика к науке – на основе опыта. И там, и там – своя методология работы, поэтому очень важно понять опасность ситуации, когда наука начинает играть на чужом поле. Но есть и другой ложный успех, когда научный сотрудник, играя на своем поле, оперирует понятиями, выведенными из ранее полученных теоретических схем и моделей. Одну теорию он скрещивает с другой и получает третью, достоверность которой зачастую не подкреплена практикой. Длительное пребывание науки в роли указанного теоретизирования приводит к чрезмерной ее формализации; научный работник объясняет, что и как должно быть, но не знает, что и как происходит в действительности. Конечно, наука не обязана давать практике некие нормативные установки, но она должна раскрывать сущность происходящего, его источники и движущие силы. Важное значение имеет методология перевода теоретических знаний в практику. Один из вариантов такой методологии отражен в табл. 1.

Не интеграция, а разделение функций и творческая связь между учреждениями науки, органами государственного управления и хозяйствующими субъектами служит надежным основанием правильного понимания миссии академических институтов.

Таблица 1

Методология перевода теоретических знаний в практику

Этапы приобретения новых знаний	Методология приобретения новых знаний		
	Теория	Формирование идеального образа изучаемого объекта	Систематизация свойств и качеств объекта
Прикладные исследования	Трансформация научных знаний для практического использования	Актуализация проблем развития	Выделение ключевых факторов развития (структур-аттракторов)
Практика	Предпочтения в научно-техническом прогрессе, развитии и размещении производительных сил	Стратегическое планирование	Формулировка заданий организационным структурам управления

Социально-экономические, гуманитарные и медико-биологические проблемы жизнедеятельности населения республики

В последние годы в Республике Коми достигнуты значительные успехи в области демографии (улучшение количественных и качественных характеристик рождаемости, снижение смертности и рост продолжительности жизни, снижение младенческой смертности, положительный естественный прирост населения), во многом обусловленные проводимой государственной демографической политикой. В то же время продолжает сохраняться устойчивая миграционная убыль, а в области естественного движения населения высока вероятность смены направления тенденций с позитивных на негативные [2, 3]. К сказанному добавим почти полное исчезновение стимулирующей роли «северного длинного рубля», низкий уровень социального обустройства, утрату традиционных социально-экономических связей между городом и деревней; боязнь потерять здоровье.

С учетом перечисленного А.В. Смирнов (ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН) с помощью математического моделирования сделал прогноз численности населения республики и ее районов (табл. 2).

Таблица 2

Прогноз численности населения Республики Коми по городам и районам на период до 2030 г., чел. [4, с. 153]

Городские округа, муниципальные районы	Общая численность населения, чел.					Прирост/убыль 2030 к 2010, %
	2010	2015	2020	2025	2030	
1	2	3	4	5	6	7
Республика Коми	901004	854150	808280	762987	719002	-20,2

Окончание табл. 2

Городские округа						
1	2	3	4	5	6	7
Сыктывкар	250718	257745	261633	262675	261272	4,2
Воркута	95848	79046	65433	54103	44480	-53,6
Вуктыл	14872	12684	10662	8978	7557	-49,2
Инта	35179	29923	25479	21784	18610	-47,1
Печора	57356	53032	49231	45264	41380	-27,9
Сосногорск	46773	44433	41928	39321	36834	-21,2
Усинск	47228	44784	42437	39840	37391	-20,8
Ухта	121695	118699	115422	111478	106707	-12,3
Муниципальные районы						
Ижемский	18771	17079	15459	13908	12603	-32,9
Княжпогостский	23432	20416	17493	14929	13013	-44,5
Койгородский	8431	7817	7240	6648	6134	-27,2
Корткеросский	19658	19114	18188	17312	16439	-16,4
Прилузский	20737	18324	16188	14301	12673	-38,9
Сыктывдинский	22659	23929	24688	24672	24490	8,1
Сысольский	13956	13293	12323	11420	10563	-24,3
Троицко-Печорский	13925	11891	10279	8856	7726	-44,5
Удорский	20398	18397	16583	15074	13547	-33,6
Усть-Вымский	29474	26896	24178	21869	19746	-33,0
Усть-Куломский	26858	24910	22844	20954	19246	-28,3
Усть-Цилемский	13036	11738	10592	9601	8591	-34,1

На первый взгляд динамика численности населения кажется весьма неблагоприятной. Но надо иметь в виду, что она соответствует желаниям определенной части людей жить в более комфортных климатических условиях и иметь работу соответствующей квалификации. Так что в миграционной политике желательно придерживаться правила «от принуждения к поощрению» [5]. Признаем факт, что в республике мало рабочих мест с организацией труда на высоком технологическом уровне. Нет системного сопряжения между «головными» производственными операциями и последующими – вспомогательными и обслуживающими. Когда речь идет о модернизации и росте производительности труда, то экономические показатели целесообразно рассматривать в рамках территориально-хозяйственных систем так, чтобы все их звенья совершенствовались синхронно.

Особое внимание обратим на интерес бизнеса к мобильным трудовым бригадам, не связанным с социальными обязательствами перед регионом – «приехал, заработал и уехал». Число их растет и это, с одной стороны, отражает новые возможности освоения природных ресурсов Севера и Арктики, с другой – создает почву для социальных конфлик-

тов с местным населением, остающимся без работы, но не желающим уезжать в другие края. Такая мобильность экономически эффективна, но социально несправедлива. По данным Федеральной миграционной службы, численность работников вахтовиков в Республике Коми в 2015 г. составила 25 тыс. чел., примерно 6 % от среднегодовой численности занятых в ее экономике; 34 % работающих вахтовым методом приходится на добычу полезных ископаемых, 23 % – на строительство, 22 % – на транспорт и связь. Многие бригады лесорубов прибывают из других регионов и как трудовой ресурс в республике не регистрируются.

Суть кадровой проблемы заключается также в диспропорциях численности кадров со средним и высшим образованием и несоответствии характера профессионального образования в целом современным требованиям к нему со стороны научно-технического прогресса: нехватка рабочих и техников высокой квалификации и избыток специалистов с высшим образованием, особенно в области экономики, права и многих гуманитарных дисциплин; несоответствие «выпускаемых» профессий специализации хозяйства городов и районов; избыток инженерных должностей, замещение их техниками и рабочими; непрофильное использование действительных инженеров; преобладание рабочих мест рутинного труда над теми, которые требуют творчества и высокого уровня организованности. Отмеченные недостатки затрудняют оптимизацию рынка труда и создание новых производств, особенно крупных.

В республике за последние 25 лет повсеместно ухудшилось состояние инженерных сетей коммунального хозяйства, в том числе тепловых, канализационных и водопроводных, по которым износ превышает 60% и продолжает увеличиваться; то же можно сказать и жилищном фонде: более 9 тыс. домов имеют износ от 30 до 65 %, 1,5 тыс. домов – свыше 70 %. Необходимо реконструировать объекты коммунальной инфраструктуры, внедрить в ЖКХ энергосберегающие технологии.

С ЖКХ непосредственно связана жизнедеятельность домохозяйств, которые в современных условиях базируются на централизованном снабжении водой, электричеством, теплом и газом, а если учесть и личные автомобили, то и бензином. Но три обстоятельства обуславливают постепенный отход от централизации: возрастающие технические возможности автономизации процессов обеспечения домохозяйств теплом и горячей водой, чрезмерно высокий темп роста тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства, удаленность многих сельских поселений от централизованных источников воды, тепла и газа. Уже в настоящее время использование в домашних условиях теплогенерирующих установок становится дешевле, чем оплачивать централизованное снабжение горячей водой. Разнонаправленные тенденции централизации и децентрализации энергообеспечения домохозяйств затрагивают основы не только топливно-энергетического комплекса, но и всей экономики.

Наука решает задачу формирования структуры использования конечных видов энергии в социально-экономических условиях развития России с учетом климатического разнообразия ее регионов. Главной сложностью решения данной проблемы является очевидное несоответствие между высокой стоимостью электричества и топлива, предоставляемых домохозяйствам, и относительно низким уровнем доходов большинства граждан нашей страны. В последующие годы данный разрыв увеличился и теперь представляет реальную угрозу экономической безопасности населения. Важным моментом социально-экономического прогнозирования является подключение к техническому прогрессу сельских домохозяйств и дачных усадеб. Их необходимо обеспечить средствами малой механизации. Кроме того, в сельских поселениях целесообразно организовать технические станции общего пользования (прокат машин и механизмов).

Научный подход к прогнозу регионального развития предполагает детальное рассмотрение форм расселения населения. Указанные в табл. 3 типы населенных пунктов характеризуют пространственный аспект социально-экономической системы республики и указывают на необходимость развивать кооперационные связи центров и окружающих их территорий на основе кластеров и других форм сетевого взаимодействия.

Таблица 3

Распределение интегрального потенциала развития населенных пунктов Республики Коми [6]

Тип населенного пункта по интегральному потенциалу развития	Число пунктов	Число жителей, тыс. чел.	Доля типа населенных пунктов, %
Крупные пункты с высоким потенциалом производства и социального сервиса	36	741,4	82,2
Средние пункты со средним потенциалом производства и социального сервиса	99	63,9	7,1
Средние пункты с потенциалом производства и социального сервиса ниже среднего	121	52,7	5,9
Средние пункты с потенциалом социального сервиса ниже среднего	52	17,7	2,0
Средние и малые пункты с низким потенциалом социального сервиса	114	15,3	1,7
Малые пункты с низким потенциалом производства и социального сервиса	41	2,3	0,3
Малые пункты без производства и социального сервиса с подключением к внешним источникам энергоснабжения и связи	242	7,4	0,8
Всего	705	900,7	100,0

Перечисленные условия жизни населения в республике, неблагоприятные по многим аспектам, отражаются на его здоровье. Уровень заболеваемости среди северян существенно превышает средний по стране в части туберкулеза, онкопатологии, болезни органов дыхания и кровообра-

щения. Разработка физиолого-биохимических основ адаптации человека к сложным и экстремальным условиям проживания, выявление биологического действия отдельных климатических компонентов на функциональные системы организма становятся особенно значимы в определении будущего социально-экономического состояния республики.

Биосфера, экосистемы и биоресурсная экономика

Республика Коми обладает земельными ресурсами с весьма разнокачественным почвенным составом. Выявлена природная и эффективная (расчетная) продуктивность наиболее широко распространенных почв; составлена почвенная карта Республики Коми масштаба 1:1 000 000, на основе которой подготовлены серии оценочно-прогнозных карт экологической направленности, что является основой рационального землепользования⁸⁶.

Солнечной радиации, влаги и тепла в условиях Республики Коми достаточно (при сбалансированном внесении удобрений, микроэлементов и известковании) для получения урожая картофеля 300–400 ц/га, сена многолетних трав – 80–100 ц/га, ржи до 20 ц/га. Наука указывает на возможность полностью обеспечить население республики картофелем и овощами открытого грунта местного ассортимента, расширить производство овощей закрытого грунта, увеличить долю местного производства мяса и мясопродукции до 35–40 %, молока и молокопродукции до 40–45 %, яиц – до 75–80 %; обеспечить устойчивое развитие традиционных видов деятельности (оленоводства, рыболовства, сбора и переработки дикоросов) путем мобилизации генофонда растений, традиционных для северных территорий (например, озимая рожь), интродукции новых видов и сортов сельскохозяйственных культур, видов и пород животных, адаптации их к северным условиям.

Для реализации данных возможностей в Коми НЦ проводятся углубленные исследования, направленные на создание геоинформационных систем для оценки состояния и динамики почв и грунтов, в том числе многолетнемерзлых, в условиях климатической нестабильности; на реализацию единой государственной системы экологического мониторинга; на нормирование антропогенных воздействий и экологическую оценку состояния экосистем. Такого рода проблемы становятся особенно актуальными для Арктической зоны. В растительных сообществах оленьих пастбищ снижаются запасы лишайниковых кормов, увеличивают свое обилие кустарники, ускоряются процессы заболачивания. Возрастает уровень содержания в кормах, почвах и водах загрязнителей, в том числе тяжелых металлов. Актуальным становится научное обоснование комплексного решения проблемы обеспеченности оленевод-

⁸⁶ Указанные и многие другие карты о природе, населении и хозяйстве размещены в Атласе Республики Коми [7], который во многих отношениях является руководством к действию, а потому рассматривается как важнейший результат науки большого практического значения.

ческих хозяйств кормовой базой. Речь идет о фундаментальных исследованиях тундры как уникальной природной экосистемы [8, 9].

В прогнозах социально-экономического развития республики особое внимание следует обратить на водные биологические ресурсы и обеспечение населения рыбной продукцией. За период с 2004 по 2014 г. в Республике Коми объем товарного производства рыбы увеличился более чем в 60 раз и достиг уровня 3,5 тыс. ц (преимущественно форель и карп). Было создано шесть рыбоводных хозяйств с использованием водоемов, главным образом, техногенного происхождения и технологией садкового выращивания рыбы. В то же время, НИР, проведенные с целью поиска в республике водных объектов, пригодных для товарного рыбоводства, показали их ограниченное число. Стало совершенно очевидно, что развитие рыбоводства и увеличение объемов выращивания рыбы должно быть ориентировано на создание высокотехнологичных рыбоводных хозяйств.

Доминирующими в Республике Коми являются лесные ландшафты. На ее территории сосредоточены достаточно большие для развития лесозаготовительной и лесоперерабатывающей промышленности запасы древесного сырья. Наряду с товарной древесиной регион располагает значительными дополнительными древесными ресурсами (пни и корни, сучья и ветки, кора, древесная зелень), общие запасы которых в спелых и перестойных насаждениях эксплуатационного фонда достигают более миллиарда тонн. Эти ресурсы являются значительным резервом для лесохимической промышленности, древесно-плитного производства. Они могут быть широко использованы для производства некоторых продуктов сельского хозяйства, медицинской и парфюмерной промышленности.

В лесах республики промысловый запас грибов оценивается в среднем 82 тыс. т, дикорастущих ягод – 151 тыс. т в год. В лесных массивах сосредоточены огромные запасы лекарственных растений. Леса региона выполняют важную биосферную, климаторегулирующую и природнорегулирующую функции. В связи с этим в качестве концептуальной основы при разработке региональных комплексных программ использования лесных ресурсов следует исходить из принципов длительного, непрерывного и не истощительного лесопользования, обеспечивающего сохранение экологической роли лесов [10, 11].

Заметим, что благодаря науке в Республике Коми создана основа для поддержания экологического баланса. Площади сертифицированного лесопользования достигли 3 млн га, что составляет половину площади эксплуатационных лесов. Вместе с тем, в последние годы биологи особое внимание обращают на две проблемы: влияние рубок на качество лесов и влияние климата на продуктивность лесных сообществ.

В результате проведения больших концентрированных рубок на месте высокопроизводительных сосновых и еловых лесов формируются молодняки с преобладанием лиственных пород. В большинстве случаев они характеризуются более низкой продуктивностью, ухудшением ка-

чества древесины, снижением устойчивости к действию таких неблагоприятных факторов, как заболачивание, ухудшение физико-химических свойств почв, влияние заморозков и др. С преобразованием лесов происходит трансформация животного и растительного мира, гидрологических и термических характеристик бассейнов северных рек.

Вопрос о влиянии потепления климата на продуктивность северных лесов остается открытым; исследования в этом направлении продолжаются. Некоторые специалисты считают, что с потеплением произойдет увеличение продуктивности лесов. Однако в последние годы появляется все больше экспериментальных данных, подтверждающих неоднозначность реакции древесных растений на изменение температуры, во многом зависящий от породы дерева и лесорастительных условий. Кроме того, потепление может привести к ускоренному развитию болезней и вредителей леса. В этом случае снизится качество древесины, усилится разрушение насаждений в результате увеличения отпада, что в конечном итоге может привести к снижению устойчивости лесов к пожарам, изменению состава и структуры древостоев.

Географические, социально-экономические и биоресурсные характеристики лесного фонда в последние годы изменились столь существенно, что стала видна острая необходимость составления нового лесного плана.

Одной из главных причин современного критического положения лесопромышленного комплекса является его ориентация только на переработку большей части древесины, включая и пиловочник, для выпуска целлюлозы и бумаги, заготовку леса и вывоз сырья за пределы Республики. Поэтому одним из условий улучшения использования лесосырьевых ресурсов являются инвестиции в создании локальных производств по механической обработке древесины и глубокой химической переработке мелкотоварной древесины, порубочных остатков и недревесного сырья в районах интенсивной заготовки леса, имеющих выход на рынки России, ближнего и дальнего зарубежья.

Научные работники Коми НЦ считают очень перспективной биоконсервацию целлюлозного сырья для получения ценных биопрепаратов и технически важных продуктов. Например, выращивание дереворазрушающих грибов на целлюлозных отходах (опилки, стружки, кора) позволяет получить кормовые добавки для животноводства; производство глюкозы посредством ферментативного гидролиза целлюлозы также весьма выгодно экономически и целесообразно экологически. Использование культур клеток как продуцентов в биотехнологии позволяет развернуть широкий спектр производств биополимеров и низкомолекулярных биорегуляторов. Лесохимия также претендует на переработку всей биомассы дерева, в том числе на производство спирта, скипидара, провитаминового концентрата, хвойных и эфирных масел, бальзамической пасты, хвойного воска, полипренолов и др. С использованием древесных отходов связаны перспективы развития сельской энергетики.

Минерально-сырьевой и топливно-энергетический комплексы

На Севере и в Арктике выявлены и разведаны полезные ископаемые, составляющие основу минерально-сырьевой и топливно-энергетической баз нашей страны [12]. Опыт Республики Коми показывает, что научно-технический прогресс в данных комплексах связан с новейшими достижениями в области нанотехнологий и электронной техники, материаловедения, органической и неорганической химии, техники и технологий в северном (арктическом) исполнении, техники безопасности, информатики, физиологии и медицины и других наук.

Расширение минерально-сырьевой базы горного производства во многом зависит от разработки и внедрения таких новых технологий, которые позволяют эффективно и длительное время работать на уже осваиваемых месторождениях и участках с труднообогатимыми, «упорными» рудами. Здесь могут быть эффективно реализованы в промышленном масштабе многие перспективные геотехнологии – подземная гидродобыча, подземное и кучное выщелачивание, методы биотехнологической переработки минерального сырья, многие современные методы рудоподготовки, предварительного обогащения руд, концентрации и сепарации минералов.

Особое внимание следует обратить на технологию добычи, транспортировки и переработки нефти и газа. В частности, нефтеотдача пласта сейчас снизилась до 30 %, а 70 % остается в недрах (у американцев соответственно 51 и 49 %) [13]. Необходимо умело сочетать вертикальное и горизонтальное бурение, создавать подземные газохранилища, учитывать опасности сверхвысокого пластового давления, переходить на новые технологии переработки нефти. Торопливый уход в новые места добычи полезных ископаемых чаще всего приводит к колоссальным потерям; чтобы снизить их уровень, желательно не только внедрять новые технологические методы, но и по государственному подходу к организации лицензирования хозяйственной деятельности на старых и новых месторождениях полезных ископаемых.

С развитием горнорудного комплекса непосредственно связано производство композитов и строительных конструкций с использованием стеклопластиковой арматуры и вяжущих материалов на основе магниевых доломитовых смесей, серы, портландцемента. Композитные материалы с высокими механохимическими свойствами применимы в строительстве, целлюлозно-бумажной промышленности и на предприятиях нефтегазового комплекса.

Заключение

Пример Республики Коми показывает возможность и целесообразность для экономики северных регионов России ресурсно-инновационной стратегии. Кроме того, в сырьевом секторе можно получать новые продукты, конкурентноспособные на мировых рынках. Наряду с изде-

лиями ВПК, новейшая технология добычи и переработки сырья может стать престижным российским товаром.

Научное обоснование условий и этапов развития производительных сил на Севере России позволяет более корректно оценить реальный человеческий и научно-технический потенциал его регионов. Современная социально-экономическая проблематика перемещается с освоения Севера «вширь» на освоение «вглубь», то есть на модернизацию уже созданных хозяйственных комплексов. Этот тезис подтверждается не только экономическими расчетами, но и самой структурой выполненных институтами Коми НЦ УрО РАН научно-исследовательских проектов и соответствующих публикаций, где основное внимание уделяется реструктуризации систем производства, расселения населения, и транспорта.

В итоге получается, что научно-технический прогресс и проводимые на его основе модернизация действующих производств, инфраструктурное обустройство освоенных территорий, повышение уровня и качества жизни укорененного населения с учетом особенностей традиционных видов хозяйства малочисленных народов являются приоритетами в развитии производительных сил северных регионов. Движение от освоенных к новым территориям и акваториям сопряжено с огромными затратами и требует времени на научную и научно-техническую подготовку. Здесь сама система НИОКР играет пионерную роль в освоении и обустройстве территорий и становится своего рода новой индустрией.

Благодарность

За ценные замечания и предложения по поводу проблем, отраженных в данной статье, автор признателен своим коллегам: д.б.н. К.С. Бобковой, к.г.-м.н. И.Н. Бурцеву, д.б.н. В.В. Володину, к.геогр.н. Т.Е. Дмитриевой, д.э.н. Л.А. Поповой, д.х.н. Ю.И. Рябкову, к.э.н. М.А. Шишелову.

Литература

1. Атлас Республики Коми. – Москва: Феория, 2011. – 448 с.
2. Биопродукционный процесс в лесных экосистемах Севера / под ред. К.С. Бобковой, Э.П. Голенко. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – 278 с.
3. Вклад академической науки в развитие производительных сил Республики Коми. Межрегиональная научно-практическая конференция. К 95-летию образования Республики Коми // Вестник Коми НЦ УрО РАН. Вып. 31. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2016. – 184 с.
4. Дмитриева, Т.Е. Эффективное пространство – фактор развития Республики Коми / Т.Е. Дмитриева // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2016. – № 3. – С. 111–120.
5. Коренные словые леса Севера. Биоразнообразие, структура, функции. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 337 с.

6. Елсаков, В.В. Оперативная ресурсная оценка пастбищных угодий северного оленя по спектрально-спутниковым данным / В.В. Елсаков // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. – 2014. – № 1. – С. 60–70.
7. Лавёров, Н.П. Осваивать Арктику сложнее, чем космос / Н.П. Лавёров // Редкие земли. – 2014. – № 3. – С. 40–48.
8. Попова, Л.А. Продолжительность жизни населения Республики Коми. История, особенности, успехи последних лет / Л.А. Попова, Н.Н. Тараненко // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016: материалы VIII Междунар. науч.-практич. конф., Апатиты, 14–16 апр. 2016 г. – Апатиты: Кольский НЦ РАН, 2016. – С. 349–354.
9. Попова, Л.А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости. Результаты и направления совершенствования / Л.А. Попова // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2. – С. 79–93.
10. Пыстина, Т.Н. Лишайники таежных лесов европейского Северо-Востока. Подзоны южной и средней тайги / Т.Н. Пыстина. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 239 с.
11. Смирнов, А.В. Прогнозирование демографических и образовательных процессов на территориях разных уровней / А.В. Смирнов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник НИЦ КПУВИ Сыкт. ГУ. – 2016. – № 1. – С. 146–155.
12. Фаузер, В.В. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. Электронный научный журнал. – 2015. – № 3. – С. 151–168. – URL: <http://www.vestnik-ku.ru/images/articles/2015/3/12.pdf> (дата обращения: 05.09.2016).
13. Юшкин, Н.П. Минеральные ресурсы Российской Арктики / Н.П. Юшкин, И.Н. Бурцев // Север как объект комплексных региональных исследований / отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2005. – С. 50–84. – (Научный совет по вопросам регионального развития).

Заключение

Научно-экономической основой выявления и решения социально-экономических проблем Севера служат теории формирования и использования капитала, мобилизационной экономики, стратегического планирования, порайонной организации производительных сил, экономического федерализма, разнообразия форм собственности и смешанной экономики, экономической инволюции, территориального хозяйствования и др. Научные рекомендации, вытекающие из закономерностей расширенного общественного воспроизводства с учетом внутренней платежеспособности России и рационального использования ее собственного прибавочного продукта, в ходе реформирования 1990-х гг. неправомерно были проигнорированы. Возобладало неверие в возможность России самостоятельно формировать полноценный внутренний рынок и как следствие – преобладание в ключевых производствах иностранных собственников, чрезмерный крен в сторону экспортно-импортных экономических связей без привязки их к внутренним социальным и научно-технологическим проблемам.

Экономическая теория имеет, безусловно, важное значение для формирования стратегического мышления. Однако практика вынуждена учитывать и различные обстоятельства жизни, которые зачастую столь существенны, что в след за практикой и сама наука также стала воспринимать такого рода обстоятельства как еще один предмет, требующий специального изучения.

Под влиянием определенных экономических учений и с учетом реальных обстоятельств современная исследовательская тематика академических институтов, расположенных на Севере, постепенно перемещается с освоения территорий «вширь» на освоение «вглубь», то есть на модернизацию давно действующих производств и объектов инфраструктуры. Пришло время, когда основное внимание необходимо уделить реконструкции систем расселения населения и транспорта, новым отраслям промышленности, возрождению сельского и промышленного хозяйства с пониманием возрастающего значения природного фактора общественного развития. Если народное хозяйство России нуждается в дополнительных сырьевых и топливно-энергетических ресурсах, то в Арктике их нужно брать только в случае крайней необходимости. Такая тактическая установка автору представляется правомерной, поскольку чрезмерное желание все покорить и освоить не соответствует реальным возможностям нашей страны, к тому же этого зачастую и не надо делать. Наступил такой этап в развитии северных и арктических территорий, когда в освоении новых территорий нужна пауза, чтобы преодолеть недостатки, обусловленные «старой» индустриализацией. Усилия желательно направить на установление технологического, экономического, экологического и социального порядка ради повышения уровня жизни

укорененного на Севере населения и роста производительности труда во всех сферах хозяйственной деятельности.

И для науки, и для практики, причастных к северо-арктической проблематике, изначально важно правильно оценить особое значение уклада и обстоятельство местной жизни, без чего не может быть плодотворным включение российской периферии в общую систему социально-экономических преобразований. Исторически сложившиеся на Севере и в Арктике территориальные общности людей вели экономику с «врожденным» пониманием хозяйства как образа своей жизнедеятельности, единства хозяйства и природы. И эта природно-хозяйственная сущность должна быть воспринята в качестве ориентира организации любых производств, размещаемых на северных территориях. Так, для устранения угроз развитию оленеводства необходимо оптимизировать поголовье оленей и принять меры по сохранению мхов и лишайников. Ландшафтная адаптация и агробиотехнологии являются средством развития сельского хозяйства. Дальнейшее освоение бореальных лесов связано с решением проблем восстановления хвойных древостоев и сохранения ели как лесообразующей породы, имеющей исключительно важное значение в развитии северных таежных территорий, а также уникальных сосновых боров как мест рекреации, заготовки грибов и ягод. Укрепление минерально-сырьевой базы горного производства на Севере во многом зависит от разработки и внедрения таких технологий, которые позволяют эффективно и длительное время работать на уже освоенных месторождениях и участках с труднообогатимыми, «упорными» рудами. Особое внимание следует обратить на техногенные ресурсы, накопившиеся в ряде мест в огромной массе. В промышленном масштабе могут быть эффективно реализованы многие перспективные геотехнологии.

Возрастающим проникновением природных факторов и условий в проблематику социальных и производственных процессов обусловлена актуальность междисциплинарного подхода к изучению северных и арктических хозяйств. Междисциплинарность в данном случае проявляется в том, что специфические свойства территорий высоких широт (климатический дискомфорт, вечная мерзлота, полярные дни и ночи, снег и лед, дисбаланс тепла и влаги, недостаток ультрафиолета, уникальные природно-территориальные комплексы, культура природопользования и т. п.) в совокупности рассматриваются в качестве естественной основы жизни людей и их хозяйственной деятельности.

Хозяйственные системы Севера, включая Арктику, автор представил с экономико-географических позиций, то есть в контексте решения конкретных проблем пространственного развития России. К ним относятся проблемы снятия угроз со стороны блочной структуры мирового хозяйства, практической реализации возрастающего значения «пересекающихся» широтных и меридиональных региональных структур, формирования разветвленных и вертикально интегрированных произ-

водственных и научно-технологических комплексов. Это обусловлено тем, что укрепление внутреннего социально-экономического единства России во многом зависит от интеграции ее территорий по линии «Север-Юг», которая может стать эффективной и управляемой только в границах федеральных округов, совмещенных с крупными экономическими районами. Примером тому служит Северо-Запад России – одновременно федеральный округ и крупный экономический район, что позволяет осуществлять интеграцию его социально-экономического пространства почти беспрепятственно. Для реализации этого преимущества необходимо создание институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества.

Опыт изучения экономики Республики Коми показывает значение фактора времени, а именно разрыв во времени между затуханием добычи полезных ископаемых и появлением новых источников экономического роста. Такого рода неустойчивая динамика десятилетиями пагубно влияет на социально-экономическое состояние республики и многих других северных регионов. Это обстоятельство обуславливает необходимость по-новому определять ближайшие приоритеты в региональном развитии с возможным выдвиганием на первый план биоресурсной экономики, более устойчивой по сравнению с минерально-сырьевой. Надежды же на перспективное сбалансированное развитие связаны с включением результатов науки в стратегические планы новой индустриализации Арктики и Севера России.

Научное издание

Виталий Николаевич Лаженцев

Социально-экономические проблемы Севера России

Сборник авторских статей по северо-арктической тематике

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Редактор – О.А. Гросу
Оригинал-макет – Е.Н. Старцева
Дизайн обложки – К.А. Бакина

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.
Подписано в печать 15.08.2022 г.
Усл.-печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 19.0.
Тираж 500 экз. Заказ № 26. Формат бумаги 60x84 ¹/₁₆.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском отделе
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24.